

ИСТОРИЯ АЛТАЯ

АЛТАЙ В КОНЦЕ XVII –
НАЧАЛЕ XX В.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В.Я. Шишкова

ИСТОРИЯ АЛТАЯ

АЛТАЙ В КОНЦЕ XVII –
НАЧАЛЕ XX в.

под общей редакцией В.А. Скубневского

Барнаул 2019

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(253.3)
И 907

*Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края в рамках Губернаторского
издательского проекта*

Авторский коллектив: Ю.А. Абрамова, Б.В. Бабарыкин, Д.С. Бобров,
Ю.С. Булыгин, В.В. Ведерников, А.В. Контев, А.Е. Кухаренко,
О.Г. Левашова, И.Н. Никулина, Е.А. Носова, А.А. Пережогин,
К.А. Пожарская, В.А. Скубневский, Т.Н. Соболева, Т.М. Степанская,
А.А. Храмов, Т.Г. Черняева

Рецензенты:

доктор исторических наук **В.П. Зиновьев**;
доктор исторических наук **М.Д. Северьянов**;
доктор исторических наук **Т.К. Щеглова**.

И 907 История Алтая : в 3-х т. Т. 2 : Алтай в конце XVII – начале XX в. / под ред.
В.А. Скубневского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа,
2019. – 300 с., ил.

ISBN 978-5-7904-2278-2 (Т. 2)
ISBN 978-5-7904-2332-1

Рассмотрены ключевые вопросы истории Алтая с конца XVII в. до Февральской революции 1917 г. Показаны процессы заселения края, установления внешней границы, административно-территориального деления, хозяйственного освоения. Особое внимание уделено горнозаводскому производству XVIII–XIX вв., так как Алтай в указанный период являлся крупнейшим центром цветной металлургии России. Проанализировано социально-экономическое состояние региона после отмены в 1861 г. крепостного права: развитие сельского хозяйства, частной промышленности, торговли. Значительное внимание уделено вопросам науки и культуры. Книга строится на солидной источниковой основе.

Издание предназначено широкому кругу читателей.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства
Алтайского края (грант 17-11-22006)*

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(253.3)

ISBN 978-5-7904-2278-2 (Т. 2)
ISBN 978-5-7904-2332-1

© ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2019
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В.Я. Шишкова», 2019

Оглавление

<i>Предисловие</i>	6
Глава 1. Присоединение Алтая к Российскому государству.	
Начальный период хозяйственного освоения	9
1.1. Присоединение Алтая к Российскому государству и основание первых крепостей в регионе (Д.С. Бобров).....	9
1.2. Управление первыми крепостями (Д.С. Бобров).....	13
1.3. Возникновение горно-металлургического производства на Алтае (А.В. Контев).....	19
Глава 2. Управление Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа во второй половине XVIII – первой половине XIX в.	
Кабинетская горная промышленность	27
2.1. Управление горного округа (А.А. Пережогин).....	27
2.2. Начало производства серебра на Алтае (1747–1760 гг.) (В.В. Ведерников).....	37
2.3. Наивысший расцвет Колывано-Воскресенских заводов и упадок производства (1760–1785 гг.) (В.В. Ведерников).....	40
2.4. Стабилизация производства серебра в конце XVIII – первой трети XIX в. (В.В. Ведерников).....	46
2.5. Период аренды горного округа Министерством финансов (1830–1855 гг.) (В.В. Ведерников).....	56
Глава 3. Приписное крестьянство.	
Сельское хозяйство во второй половине XVIII – первой половине XIX в.	61
3.1. Формирование приписного крестьянства Алтайских горных заводов (Ю.С. Булыгин).....	61
3.2. Повинности приписных крестьян (Ю.С. Булыгин).....	63
3.3. Хозяйство приписной деревни (Ю.С. Булыгин).....	67
Глава 4. Наука и техника. Просвещение.	
Культура в XVIII – первой половине XIX в.	72
4.1. Наука и техника (Ю.А. Абрамова).....	72
4.2. Просвещение (Б.В. Бабарыкин).....	81
4.3. Архитектура и искусство (Т.М. Степанская).....	86
Глава 5. Реформы 60–90-х гг. XIX в.	
Управление округом в пореформенный период	96
5.1. Реформа 1861 г. (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	96
5.2. Реорганизация управления Алтайским горнопромышленным комплексом (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	102
5.3. Противоположные тенденции в управлении регионом в 60-х – первой половине 90-х гг. XIX в. (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	104

<i>Глава 6.</i>	Крестьянство и сельское хозяйство во второй половине XIX в.	108
6.1.	Крестьянство (В.А. Скубневский).....	108
6.2.	Сельское хозяйство (Е.А. Носова).....	114
<i>Глава 7.</i>	Промышленность, рабочие. Торговля и купечество во второй половине XIX в.	122
7.1.	Кабинетское горнозаводское производство (В.В. Ведерников).....	122
7.2.	Частная промышленность. Рабочие (В.А. Скубневский).....	129
7.3.	Развитие торговли. Купечество (В.А. Скубневский).....	136
<i>Глава 8.</i>	Общественно-политическая жизнь в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.)	143
8.1.	Протестные движения рабочих и крестьян (В.А. Скубневский).....	143
8.2.	Общественно-политическая жизнь в городах (В.А. Скубневский).....	147
8.3.	Политическая ссылка на Алтай в XIX в. (И.Н. Никулина).....	149
<i>Глава 9.</i>	Просвещение и культура Алтая во второй половине XIX в.	156
9.1.	Развитие просвещения (Б.В. Бабарыкин).....	156
9.2.	Архитектура и искусство Алтая (Т.М. Степанская).....	162
9.3.	Русская литература Алтая. 1850–1900 гг. (О.Г. Левашова).....	166
<i>Глава 10.</i>	Реформы конца XIX – начала XX в. в Алтайском округе	173
10.1.	Землеустроительная и податная реформы конца 90-х гг. XIX в. (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	173
10.2.	Курс Кабинета на коммерциализацию лесного и арендного хозяйства (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	176
10.3.	Изменение административно-хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	179
10.4.	Административная реформа 1911 г. (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко).....	182
<i>Глава 11.</i>	Сельское хозяйство и крестьянство Алтая в начале XX в.	185
11.1.	Сельскохозяйственное производство в новых условиях (А.А. Храмов).....	185
11.2.	Столыпинские переселения (К.А. Пожарская).....	189
11.3.	Подати и повинности, общественное положение и социальная структура крестьянства (А.А. Храмов).....	199
11.4.	Влияние Первой мировой войны на хозяйство и положение крестьян (А.А. Храмов).....	203
<i>Глава 12.</i>	Транспорт, промышленность, рабочие. Торговля и деятельность монополий в начале XX в.	206
12.1.	Транспорт, промышленность, рабочие (В.А. Скубневский).....	206
12.2.	Развитие торговли. Деятельность монополий (В.А. Скубневский).....	213
<i>Глава 13.</i>	Общественно-политическая жизнь в конце XIX – начале XX в.	220
13.1.	Общественно-политическая жизнь накануне и в годы Первой русской революции (1895 г. – июнь 1907 г.) (В.А. Скубневский. А.А. Храмов).....	220

13.2. Общественно-политическая жизнь между двумя буржуазно-демократическими революциями. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. (В.А. Скубневский. А.А. Храмов).....	230
Глава 14. Народное образование и культура в начале XX в.	245
14.1. Народное образование (Б.В. Бабарькин).....	245
14.2. Архитектура и искусство (Т.М. Степанская).....	250
14.3. Литературная жизнь Алтая в начале XX в. (Т.Г. Черняева).....	255
<i>Библиографический список</i>	268
<i>Приложения</i>	276
<i>Сведения об авторах</i>	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «История Алтая. Алтай в конце XVII — начале XX в.» охватывает хронологический период от включения территории Южной Сибири (будущий округ Колывано-Воскресенских заводов) в состав Российского государства до Февральской революции 1917 г. Алтай рассматривается в границах округа Колывано-Воскресенских заводов, с 1834 по 1896 г. — Алтайского горного округа, с 1896 по 1917 г. — Алтайского округа. Это огромная территория юга Западной Сибири, на которой ныне расположены Алтайский край, Республика Алтай, большая часть Кемеровской и Новосибирской областей, отдельные районы Томской области, Хакасии, Восточного Казахстана. Значимость Алтая в истории Сибири и России в целом, разумеется, не только в большой территории. Алтай, благодаря развитию здесь в XVIII—XIX вв. горнозаводского производства, превратился в самый развитый на тот период промышленный район Сибири и один из важнейших в России центров цветной металлургии. Во второй половине XIX — начале XX в. он становится важнейшим районом развития товарного сельского хозяйства и одним из главных регионов водворения крестьян-переселенцев в годы Столыпинской аграрной реформы.

Предлагаемое читателям издание является не первой попыткой создания обобщающего труда по истории края. В 1983 г. в Алтайском государственном университете вышло из печати учебное пособие для студентов «История Алтая» (часть I), которое охватывало период с древнейших времен до реформы 1861 г. Книга имела тираж всего 600 экземпляров и была отпечатана на ротапринте. Но ее издание рассматривалось как важное событие для исторического факультета и всего университета. В 1986 г. было издано следующее учебное пособие — «Алтай в эпоху капитализма», оно охватывало период с 1861 по 1917 г., его тираж составлял 1 тыс. экземпляров. Авторский коллектив обоих пособий составляли преимущественно преподаватели исторического факультета университета. Научным редактором учебных пособий являлся доктор исторических наук Александр Павлович Бородавкин (1919–1996).

Издание этих двух учебных пособий позволило начать подготовку издания для массового читателя. Приближался пятидесятилетний юбилей Алтайского края (1987 г.), и по решению крайкома КПСС в 1987 г. были изданы в Алтайском книжном издательстве тиражом 5 тыс. экземпляров «Очерки истории Алтайского края». В отличие от учебных пособий «Очерки истории Алтайского края» охватывали не только дореволюционный, но и советский периоды. Ответственным редактором издания выступил А. П. Бородавкин, в числе авторов были преимущественно ученые Алтайского государственного университета — Ю. С. Булыгин, Н. С. Гаврилов, Н. В. Иванченко, Ю. Ф. Кирюшин, П. П. Костенков, С. И. Маслениковский, Н. П. Паршукова, В. А. Скубневский, Т. М. Степанская, Г. Е. Танкова, А. А. Храмов, А. С. Шемякина, А. В. Шестаков, томский ученый В. П. Зиновьев и некоторые другие. Книгу быстро раскупали в книжных магазинах, а ее содержание было высоко оценено.

Очередная попытка подготовки коллективного труда по истории Алтая (дореволюционного периода) относится к 1995 г., когда для школ в Издательстве Алтайского государственного университета под редакцией А. П. Анашкина и В. А. Скубневского была издана «История Алтая» (часть I: С древнейших времен до 1917 г.). Здесь по сравнению с предыдущими изданиями был значительно расширен раздел по археологии (авторы Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров, М. Т. Абдулганеев, А. А. Каза-

ков). Появились новые разделы – «Кооперативное движение в конце XIX – начале XX в.» (А.П. Анашкин), «Здравоохранение» (В.Т. Родионов), «Литературная жизнь Алтая» (О.Г. Левашова, Т.Г. Черняева, М.Г. Никитина). Раздел «Горно-металлургическая промышленность Алтая во второй половине XVIII – первой половине XIX в.» был подготовлен Т.Н. Соболевой.

К настоящему времени назрела необходимость подготовки массового научно-популярного издания по истории Алтая. Исследование истории региона на историческом факультете Алтайского государственного университета ведется весьма интенсивно. Этому способствовали выигранные гранты и создание временных научных коллективов, которые исследовали важные научные проблемы. Под руководством Т.Н. Соболевой изучались вопросы кабинетского хозяйства на Алтае, включая темы управления, горно-заводского комплекса, лесного и арендного хозяйства, формирования кадров горных специалистов и др. В.Н. Разгон, А.А. Храмов, К.А. Пожарская разрабатывали тему «Столыпинская аграрная реформа и Алтай». Несколько учеников Ю.М. Гончарова и В.А. Скубневского занимались вопросами истории народного образования в крае. В авторский коллектив «Истории Алтая» вошла группа молодых ученых, которые успешно защитили кандидатские, а некоторые готовят или уже защитили докторские диссертации. Это В.В. Ведерников, А.А. Пережогин, А.Е. Кухаренко, Ю.А. Абрамова, Е.А. Носова, К.А. Пожарская, Б.В. Бабарькин, Д.С. Бобров.

Пополнение коллектива авторов молодыми исследователями позитивно повлияло на введение в оборот новых источников, которые они уже использовали в своих диссертациях, в реализации новых подходов. Редколлегия сочла целесообразным использовать в данном издании уже ранее опубликованные материалы Юрия Сергеевича Булыгина (1931–2000), который являлся крупным специалистом по истории приписной деревни Алтая.

Текст делится на главы, а главы на параграфы. В конце книги приводится список основных опубликованных источников и исследований по теме. Авторы использовали законодательные акты, источники – статистические, делопроизводственные, личного происхождения, труды горных инженеров, ученых и путешественников XVIII–XIX вв., периодику. Широко применялись архивные материалы центральных архивов (Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации), региональных архивов (Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Томской области и др.).

Авторский коллектив уделит главное внимание узловым проблемам истории региона – присоединении территории Алтая к Русскому государству, возникновению и развитию здесь горного производства, которое составляло основу экономики в XVIII–XIX вв., формированию и составу населения, прежде всего мастеровым, приписным крестьянам, а также горным специалистам, вопросам управления, частного предпринимательства, сельского хозяйства во второй половине XIX – начале XX в., Столыпинской аграрной реформе, общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX в., развитию народного образования и культуры.

Отметим, что дискуссионным остается вопрос о владельческой принадлежности округа Колывано-Воскресенских заводов (Алтайского горного округа) после 1747 г. Одни исследователи считают, что Демидовские горные заводы на Алтае были взяты в Казну, т.е. стали государственными, другие – что они стали собственно-

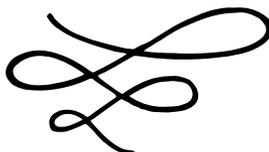

стью царствующего монарха, третьи – называют их «кабинетскими» предприятиями. Одно несомненно – кабинетское хозяйство Алтая второй половины XVIII – начала XX в. имело не только общесибирское, но и общероссийское значение, являлось финансовой опорой Дома Романовых. Не случайно в данном издании много внимания уделяется вопросам организации и функционирования в регионе горнозаводского производства в XVIII–XIX вв., арендному и лесному хозяйству Кабинета конца XIX – начала XX в.

Подобран иллюстративный материал, извлеченный из фондов Государственного архива Алтайского края, Алтайского государственного краеведческого музея, музея «Город», Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Редколлегия выражает благодарность за содействие в работе над книгой коллективам Государственного архива Алтайского края, Алтайского государственного краеведческого музея, Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова, музея «Город».

В.А. Скубневский

Глава 1

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ

1.1. Присоединение Алтая к Российскому государству и основание первых крепостей в регионе

Присоединение южных районов Западной Сибири к Российскому государству продолжалось на протяжении почти двухсот лет. Еще в XVII в. царской власти удалось возвести восточнее Тобольска несколько городов, ставших ключевыми опорными пунктами. В 1618 г. происходит знаковое событие – основание Кузнецка, почти на полтора столетия принявшего на себя роль военно-административного центра освоения Алтая.

О самом Алтае сибирской, да и царской администрации было известно крайне мало. Колонизация обширных пространств Сибири была связана с продвижением русских вдоль рек и достижением контроля над крупными водными объектами. Немногочисленные и обрывочные сведения, полученные от коренных жителей, формировали представления об озере «Алтын» (Телецком) как таком своеобразном «естественном» пределе. Для достижения «Алтына» кузнецким воеводам необходимо было закрепить за собой и освоить районы течения Бии и бассейн верхней Оби, т.е. Верхнее Приобье.

Осуществление этой непростой задачи подразумевало строительство одного или нескольких острогов и обложение данью (ясаком) местного (нерусского) населения. На протяжении XVII в. сибирская администрация предприняла ряд экспедиций в район озера «Алтын». В 1633 и 1642–1643 гг. томский сын боярский Петр Сабанский дважды ходил в верховья Бии. Во время экспедиций русским казакам удалось взять яsak с коренного телеутского населения. Несмотря на то, что сборы еще не носили регулярного характера, это являлось несомненным успехом региональной власти и шагом вперед в деле освоения Алтая. Однако на протяжении XVII в. кузнецкой администрации не удалось решить главную военно-стратегическую задачу в регионе: в районе Телецкого озера и верховьях Бии по-прежнему отсутствовал русский острог.

Продвижение русских в Верхнее Приобье наталкивалось на противодействие не только телеутов, но и гораздо более грозной силы. Главным геополитическим «соседом» России в междуречье Оби и Иртыша являлось Джунгарское ханство. Важным фактором проведения политики как центральными, так и региональными российскими властями считалась неразрешенность территориального спора и, как следствие, отсутствие между странами установленной государственной границы.

Джунгарские правители (именовавшиеся «хунтайджи», а в русских документах «контайши») на протяжении конца XVII – первой половины XVIII в. были крайне непоследовательны в вопросах установления границы. Долгое время в землях Обь-Иртышского междуречья их привлекала скорее возможность собирать дань с местного (нерусского) населения, нежели формальный контроль над территориями. Однако по мере приобщения элиты Джунгарского государства к нормам международного права вопрос «обладания землями» в верховьях Иртыша и Оби обострялся. Главным аргументом ойратских правителей являлось обращение к якобы имевшему место договору о разграничении земель на юге Западной Сибири, заключенному еще в XVII в. В ходе дипломатических миссий первой половины XVIII в. джунгарские хунтайджи в один голос уверяли: «по устью реки Черной Оми [*совр. Иня. – авт.*] постановили границу и учинили во знак той границы засеку». Признание рубежа двух государств по Ине автоматически лишало бы русских любых юридических оснований для продвижения в предгорья Алтая. Однако ни самих документов, ни упоминания о них российским властям обнаружить не удалось.

Для российской администрации ключевым вопросом политики на юге Западной Сибири являлось фактическое закрепление за собой этих земель. Дипломаты и сибирский губернатор исходили из принадлежности к России Оби и Иртыша как «сибирских рек», автоматически отошедших к государству после покорения Сибирского ханства. Кроме того, царская власть неоднократно подчеркивала, что на Алтае русские исторически вели промысловую добычу.

Действуя в рамках реализации стратегической задачи, Петр I 29 февраля 1708 г. принял решение о строительстве первого русского острога в Верхнем Приобье. В царском указе предписывалось: «на реках Бии и Катуні в пристойном месте для сбора ясашной казны и к селению пашенных крестьян построить острог со всякими крепостями». Царский замысел был настолько амбициозен, насколько и рискован. После основательной подготовки кузнецкий воевода Михаил Овцын в начале июня 1709 г. отправил в верховья Бии отряд во главе с Яковом Максюковым. Спустя две недели в месте слияния Бии и Катуні был сооружен Бикатунский острог.

Столь смелые и решительные действия русских вызвали серьезнейший гнев джунгарского контайши Цэван-Рабдана. В 1710 г. по его личному приказу в приграничную зону был направлен зайсан Духар, который совершил нападение на Кузнецк и его окрестности, а также разрушил Бикатунский острог. Судьба первого приказчика Бикатунского острога Андрея Муратова, а также большей части его гарнизона до сих пор остается одной из темных страниц ранних периодов истории Алтая.

Спустя несколько лет сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин в 1714 г. сообщил Петру I о золоте, добывавшемся на речных отмелях возле джунгарского города Яркенд. Царь проявил крайнюю заинтересованность и в ответном письме приказал М.П. Гагарину: «построить город у Ямыша озера, а буде можно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лодки пройти могут». Заветной рекой, по которой должны были продвигаться русские, являлся Ир-

тыш, берущий свое начало из озера Зайсан. Таким образом, Петр I обозначил сразу две приоритетные цели: строительство крепости в районе озера Ямыш и установление контроля над озером Зайсан.

Руководителем экспедиции к Ямышевскому озеру был назначен подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц. Уже 1 октября 1715 г. экспедиционный отряд, состоявший из Санкт-Петербургского и Московского пехотных полков, общей численностью около 3000 человек, прибыл к месту назначения. Первое земляное укрепление было воздвигнуто в кратчайшие сроки, однако И.Д. Бухгольц не успел вернуться в Тобольск и остался в крепости зимовать. М.П. Гагарин стремился преподнести джунгарскому правителю сооружение русского форпоста в районе Ямыша как часть политики по разведке и освоению руд. Бухгольц, не будучи до конца осведомленным о планах губернатора, случайно раскрыл ойратским посланникам истинный характер устремлений имперской элиты – достижение Яркенда.

Хунтайджи, разгневанный столь агрессивными планами русских, в начале 1716 г. отправил к Ямышевской крепости отряд во главе с зайсаном Цереном-Дондуком. Русским пришлось выдержать продолжительную осаду, но несмотря на крайне тяжелое положение, И.Д. Бухгольц не сдал крепость ойратам, а весной, сразу после вскрытия Иртыша, подполковник приказал солдатам срыть укрепления, отправившись со своим отрядом на лодках вниз по реке. Не желая отказываться от идеи продвижения вверх по Иртышу и демонстрируя твердость намерений российской стороны, на обратном пути И.Д. Бухгольц по только что поступившему указу М.П. Гагарина в устье Оми основал Омскую крепость.

Локальные неудачи первого десятилетия активного освоения Алтая не заставили М.П. Гагарина отойти от избранного ранее курса. Сибирский губернатор вынашивал амбициозные планы освоения Верхнего Прииртышья: «також хотел на Зайсане, или в близости от того озера, в удобном месте сделать великой же город, и населить великим людством». Уже осенью 1716 г. были восстановлены укрепления на Ямышевом озере, а год спустя подполковник Прокофий Ступин их дополнительно усовершенствовал. Параллельно М.П. Гагарин стремился ускорить и темпы освоения Верхнего Приобья. В 1717 г. он издал предписание кузнецкому воеводе Борису Акимовичу Синявину, в котором говорилось: «вскорости на Бии и Катуні сделать город в крепком месте или где пристойнее будет и посадить служилых людей и начального человека доброго».

Формулировка «в крепком месте или где пристойнее будет» предполагала возможность выбора Б.А. Синявиным наиболее пригодного для строительства места в районе слияния Бии и Катуні. Однако к моменту получения губернаторского указа у воеводы созрел свой собственный план: возвести крепость в районе «Кривошековой деревни» («Кривошекова завода») – самовольного русского поселения, основанного Федором Ильиным по прозвищу Кривошок в конце первого десятилетия XVIII в. в районе современного Барнаула.

Новый поход в верховья Оби начался летом 1717 г. Руководство беспрецедентно ответственным делом было возложено на сына «основателя» первой Бикатунской крепости Якова Максюкова – Ивана. Уже через месяц после начала экспедиции острог был сооружен. Потакая устремлениям Б.А. Синявина, И. Максюков построил укрепления не в районе слияния Бии и Катуні, а в нескольких сотнях верст ниже по течению Оби. Ориентиром для строительства служил «Белый Яр», а крепость получила название Белоярской.

Однако в понимании губернатора действия кузнецких служилых людей означали лишь частичное выполнение указа. В свое оправдание И. Максюков заметил, что якобы «на усть Бии и Катуне удобных мест крепких к городовому строению нет», хотя летом 1717г. в районе слияния двух рек он не был вовсе. М.П. Гагарин, недовольный затягиванием продвижения русских в Верхнем Приобье, инициировал новую экспедицию, и уже летом 1718г. все тот же И. Максюков возвел столь желанный для сибирской региональной администрации второй Бикатунский острог.

Переоценить значение этих событий в Верхнем Приобье практически невозможно. Сибирская администрация рассматривала крепости Верхнего Приобья и Прииртышья, среди прочего, как способ закрепления за собой соответствующих территорий. Возведенные остроги не только автоматически прикрывали ключевые пути сообщения и города региона, но и превращались в опорную базу дальнейшего проникновения русских вглубь Алтая. Для местного населения (как служилых людей, так и рядовых крестьян) крепости являлись не только средством защиты от ойратских набегов, но и инструментом центрирования пространства. Острог для жителей близлежащих населенных пунктов служил своеобразным центром локального мира: в нем располагались органы управления и гарнизон, осуществлялась торговля.

Однако активное фортификационное строительство в бассейнах Оби и Иртыша не сняло с повестки дня вопрос о границе. Никакого письменного договора между Россией и Джунгарским ханством по-прежнему не существовало, а джунгарские правители, как и ранее, считали земли, на которых стояли русские укрепления, своими. При этом российские власти не сводили вопрос государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье исключительно к крепостям. В первое десятилетие после сооружения Белоярской и Бикатунской крепостей естественной границей двух государств оставалась Обь, правый берег которой контролировался российской стороной. Еще более неопределенная ситуация складывалась в Верхнем Прииртышье. Приемник М.П. Гагарина в должности сибирского губернатора А.М. Черкасский в одном из своих писем рассуждал следующим образом: «надобно границе быть вверх по Иртышу реке по Зайсан озеро, а от реки в степь в сторону, где калмыки кочуют чтоб дни два или на три для довольства жителей де иртышских крепостей земли было». Иными словами, позиция региональной администрации основывалась на том, что наиболее удобная граница — та, которая уходит за несколько десятков километров от крепости в сторону степи. Такая граница была бы выгодна как властям, так и русским жителям Верхнего Обь-Иртышья, которые потенциально получали возможность вести хозяйственную деятельность в районе Иртыша, не опасаясь стать жертвой джунгарских набегов.

В дальнейшем России и Джунгарскому ханству так и не удалось достичь компромисса в вопросе установления границы. Не добившись подписания выгодного соглашения, региональная власть попыталась сформировать границу в одностороннем порядке. Указом Сибирской губернской канцелярии 15 сентября 1733г. в предгорья Алтая был послан дворянин Петр Алексеевич Мельников с целью обследования обширных пространств от Телецкого озера до Усть-Каменогорской крепости и определения наиболее удобного варианта прохождения границы. Губернатор строго предписывал П.А. Мельникову: «и смотрит того накрепко чтоб колывановоскресенские демидова заводы и пограничныя ясашины волости ... и хотя которые Ея Императорского Величества ясак калмыцкому владельцу алман платят ... были б во владении российском». Столкнувшись с трудностями перемещения по горным тропам зимой,

П.А. Мельников лишь спустя год составил итоговый «Реестр пограничным урочищам и рекам». Документ обосновывал принадлежность к России не только Телецкого озера, но и низовьев Чулышмана. Однако описывая предполагаемую границу в междуречье Оби и Иртыша, П.А. Мельников слишком буквально воспринял губернаторское предписание оставить Демидовские заводы в пределах России. «Реестр» предполагал прохождение рубежа двух государств, среди прочего, по озерам Белому и Кольвани. Это принципиально не устраивало российские власти, так как такой режим границы потенциально создавал бы своего рода «окно» в районе зарождавшегося заводского комплекса А. Демидова, отсекая определенную часть рудников и приближая стратегически важное производство цветных металлов к владениям непредсказуемых джунгарских ханов.

В связи с неоднозначностью результатов экспедиции П.А. Мельникова с середины 30-х гг. XVIII в. повысился интерес к региональным картам Алтая, на которых показана предполагаемая государственная граница России в Верхнем Обь-Иртышье. В общем виде она напоминала сильно деформированную параболу, обращенную вершиной к истоку Оби. В соответствии с этими чертежами на Алтае русскими владениями считались Телецкое озеро, среднее и нижнее течение Катунь, практически полностью бассейны Алея и Чарыша. Крайней точкой российских территорий на Иртыше становилась Усть-Каменогорская крепость. В окончательном виде традиция фиксации российской границы на картах была закреплена в первом официальном Атласе Российской империи 1745 г.

1.2. Управление первыми крепостями

Строительство крепостей и фиксация на картах наиболее удобной линии государственной границы служили цели формального закрепления территории Алтая в составе России, но не могли решить гораздо более сложную задачу: ускорение темпов хозяйственного освоения региона и создание эффективной системы управления.

В административно-территориальном плане обширные пространства Верхнего Обь-Иртышья не являлись единым образованием. Большая часть современной территории Алтая относилась к Кузнецкому уезду Енисейской провинции Сибирской губернии. Заводской комплекс А. Демидова часто считался отдельной административной единицей, именовавшейся «ведомство Кольвано-Воскресенского завода». Наконец, крепости Иртышской линии не относились ни к одному уезду. Отсутствие единого подхода к административно-территориальному делению Алтая предопределило возникновение перед царской администрацией непростой дилеммы: какая модель управления наиболее точно соответствовала бы суровым реалиям освоения региона? С одной стороны, существовали основания распространения на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья так называемой общегражданской системы, с другой – угроза со стороны Джунгарского ханства подталкивала к внедрению военно-ведомственной вертикали. В результате было принято компромиссное решение, и крепости Верхнего Приобья, а также укрепления Иртышской оборонительной линии стали управляться схожими, но все же отличными друг от друга способами.

В «Верхнеиртышских» крепостях была реализована максимально централизованная модель. Контроль за деятельностью управленцев в крепостях осуществля-

ли сразу две структуры: Сибирская губернская канцелярия (и лично губернатор), а также Военная коллегия – ведомственный орган, специально созданный Петром I для управления и координации действий военно-сухопутных войск. Указы вышестоящих учреждений напрямую поступали «командиру верхнеиртышских крепостей», своего рода главе всех русских укреплений на Иртыше. Наиболее известными и во многом знаковыми фигурами являлись майор И.М. Вельяминов-Зернов и полковник Тимофей Зоринов. Гарнизон каждой крепости возглавлял штаб-офицер – представитель старшего офицерского состава, которого в документах также именовали «командиром» крепости.

Штаб-офицеры обладали чрезвычайно ограниченными полномочиями. В сфере их компетенции входили оборонительная, внешнеполитическая и таможенно-полицейская функции. В рамках реализации оборонительной функции командирам Иртышских крепостей предписывалось в обязательном порядке дважды в месяц совершать объезд форпостов и редутов, находившихся в непосредственной близости от крепости. Однако на практике соответствующая обязанность перекладывалась офицерами на представителей младшего командного состава. Причем такие «экспедиции» приносили, с одной стороны, важные разведывательные данные относительно джунгарской активности в Прииртышье, но, с другой – ставили под угрозу военно-стратегическое равновесие в локальном районе.

Важным аспектом деятельности командиров крепостей становился сбор разведывательной информации. Основным источником ее поступления становились сведения, которые были получены от бухарцев, киргиз-кайсаков и русских торговцев, временно останавливавшихся в крепостях. Вся информация тщательно документировалась штаб-офицерами, после чего передавалась в губернскую канцелярию.

Внешнеполитическая функция сводилась к обязанности принимать джунгарских посланников. Крепости Иртышской линии выступали своего рода перевалочным пунктом на маршруте джунгарских дипломатов. В результате командирам крепостей приходилось соблюдать дипломатический протокол и принимать гостей у себя. Такие «приемы» и переговоры могли продолжаться до нескольких недель, после чего ойраты либо отправлялись в столицу Сибирской губернии Тобольск, либо через штаб-офицеров передавали грамоты и письма контайши к сибирскому губернатору.

Таможенно-полицейская функция «командиров» крепостей была связана с активизацией торговли между российскими жителями и джунгарами в приграничных районах. По поручению полковника Павлуцкого джунгарским подданным разрешалось приезжать в русские приграничные районы для товарообмена. Для обеспечения безопасности и порядка штаб-офицеры учреждали специальные «караулы», т.е. выставляли вооруженную охрану.

Остроги Верхнего Приобья были включены в общегражданскую систему управления, состоявшую, в свою очередь, из трех уровней (не считая императорской и центральной власти). Центральной фигурой в системе управления Сибири являлся губернатор, сосредоточивавший у себя всю полноту политической, финансово-хозяйственной, судебной и военной власти. В непосредственном подчинении у губернатора находился воевода Кузнецкого уезда, ведавший распределением служилых людей, организацией обороны южных окраин региона и судом над различными категориями населения.

Управление непосредственно в крепостях Верхнего Приобья осуществляли приказчики. В документах того времени их часто называли «начальными людьми»

крепости. Приказчики назначались кузнецким воеводой из числа служилых людей или детей боярских. В силу того, что остроги находились на достаточном удалении от Кузнецка, изначально приказчики командировались из уездного центра. Срок такой командировки составлял один год, что позволяет причислять управленцев в первых крепостях на Алтае к числу «годовальщиков». В непосредственном подчинении у приказчиков находился гарнизон крепости, который, как правило, сменялся не один, а два раза в год. Численность военных команд являлась внушительной лишь в течение нескольких лет после сооружения острога, а в дальнейшем падала до 30–40 человек. В Белоярский острог с середины 20-х гг. XVIII в. кузнецкие воеводы и вовсе перестали посылать служилых людей для «обереговой службы».

Основным документом, регулировавшим деятельность приказчика, являлась «наказная память», или «воеводская память» — административная инструкция, обличенная в форму законодательного акта. Документ соединял в себе черты одновременно «Наказа» (описания функций органа управления) и «Памяти» (пояснения четко определенной административной задачи, предназначавшиеся служилым людям в качестве руководства к действию). Наказная память составлялась кузнецким воеводой, и часто при разработке подобных документов кузнецкий комендант механически переносил некоторые пункты из Наказа воеводам.

Вначале воевода перечислял материально-техническое оснащение острога, что было вызвано постоянными опасениями набегов калмыков. При вступлении в должность приказчики максимально подробно знакомились прежде всего со всем имевшимся в остроге вооружением. В памяти первому приказчику Белоярской крепости Степану Серебренникову воевода Б.А. Синявин перечислял следующие орудия и припасы: «две пушки больших железных ядер ... железных полутуру пуду, три пушки малых железных ядер, пороху пушечного пять пуд, ручного пуд пятнадцать футов». После этого следовала характеристика сферы деятельности приказчиков. «Начальным людям» предписывалось управлять не только служилыми людьми, но и крестьянами.

Третья часть «наказной памяти» содержала подробные инструкции воеводы на случай внезапного нападения джунгар. Как правило, кузнецкий комендант предписывал «военный снаряд, пушки, порох и свинец блюсти опасно, чтоб против неприятеля всегда быть в готовности также и у служилых людей во все дни руже, порох и пули патронных сумках осматривать чтоб руже было чисто ... остры и напрасно не стреляли и от неприятеля имели великое опасение».

В заключении наказной памяти содержалось перечисление возможных санкций. Приказчикам запрещалось как торговать самим, так и отправлять для торговли в ясашные волости поднадзорное население; причинять ущерб служилым людям или использовать их в своих личных целях. Самым тяжелым из всех возможных преступлений приказчиков считалась сдача крепости, за это управленцам грозила смертная казнь. Остальные наказания были гораздо менее суровыми.

Деятельность «начальных людей» первых крепостей на Алтае выстраивалась вокруг реализации трех наиболее важных функций: оборонительной, административной и полицейской. Самой важной по умолчанию являлась оборонительная. В течение 20–40-х гг. XVIII в. воеводы более 40 раз отправляли приказчикам Белоярской и Бикатунской крепостей строжайшие указы «иметь от приходу воинских неприятельских людей калмыков крепкую предосторожность». Дефицит кадров для отправки в крепости воеводы пытались решить за счет «приписок» — принятия в служилые люди ближайших родственников казаков. Приказчикам Белоярской крепости и вовсе

пришлось формировать гарнизон крепости за счет гулящих людей, казаков и самовольно переселившихся из других крепостей.

В середине 30-х гг. XVIII в. со стороны уездной администрации проявилось настойчивое стремление улучшить эффективность работы приказчиков. В 1735 г. Артемон Бартенев рекомендовал приказчикам Белоярской крепости и возникшей в начале 20-х гг. XVIII в. неподалеку от нее Малышевой слободы составить реестр всех жителей, обладавших оружием для отражения потенциальных джунгарских набегов. А спустя год кузнецкий воевода впервые посетил Бикатунскую крепость, осмотрел все укрепления, а также административные здания.

При этом уездная власть изначально стремилась добиться от приказчиков активных действий по разведке прилегавшей к острогу местности. Однако уже после первого серьезного инцидента в июле 1717 г., когда в ходе стычки неподалеку от Белоярской крепости отряд русских казаков встретил ожесточенное сопротивление джунгар, при этом несколько служилых людей были убиты, М.П. Гагарин категорически наказывал как воеводам, так и приказчикам: «...а будет людям трата, и за то ты казнен будешь смертью, чтобы такими посылками не потерять города». При этом воеводы продолжали требовать от белоярского и бикатунского приказчиков собирать информацию о событиях, происходивших вблизи острогов.

Поставленным в столь неудобное положение «начальным людям» не оставалось ничего другого, кроме как осуществлять пассивную разведку. Основной формой ее реализации становилось проведение допросов и составление «расспросных речей» русских ясажных данников и крестьян относительно обстановки в прилегавшем к крепости районе. Особо отличился приказчик Бикатунской крепости И. Хабаров, который в 1736 г. после поездки ясажного Кумандинской волости в пределы Джунгарского ханства допросил в общей сложности более 20 свидетелей этого события.

Не менее важной задачей для приказчиков становился ремонт укреплений крепости. Воеводы в большинстве случаев издавали лишь формальный указ, а поиск ресурсов, рабочей силы и организация работ целиком ложились на плечи приказчиков. Из-за откровенной нехватки людей для починки обветшавших укреплений часто привлекались крестьяне, в том числе и из отдаленных деревень.

Второй по степени значимости в деятельности приказчиков была административная функция. Управленцы должны были вести строгий учет всех прибывавших в «ведомство крепости», т.е. в села и деревни, административно относившиеся к Бийску, Белоярску или Малышевой слободе. Приказчиков Белоярской крепости воевода настраивал на это начиная с момента основания города. А вот первое поселение вокруг Бийска – деревня Фоминская, основанная Тимофеем и Григорием Фоминскими (Плешковыми), возникла изначально самовольно. На протяжении 20–30-х гг. XVIII в. процесс заселения Верхнего Приобья шел настолько стихийно, что приказчики далеко не всегда успевали, а иногда и не стремились успеть зафиксировать всех новых жителей, прибывших в район крепости.

Каждый «гулящий» или переселенец из соседних районов (а наиболее частые миграции в Белоярск и Бийск осуществлялись из окрестностей Мунгацкого станца) подлежал учету со стороны приказчика, после чего соответствующие сведения передавались воеводе и уже тот записывал в «подушный оклад». С этого момента каждый переселенец был обязан уплачивать налог в пользу государства, хотя многие люди как раз и переселялись на Алтай с целью хотя бы здесь укрыться от «ока государева», не платить налоги и не обрабатывать повинности.

Это приводило к увеличению интенсивности освоения русскими крестьянами Обского Правобережья. В 1721 г. крестьянами И. Санаровым и П. Карповым в низовьях реки Лосихи была основана деревня Санникова. В конце 20-х гг. XVIII в. неподалеку от нее возникает деревня Фирсова. Несколько позднее выше по Лосихе появилась деревня Новая Шадрина. В 1732 г. крестьяне Бердского ведомства А. Банников и Г. Волков получили от кузнецкого воеводы разрешение на поселение в низовьях Большой Речки и основали там одноименную деревню. В 30-х гг. XVIII в. неподалеку от Белоярской крепости возникла деревня Чесноковка. К числу ранних населенных пунктов в окрестностях Белоярской крепости относятся деревни Кислуха, Бажово, Зудилова. В 30–40-х гг. XVIII в. в пределах ведомства, но уже на левом берегу Оби возникли деревни Касмалинская, Бельмесева, Гоньба, Шадрина и Урывная.

Крестьянское освоение окрестностей Бикатунской крепости шло гораздо более медленными темпами. В 1720 г. Тимофей и Григорий Фоминские основали первое поселение в ведомстве острога. Позднее переселенцы из Бердского ведомства основали деревни Комарову, Бехтемирскую, Большую и Малую Угрены, Солдатову, Соколову. Все эти деревни располагались на правобережье Оби и Бии, находились под защитой Бикатунской крепости. В конце 20-х гг. XVIII в. появляется первая в Бийском ведомстве деревня за Обью — Иконникова. Вскоре также на левом берегу Оби появилась деревня Завьялова.

На исходе второго десятилетия XVIII в. крестьянское заселение и хозяйственное освоение Алтая начинало выходить из-под контроля властей. В 1725 г. кузнецкий комендант предписывал приказчикам Белоярской крепости и Малышевой слободы ужесточить контроль за расселением в пределах хотя бы административного центра локального района. Дело в том, что в Малышевой слободе в 1722–1723 гг. фиксировалось ровно 50 дворов, а в 1724 г. их число резко возросло до 60, а в Белоярской крепости появилось более 15 новых дворов. К середине 30-х гг. XVIII в. приказчики острогов и Малышевской слободы, а также кузнецкий воевода смогли взять ситуацию в свои руки. Совместными усилиями они насчитали более 40 «потерявшихся» поселенцев — лиц, которые реально проживали в Верхнем Приобье, но не были нигде учтены. Как правило, укрывались такие люди в «степи» — междуречье Катуня и Чарыша, промысловых избушках возле Колывано-Воскресенских заводов, в верховьях Алея, на берегах Чумыша.

Полицейская функция приказчиков выстраивалась вокруг розыска и поимки лиц, совершивших преступления. Суд не входил в сферу компетенции приказчиков. В соответствии с инструкцией они обладали правом рассматривать мелкие гражданские дела по искам «до 5 рублей». Однако на практике управленцам было гораздо проще передать потенциальные дела на рассмотрение воеводе, что не отвлекало бы приказчиков от их основных функций.

Количество преступлений, совершавшихся в районе крепости, не являлось катастрофическим. Как правило, в течение года происходило один-два серьезных инцидента, требовавших вмешательства приказчика. Большинство из них сводилось к коллективным дракам (на фоне злоупотребления алкоголем), побоям или кражам. Привлекательными предметами для воров становились лошади, меха, одежда и другие предметы, которые жители крепости получали в обмен у проживавших в приграничной зоне ясажных телеутов.

Пойманных преступников приказчик сажал под арест в подвал судной избы либо в импровизированную «тюрьму» — специально возведенное из досок и прутьев

сооружение для содержания разбойников под открытым небом, по своему внешнему виду напоминавшее камеру. Дальнейшее следствие могло пойти двумя путями. В случае совершения резонансного преступления воевода отправлял из Кузнецка специального человека из числа служилых людей для проведения разбирательства. Во всех остальных случаях дознание также возлагалось на приказчиков. Результатом первичного дознания становилось составление «расспросных речей» – документов, в которых содержались показания подозреваемых по тому или иному делу.

После этого подозреваемого направляли в Кузнецк для «суда» воеводы. Самым сложным становилась организация конвоя. Колодников должна была сопровождать группа служилых людей, но в ситуации, когда гарнизон крепости составлял немногим более 40 человек, две-три экспедиции в Кузнецк за год могли оставить крепость без своих защитников. В результате в большинстве случаев функцию конвоя выполняли рядовые крестьяне, отправлявшиеся по своим делам в Кузнецк. Только самых опасных преступников высылали с настоящим караулом из служилых людей. Несмотря на это, случаи побегов преступников по дороге в Кузнецк были единичными.

Воевода выносил решение по делу, признавал подозреваемого виновным или оправдывал. Основным видом наказания являлось «битие батожем», т.е. палкой или толстыми прутьями. Наказание приводилось в исполнение в Кузнецке, как правило, на площади перед комендантской избой. Иногда воевода предписывал приказчикам привести наказание в исполнение непосредственно в Белоярске или Бийске.

Осуществление приказчиками столь широкого перечня функций создавало основы для злоупотребления властью, которые, однако, носили единичный, а не массовый характер. Фактически единственным случаем откровенно противоправных, преступных действий приказчиков является ситуация, сложившаяся в Бикатунском остроге на рубеже 1729–1730 гг. Приказчик крепости Степан Везигин за взятки отпустил в «домы свои», т.е. в окрестности Кузнецка, 23-х служилых людей из 30 человек, составлявших гарнизон крепости и находившихся на «обереговой» службе. Посланный из Кузнецка Федор Крячиков был настолько изумлен коррумпированностью приказчика и его пренебрежением задачами обороны острога, что неоднократно подчеркивал воеводе: «а на береговой службе в той крепости служилых людей почти не осталось».

После этого инцидента кузнецкая администрация стала гораздо внимательнее относиться к деятельности приказчиков и временами даже «придираться» к управленцам. Воевода А. Бартенев своим указом в январе 1734 г. потребовал немедленной высылки приказчика Бийской крепости Ивана Буткеева. Основанием стало недоброжелательство в промедлении с высылкой в Кузнецк и подозрения в сговоре с колдуньей «бабой Акулиной». Прибывший по воеводскому указу в Бийск Иван Саратов не обнаружил Акулины, поскольку к тому моменту она уже находилась на полпути в Кузнецк в сопровождении конвоя. Несмотря на то, что формальные основания для высылки самого приказчика отпали, И. Саратов отправил И. Буткеева в уездный центр с конвоем. В результате Бийск почти на полгода остался без своего «начального человека», а «бийская крепость приказана служилым Максиму Ананину да крестьянину Абраму Исакову».

Известны случаи, когда крепости оставались без приказчиков в силу ряда обстоятельств, не связанных с деятельностью самих управленцев. В конце 1733 г. в результате задержки в посылке сменной команды во главе с новым приказчиком, действовавший на тот момент уже шесть лет приказчик Белоярской крепости

Афанасий Хмылев по указанию воеводы отбыл в Кузнецк. Крепость была поручена неким «бурмистрам» Дмитрию Бурмагину и Михею Безсонову, рядовым крестьянам, которые даже не занимали какой-либо выборной крестьянской должности. Не обладая необходимым «управленческим авторитетом», Д. Бурмагин и М. Безсонов быстро утратили контроль над ситуацией в районе крепости. Следствием этого стало возникновение массовых драк, перераставших временами в открытые избиения. В результате побоев несколько человек даже скончалось. Ситуация начала стабилизироваться, когда новый приказчик Белоярской крепости П. Севергин выслал в Кузнецк Д. Бурмагина и М. Безсонова, которые впоследствии за свое самоуправство и бесчинства были сурово наказаны воеводой.

В течение первой половины XVIII в. произошло не только формальное включение Алтая в состав России, но и были воздвигнуты ключевые русские опорные пункты: остроги в Верхнем Приобье и крепости на Иртыше. Все эти процессы сопровождалась постоянной угрозой со стороны Джунгарского ханства из-за отсутствия между странами установленной границы. Военно-политическая нестабильность, удаленность от имперского центра выводили на первоочередное место государственный элемент в колонизации (заселении, хозяйственном освоении) края. Вместе с тем наличие обширных пространств в междуречье Оби и Иртыша подталкивало население сибирских уездов и европейских губерний все активнее переселяться на Алтай.

1.3. Возникновение горно-металлургического производства на Алтае

Первыми из россиян на территорию Обь-Иртышья стали самовольно проникать отправившиеся на промысел охотники и бугровщики, занимавшиеся разграблением древних погребений.

Как специальный промысел сибирское бугровщичество возникло во втором десятилетии XVIII в. Вместе с бугровщиками в Рудный Алтай попали и первые рудознаты. Особенность сибирского рудоискательства заключалось в том, что основным поисковым признаком, по которому находили месторождения полиметаллических руд, были остатки древних горных выработок: ямы, шахты и отвалы вокруг них. Эти хорошо видимые на поверхности разработки первых рудокопов сибиряки называли «чудскими копиями», приписывая их легендарному народу «чудь».

Первооткрывателями алтайских месторождений медной руды стали жители ведомства Чаусского острога Томского уезда Степан Костылев, Михаил Волков, Федор Комаров, братья Леонтий и Макар Останины. В 1719 г. они открыли «выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах в шести местах медные руды». В дальнейшем по приказу уральских властей сын Степана Костылева Яков совместно с Леонтием и Макаром Останиными вновь обследовали «Алейские горы» и обнаружили восемь месторождений медной руды, в том числе на «Змеевой горе».

Однако на те же месторождения заявил претензии уральский горнозаводчик Акинфий (Иакинф) Никитич Демидов. Поиски месторождений в Рудном Алтае он начал в 1724 г., привлекая староверов из Олонцкого уезда – «олонецких стариков». Не исключено, что старообрядцы просто воспользовались результатами обследования Якова Костылева. Уже в конце 1725 г. Демидов подал в екатеринбургское

горное начальство девять образцов руд, найденных «промеж рек Чарошу и Алея». Позже при обследовании восемь из них оказались медесодержащими, а один – сербро-свинцовым.

Берг-привилегия (разрешение) на строительство медеплавильного завода была дана Демидову 16 февраля 1726 г. Первая пробная порция меди была выплавлена летом 1726 г. у Колыванской горы специально посланным отрядом, которому поручалось выбрать место под будущий завод. Однако отсутствие рабочих рук и специалиста по возведению металлургического предприятия не позволило построить завод. Только осенью 1727 г., когда по просьбе Демидова на Алтай прибыл горный офицер Никифор Клеопин, приступили к строительству медеплавильного завода.

Место для первого демидовского завода в Западной Сибири было выбрано на реке Колыванке, поэтому и завод стал называться Колыванским. Это было очень небольшое предприятие, где в одном «плавильном сарае» располагались «плавильные 2 печи малые с ручными мехами». Ни плотины, ни пруда не было. В литературе XVIII в. это предприятие названо «Колыванский ручной завод», что полностью отражает специфику производства.

Клеопин намеревался построить на Колыванке полноценный вододействующий завод с плотиной и прудом. Однако водных запасов реки оказалось недостаточно, и весной 1728 г. начали строить предприятие на расположенной недалеко речке Белой. Сначала здесь построили крепость, а 5 июня 1728 г. приступили к сооружению заводской плотины и начали готовить кирпич для кладки металлургических печей. Новое предприятие во всех документах Клеопин называл уже Воскресенским (от располагавшегося поблизости Воскресенского рудника, названного по времени открытия месторождения).

Завод был пущен 21 сентября 1729 г. Для сибирской администрации предприятие по-прежнему называлось Колыванским, Клеопин же именовал его Воскресенским, поэтому вскоре эти названия объединили, и завод, как и всё ведомство, стал называться Колывано-Воскресенским. Мощности вододействующего предприятия позволяли выплавлять до 5 тыс. пудов чистой меди в год. Но таких объемов смогли достичь только с 1733 г. Себестоимость алтайского металла составляла в разное время от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 57 коп. за пуд чистой меди. Такой дешевой меди в России не было. Новое производство обещало быть чрезвычайно выгодным для Акинфия Демидова. К тому же прибыль от алтайской меди по указу 1747 г. в течение первых десяти лет не облагалась налогом.

Лесных запасов в районе первого металлургического предприятия на Алтае оказалось недостаточно. Уже через три года после пуска предприятия специалисты отмечали, что при плавке руд четырьмя печами вблизи завода «будет лесу токмо на пятнадцать лет». Для экономии лесов в районе Колывано-Воскресенского завода на предприятии стали получать лишь полуфабрикат – «черную медь», которую затем по Оби и Иртышу на речных судах отвозили на Урал, на Невьянский и Нижне-Тагильский заводы Акинфия Демидова. Для этого использовались специальные речные палубные суда – коломенки. Производство демидовского металла из алтайских руд, начавшись в Приобье, теперь заканчивалось на Урале.

Транспортировка тысяч пудов полуфабриката существенно повышала себестоимость металла. Поэтому актуальным был вопрос строительства новых предприятий именно в Обь-Иртыше. В 1730-х гг. демидовскими специалистами было определено

два места для возведения новых заводов: одно на притоке Иртыша – реке Шульба, второе на притоке Оби – речке Бобровка.

Однако планам строительства новых демидовских предприятий помешала инициатива В.Н. Татищева. Вернувшийся в 1734 г. на Урал в качестве начальника заводов, Василий Никитич был последовательным сторонником укрепления казенных предприятий и жесткого контроля со стороны государства за деятельностью частных горнозаводчиков. По его инициативе Анна Иоанновна приказала Колывано-Воскресенские заводы «взять на Нас», т.е. предприятия должны были перейти в собственность государства.

Заводы были отняты у владельца в начале 1735 г., когда сюда прибыло специально созданное Томское и Кузнецкое горное начальство, возглавляемое майором Леонтием Угримовым. Сами Колывано-Воскресенские предприятия были переименованы в «Томские заводы», хотя никакого отношения к Томскому уезду они не имели. Однако Демидов не желал добровольно расставаться со своими предприятиями. В 1736 г. заводчик подал в Кабинет министров адресованное на имя царицы прошение, где просил, «чтоб ... те заводы и взятые инструменты ему отдать». На этом прошении царица написала собственноручную резолюцию: «Заводы ему по-прежнему возвратить». Колыванский (Томский) завод и рудники были возвращены Демидову в мае 1737 г.

Вернув себе алтайские предприятия, Акинфий Никитич столкнулся с прежней проблемой – необходимостью строить новые предприятия в Приобье. Основным местом строительства считалась р. Бобровка, куда уже завезли материалы для строительства Бобровского завода. Однако прибывший на место летом 1739 г. «плотинщик» Роман Латников, очевидно, пришел к выводу о том, что бобровский пруд окажется слишком мелким, и отказался от строительства здесь завода.

В августе-сентябре 1739 г. Роман Латников выбрал новое место для второго демидовского медеплавильного предприятия в Западной Сибири – устье реки Барнаул. Акинфий Демидов узнал о месте расположения своего нового завода лишь после того, как строительство уже было начато. На месте будущего города к этому времени уже существовала Усть-Барнаульская деревня, основанная примерно в 1735 г. Но в ней жили государственные крестьяне, выходцы из Белоярской крепости, которые к Демидову не имели никакого отношения.

Точная дата возведения Барнаульского завода указана в документе, составленном в конце XVIII в.: «Строением сей завод начат в 1739 году с 28 сентября определенными к тому прикащиком, бывшем до сего в Колыванском заводе, Иваном Осиповым и истребованным с Красноярских заводов плотинным мастером Романом Харитоновым [сыном] Латниковым». Заводскую плотину начали строить весной – в апреле следующего года.

Второй демидовский завод был пущен 5 (16) июля 1744 г. – здесь задымила первая рудоплавильная печь, остальные пять достроили к концу года. Если раньше всю «черную» медь с Колыванского предприятия приходилось на судах сплавлять на Урал, то теперь примерно половину неочищенного металла, наряду с рудой, отправляли на устье реки Барнаул.

Ко времени пуска Барнаульского медеплавильного завода относится и начало сереброплавильного производства на Алтае. Поиск серебряной руды в Рудном Алтае Акинфий Демидов начал сразу после получения в 1726 г. сведений о её наличии в одном из образцов. По закону искать любые металлы в России разрешалось всем

подданным на любых землях. В сентябре 1727 г. император Петр II подписал указ, которым частным лицам в Сибири разрешалось не только искать, но и плавить любые металлы, включая серебро и золото. Единственным предприятием страны, где по закону разрешалось плавить серебро, в 1730-е гг. был Колывано-Воскресенский завод Демидова.

Несмотря на безусловную прибыльность медеплавильного производства, А. Демидов не оставлял надежд на открытие на Алтае руд драгоценных металлов. В документах 1730-х гг. сохранились отрывочные сведения о поисках серебряной руды и о помощи Демидову в этом со стороны государства. В 1732 г. на Алтае работала посланная из Берг-коллегии государственная комиссия во главе с будущим вице-президентом Берг-коллегии В. Райзером и капитаном В. Фермором. После осмотра месторождений они записали в отчете: «В глубине... медь лучше, и медное содержание в серебряное переходит». Как упрек демидовским приказчикам говорилось о том, что «копка руд ведется непорядочно, ямами и сверху», а до руды, содержащей серебро, не углубляются.

Проблема заключалась в том, что никто из демидовских рудознатцев никогда не имел дела с серебряной рудой. Не имея опыта в поисках драгоценных руд, демидовские приказчики обращали внимание на любой нехарактерный цвет руды. Особенность алтайских руд состояла в том, что все они являлись полиметаллическими, т.е. помимо меди содержали в разных пропорциях и другие цветные металлы, прежде всего свинец и цинк.

Из руд любого разрабатываемого месторождения стремились извлечь медь. Полученный медный полуфабрикат (штейн, который по-русски называли «черной медью») вбирал в себя другие металлы, содержащиеся в полиметаллических рудах. От этих примесей пытались избавиться при последующих очистительных плавках. Серебро изредка появлялось при опытах на небольших горнах, но неизбежно исчезало во время попыток промышленного извлечения (в большой специальной печи). Для раскрытия секрета промышленного получения алтайского серебра требовались горные специалисты, имевшие опыт поиска серебряных руд; искусные металлурги, знакомые с европейскими технологиями выплавки серебра, наконец, специальные печи. Ни первого, ни второго, ни третьего у Акинфия Никитича до начала 1740-х гг. не имелось.

Ситуация стала меняться с 1741 г., когда Демидовым был нанят по контракту и отправлен на Колывано-Воскресенские предприятия немецкий горный мастер (штейгер) Филипп Трейгер. «Саксонской нации выезжей иноземец» Трейгер уже имел опыт удачного поиска серебряных руд в Европейской России. Демидов нанял его на три года с жалованьем 200 руб. в год. Контракт мастера заканчивался в 1743 г. К этому времени на Алтае удалось открыть серебряные руды, и летом А. Демидов принял «себе во услужение» мастеров сереброплавильного дела – саксонцев плавильного мастера Михаэля Иоганна Юнгганса и берг-лейтенанта Самуэля Иоганна Христиани. Первому уральский заводчик обязался платить 600 руб. в год, второму – 450 руб. Никогда прежде иностранные мастера не получали у Демидова такого жалованья. Даже на казенных заводах Урала самым квалифицированным иностранным специалистам платили не более 400 руб. в год.

Надежды А. Демидова полностью оправдались. Именно Михаэль Юнгганс стал первым специалистом, которому удалось организовать промышленную выплавку алтайского серебра. Однако неожиданно для хозяина саксонец извлек серебро

не из руд, а из полуфабриката – алтайской черной меди, привезенной на Невьянский завод из Приобья. Из признания самого Акинфия Никитича становится ясно, что когда Юнгганс прибыл на его «сибирский» Невьянский завод, он обнаружил там 233 пуда алтайской черной меди, которую привезли сюда для очистки. Зная особенности сереброплавильного производства, Юнгганс смог извлечь из нее 27 фунтов 80 золотников (11 кг 808 г) «чистого натурою серебра». Это было первое промышленное серебро, полученное из алтайских руд. Извлечено оно было осенью 1743 г.

Суть открытия Юнгганса объяснил сам Демидов: «на ... Колывано-Воскресенском медном заводе сначала плавлена медь черная и, не зная, что она черность в меди была от свинцу, которую черность вычищали многими плавками, и тот свинец весь тратили в огне напрасно...». Получалось, что черноту меди придавал свинец, содержащий в себе серебро. В течение нескольких десятилетий демидовские мастера, очищая алтайскую медь на уральских заводах, избавлялись от самого главного содержимого руды – драгоценных металлов!

3 декабря 1743 г. Самуэль Христиани и Михаэль Юнгганс прибыли на Колывано-Воскресенский завод, сменив Ф. Трейгера. Здесь они приступили к организации сереброплавильного производства. Весной 1744 г. Юнгганс наладил на этом предприятии промышленное производство серебра. Парадоксально, но первое алтайское серебро было извлечено не из змеиногорских руд. «Змеевая гора» значилась в рудоискательских заявках и Якова Костылева, и Акинфия Демидова 1720-х гг. Везде она фигурировала как месторождение медных руд. Однако после начала освоения региона демидовские мастера не обращали внимания на Змеиную гору. Только весной 1736 г. по объявлению демидовского крепостного рудоискателя Федора Лелеснова казенное горное начальство (заводы были отобраны у Демидова) организовало работы по обследованию месторождения. Из найденных «корбалихинских руд» тогда в лабораторных условиях удалось получить серебро. Однако при промышленной плавке драгоценный металл опять исчезал. Позже появилась легенда, пытавшаяся объяснить причину неудачи. Она повествует о том, что при опробовании змеевской руды во времена Леонтия Угримова «хотя по малым пробам те руды и оказывали в себе часть серебра, но сие сочтено было, что пробирщик клал туда могильное чудское серебро или серебрянные копеечки».

Осенью 1743 г. Федор Лелеснов показал уезжавшему с Алтая Филиппу Трейгеру «со Змеевской горы камешки». Опытный мастер сразу определил, что это серебряная руда, и попросил рудознатца провести его на месторождение. Как вспоминал через сорок лет сам Лелеснов, он отвел Трейгера на безлюдную гору, к месту своих находок. Трейгер, уезжая, «обещался при показании той руды объявить меня себе товарищем, и сколько дано будет за то награждения, оное разделить со мною пополам». Несмотря на утверждения Лелеснова, о Змеиной горе демидовские специалисты узнали не благодаря ему. Сразу по приезду на Алтай Христиани обследовал все месторождения, в том числе и Змеиногорское, сообщив результаты А. Демидову. В его отчете сообщалось, что змеиногорские руды содержат примеси свинца и серебра. Месторождение, столько лет считавшееся медесодержащим, оказалось серебряным.

К разработке месторождения и созданию Змеиногорского рудника приступили ранней весной или летом 1744 г. При этом первым официальным названием рудника стало «Змеевской свинечной», поскольку специалистам было понятно, что речь идет о серебристом свинце. В первый же год эксплуатации рудник превратился в основного поставщика серебросвинцовых руд для Колывано-Воскресенского завода. В том

же 1744г. для защиты рудника возвели крепость, давшую начало будущему городу Змеиногорску.

В первой половине XVIII в. России хронически не хватало драгоценного металла. Для чеканки собственной монеты государству ежегодно требовалось не менее 2 тыс. пудов высокопробного серебра, а его в стране не было. Вот почему колыванское серебро, полученное в 1743г., позволяло Акинфию Демидову рассчитывать на царскую милость. В конце 1743г. или в начале 1744г. Демидов лично «нескрытно объявил» императрице Елизавете Петровне о выплавленном из алтайских руд серебре и поднес царице слиток собственного драгоценного металла.

Алтайское серебро дало ему возможность просить новых серьезных привилегий лично у императрицы. Делая такой подарок и сообщая о новых месторождениях, Демидов изложил царице свою просьбу: «чтоб мне быть со всеми заводами, с детьми, мастеровыми и работными людьми... под ведением в высочайшем Кабинете». Заводчик рассчитывал, что серебро поможет ему избавиться от контроля со стороны Берг-коллегии и позволит, минуя бюрократические препоны, решать дела напрямую через личную канцелярию монарха – императорский Кабинет. 24 июля 1744г. обещание царицы превратилось в государственный закон – Сенату был дан императорский указ о привилегии действительного статского советника Акинфия Демидова, пожалованной ему за особые заслуги перед Отечеством. В благодарность за верную службу императрица объявляла о своем покровительстве знаменитому уральскому заводчику.

Но императрица не стала полагаться лишь на словесные обещания Демидова наладить сереброплавильное производство на Алтае. Необходимо было убедиться в достоверности сведений, поступивших от уральского просителя. Поэтому указом от 17 мая 1744г. Елизавета Петровна повелела послать на Колывано-Воскресенские заводы специальную комиссию во главе с начальником Тульских и Сестрорецких оружейных заводов бригадиром Андреем Венедиктовичем Безром. Ему поручалось освидетельствовать демидовские рудники и решить, можно ли на базе этих месторождений построить сереброплавильный завод. Поскольку демидовские предприятия императрица решила взять под свое ведение, комиссия А. Безра должна была отчитываться перед Кабинетом Ее Императорского Величества.

Пока комиссия готовилась к отъезду, в Москве произошло событие, предопределившее скорые изменения в истории как Колывано-Воскресенских предприятий, так и Верхнего Приобья в целом. В июне 1744г. бывший демидовский штейгер Филипп Трейгер прибыл в Москву, где тогда находилась Елизавета I, и преподнес царице руды со Змеевой горы. 22 июня крупнейший специалист по добыче серебра поручик Иоганн Готтлиб Улих провел пробу образцов, предоставленных иностранцем. Змеиногорская руда оказалось золотой! Это было первое рудное золото России.

Обстоятельства резко изменились, и 2 июля 1744г. Елизавета Петровна дает А. Безру новый указ: «Ныне известно учинилось, что при том серебре и золотая руда находится... Повелеваем Вам на Колывано-Воскресенских Демидова заводах как серебряную и золотую руду, так и протчия минералы, какия тамо находица могут, надлежащим порядком осмотреть и освидетельствовать». Кроме того, озабоченная многолетней тратой драгоценных металлов, царица поручила Безру «протчие... заводы, секретно осмотреть» на предмет грамотности организации металлургического производства. Небольшая командировка на Алтай превратилась в мероприятие общесибирского масштаба.

Комиссия Беэра работала на Алтае с января по октябрь 1745 г. Уже в первые дни из руд Змеиной горы только «самородного серебра» собрали около 130 граммов, которое при пробах оказалось низкопробным золотом. 28 февраля это золото и образцы руд Беэр, «в одном ящичке запечатав», послал в Кабинет для императрицы. После прибытия Беэра демидовские плавки драгоценного металла на Кольвано-Воскресенском заводе были прекращены. Лишь на Барнаульском заводе продолжалось производство меди. Разработка Змеиногорского рудника велась под контролем государственных специалистов, весь металл отправлялся в Кабинет. Фактически уже в феврале 1745 г. А. В. Беэр забрал в казенную собственность главный серебросодержащий рудник А. Н. Демидова. В августе, перед отъездом бригадира в обратный путь, это «взятие в казну» было оформлено и юридически. Демидовским приказчикам возместили стоимость заготовленных руд и построенной на Змеевой горе крепости – 100 руб. за крупнейший серебряный рудник России! После принудительного взаиморасчета у А. Н. Демидова никаких прав на Змеевское месторождение формально не оставалось. Так в 1745 г. на Алтае появился первый кабинетский рудник и первый казенный населенный пункт – Змеевская крепость. Разные формы собственности предполагали и разную администрацию. Теперь на Алтае параллельно с демидовскими управляющими, ведавшими Кольвано-Воскресенскими предприятиями, действовала и временная кабинетская администрация, сформированная бригадиром Беэром. Первым руководителем кабинетского Змеиногорского рудника стал бывший демидовский штейгер Иоганн Георг Герих. За время работы комиссии из змеиногорских руд было выплавлено 44 пуда 22 фунта 35 золотников алтайского серебра и 12 фунтов 32 золотника золота. Всё оно пошло в доход Кабинета.

Перед отъездом Беэра на всех серебряных месторождениях были выставлены караулы, чтобы «руд плавить никто не мог». Демидовская добыча серебра, остановленная в январе 1745 г., больше никогда не возобновлялась. Направляясь на Урал, Беэр еще не знал, что хозяина Кольванских заводов, могущественного Акинфия Демидова уже нет в живых. 67-летний владелец алтайских заводов умер 5 августа 1745 г. по дороге из Европейской России на свои уральские предприятия. По завещанию рудники и заводы передавались в собственность младшего сына Никиты, которого Акинфий Никитич считал наиболее способным продолжить начатое им дело. Однако старшие братья Прокопий и Григорий не согласились с несправедливым, по их мнению, решением умершего отца и обратились к императрице с просьбой отменить завещание. В конце сентября последовал указ Елизаветы Петровны, которым она отменяла завещание знаменитого заводчика и намеревалась сама «всемиловейше рассмотреть» вопрос о разделе имущества между наследниками. В результате все демидовские предприятия на неопределенный срок, до окончательного дележа наследства, передавались под государственное управление. Заводы продолжали работать, но до решения имущественного спора все наследники отстранялись от руководства ими. Опекать демидовские предприятия должна была Берг-коллегия.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Андрей Беэр в рапорте царице 17 декабря 1745 г. подтвердил наличие промышленных запасов серебряной золотосодержащей руды на Змеевском месторождении и перспективность всего прилегающего к Змеиной горе района на новые рудопроявления драгоценного металла. Выполненные расчеты показывали, что добыча серебра должна была приносить немалую прибыль. «Казенной завод завести можно», – писал руководитель комиссии в своем рапорте.

Для экономии леса Беэр предложил сохранить медеплавильное производство лишь в Барнауле. А на Колывано-Воскресенском заводе Демидовых выплавлять серебро до тех пор, «покамест... вновь казенные заводы построены будут». По его подсчетам, на семи плавильных печах этого предприятия можно было выплавлять до 125 пудов серебра «и несколько золота и меди». В дальнейшем бригадир предлагал построить заводы очень далеко от Рудного Алтая – на иртышских притоках Таре или Уе.

Блестящая будущность алтайских рудников, нарисованная в отчете А.В. Беэра, смерть Акинфия Демидова, ссора между его наследниками и временное отсутствие фактического владельца Колывано-Воскресенских предприятий, очевидно, подтолкнули администрацию Кабинета или саму императрицу к иному решению – взятию в казну всего принадлежащего Демидовым Колывано-Воскресенского горно-металлургического комплекса.

Фактически решение о взятии алтайских предприятий у наследников Акинфия Демидова в казну было принято уже в декабре 1745 или в начале 1746 г. Но для окончательного придания ему юридической силы понадобилось еще немало времени. Только 1 мая 1747 г. последовал давно ожидавшийся «именной высочайший указ государыни Елисаветы Петровны бригадиру Беэру». Ему поручалось отправиться на Алтай и «Колывано-Воскресенской, Барнаульской и Шульбинской [заводы] и прочие на Иртыше и Оби реках и между оными..., со всеми отведенными для того землями... взять на Нас». Как и в 1734 г., царица использовала выражение «взять на нас», которое означало переход предприятий в казенную собственность. Вновь речь шла о принудительном выкупе, а не о конфискации.

Описание и подсчет стоимости алтайских предприятий длились до начала 1750 г. Подсчеты, проведенные наследниками А.Н. Демидова и Горной канцелярией, показали совершенно разные суммы. Поскольку Демидовы считали свои затраты («убытки») на строительство и содержание предприятий, они оценили заводы в 50 799 руб. Горное начальство во главе с Беэром определяло стоимость заводов по их реальному состоянию на 1747 г. и получило сумму значительно меньшую – всего 29 445 руб.

При расчетах за взятые предприятия полагалось учесть долги Акинфия Никитича государству. Поэтому параллельно с подсчетом стоимости алтайских заводов А.В. Беэр вел учет демидовских «недоимок». Общая сумма таких долгов составила около 69 тыс. руб. Однако наследники аргументированно не согласились с выплатой такого долга. В результате дети Акинфия Никитича отказались возместить отцовский долг, а государство не вернуло им стоимость Колывано-Воскресенских предприятий.

Глава 2

УПРАВЛЕНИЕ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.. КАБИНЕТСКАЯ ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

2.1. Управление горного округа

Колывано-Воскресенский (с 1834 г. – Алтайский) горный округ представлял собой своеобразное явление политической жизни России. Он принадлежал к разряду ведомственных территориальных образований и входил в состав более крупных административных единиц Сибири в соответствии с общегосударственным районированием. В 1747–1763 гг. округ – составная часть Тобольской провинции Сибирской губернии; в 1764–1782 гг. – Тобольской губернии, в пределах которой с 1779 г. существовала Колыванская область, куда практически полностью волился кабинетский округ. С 1782–1783 гг. он входил в состав Колыванского наместничества, включавшего одну Колыванскую губернию, образованную из Колыванской области. С ликвидацией в 1796 г. Колыванской губернии округ целиком отошел к Томской области Тобольского наместничества (с 1798 г. – Тобольской губернии). В 1804 г. он волился в состав Томской губернии. С конца XVIII в. Колывано-Воскресенский горный округ охватывал пространство, на котором расположены следующие современные административные единицы: Алтайский край, Республика Алтай, большая часть Новосибирской и Кемеровской областей, незначительное пространство юга Томской области, западные районы Республики Хакасии, северные территории Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Особенность его по сравнению с другими горнозаводскими округами страны состояла в принадлежности заводов, рудников, земель, недр, лесов монарху Российской империи. Финансовый интерес коронованной особы способствовал складыванию автономной от общегосударственных властей системы управления горно-металлургическим хозяйством. Главным звеном этой системы был Кабинет Его Императорского Величества (за исключением периода с 1830 по 1855 г., когда заводы и рудники Алтая находились в ведении арендовавшего их Министерства финансов).

Во второй половине XVIII в. Кабинет проделал эволюцию из личной канцелярии главы государства в финансово-хозяйственный орган по управлению имуществом монарха. В 1826 г. он вошел в состав Министерства императорского двора и уделов. По мнению новосибирского историка М. В. Кричевцева, Кабинет выступал в роли стратегического руководителя Колывано-Воскресенских заводов, предоставляя местным учреждениям значительную свободу действий, что было обусловлено удаленностью промышленных объектов от Петербурга, финансовым профилем Кабинета и первоначальной некомпетентностью его аппарата в горном деле.

Для заведования кабинетским горно-металлургическим хозяйством на Алтае и обслуживавшим его населением по Высочайшему указу от 1 мая 1747 г. создавалась Канцелярия Колывано-Воскресенского начальства. Постоянным её местопребыванием с 16 февраля 1748 г. был поселок Барнаульского сереброплавильного завода. Внутреннее устройство Горной канцелярии было довольно простым: «присутствие» и собственно канцелярия – делопроизводственный отдел, где сидели «приказные служители» (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писари).

Так называемое присутствие являлось обязательным подразделением введенных Петром Великим коллегиальных учреждений, в котором принимались решения по выносимым на повестку дня делам большинством голосов участвовавших в обсуждении заседателей. В присутствие Горной канцелярии входили: главный командир заводов (председатель) и его «сотоварищи», т. е. лица, дослужившиеся до высоких чинов. Большую роль в становлении горной промышленности Алтая сыграл Андрей Венедиктович Беэр (1696–1751). В 1744–1745 гг. он возглавлял комиссию Кабинета, ревизовавшую заводы А. Н. Демидова в Верхнем Приобье, в 1747–1751 гг. стал первым главным командиром Колывано-Воскресенских заводов. А. В. Беэр определил программу деятельности кабинетских предприятий, обеспечил их специалистами и рабочей силой, наладил промышленную разработку Змеиногорского месторождения, организовал военную охрану заводов и рудников.

Подлинного равенства между членами присутствия Горной канцелярии не существовало. Центральной фигурой его был главный командир заводов. Он назначался самим монархом и обладал широкими властными полномочиями, являясь высшим должностным лицом в округе. В соответствии со своим высоким положением председатель тяготел к доминированию в присутствии Канцелярии. Тем не менее производственные неудачи могли поколебать авторитарные позиции главного командира Колывано-Воскресенских заводов. Например, Кабинет без возражений в 1780 г. удовлетворил прошение главного командира А. А. Ирмана об отставке, когда наметился устойчивый спад в сереброплавильной промышленности.

В ходе Крестьянской войны 1773–1775 гг. власть на местах, по определению В. О. Ключевского, на деле «доказала свою неисправность». Несостоятельность и недостатки местных властных структур должна была устранить общероссийская административная реформа. В политике Екатерины II общегосударственные мотивы возобладали над ведомственными интересами, в результате чего правительственный эксперимент охватил и кабинетский горнозаводской район на Алтае. В 1779 г. его территория вошла в состав Колыванской области (позже одноименной губернии). После закрытия Горной канцелярии 19 июня 1780 г. её многочисленные и разнообразные функции отошли к областным (с 1783 г. – губернским) учреждениям. Руководство заводами и рудниками было передано в руки Казенного департамента Колыванской области (с 1783 г. – Казенной палаты Колыванской губернии), при ко-

тором была организована Горная экспедиция. Начальником заводов (так с этого времени стал именоваться главный командир) был назначен областной правитель (губернатор) генерал-майор Б.И. Меллер. Он и Казенный департамент по горно-заводским делам находились в зависимости от Кабинета, по остальным вопросам состояли в ведении Сената.

Спад в производстве серебра, вызванный бедственным состоянием Змеиногорского рудника, стимулировал создание при начальнике заводов Горного совета «из нескольких искуснейших горных офицеров» с целью ликвидации наметившегося отраслевого кризиса. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы не допустить развития кризиса, сказались плоды проведенных в 1779–1780 гг. административных преобразований. Были утрачены согласованность, а главное – оперативность действий властей в решении нетерпящих «упущения времени» неотложных производственных проблем. В 1782 г. выплавка бликового серебра (бликзильбера) упала до уровня 1762 г. – 400 пудов. Выход из патовой ситуации нашелся довольно быстро – новая административная реорганизация с акцентом на нужды и благополучие на нужды кабинетского хозяйства. В роли её инициатора выступил член Кабинета генерал-майор Петр Александрович Соймонов (1737–1780). С 1784 по 1793 г. возглавлял экспедицию по Колывано-Воскресенским заводам в составе Кабинета и Горное училище.

В 1785 г. последовало назначение самостоятельного начальника заводов, свободного от исполнения обязанностей губернатора. Главой кабинетских предприятий Западной Сибири стал статский советник Гавриил Симонович Качка (1739–1818) – начальник Колывано-Воскресенских заводов (1785–1798), колыванский губернатор (1796–1798).

В его прямое подчинение перешла Горная экспедиция, которая была в срочном порядке выделена из Казенной палаты и сделана равноправным с ней учреждением. Начальника больше не стесняли действовавшие коллегиальные процедуры, что способствовало более открытому проявлению авторитарной тенденции с его стороны. В определенной степени ее сдерживал только Горный совет – отныне ежегодно собираемое «недели на две» собрание, состоявшее преимущественно из руководителей предприятий, где заслушивались доклады за прошедший производственный цикл, рассматривались всевозможные «проекты», но главное – утверждалась программа деятельности завода на новый год, служившая «непреложным правилом» для начальника. После перемен в порядке управления производственные успехи не заставили себя долго ждать. В 1789 г. показатель выплавки серебра достиг 1000-пудовой отметки, чего не бывало с 1778 г.

Ситуация в промышленности постепенно стабилизировалась. Преобразования 1785 г. проложили прямой путь к окончательной победе ведомственных начал в управлении горнозаводским комплексом на Алтае. В декабре 1796 г. была упразднена Колыванская губерния. По силе Высочайшего указа от 3 марта 1797 г. подлежала восстановлению Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Вскоре она была вновь открыта.

С преобразованием в 1828 г. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Горное правление завершилась в основных чертах эволюция главного ведомственного учреждения округа. В организационно-структурном плане Горное правление больше, чем Канцелярия, соответствовало уровню зрелого бюрократического организма. Его ядро состояло из четырех (с 1856 г. – пяти) отделений («руд-

ников и заводов», «приписных крестьян», «судное», «счетное», «по частным золотым промыслам»).

С 1822 по 1863 г. глава окружной администрации был наделен полномочиями томского гражданского губернатора. Хрестоматийным стало утверждение генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля: «Эта комбинация была ошибочна во всех отношениях; она была главной причиной того, что Томская губерния всегда управлялась хуже всех остальных Российских губерний». С 1830 г. высшее должностное лицо кабинетских заводов по образцу Уральского горнопромышленного района именовалось главным начальником. Проводя значительную часть времени в Томске, в инспекционных поездках по территории округа и губернии, он осуществлял общее руководство предприятиями Алтая и освобождался от ответственности за текущие дела в Горном правлении. Обязанность вникать во все подробности управления горнозаводским производством и людьми была возложена на местного горного начальника и его помощника, являвшегося старшим советником Горного правления.

Заводские (горные) конторы составляли среднее звено ведомственных органов, соответствовавшее в общегосударственной иерархии учреждений уездному уровню. В 1748 г. первой по времени оформилась Колыванская заводская контора. Главными объектами ее деятельности стали Колыванский завод и Змеиногорский рудник. Учреждение других контор стимулировалось дальнейшим расширением горнозаводского комплекса, увеличением численности предприятий. Если в 1750 г. действовала только одна заводская контора, то к 1830 г. — 8 (Барнаульская, Змеиногорская, Салаирская, Павловская, Сузунская, Локтевская, Томская и Колыванская). В 1834 г. была учреждена должность управляющего казенными золотыми промыслами, который по своему статусу приравнивался к руководителям горных контор. Помимо промышленных объектов, конторы заведовали госпиталями, заводскими школами, приютами для рудоразборщиков. К их услугам были тюрьмы, гауптвахты, исправительные казармы. Хотя конторы и относились к «присутственным местам», но фактически таковыми не являлись. Коллегиальный принцип принятия решений в них подменялся более оперативным и эффективным в условиях промышленного производства единоначалием, источником которого выступали управляющие контор, всем и вся распоряжавшиеся.

Низовой уровень управленческих структур производственного комплекса Западной Сибири был представлен горными и заводскими разрядами во главе с приставами, руководившие промышленными объектами. Они напрямую подчинялись конторам и управляющему казенными золотыми промыслами. По данным за 1859 г., своими приставами из горных инженеров располагали Змеевский, Гурьевский, Гавриловский заводы; Черепановский, Риддерский, Зыряновский, Николаевский, Сугатовский, Таловский рудники; медные рудники Змеиногорского края; Царево-Николаевский, Спасский, Андреевский, Пезасский, Бийские золотые промыслы. Кроме приставов, горные и заводские разряды в середине XIX в. были укомплектованы руководителями надворных работ, комиссарами, надзирателями цехов, смотрителями, писарями, писцами, счетчиками, обыскателями, сторожами, рассыльными и др.

Главные нити управления Колывано-Воскресенским (Алтайским) горнопромышленным комплексом находились в руках технических специалистов. По документам XVIII — первой трети XIX в. они известны как горные офицеры, с 1834 г. — горные инженеры. Они не только осуществляли руководство производственным процессом, но и выполняли управленческие функции. В качестве источников ком-

плектования горных офицеров выступали действующие и отставные военнослужащие, статские чины, иностранцы на контрактной основе и принявшие российское подданство («вечное фазальство»), представители низовой администрации. Постепенно возросло значение выпускников Горного кадетского корпуса (до 1804 г. – Горного училища). Из-за потребности обеспечения кадрами колывано-воскресенских предприятий основным ресурсом роста численности горных офицеров в конце XVIII – первой четверти XIX в. были разночинцы – выходцы из различных слоев населения, которые не относились к дворянам, офицерам и иностранцам. К ним следует отнести детей мастеровых и работных людей, военных и горных нижних чинов, приказных служителей, купцов, мещан, духовных лиц и др. Незначительными по происхождению были многие выдающиеся горные офицеры. Например, Т.С. Бурнашев происходил из томских казацких детей, отцом К.Д. Фролова был мастеровой Полевского завода (Урал), И.И. Ползунов – сын солдата Екатеринбургского завода, П.И. Шангин – потомок оброчных крестьян Тобольского уезда, дед Ф.В. Стрижкова являлся мастеровым Нижне-Тагильских заводов. В 1834 г. горные специалисты превратились в корпоративную сословную группу, пополнявшуюся главным образом за счет членов Корпуса горных инженеров и выпускников Горного института. Штатный контингент горных инженеров Алтая уступал по численности только Уральским заводам (51 против 134 человек).

Необходимо обозначить состав низовой окружной администрации Алтая, из рядов которой вышли многие офицеры и чиновники. На её плечах лежали непосредственное техническое руководство производственным процессом, административный надзор за горнозаводским населением, рутинная канцелярская делопроизводство. Во второй половине XVIII – первой трети XIX в. нижнее звено управления кабинетских предприятий Западной Сибири было представлено горными нижними чинами и приказными служителями, которые находились вне Табели о рангах. К первой группе относились: унтер-шихтмейстеры, мастера и подмастерья различной специализации (обер-штейгеры, штейгеры, гиттенмейстеры, унтер-штейгеры, унтер-гиттенмейстеры и др.), ученики (пробирные, маркшейдерские и пр.), гиттеншрейберы. Ко второй категории принадлежали: канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писари. В 1836 г. приказные служители прекратили свое автономное существование, слившись с контингентом горных нижних чинов, которые, в свою очередь, были разделены на три разряда: уставщиков и кондукторов; писарей, урядников, мастеров; подмастеров и писцов. В 1849 г. представители всех этих разрядов, кроме подмастеров и писцов, получили общее название – урядники.

Неотъемлемой составной частью ведомственной системы управления кабинетским горным хозяйством на Алтае выступал военно-горный строй. Основными компонентами этого явления были следующие: военный статус местной администрации; ведомственное военизированное подразделение; военный суд и система наказаний; горная полиция.

На процесс оформления военного статуса горных офицеров большое влияние оказывала потребность привлечения на горную службу квалифицированных специалистов, прежде всего из дворянства. Глава Кабинета А.В. Олсуфьев в докладе императрице отметил, что из русских дворян «в горную науку никто идти не хочет», поскольку горные офицеры «в таком от служащих в армейских и гарнизонных полках штаб и обер-офицеров презрении, что не хотят их и за офицеров признавать». В связи с этим обстоятельством именованным указом Елизаветы Петровны

от 12 января 1761 г. горные офицеры ведомства Колывано-Воскресенского горного начальства были приравнены «рангами, жалованьем и действительным почтением» к артиллерийским и инженерным офицерам. По Табели о рангах горные офицеры Колывано-Воскресенских заводов наделялись правами потомственного дворянства при получении классного чина шихтмейстера. Для них определили особую форму (мундир): кафтан красного сукна и зелёный камзол с серебряным позументом.

Оформление военного статуса административно-технического персонала кабинетских предприятий завершилось в 1834 г. созданием Корпуса горных инженеров. Его члены обладали офицерскими чинами, соответствовавшими званиям сухопутной военной службы. Горные инженеры носили кафтан, сюртук, брюки и фуражку темно-зеленого цвета со светло-синей выпушкой, серебряные эполеты и нашивки, шляпу с серебряной петлицей и черным султаном, шпагу с темляком, стальные шпоры (штаб-офицеры). Прерогативой горных инженеров являлось ношение бороды и усов, которые считались принадлежностью военного мундира.

В 1777 г. была учреждена постоянная комиссия военного суда в Барнауле в следующем составе: презус (председатель) из штаб-офицеров горного батальона, четыре ассессора (заседателя) из батальонных обер-офицеров, один ассессор из горных обер-офицеров, аудитор из сержантов. Цель её организации состояла в стремлении Кабинета снизить процент должностных преступлений и служебных проступков (попустительство, пьянство, взяточничество, хищение казенных средств) в среде горных офицеров. С 1779 г. в компетенцию военного суда вошли преступления мастеровых и рабочих людей. С 1818 г. на Алтае действовали уже три военно-судные комиссии: Барнаульская, Змеиногорская, Салаирская. С одной стороны, военные суды являлись важным регулятором социальных отношений в судебно-правовой сфере, который в определенной степени сдерживал рост преступности в промышленных центрах Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. С другой стороны, постоянные военно-судные комиссии были средством внеэкономического принуждения. Значительное место в их судебно-следственной практике занимали дела о побегах с горнозаводских работ мастеровых, рабочих людей и урочников. Основными целями выносимых военными судами карательных приговоров были возмездие и устрашение. Этому способствовал обширный арсенал телесных наказаний: клеймение лба и щек, вырывание ноздрей, битье кнутом, плетьюми, батогами, морскими кошками, лозами, тростями. С 1780 г. мастеровых как военнослужащих стали систематически наказывать шпицрутенами.

По материалам военно-судных комиссий побеги работников кабинетских предприятий предстают настоящим бедствием для сельского населения Алтая, так как часто сопровождалась кражами, грабежами, насилием и даже убийствами приписных крестьян, оговором их в пристанодержательстве. Неслучайно поэтому к поимке беглецов были причастны прежде всего приписные крестьяне и их низовая администрация. Случаи укрывательства беглых мастеровых были редкостью. Преобладающим мотивом большинства побегов мастеровых и рабочих людей являлось «отбывательство от казенной работы». Имели место и другие причины. В 1809 г. берггайеры И. Худяшев, М. Зубов и рудокоп З. Космачев «побег учинили единственно потому, что они состоят в старообрядческой вере, с тем, чтоб вольнее можно было молиться в уединении богу и тем спасти свою душу».

Ввиду наличия реальной угрозы со стороны Джунгарского ханства и Цинской империи в горнозаводском районе Западной Сибири с 1748 г. был раскварти-

рован значительный контингент регулярных войск — прикомандированные к кабинетским предприятиям офицеры и солдаты Енисейского, Тобольского пехотных и Новоучрежденного драгунского полков. Необходимым считалось и возведение крепостных сооружений «для бережения заводов серебряных от набегов и разорений неприятельских».

Интеграция сибирских военнослужащих в систему управления Колывано-Воскресенским горнозаводским комплексом стала веским аргументом для Канцелярии горного начальства, добившейся при посредничестве Сената 7 ноября 1762 г. согласия Екатерины II на превращение пяти рот сибирских частей в ведомственное военизированное формирование. С этого времени оно стало полностью содержаться на заводские средства. Штатное расписание на 523 человека от 26 августа 1764 г. завершило законодательное оформление контингента, получившего название «Колывано-Воскресенский батальон». Определялись новые источники комплектования «из сыновей, рожденных от служащих в тех ротах, или из заводских служителей». В XIX в. неоднократно меняя численность и состав, подразделение именовалось Колыванской горной штатной командой, Горным батальоном № 4, Линейным Сибирским батальоном № 12 и 10. В 1850 г. под командованием подполковника А. К. Речкунова находились 1016 военнослужащих. Из них почти 2/3, или 743 человек были задействованы в Барнауле, Змеиногорске и Салаире.

Служебные обязанности ведомственного военизированного подразделения кабинетских предприятий Западной Сибири были очень разнообразны и универсальны. Его военнослужащие привлекались к охране денежной казны, металлов, пороховых погребов, припасных и провиантских «магазинов», административных учреждений; сторожевой службе при тюрьмах и гауптвахтах; ночному дозору в горнозаводских центрах; конвоем колодников и арестантов; исполнению телесных наказаний; сопровождению караванов с серебром и изделиями Колыванской шлифовальной фабрики в Петербург; лесоохране; рассыльной службе; доставке товаров с Ирбитской и Нижегородской ярмарок; закупке провианта и пеньки для предприятий; поставке нерчинского свинца, пороха и селитры из Тобольска; набору заводских рекрутов; тушению пожаров (в том числе лесных); пресечению мародерства на пожарах; опалке лесов; поимке «разного звания беглых людей»; уборке по дорогам палого скота; высылке приписных крестьян «к исправлению заводских работ»; подавлению крестьянских выступлений.

Важнейшей вехой в истории оформления ведомственной горной полиции Колывано-Воскресенских заводов стал август 1785 г. Именно тогда член Кабинета П. А. Соймонов составил знаменитую инструкцию на имя нового начальника кабинетских предприятий Г. С. Качки. Её 14-й пункт предписывал проведение реорганизации полицейского управления в промышленных посёлках Алтая по Уставу благочиния 1782 г. и, что очень важно, определил финансирование полиции из заводской кассы. Новый порядок полицейского устройства предполагал деление Барнаульского и Змеиногорского горнозаводских центров на четыре квартала под началом квартальных надзирателей. Предусматривалось также учреждение будочных постов (будок): в Барнауле — 18, в Змеиногорске — 16. За одной будкой закреплялись «бутошные стражи» (будочники). Под их присмотром находилась часть из 40–50 домов. Будочники круглые сутки несли караульную службу, сменяя друг друга. Они же осуществляли контроль над передвижением населения. Был найден специфический источник комплектования этого самого массового полицейского

контингента – «инвалидные служители», т.е. лица, которые из-за небольших увечий, состояния здоровья или возраста не могли использоваться на производстве и в Колывано-Воскресенском батальоне.

В июле 1829 г. военнотружущие освобождались от несения полицейских обязанностей после приписки Горного батальона №4 к Отдельному Сибирскому корпусу внутренних войск Российской империи. Ощутимую потерю военных кадров для горной полиции были призваны компенсировать горные казаки – категория, учрежденная в 1831 г. на Алтайских заводах. За образец брались горные казаки Екатеринбургских заводов Урала. Был учтен также опыт Томского городского казачьего полка. В соответствии с предписанием главного начальника заводов Е.П. Ковалевского в мае 1831 г. Горное правление обязало Барнаульскую контору подобрать в казаки 22, Змеиногорскую – 12, Салаирскую – 6, Сузунскую, Павловскую, Томскую и Локтевскую по три кандидатуры. Казакам предоставлялось обмундирование и вооружение, состоящее из сабель и пистолетов. Летом 1831 г. постановление правления было исполнено. Казачья команда была сформирована из мастеровых низкой квалификации. Горные казаки содержались за счет заводов, занимали низшие полицейские должности, развозили корреспонденцию. Судя по служебному использованию, они играли роль вспомогательного полицейского контингента на Алтае.

Набор функций горной полиции был столь же обширен и разнообразен, как и гражданской, поскольку определялся общероссийским законодательством, но при условии, чтобы оно не противоречило узаконениям горного начальства. Среди функций горной полиции особое место отводилось благоустройству горного города Барнаула и заводских поселков (наблюдение за исправностью дорог, строений, предотвращение пожаров, наводнений, эпидемий, эпизоотий). Предметом её заботы были также наблюдение за торговлей, народной промышленностью, снабжение населения жизненно необходимыми припасами, проведение благотворительных акций (например, подписка на литературные издания в пользу детской больницы в Санкт-Петербурге, сбор денежных средств на строительство памятника баснописцу И.А. Крылову, оказание материальной помощи погорельцам других городов), аукционных торгов, призрение бедных. По «маловажным винам» барнаульская полиция выступала в качестве низшей судебной инстанции. Полицейские органы доводили до сведения жителей принятые правительством законы, распоряжения местных властей и следили за их исполнением. Кроме того, полиция не допускала жительства в промышленных поселках цыган (с 1816 г.) и евреев (с 1825 г.).

К раскольникам горная полиция применяла даже провокаторские методы. В 1818 г. змеиногорский полицмейстер штабс-капитан И.Ф. Сутупов выдал деньги горнозаводскому служителю А. Тумашеву «на обольщение и приманку» старообрядческого попа И. Иванова «для исправления якобы треб» в Петровском руднике. С 1836 г. горная полиция занималась распределением на работы (возделывание огородов, мытье полов, стирка лазаретного белья) «замеченных в дурном поведении женщин». Наконец, на барнаульскую полицию возлагались обязанности политического сыска. В 1786 г. управляющий благочинием И.С. Терской занимался «примечанием» в пределах поселка Барнаульского завода двух беглых крестьян города Ялуторовска П. Хрипунова и С. Копейкина, которые обвинялись в «неистовом разглашении о бывшем государе Петре Федоровиче будто бы он жив».

Барнаул как административный центр Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа обладал статусом горного города. Юридическое понятие «гор-

ный город» возникло в начале XIX в. при разработке Проекта Горного положения для Уральских заводов. В 1806 г. документ получил силу закона. Он официально признал в России два горных города – Екатеринбург и Барнаул. Окончательное законодательное оформление Барнаула как горного города произошло 16 апреля 1828 г. с изданием Учреждения об управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов. Остальные промышленные поселки кабинетского района Западной Сибири были возведены в ранг горных селений.

Согласно законодательству и в представлении современников горный город Барнаул ассоциировался с местопребыванием в нем учреждений верхнего звена управления кабинетскими заводами и резиденции главы окружной администрации. Вместе с тем важными признаками горного города следует признать размещение в нем ведомственных судебных и полицейских структур. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что с 1828 г. Барнаул обладал двойным юридическим статусом горного и окружного (уездного) города. Это в определенной степени накладывало отпечаток на положение барнаульской полиции.

Ещё одна задача местного управления кабинетских заводов – организация управления лесным хозяйством. Долгое время лесосохрана не отделялась от потребления лесных ресурсов на нужды горнозаводского производства. При этом до середины XIX в. были безуспешными попытки горной администрации наладить особое специализированное управление лесами. Определением Горного совета от 26 января 1783 г. была учреждена должность главного форстмейстера, которому подчинялись «при всех заводах и рудниках определенные к лесным делам офицеры». Охрана лесных богатств от пожаров и порубок была поручена 69 лесовщикам из заводских инвалидов. На должность главного форстмейстера нашлась только одна достойная кандидатура в лице И. Г. Мартина. Однако после его назначения руководителем Кольванского завода в 1787 г. в архивных материалах больше не встречается информация о должности главного форстмейстера. Особое должностное лицо, руководившее лесным хозяйством в территориальных рамках всего округа, а не отдельных лесничеств, и обладавшее специальным образованием, появилось только в 1850 г. С этого времени законодательно учрежденную в 1849 г. Лесную часть горнозаводского района Западной Сибири возглавлял выпускник Лесного института и офицер Корпуса лесничих Д. А. Машуков. Под его руководством состояли окружные лесничие, подлесничие, лесная стража из 150–200 полесовщиков. Что касается отделения лесосохраны от производства древесного угля, то оно состоялось в первой половине 40-х гг. XIX в. в результате определения на алтайские предприятия нескольких офицеров Корпуса лесничих. Обеспечение заводов топливом осталось в компетенции горных контор.

В административной истории Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа особое и важное место занимали приписные крестьяне – самый массовый контингент подневольных работников кабинетских заводов. В реформах второй половины XVIII – первой трети XIX в. отчетливо прослеживается стремление Казны и Кабинета изменить управление приписными крестьянами в соответствии со своими потребностями. Казна была заинтересована прежде всего в исправных налогоплательщиках, проявляя заботу о развитии сельского хозяйства, промыслов, торговли в алтайской деревне. Кабинет, напротив, рассматривал сельских жителей горного округа как дармовую рабочую силу для металлургических предприятий, обеспечивающую солидную прибыль от эксплуатации недр. Такое убеждение крепло по мере того, как с истощением рудных месторождений, лесов заводы все дальше удалялись

от сырьевой и топливной базы, что ухудшало и без того крайне неблагоприятное размещение производственных объектов в пределах окружной территории.

К 70-м гг. XVIII в. все нити руководства приписным сельским населением концентрировались в руках главного командира заводов, Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, заводских контор и специальных чиновников по заведованию приписными крестьянами – земских управителей. Реформа 1779 г., упразднив Горную канцелярию и земских управителей, вывела сельских жителей по административно-полицейским и судебным делам из-под опеки ведомственной бюрократии и переподчинила их общегосударственным органам Колыванской области. Однако в 1797 г. кабинетская администрация восстановила утраченную монополию в управлении колывано-воскресенскими крестьянами. Властные полномочия в отношении них вновь сосредоточились у Горной канцелярии, заводских (горных) контор, земских управителей. Период с 1797 по 1822 г. в истории приписной деревни Алтая характеризуется почти полной автономией кабинетской бюрократии от общегосударственных учреждений. Доступ последних во внутренние дела Колывано-Воскресенского округа был ограничен тяжкими уголовными преступлениями приписных крестьян, а также правом генерал-губернатора Сибири разбирать поступившие к нему с мест жалобы на произвол ведомственных должностных лиц.

Попытка М. М. Сперанского в 1821–1828 гг. освободить алтайских крестьян от обременительной заводской повинности и уравнивать их в правах с сословием государственных крестьян после 7-летней дискуссии в Первом сибирском комитете закончилась с минимальным результатом. Ради сохранения подневольного труда 86 тыс. работников на вспомогательных производственных операциях Кабинет согласился допустить уездных и губернских чиновников к административно-полицейскому руководству приписной деревней и расширить их полномочия в судебной сфере. В итоге с 1824 г. была введена, а в 1828 г. закреплена система двойной административной зависимости приписного населения от горных и гражданских управленческих структур.

Канцелярия горного начальства (Горное правление) сохранила за собой всю полноту хозяйственной власти, но утратила судебные и частично административно-полицейские полномочия над приписными крестьянами. Они перешли к Томскому губернскому правлению и Томскому губернскому суду – учреждениям Томской губернии, куда с 1804 г. входил Колывано-Воскресенский горный округ. Земские управители превратились в «отдельных заседателей» уездных полицейских органов – земских судов и подчинялись земским исправникам. Они на непродолжительное время (1824–1827 гг.) лишились права возбуждать уголовные дела и проводить предварительные следствия по ним без санкции земского исправника. Губернское правление, земские суды по реформе 20-х гг. XIX в. получили возможность утверждать, увольнять, отрешать от должностей выборных лиц сельского самоуправления. Судопроизводство по делам приписных крестьян с 1824 г. осуществляли Барнаульский, Колыванский, Томский, Кузнецкий, Бийский окружные и Томский губернский суды. Передачу им судебных полномочий Горной канцелярии можно было бы считать значительным успехом М. М. Сперанского, если бы не распространение на алтайских крестьян правил удельного судопроизводства. Согласно им, интересы приписных крестьян в суде представляли особые чиновники из заводских служащих – депутаты по крестьянским делам. Именно они и земские управители с конца 1820-х гг. и вплоть до реформы 1861–1864 гг. представляли реальную власть уездного уровня

в сельской местности Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, оттеснив на задний план общегражданскую бюрократию.

Управление посадским населением горнозаводского района Западной Сибири так же, как и приписными крестьянами, осуществлялось в рамках противостояния ведомственного и общего начал. В 1752–1780 гг. Барнаульские посадская и цеховая (до 1759 г.) избы, 1797–1824 гг. Колывано-Воскресенские ратуша и шестигласная дума выступали придатком ведомственных управленческих структур кабинетских заводов. В 1780–1797 гг. приписные купцы, мещане и разночинцы временно находились в ведении Барнаульского (с 1783 г. – Бийского) городского и Колыванского губернского магистратов. Лишь в 1822–1824 гг. городские сословия горного округа были навсегда освобождены от приписки к кабинетским предприятиям. Их распределение по общинам окружных городов окончательно ликвидировало деление посадского населения Томской губернии на «заводское» и «губернское». Тем не менее барнаульские купцы и мещане, состоявшие в ведении одноименной ратуши, сохранили административное подчинение ведомственной полиции.

2.2. Начало производства серебра на Алтае (1747–1760 гг.)

1 мая 1747 г. по указу Елизаветы Петровны заводы покойного А.Н. Демидова были взяты в ведение императрицы, от имени которой ими управлял Кабинет. Горное дело стало быстро развиваться. Добыча руды велась «денно и ночью». Специфика серебряных руд состояла в том, что серебро в них, как правило, находилось либо как примесь к свинцу (германские земли, Нерчинские заводы), либо к меди (Алтай, Нижняя Венгрия). Поэтому содержание серебра в таких рудах было мизерным, и требовалась изощренная технология для того, чтобы извлекать его из расплавов.

Так, первой была «сырая» плавка руд. Расплав в печи в жидком состоянии делился на слои: шлак в виде прозрачной стекловидной массы всплывал вверх, где его снимали вручную черпаками; серебро с другими тяжелыми компонентами, напротив, осаждалось на дно. Смысл сырой плавки был в том, чтобы в 10–15 раз увеличить концентрацию серебра в полуфабрикате и плавить его дальше, как если бы это были богатые руды. Сырую плавку изобрели в Саксонии еще в XVI в., и саксонцы стали учителями в металлургии для всей Европы. За сырцом закрепилось обозначение – «роштейн», т.е. буквально «сырой камень».

Второй была извлекательная операция, основанная на свойстве свинца в жидком виде присоединять к себе серебро из роштейна. В итоге получался «деловой» свинец, или веркблей.

Наконец, в третий раз металлы разделяли, используя разницу их удельного веса. Для этого в печи нагнеталась большая температура, приводившая к горению металлов, когда они начинали испаряться. Свинец всплывал к поверхности, соединялся с атмосферным кислородом, окислялся, превращался в глет, его сливали. Когда объятый пламенем расплав начинал ярко блистать, или «бликовать» и появлялся эффект радуги, это свидетельствовало о том, что в печи осталось одно только серебро, которое стало испаряться. Поэтому с началом бликования серебро разливали в чугунные корыта-изложницы и заливали кипятком, чтобы жидкий металл не испарялся. Разделительная операция была самой вредной, сопровождалась

большим угаром металлов: угар свинца доходил до 75%, а серебра до 30% и более. Металлурги-современники, размышляя о растратах металла, сожалели, что нет иного способа извлечь серебро из расплава, кроме свинцевания.

Горное дело на Алтае попало под сильное саксонское влияние. Главный командир Колывано-Воскресенских заводов Андрей Венедиктович Беэр имел саксонские корни. Управляющим Барнаульским заводом был назначен Иоганн Самюэль Христиани, Колыванским заводом – Иоганн Готтлиб Улих, Змеиногорским рудником – еще один саксонец Георг Христоф Эйсфельт.

Еще со времен Демидова сложились тесные производственные связи между Уралом и Алтаем. Из Екатеринбурга на Алтай приехал Андрей Иванович Порошин – заместитель А.В. Беэра по всем вопросам. Также на Алтае служили горные инженеры с Урала, такие как Пятин, И. Черницын-старший, будущий изобретатель паровой машины И.И. Ползунов и др. Уральское влияние отразилось на конструкции плавильных печей, строительстве заводских плотин и планировке рабочих поселков вокруг предприятий. Железо также поставлялось с Урала.

«Роспись работникам» 1748 г., обнаруженная в Государственном архиве Алтайского края, свидетельствует о широких производственных связях предприятий Алтая: на Колыванском и Барнаульском заводах работали 70 человек, 25 из которых были переведены с Екатеринбургских, Сестрорецких (возле Санкт-Петербурга), Красноярских и Олонекских (в Карелии) заводов, 48 были демидовскими мастеровыми. Они принесли на Алтай профессиональные навыки русской металлургии. Поэтому вместе с саксонскими терминами закрепились и официально применялись русские обозначения: вешняк, глаз, голуха, дразнилка, засыпь, изложница, колоша, курень, лещадь, набойка, настыль, плавень, под, чебак, шесток и пр.

Если металлургическое производство обеспечивалось квалифицированными рабочими кадрами, хотя и в недостаточной мере, то к добыче руды привлекались приписные крестьяне, солдаты и драгуны. Например, в декабре 1747 г. при Чагирском, Юрканском, Плотниковском и Локтевском рудниках 20 драгун находились в карауле, а 89 копали руду. При заводах насильственно поселяли беглых, беспаспортных, пришедших, которых собирали по всей Сибири. Колыванские рудники, наряду с уральскими и нерчинскими, стали местом отбывания каторги для уголовных преступников.

Со взятием заводов Демидова в ведение Кабинета в 1747 г. был установлен суровый военно-горный строй – режим принуждения к работам с применением арсенала средств устрашения, прежде всего телесных наказаний, широко применявшихся по отношению к мастеровым и крестьянам. Особенности Алтая (ленточные боры, отсутствие единого лесного массива, большие расстояния от мест добычи руды до мест плавки) делали учреждение принудительного извоза неизбежностью. Так, например, в 1748 г. 123 крестьянина одной деревни были одновременно наказаны батогами за неявку на заводские работы.

Колыванское серебро, как и все драгоценные металлы, добываемые в империи, поступало на Санкт-Петербургский монетный двор. Пять тысяч верст преодолевал караван серебра от главного Барнаульского завода до столицы. Такое же расстояние, к примеру, отделяло Западную Европу от Латинской Америки. Тем не менее все нити управления сереброплавильным производством на Алтае сходились в руках управляющего Кабинетом Антона Ивановича Черкасова.

Екатерина II, хорошо знавшая Черкасова, отзывалась о нем как о человеке грубом, требовавшем в любом деле порядка. Христиани и Эйсфельту барон Черка-

сов составил инструкции и приставил к ним русских военных чинов с такими же инструкциями, в итоге Кабинет получал отчеты и от саксонцев, и от приставленных к ним военных, чем установил на Колывано-Воскресенских заводах свои порядки. Именно барон Черкасов определил порядок производства серебра, при котором Колыванский завод производил лишь полуфабрикат роштейн (или сырец), получавшийся от первоначальной расплавки руд, чтобы перевезти его за 340 км на Барнаульский завод. Смысл состоял в том, чтобы сократить массу груза в 14–15 раз. Такая же производственная схема практиковалась еще при Демидове в производстве меди.

Колыванские серебряные руды считались «сухими», т.е. без содержания свинца. На Нерчинских же заводах в Забайкалье свинца оставалось столько, что свинками огораживали хлебные склады, в худшем случае его отправляли в отвал, где под открытым небом он крошился и смешивался с грязью. Поэтому и было принято верное решение о переброске свинца из того региона, где его было в избытке, туда, где его не хватало. Ежегодно с Нерчинских заводов ведомства Берг-коллегии на алтайские предприятия Кабинета сначала отправляли по 5 тыс. пудов свинца, необходимого для извлекательной операции, через полтора десятка лет потребность в нерчинском свинце выросла до 10 тыс. пудов в год.

Если сначала производство серебра не превышало 120 пудов в год, то в 50-х гг. XVIII в. ежегодно выплавлялось более 300 пудов. Причем поражает упорство при разрывании серебряного проекта в условиях постоянной военной угрозы со стороны южного соседа — Джунгарского ханства. Так, Колыванский завод был одновременно пограничным пунктом и военной крепостью. Офицеры действующей армии отказывались признавать заводского командира Беэра высшей властью, словесно унижали горных инженеров. На этой почве возникали острые конфликты между армейскими и горными командами. Эмоциональный накал достиг такой степени, что Беэр стал всерьез опасаться за свое психическое здоровье, в чем и признавался в переписке барону Черкасову.

Среди многих проблем, которые возникли в связи с пуском сереброплавильного производства, было отсутствие определенного источника снабжения рудников и заводов рабочими руками. Поэтому горное начальство использовало все наличные возможности для решения стоявших перед ним задач: воинские команды, помимо их основной обязанности — военной службы, копали руду; мастеровые использовались при добыче руды, производстве из нее металлов и для обороны заводов от джунгарских набегов; приписные крестьяне, кроме вспомогательных работ — перевозки припасов, рубки дров, жжения древесного угля, разломки угольных куч и иного, принуждались к работам в рудничных забоях и у плавильных печей.

Летом 1751 г. во время эпидемии в Барнауле умер А.В. Беэр. Следующим главным командиром стал его заместитель А.И. Порошин. В 1753 г. он уехал в Санкт-Петербург с караваном серебра и оттуда не вернулся, предпочитая управлять заводами на расстоянии. В этот «петербургский период» управления старые производственные проблемы Алтайских заводов не только не решались, но и усугубились. Внутренние работы в Змеиногорском руднике опускались все ниже, усилия по подъему руд на поверхность и отливу грунтовых вод из внутренних ходов становились все значительнее. Требовалось больше рабочих рук, но взять их было неоткуда. Истощение Колыванского бора непрерывными с 1727 г. порубками все острее ставили на повестку дня закрытие Колыванского завода и строительство нового предприятия

взамен прежнего. Если в 1751 г. Колывано-Воскресенские заводы дали 366 пудов серебра, то в 1760 г. — 264 пуда, т.е. едва ли не на треть менее.

Другой проблемой стала медь, находившаяся в рудах в промышленной концентрации. Ее производство отвлекало рабочие руки, чем вредило выполнению главной задачи. За 1747–1755 гг. на Колывано-Воскресенских заводах было произведено 2,5 тыс. пудов серебра (40 тонн) и 6,9 тыс. пудов меди. Медь не имела сбыта из-за узости местного рынка, а ее доставка в Европейскую Россию была необыкновенно дорогой и долгой. Более 110 тонн меди лежали на Колывано-Воскресенских заводах мертвым грузом, поэтому, видимо, в 1755 г. выплавку меди временно прекратили.

После отъезда Порошина в Барнаул в течение 1753–1760 гг. И.С. Христиани и И.Г. Улих фактически управляли заводами. Оба саксонца были перегружены административными обязанностями, с которыми не могли справиться в полном объеме. Так, в служебной характеристике Улиха 1753 г. написано, что он «один во всем том имел неотложные труды и неусыпное попечение и старание, от чего себе навел против прежнего изнурение и пришел в древность и от беспокойства неоднократно был в разных болезнях и затем более в таковых трудах был нежелателен».

В 1757 г. Россия вступила в Семилетнюю войну. Государственная казна пустовала, поэтому Елизавета Петровна вновь обратила внимание на свои Колывано-Воскресенские заводы: почему они не могут увеличить производство серебра? Новый управляющий Кабинета граф Адам Васильевич Олсуфьев (А.И. Черкасов умер в 1757 г.), деятельный и энергичный, настойчиво просил императрицу «так или иначе решить судьбу заводов». Совместно с Порошиным Олсуфьев составил проект усиления заводского действия, по которому следовало прежде всего трехкратно увеличить капиталовложения в производство, максимально усилить самостоятельность главного заводского командира, определить постоянный источник рабочих рук для растущего горнозаводского производства. Требовалось решить и другие давно назревшие проблемы, например, определить статус горных инженеров относительно офицеров действующей армии. Этот проект Елизавета Петровна утвердила в 1760 г., на последнем году своей жизни. Именно в ее правление была создана организационная основа того резкого промышленного роста, который испытали Колывано-Воскресенские заводы в екатерининскую эпоху.

2.3. Наивысший расцвет Колывано-Воскресенских заводов и упадок производства (1760–1785 гг.)

В 1761 г. А.И. Порошин вернулся на Колывано-Воскресенские заводы. Ему предстояло решить сложные задачи. Главной проблемой оставалась нехватка рабочих рук. К заводам приписали крестьян Кузнецкого и Томского уездов, в результате чего количество крестьян выросло в четыре раза. Набирать рекрутов в армию из горняков и металлургов запрещалось, следовало отправлять их на службу на заводы и рудники, а не в действующую армию.

Права и обязанности мастеровых устанавливались такие же, что и у солдат действующей армии: они освобождались от всех налогов и повинностей, кроме пожизненной службы на заводах. Служба была наследственной, поэтому на Алтае

начал складываться самый крупный в Сибири отряд потомственных квалифицированных рабочих. Мастерские снабжались провиантом, или пайком из муки или круп с вычетом их стоимости из жалования. Наконец, эта система снабжения предприятий рабочими руками за счет приписной деревни навсегда избавила колыванские рудники от неэффективного каторжного труда и больших затрат на охрану, питание и проживание уголовных преступников.

К мастерам применялись военное судопроизводство и система наказаний. Наказание преступника служило целям устрашения – содержание в тюрьмах, исправительных казармах, на гауптвахтах, а также телесные наказания розгами и шпицрутенами. Осужденных за уголовные преступления горное начальство не отправляло на Нерчинскую каторгу, не желая терять рабочие руки, а оставляло на Алтае для наказания и исправления. Одним из таких мест, куда помещали преступников, была барнаульская заводская тюрьма. Она находилась на восточной городской окраине – Тюремном переулке, ставшем основой современного Комсомольского проспекта.

По указу 1760 г. главный командир имел право строить новые заводы по своему усмотрению. В 1763 г. был закрыт Колыванский завод. Обветшавшая крепость вокруг него была разобрана, а бревна пошли на древесный уголь. Для строительства нового завода было подобрано удачное место на правом берегу Оби – на реке Касмале, посреди бора. А.И. Порошин предполагал, что Барнаульский завод вскоре постигнет судьба Колыванского. В строящийся завод он намеревался перенести главное заводское управление, чего, однако, так и не случилось. Новый завод в переписке упоминался как Касмалинский, но затем был назван Порошиным по имени наследника престола Павловским. В соответствии с переименованием корпус плавильной фабрики приобрел П-образную планировку.

Как и прежде, заводы плавил преимущественно руды главного Змеиногорского рудника, которые в промышленных концентрациях содержали одновременно серебро и медь. Изящное решение вопроса о том, куда сбывать производенную медь, уже имелось. Предполагалось строительство монетного двора при одном из заводов. Ежегодный объем чеканки определялся в 200 тыс. руб. мелкой монетой, что должно было компенсировать Кабинету затраты на содержание всех Колывано-Воскресенских заводов. Оставалось лишь определить место для строительства. По проекту плотина строящегося Павловского завода не смогла бы обеспечить работу двадцати наливных колес плавильной фабрики и монетного двора. Плотина Барнаульского завода вполне соответствовала этой цели, но на перестройку плавильных печей и мехов второй плавильной фабрики только что был затрачен капитал. Устройство монетного двора потребовало бы повторного переоборудования и капиталовложений, что не имело смысла.

Видимо, так главный командир А.И. Порошин подошел к выводу о необходимости строительства третьего предприятия – специального медеплавильного завода, чтобы загрузить мощности Барнаульского и Павловского заводов исключительно выплавкой серебра. Удобные места для будущих заводов всегда искали загодя: требовалась полноводная речка с крепкими глинистыми берегами, протекающая посреди бора, вдалеке от других заводов, чтобы не конкурировать с ними из-за леса. На правом берегу Оби удобных мест больше не было. Еще в 1752 г. на левобережье нашли подходящее место на реке Каракан, рассматривалось также запасное место на реке Иня. Но А.И. Порошин предпочел Нижний Сузун, обратив внимание на полноводие этой реки.

Летом 1764 г. развернулось заводское строительство одновременно на Касмале и Нижнем Сузуне. Сузунское предприятие стало медеплавильным цехом Кольвано-Воскресенских заводов: с Барнаульского и Павловского заводов сюда свозились обессеребрённые купферштейны (полуфабрикаты медной плавки). После извлечения меди они еще содержали в себе серебро и потому отправлялись обратно на сереброплавильные заводы. Так драгоценные металлы долго «тянулись» по заводским оборотам и по отчетности не считались утраченными.

Первую медь Сузунский завод дал в 1765 г., но открытие монетного производства волей обстоятельств откладывалось: нижнюю часть монетного двора подтопило уже 21 апреля 1765 г., уровень воды достигал 1,5 м. 14 июня от искр из труб плавильной фабрики занялась кровля монетного двора. Пожар уничтожил практически всё: валы, колеса, печатные станы... Первую монету в Сузуне получили лишь к концу 1766 г. Начало монетного производства обострило давнюю проблему очистки меди от примесей. Содержание 0,81 % серебра и 0,01 % золота в сузунской, или «колыванской» меди, повышало ее стоимость, поэтому на Сузунском монетном дворе с пуда меди чеканили 25 руб. мелкой монеты, т.е. применялась 25-рублевая стопа, в то время как на Екатеринбургском монетном дворе стопа составляла 16 руб., т.е. колыванская монета была тоньше и весила меньше, чем екатеринбургская.

Монетную стопу для «Кольванского» монетного двора определил главный судья Монетной канцелярии в Петербурге И.И. Шлаттер. Много лет своей жизни он потратил на борьбу с подделкой медных денег и опасался, что обращение колыванской монеты вызовет всплеск фальшивомонетничества в Европейской России. Это обстоятельство заставило ограничить оборот монеты с литерами «К.М.» (колыванская медь) только территорией Сибири. Присутствие драгоценных металлов было частью общей проблемы очистки меди, решение которой тогда еще не нашли. Примеси свинца, серы делали медь жесткой, поэтому от удара чекана монета по краям лопалась и крошилась. Монетный двор давал много производственного брака.

В 1768 г. А.И. Порошин подал Екатерине II прошение об отставке «за старостию». К этому времени он поднял производство серебра до 741 пуда (12 тонн), т.е. почти в три раза больше, чем в 1760 г., когда он вновь вернулся на заводы. Уже более двадцати лет Кольвано-Воскресенские заводы находились под управлением императорского Кабинета (с 1747 г.) и развивались куда успешнее, чем в демидовское двадцатилетие (1727–1747 гг.). Богатство залежей Змеиногорского месторождения и монетное производство в Сузуне, которое компенсировало производственные затраты, были причинами самой низкой себестоимости колыванского серебра в мире.

Оценивая вклад А.И. Порошина, горный офицер Аистов в 1828 г. записал: «Время управления заводами Порошина ознаменовано такими полезными распоряжениями и учреждениями, которые, с вероятностью можно сказать, составляют следствие того благосостояния, в котором они теперь находятся». Среди многих мероприятий, наряду со строительством Павловского и Сузунского завода, заслугой А.И. Порошина стала отлаженная при нем система снабжения колывано-воскресенских предприятий рабочими руками на основе рекрутчины с приписной деревни. На предприятиях в 1768 г. служили 5200 горняков, металлургов, мелких служащих, горных инженеров.

Во второй половине XVIII в. на юге Западной Сибири протекал процесс формирования потомственных кадров мастеровых, включая складывание городских центров с населением, изначально ориентированным на горное дело и металлургию. В 1771 г. Барнаул при численности населения более 2,8 тыс. душ мужского пола пре-

восходил все города Московской губернии, кроме Москвы, а Змеиногорск (2,5 тыс. душ мужского пола) уступал одному Серпухову; Сузун (1,1 тыс. душ мужского пола) превосходил Воскресенск, третий по численности город Московской губернии; Павловск, имея жителей в 880 душ мужского пола, превосходил все остальные города Московской губернии, взятые по отдельности.

Существенной особенностью русских металлургических заводов, конечно, был принудительный подневольный труд мастеровых и приписных крестьян. При малолюдстве Сибири и большой подвижности населения, осваивавшего новые территории, вольный наём не смог бы обеспечить горнозаводские предприятия необходимым количеством рабочих рук, требующихся для хозяйственного освоения недр в промышленных масштабах.

В XVIII в. термин «мастеровые» закрепился за квалифицированной и потомственной частью работников Кольвано-Воскресенских заводов. «Работными людьми», как правило, именовали тех, кто занимался неквалифицированным трудом и происходил из рекрутов. Однако нередко термин «мастеровые» даже в официальных документах приобретал расширительное толкование, когда под ним понимали все горнозаводское население, обслуживавшее основное производство. Именно в таком широком значении он использован нами при характеристике рабочей силы кабинетских предприятий.

Внутри формировавшейся в течение столетия сословной группы мастеровых происходило деление на специальности в соответствии с применявшимися технологиями. Основная масса горнорабочих была бергайерами, т.е. занятыми на добыче руды. Другими специальностями были промывальщики, рудоразборщики и кузнецы. Особой категорией являлись бурщики, проводившие взрывные работы. Карьерные перспективы открывались немногим и состояли в назначении на должность штейгера, т.е. непосредственного руководителя работ в забоях.

Специальности металлургов были более разнообразными: плавильщики — шмельцеры, подмастерья-засыпщики — форлейферы, подмастерья плавильные, абтрейберные, подносчики шихты — афтрейгеры, машинисты на воздуходувках. В течение жизни мастеровой должен был освоить несколько специальностей для того, чтобы работники были взаимозаменяемы. При заводах имелась масса подсобных специальностей: плотники-колесники, машинные плотники, обжигальщики руды, кузнецы, кирпичники, каменщики, угольщики, возчики, пильщики, конюхи, денщики, сторожа и проч.

Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов. Работа на предприятиях продолжалась круглосуточно. В выходные и праздничные дни не останавливались только те производства, где сохранялся непрерывный цикл работ, например, плавка металлов на заводах или отлив грунтовых вод из внутренних ходов на рудниках.

Большие расстояния, отделявшие Алтай от столицы, вызывали опасения Кабинета по поводу возможных «непорядков» на заводах. Во избежание этого главных заводских командиров назначали не из местных горных офицеров, а из других горных округов. Так, преемником А.И. Порошина стал сменивший его в 1769 г. Андрей Абрамович Ирман, горный инженер с Урала. Он проявил себя хорошим специалистом-техником, понимавшим потребности и интересы производства.

В 1768 г. Екатерина II отправила на Кольвано-Воскресенские заводы приказ усилить заводское действие в связи со вступлением России в войну против Турции. Поэтому производство резко увеличилось до 1227 пудов (20 тонн) в 1772 г. Это был

наивысший показатель за всю историю горнозаводской эпохи на Алтае. С ростом производства серебра на Колывано-Воскресенских заводах потребовалось увеличить ежегодные поставки свинца до 10–15 тыс. пудов. Как и прежде, он завозился на Алтай с нерчинских предприятий Восточного Забайкалья. Эту зависимость пытались снизить путем отыскания внутреннего источника свинца. При А.А. Ирмане в 1775 г. был построен Алейский серебросвинцовый завод, который плавил на штейн свинцовые руды. Срок его действия предусматривался в 30 лет, пока не истощатся лиственные леса в его округе.

Железо, необходимое для горнозаводского производства, сначала доставлялось из Екатеринбурга. Оно прежде всего шло на нужды заводов, для строительства печей, в то время как горное дело страдало из-за нехватки инструментов. Горняки не могли вести работы в твердых породах, в результате руды, стоившие добычи, оставались без внимания. С 1759 г. началось снабжение барнаульского предприятия железными изделиями с Ирбинского завода, удаленного от места поставки на 1100 км. С открытием месторождения железной руды в северо-восточной части Алтая на Салаирском кряже в конце 1760-х гг. было принято решение о строительстве там «небольшого заводчика» верстах в 80 от Барнаула. В 1771 г. на реке Томь был построен Томский завод, производивший чугун и сталь. Заводская плотина была возведена между сопок, состоящих из сланца, поэтому пропускала воду. Маловодие заводского пруда приводило к простоям томского предприятия до полугода. Поэтому его действие ограничивалось только потребностями кабинетских заводов и рудников, а главный Барнаульский сереброплавильный и Сузунский медеплавильный заводы оставались также предприятиями по металлообработке. Они часто выполняли заказы от прочих подведомственных мест на изделия из томского чугуна и железа.

Большое внимание главный командир А.А. Ирман уделял монетному производству в Сузуне. В 1770 г. управляющий Сузунским заводом и монетным двором Данила Балле смог решить проблему очистки меди от примесей. Кроме того, с 1772 г. на Сузунском заводе стали плавить медные руды специально для производства монеты. В целом на Колывано-Воскресенских заводах начали обжигать рожштейны, чтобы сера и прочие неметаллы, затруднявшие плавку руд, теперь сгорали в больших обжигательных печах — кальцинирофенах. Так или иначе, общий прогресс колыванской металлургии лишь способствовал успехам очистки меди, что позволяло пренебрегать содержанием золота и серебра и не учитывать их стоимость в монете. Результатом достигнутых успехов явилось прекращение изготовления «особливой» сибирской монеты и переход в 1781 г. на чеканку медных денег общегосударственного образца.

Будучи хорошим техником, А.А. Ирман оказался слаб перед соблазном неограниченной власти и фактически узурпировал ее в своих руках. На заводах воцарилась нетерпимая гнетущая морально-психологическая обстановка. Горные офицеры подвергались гонениям и даже травле. Главный командир явно переусердствовал и с принуждением приписных крестьян к выполнению ими принудительной отработочной повинности. Он воспользовался тем, что не было никаких правил определения крестьян на работы и широко использовал их труд не только на вспомогательных операциях, но и в основном производстве. К 1779 г. накопилось много фактов самовластия А.А. Ирмана. Он окончательно испортил отношения со своим непосредственным начальником А.В. Олсуфьевым, обращаясь прямо в Сенат и даже «досаждая императрице пакетами о делах заводских». Когда Екатерина II в 1779 г.

подняла вопрос об отставке Ирмана, управляющий Кабинетом А.В. Олсуфьев ответил ей: «нет в том затруднения никакого». Неспроста эта отставка была согласована с началом губернской реформы 1779г., которую некоторые историки считают реакцией на восстание Пугачева 1773–1775 гг.

Приписанные к Уральским заводам крестьяне из Западной Сибири активно участвовали в том восстании. Поэтому по манифесту Екатерины II от 21 мая 1779г. запрещалось «под опасением пени» принуждать крестьян к рудничным и заводским работам. Сфера применения крестьянского труда ограничивалась одними только подсобными работами: рубкой дров, перевозкой руды, песка, угля и пр., разломкой угольных куч, ремонтом заводских плотин, «в том единственно случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут». В итоге горные власти лишались единоличного права распоряжаться распределением приписных крестьян на заводские работы и вынуждены были согласовывать этот вопрос с губернской администрацией. Она состояла преимущественно из военных чинов, которые не знали, как управлять заводами, потому что никогда этим не занимались. Из-за бюрократической волокиты добытые руды часто было некому перевозить.

Проблема транспортировки заводских припасов совпала по времени с сокращением добычи самих руд, потому что при Порошине и Ирмане велась хищническая разработка Змеиногорского месторождения, когда извлекались на поверхность только близко залегавшие к ней и богатые руды. В погоне за рекордами пренебрегали строительством крепей, ходы нередко обрушивались, заставляя пробивать к залежам новые проходы, на что требовались дополнительные усилия и средства. В итоге верхние горизонты Змеиногорского рудника были истощены, сам рудник обрушился и был затоплен грунтовыми водами. Другого капитального месторождения взамен Змеиногорского открыто не было. Падение производства было резким. За десятилетие 1773–1783гг. поступление серебра в столицу сократилось в 3,5 раза с 1200 до 380 пудов. Сама императрица заметила этот кризис.

От сокращения добычи серебросодержащих руд сильно страдало и производство меди, потому что на Сузунском предприятии получали медь от расплавки обесеребренных роштейнов Барнаульского и Павловского заводов. Чтобы обеспечить бесперебойную чеканку монеты, у Локтевского рудника был построен одноименный завод, который производил один только купферштейн, т.е. из Локтя в Сузун отныне поступали не руды, а штейны, чтобы в условиях дефицита возчиков сократить объем перевозимого груза в 10–15 раз.

Ликвидация единовластия Кабинета над приписным населением была слишком простым решением проблемы предотвращения в дальнейшем злоупотреблений со стороны горной администрации. Главный удар принял на себя преемник Ирмана Борис Иванович Меллер. Он не смог вывести сереброплавильного производства из плачевного состояния, которое в его правление (1779–1785гг.) лишь усугубилось.

Каким бы тяжелым ни был этот хозяйственный кризис, для Кабинета он обернулся крупной политической победой. В 1785г. Екатерина II в полном объеме восстановила власть горного начальства над приписным населением. Отныне все перемены в организации вспомогательных работ стали восприниматься как ненужные и рискованные для владельца заводов – императора.

2.4. Стабилизация производства серебра в конце XVIII – первой трети XIX в.

В 1785 г. императорский Кабинет встал перед проблемой повышения эффективности производства на Колывано-Воскресенских заводах. Кроме того, во внешней политике России обострился «крымский вопрос». По итогам Первой Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крым был объявлен «самостоятельным», а в 1783 г. вошел в состав Российской империи. В ответ Турция в 1787 г. вновь объявила России войну. В преддверии назревавших событий Екатерина II в 1786 г. приказала увеличить производство серебра на Алтае.

В кабинетской стратегии развития колывано-воскресенской промышленности произошли существенные изменения. Основные усилия теперь были направлены не столько на рост производства, сколько на его стабилизацию на уровне 1 тыс. пудов серебра в год. Новый подход состоял в соразмерной плавке богатых и бедных руд, чтобы после истощения богатых руд не пришлось плавить одни только бедные. Урок 1770-х гг. пошел впрок.

В 1785 г. главным начальником Колывано-Воскресенских заводов был назначен Гаврила Симонович Качка. Это было, пожалуй, одно из лучших кадровых назначений Кабинета за всю горнозаводскую эпоху. Г. С. Качке предстояло решить комплекс проблем, с чем он блестяще справился в ходе своего пребывания в должности в 1786–1799 гг. Гаврила Симонович был венгром по происхождению. На Колывано-Воскресенских заводах служил его отец. Там же при Порошине началась и его карьера. В столице Качка дослужился до должности управляющего Санкт-Петербургского монетного двора, куда поступали все драгоценные металлы, добывавшиеся в империи, а главным поставщиком, конечно, были Колывано-Воскресенские заводы. Тем не менее назначение Качки на Алтай не было служебной ссылкой. Доказательством этому, как ни странно, служат именно его венгерские корни. На Алтае он провел важнейшую реформу горного дела – переход со старосаксонской на нижневенгерскую систему обработки месторождений. Поэтому алтайские рудники во второй половине XIX в. напоминали специалистам рудники Нижней Венгрии конца XVIII в.

Все «рудокопии» Алтая были неглубокими – до 200 м, что объясняется маломощностью водоотлива и рудоподъемных механизмов, но этажные, горизонтальные работы имели большое, до 2,5 км протяжение, в результате чего открывались отжилки основных жил и даже самостоятельные месторождения. Поэтому каждый рудник представлял собой целую сеть горизонтальных ходов, шедших от главных шахт во все стороны. Отныне все рудники, действующие и новые, основывались на нижневенгерской системе, потому что она как нельзя лучше соответствовала задаче соразмерной проплавки богатых и «убогих руд».

Для подъема производства требовалось восстановить главный Змеиногорский рудник и отыскать месторождение, равное ему по запасам. Еще при Ирмане Змеиногорский рудник насчитывал 7 этажей. По мере углубления работ количество горизонтов выросло до 12, на расстоянии примерно 20–25 м один от другого. Поэтому механизация водоотлива и подъема руд была необходимым условием реконструкции главного рудника. Козьма Дмитриевич Фролов в полном объеме осуществил свой широко задуманный замысел механизации рудничных работ путем строительства в трех капитальных шахтах четырех подземных наливных колес, которые приводились в движение одним и тем же водным потоком, последова-

тельно подававшимся на них от горного пруда по подземному каналу, который не перемерзал зимой. Два колеса на главной Екатерининской и Вознесенской шахтах обеспечивали водоотлив, от двух же других колес на Преображенской шахте действовали рудоподъемные механизмы.

К.Д. Фролов появился на Алтае благодаря Порошину, который умел подбирать кадры. Он забрал его с Уральских заводов. На новом месте К.Д. Фролов сначала отличился тем, что в 60–70-е гг. XVIII в. по своим проектам оборудовал четыре рудообогатительных фабрики. Но руды обогащались только на золото, промывка шламов (толченой рудной «муки») шла медленно. Механизированное обогащение руд на Колывано-Воскресенских заводах не было новостью. Первые два похверка (обогатительных фабрики) для обогащения руд на золото на Змеиногорском руднике построил еще Г. Эйфельт на рубеже 1740–1750-х гг. Однако новая венгерская технология принципиально отличалась от старой тем, что руды обогащались на серебро, а сам процесс предполагал неизбежную трату рудного серебра от 25% и выше, что раньше категорически не допускалось. В то же время венгерское обогащение кардинально расширяло возможности металлургической обработки таких руд, которые еще пятилетие назад считались некондиционными, отправлялись в закладки внутренних работ и отвалы на поверхности рудника. Теперь же их с успехом плавил на заводах. Венгерская обогатительная фабрика действовала на Змеиногорском руднике с 1788 по 1826 г.

Еще одна новая перспектива была связана с тем, что на Локтевском заводе в 1786 г. открылась шлифовальная мельница, началась обработка декоративных камней, т.е. появилась новая отрасль горной промышленности. Для поиска декоративных камней были отправлены шесть геологоразведочных партий. При Качке началось освоение недр Рудного Алтая, связанное с деятельностью этих партий. Разработка сереброносных месторождений шла параллельно с присоединением Алтая, которое завершилось в 1791 г. строительством Бухтарминского редуга. На стыке границ Китая, России и Среднего Жуза кыргиз-кайсаков были открыты важнейшие Зырянское (1791 г.) и Риддерское (1787 г.) месторождения. Спустя полвека Зырянский рудник пришел на смену Змеиногорскому и стал главным рудником, а Риддерский рудник превратился во внутренний источник свинца для заводов Колывано-Воскресенского (с 1834 г. — Алтайского) горного округа. В новых рудниках планомерно и постепенно год за годом велись предварительные разведочные работы небольшими (до 60 человек) отрядами локтевских и змеиногорских горняков. Главной целью этих геологоразведок была предварительная оценка мощности залежей. Поэтому сначала объемы добычи риддерских и зырянских руд были буквально «каплей в море». После того, как в 1817 г. Змеиногорский рудник был официально признан истощенным, эти систематические геологоразведки прошлых лет и хозяйственно-экономические расчеты, произведенные на их основе, позволили развернуть крупномасштабную добычу руд в 20-х гг. XIX в.

Снижение содержания серебра в рудах означало увеличение объемов их добычи и, соответственно, плавки. Кроме того, возрастала потребность в нерчинском свинце. Зависимость от него привела к взятию Нерчинских заводов в 1787 г. в ведомство Кабинета. Причем это произошло на первом году Второй Русско-турецкой войны (1787–1791 гг.), что было далеко не случайным совпадением.

В системе местного управления Колывано-Воскресенскими заводами с середины 80-х гг. XVIII в. произошли серьезные перемены. Они были согласованы с курсом

на стабилизацию производства и, видимо, мыслились его составной частью. Условия функционирования колывано-воскресенской промышленности были таковы, что окончательные решения по всем вопросам зависели только от главного командира и «ломали» те постановления, которые исходили от управляющих заводскими и горными конторами, что создавало саму возможность узурпации власти. Такая система на Колывано-Воскресенских заводах сложилась исторически со времен отцов-основателей сереброплавильной промышленности – саксонцев Улиха и Христиани, когда заводы плавилы одни только богатые змеиногорские руды, а производство серебра год от года прирастало. Управляющий Кабинетом Петр Аркадьевич Соймонов в докладе императрице в 1785 г. заметил, что на каждом заводе руды плавилась по-особенному, что зависело от произвольных решений управляющих, действующих в меняющихся обстоятельствах. Также и суммы, тратившиеся на производственные издержки и расходы, не определялись точно. Со снижением содержания серебра в рудах Кабинету потребовался эффективный контроль над основными производственными показателями, который не мог осуществлять только один человек. Соответственно, для этого нужно было изменить организацию производственного процесса.

С 1786 г. учреждались Горные советы, которые представляли собой ежегодный съезд-консилиум управляющих заводскими и горными конторами. Здесь верстались планы для каждого предприятия, устанавливались на год производственные показатели, от которых запрещалось отклоняться. Если отступления от постановлений и случались, то на следующем Горном совете в новом году обязательно выявлялись причины таких отклонений.

В расчете деятельности колывано-воскресенской горной промышленности исходным параметром были $1\frac{1}{2}$ золотника серебра в пуде руды (0,0385%) – минимально допустимое содержание металла, которое бралось за основу всех других хозяйственных расчетов: определения объемов добычи и допустимых потерь рудного серебра в ходе плавки, количества древесного угля, бревен, веревок, даже свечей для горных фонарей, а также числа рабочих рук на всех стадиях, основных и вспомогательных, так как в промышленном производстве не было мелочей. В разработке планов на будущий «заводский» год опирались на показатели предыдущего года. Таким образом, нормы из заседаний Горных советов предыдущих лет «перекочевывали» в последующие годы.

Горнозаводское производство было помещено в «пространство параметров», а политическая роль главного заводского начальника была низведена до производственной функции. В конечном итоге, благодаря реформе горного дела и ряду других нововведений к началу XIX в. на Колывано-Воскресенских заводах удалось стабилизировать производство серебра. В 1798 г. на законодательном уровне было закреплено, что Колывано-Воскресенские заводы не могут производить менее одной тысячи пудов серебра в год. Выведя Колывано-Воскресенские заводы из состояния кризиса и стабилизировав производственные показатели, Г.С. Качка в 1799 г. покинул Алтай.

Во второй половине XVIII в. благодаря Колывано-Воскресенским и Нерчинским заводам Россия превратилась в европейского лидера сереброплавильного производства. Для сравнения приведем следующие цифры: за 1751–1800 гг. в Саксонии было выплавлено 457,6 тонн серебра, в Нижней Венгрии – около 120 тонн, на Колывано-Воскресенских заводах – 594,6 тонн, на Нерчинских заводах – 243,4 тонны.

Эти показатели были достигнуты на фоне снижения содержания серебра в полиметаллических рудах Алтая. Для ежегодной добычи запланированного количества

руды Г.С. Качка установил 12-часовую смену для рудничных работ. При нем рудники стали средоточием социальной напряженности. Это связано с характером рудничных работ в крошечной тьме, в стесненных условиях, в духоте и сырости с риском быть заживо погребенным. Особенно тяжело приходилось рекрутам из крестьян, которые, по всей видимости, подвергались сильной психологической ломке. Побегов с рудников отмечено в несколько раз больше, чем с заводов. Недаром же в сказе о беглеце Сороке, записанном в советское время со слов престарелых потомков подневольных горняков, главным героем был горняк-бергайер. Некоторые из рассказчиков утверждали, что беглец Сорока был их предком. Бежали не только одиночки, но и целые группы. За первый побег полагалось 200 розог, за повторные побеги – от 500 до 5000 шпицрутенов (палок толщиной в палец). Наказуемого проводили через две колонны. Удары наносили сами мастеровые. Если взрослые надламывали шпицрутены, чтобы смягчить последствия экзекуции для приговоренного, то подростки, наоборот, отличались большой жестокостью, били резко, в полную силу и с оттяжкой.

Главные рудничные работы продолжались днем и ночью, не останавливаясь в выходные и праздничные дни. Для смягчения условий труда Качка в 1786 г. установил на рудниках трехсменную работу: в первую неделю мастеровой работал днем, вторую неделю – ночью, третья была гульной. В этот срок мастеровой мог заняться своим подсобным хозяйством – огородом, пашней и сенокосом, которые служили ему значительным подспорьем при недостаточном жалованье. Через 15 лет трехсменная работа была распространена и на заводах. Такого явления больше не было нигде в России (кроме Нерчинских заводов, которые также находились под управлением Кабинета).

Зачастую в гульную неделю мастеровые предавались безудержному пьянству. Однако трезвость была необходимым требованием к работнику как в рудничном забое, так и у плавильной печи, поскольку потеря бдительности была чревата смертельными опасностями. Охрана труда действовала только в той мере, в какой это было в интересах производства. Например, проветривание в рудниках осуществлялось постольку, поскольку застойный воздух вызывал сильные головные боли у горняков, газли горные фонари, поэтому добыча руды была невозможна.

В делопроизводственных документах, дошедших до нашего времени, нет недостатка в свидетельствах о «рачении» работников и необходимости вознаграждать их старания при освоении новых технологий плавки или механического обогащения руд. В «Горном словаре» 1840 г. сообщается предание о сузунском плавильщике Кирсанове, служившем при Г.С. Качке. Этот мастеровой для размешивания густого расплава в плавильной печи вместо лома впервые применил свежий вырубленный кленовый шест – «дразнилку». Во время его горения расплав приходил в вертикальное круговращательное движение, отчего металлургический процесс не просто ускорялся, но и протекал качественно лучше, что позволило увеличить загрузку плавильной печи на треть. Этот простой и универсальный технологический прием быстро распространился затем на металлургических заводах всей России и Европы.

С увеличением добычи руды транспортировка ее на заводы требовала все большего количества рабочих рук, отсюда вытекало стремление горного начальства максимально сократить объемы перевозки заводских припасов. Эти способы давно были известны на Колывано-Воскресенских заводах: ручной разбор добытых руд, строительство «малых заводов» вблизи рудников, которые бы плавил один только штейн для Барнаульского и Павловского предприятий.

Ручной молоточный разбор сокращал массу добытых руд наполовину. Обеспечение его рабочими руками на Колывано-Воскресенских заводах применялся уже в 50-е гг. XVIII в.: в рудоразборщики поступали мальчики с 12 до 18 лет, сыновья мастеровых – малолеты. В сутки подросток мог измельчить 5–6 пудов руды от размера с кулак до мелкого орешника, отделяя молотком куски безрудной породы. Так, например, летом на Змеиногорский рудник свозились с Сузунского завода малолеты без учета их физического состояния и здоровья. Когда летом 1793 г. главный заводской начальник Г.С. Качка осматривал рудоразбор на Змеиногорском руднике, ему открылась такая картина: от плохого питания и присмотра подростки болели цингой, на ногах имелись язвы и незаживающие раны. Среди местных встречались мальчики 7–11 лет. Такое использование детского труда отнюдь не было особенностью Колывано-Воскресенских заводов, оно широко практиковалось на рудниках Западной Европы, потому что детский труд стоил дешево и сокращал производственные издержки. На рудоразборе подростки приобретали такой навык, что могли правильно и без труда различать руду и пустую породу, совершенно одинаковую по внешнему виду, чем вызывали восхищение геологов-иностранцев, путешествовавших по Алтаю. С 18 лет юноши становились мастеровыми и проживали в казармах при предприятиях вплоть до женитьбы. Для вступления в брак мастеровой был обязан испросить письменное разрешение начальства.

Производственная схема Колывано-Воскресенских заводов по примеру Саксонии предполагала наличие двух больших сереброплавильных заводов – Барнаульского и Павловского. Деятельность же третьего крупного предприятия – Сузунского медеплавильного завода – свидетельствует о понимании необходимости комплексной переработки медных серебросодержащих руд.

Однако с самого начала сереброплавильного производства с характерными для Алтая огромными расстояниями от рудников до заводов присутствовало стремление начальства сократить перевозимые грузы путем плавки руд на роштейн на небольшом «заводчике» вблизи рудника, как, например, на Алейском и Локтевском предприятиях, требовавших мало топлива, рабочих рук и сокращавших в 10–15 раз вес перевозимого груза. Для усиления производства в 1789 г. возобновил работу Колыванский завод, а в 1796 г. недалеко от Салаирского рудника построили Гавриловский сереброплавильный завод. Тем не менее с падением содержания серебра в змеиногорских рудах для производства одного и того же количества серебра следовало добывать, перевозить и плавить больше руд, чем прежде. Поэтому количество горняков и металлургов постоянно увеличивалось, составив в 1798 г. 9311 человек, что почти в два раза превосходило показатели 1770 г.

Заводы и рудники разделяли огромные расстояния. Для юго-востока Западной Сибири, где располагались кабинетские предприятия, были характерны многоснежные зимы с буранами по 3–4 дня и продолжительными сильными морозами. Поэтому транспортировка руд была возможна только с апреля по октябрь, т.е. в сезон сельскохозяйственных работ, что наносило серьезный ущерб крестьянскому хозяйству. Со строительством новых заводов территория кабинетского ведомства постоянно расширялась. Зачастую на обширных пространствах округа Колывано-Воскресенских заводов не встречалось горнозаводских предприятий, и крестьяне вынуждены были в летнее время тратить драгоценное время на проезд до рудников и обратно от 15–20 дней и более. В умеренном климатическом поясе, где по по-

словице «день год кормит», эта часть крестьян упускала оптимальные сроки начала сельхозработ и разорялась.

Крестьяне-возчики в первую очередь заботились о своих лошадях, а не о бесперебойной работе заводов, поэтому выбрасывали по дороге часть руды. На подъезде к Барнаульскому заводу они добавляли в руду щебень. Любая более или менее веская причина – поломка телеги, хромота лошади или эпизоотия (болезнь скота) на пути следования – вела к разбрасыванию крестьянами руды и возвращению «в свои жительство». Горное начальство периодически организовывало кампании по сбору руд по трактам, но только вблизи населенных пунктов, в то время как значительная их часть терялась безвозвратно. Неизбежные потери руды были ценой подневольного труда. Это признавалось властью на высшем и местном уровнях.

Естественно, горная администрация изыскивала способы, чтобы снять острую проблему и заинтересовать местных жителей в перевозке заводских припасов, поощряя вольный извоз. Крестьяне, отработавшие повинность, могли продолжить перевозку руд за сделную плату, если пожелают. Самые предприимчивые из них сколачивали таким образом целые состояния. Владея табунами в десятки лошадей, они нанимали возчиков, каждый из которых управлял несколькими подводами, а не одной. Когда в 1814г. подвели итоги 25-летия со дня введения вольного извоза, то оказалось, что более двух третей всех руд перевезли «повольно».

Казалось бы, сложилась противоречивая ситуация: местные власти способствовали обогащению одних крестьян на извозе руд, а других разоряли. Но, по словице, «две руки, да голова одна», горному начальству было все равно, как руды доставлялись на заводские площадки, «повольно» или принудительно. Нет руд – нет серебра, поэтому в решении главной задачи на Алтае использовался метод кнута и пряника, старый как мир.

Приписная деревня сама предложила горным властям третий способ взаимодействия. Часто крестьяне выбирали из своей среды одного согласного, который отработывал повинности за всю деревню, за это община содержала его семью. Идея же горных властей состояла в том, чтобы поставить перед работником задачу выполнить конкретный объем работ в течение года, дав ему возможность самому решать, сколько времени потратить на исполнение обязательства, или «урока», а остальное время использовать по своему усмотрению. Новая категория «обязанных» работников получила официальное название «урочных служителей», или урочников.

Одни урочники перевозили руду, другие поставляли бревна на рудники для горного крепления, третьи приготавливали древесный уголь. Сосновые дрова жгли в особых кучах, засыпанных землей и дерном. Следили, чтобы из кучи шел сизый дым, который был признаком того, что горение дров происходило без доступа кислорода. Процесс горения занимал месяц. Получался древесный уголь – «главнейший горючий материал» металлургических предприятий Алтая. Раньше к углежжению принуждали крестьян «всякий раз переменных», т.е. не одних и тех же. На практике угля оказывалось намного меньше, чем на бумаге, заводы испытывали хронический дефицит горючего материала. Использование урочников на углежжении разом решало все проблемы такого рода.

Урочники – это промежуточная группа между приписными крестьянами и мастеровыми. С мастеровыми урочников сближали наследственный характер службы, подсудность военно-судным комиссиям, применение наказаний по воинскому уставу. В то же время существовали и принципиальные отличия от мастеровых: отсутствие

права на пенсию и двухсменную работу, а также не утраченная связь с местом постоянного проживания родственников и занятие сельским хозяйством. В 1799 г. на Колывано-Воскресенских заводах служило 1800 урочников.

По усмотрению горного начальства урочных служителей набирали либо из рекрутов, либо из мастеровых. Обязательными условиями такого назначения являлось наличие у претендента 5–7 лошадей и поручителей, которые в случае долга по годовому уроку обязаны были выполнить оставшийся за урочником объем работ. Нерадивый урочник в таком случае приравнялся к беглым. Его, кроме сурового наказания по воинскому уставу, вновь переводили в горнорабочие.

К концу XVIII в. окончательно определился состав мастеровых. Помимо горняков и металлургов, составлявших большинство, выделялись служащие по письменной, школьной и медицинской части; подсобные рабочие – плотники, кузнецы, пильщики и др.; денщики, или прислуга горных офицеров. Труд подсобных рабочих использовался только днем. Они же не привлекались к работам в выходные и праздничные дни.

В XIX в. Колывано-Воскресенские заводы столкнулись с новыми производственными проблемами. Предприятия должны были проплавлять значительно больший объем руды в год, чем он мог быть достигнут при использовании мощности наливного колеса, являвшегося единственным заводским двигателем. От одного наливного колеса действовали только четверо мехов, обеспечивавших атмосферным кислородом две печи, по двое мехов на каждую печь. И это был предел возможной мощности наливного колеса. Поэтому интенсификация дутья стала главным мероприятием в металлургии уже при Г.С. Качке. По примеру Олонецких и Уральских заводов на барнаульском предприятии в 1786 г. построили поршневые воздухоудные насосы с цилиндрами из чугуна. Впервые центральное дутьё на Алтае в 1793 г. применили на Локтевском заводе под руководством его управляющего Василия Сергеевича Чулкова. К деревянной воздухопроводной трубе присоединили четверо воздухоудных мехов. Благодаря капитальной трубе, передававшей воздух от мехов, количество печей увеличилось с двух до трех. Взамен ликвидированного Алейского завода в 1796 г. вблизи Салаирского рудника был построен Гавриловский завод – точная копия Воткинского завода на Урале с воздухоудными насосами и центральным дутьём.

Однако еще предстояло провести модернизацию действующих заводов. Следующим шагом при преемнике Качки В.С. Чулкове было увеличение шахты плавильной печи с 1,5 до 3 м в высоту, т.е. в два раза. При той же мощности заводских двигателей, что и раньше, количество проплавляемых руд на заводах сразу же можно было увеличить в три раза.

Важный вклад В.С. Чулков внес не только в развитие металлургии, но и в камнерезное производство. Пущенная в 1786 г. на Локтевском заводе обработка полудрагоценных камней отнимала рабочие руки от плавки серебряных руд, а перебои с поставкой сырья приводили к частым простоям производства. Будучи хорошо осведомленным в проблемах работы камнерезной мельницы, поскольку в течение 16 лет возглавлял Локтевскую заводскую контору, В.С. Чулков в 1802 г. на месте закрытого Колыванского завода построил фабрику для изготовления «колоссальных вещей» из декоративного камня. Здание дошло до наших дней и по-прежнему является производственным помещением современного камнерезного завода.

Неизбежное увеличение добычных работ на рудниках и сопровождавший этот процесс рост массы перевозимых руд усугубил проблему их транспортировки.

Поэтому начальник заводов В.С. Чулков с целью удешевления перевозки и недопущения потери груза пытался использовать реки Алей и Чарыш. К сожалению, они оказались мелководными.

В кадровой политике Кабинета были не только блестящие решения, но и ошибки в определении кандидатуры на должность главного заводского начальника. В 1806 г. после смерти В.С. Чулкова этот пост занял Иван Иванович Эллерс. Его правление отмечено двумя крупными событиями. В 1810 г. по проекту П.К. Фролова была пущена коннодействующая чугунная дорога длиной 1,8 км, связавшая Змеиногорский рудник с заводом. Весь годовой запас руды с апреля по октябрь перевозился одной лошадью. В 1816 г. недалеко от Салаирского рудника и Гавриловского завода был построен Гурьевский завод, предназначенный для плавки железной руды и производства из нее чугуна и железа. Частично на новом предприятии плавилась серебряная руда. С введением его в действие завершилось формирование производственного комплекса Кольвано-Воскресенских заводов.

Стиль Эллерса как администратора, видимо, полностью сложился тогда, когда он еще служил на Нерчинских заводах в должности начальника. В своих мероприятиях на Алтае он следовал «нерчинским» привычкам и не понял, в чем состояло своеобразие производства на Кольвано-Воскресенских заводах. Истовый технологический прорыв периода Качки — Чулкова в правление Эллерса был низведен до проведения небольших опытов по совершенствованию производства, которые никогда не внедрялись.

И.И. Эллерс продолжил, казалось бы, уже забытую порочную практику погони за производственными рекордами (до 1100–1200 пудов серебра в год), что было крайне недальновидно. Конечно, правило 1798 г. предписывало производить не менее одной тысячи пудов драгоценного металла, но верхнюю границу оно не устанавливало. Тщеславие, которым руководствовался И.И. Эллерс, пагубно сказалось на производстве, которое снизилось до минимально возможной отметки в одну тысячу пудов. Не было страховых запасов руды, угля и прочих материалов, что вызвало бы дальнейшее падение производства при первом же сбое поставок. При И.И. Эллерсе не было создано и страховых запасов зерна. В результате сильной засухи в 1812 г. случился неурожай, породивший острую нехватку зерна на посев и производство хлеба. В 1813 г. крестьяне некоторых сел Чаусской волости сорвали печати с хлебных складов и растащили зерно. На подавление крестьянского неповиновения отправили роту солдат. Сложился крайне опасный прецедент, когда от крестьян зависела поставка заводских припасов для нормальной работы всего комплекса горно-металлургических предприятий. Так или иначе, у Кабинета накопилось достаточно много оснований для отставки И.И. Эллерса из-за упущений по должности, которые угрожали неизбежным падением производства и достижениям его выдающихся предшественников.

Для кардинального исправления сложившейся негативной ситуации в 1817 г. главным начальником Кольвано-Воскресенских заводов был назначен Петр Козьмич Фролов, средний сын Козьмы Дмитриевича Фролова, хотя из «местных» на главную должность, как правило, не назначали для профилактики злоупотреблений, допущенных местным руководством. На сей раз в расчет, очевидно, были приняты высокий профессионализм и крутой нрав Фролова-младшего, но не только. По свидетельству управляющего Кабинетом графа Д.А. Гурьева, «он проникнут к заводам каким-то на-

следственным чувством, как к своей родине, всех чиновников он держит в твердой руке. От крестьян я слышал одни ему благословения».

П.К. Фролов был зятем В.С. Чулкова. Еще в 1804г. при начальнике заводов Чулкове П.К. Фролов по своей инициативе и за собственный счет сделал промеры русла Иртыша и составил карту водного пути, чтобы по нему осуществлять транспортировку руд Зырянского рудника. Примерно в тот же период В.С. Чулков был озабочен поисками речных путей для транспортировки руды на заводы. В итоге с 1808г. по Иртышу стали курсировать два судна, перевозивших за один раз три и две тысячи пудов руды соответственно. Оба судна делали семь ходов за лето, доставляя на предприятия 34 тыс. пудов руды. В 1809г. руду перевозили уже четыре судна, что продолжалось по 1816г. включительно. С 1828 по 1832г. по этому маршруту курсировало 16 судов, с 1839г. – 12. К 1841г. по каким-то причинам водный путь перестал играть важную роль в транспортировке руды, на которой было задействовано лишь одно казенное судно.

В 1810г. по проекту П.К. Фролова Змеиногорский рудник и завод соединила чугунная железная дорога длиной в 1,8 км. Фролов вынашивал проект железной дороги от Змеиногорска до Барнаула, но Кабинет не одобрил эту идею. Тем самым решение вопроса об альтернативах крестьянскому извозу было исчерпано: условий для замены гужевого транспорта иным способом в большем объеме, чем уже имелся, не существовало.

П.К. Фролову досталось огромное хозяйство – 105 плавильных печей на пяти сереброплавильных заводах – Барнаульском, Павловском, Локтевском, Змеиногорском, Гавриловском. Также действовали Сузунский медеплавильный завод и монетный двор и два предприятия черной металлургии – Гурьевский и Томский заводы. Если раньше Локтевский, Змеиногорский и Гавриловский заводы имели вспомогательное значение и служили для плавки штейнов из руд, то теперь они производили серебро.

В 1817г. Змеиногорский рудник был признан истощенным. Главного рудника, который бы играл роль рудной базы, фактически не стало. П.К. Фролов хотел довести систему соразмерной добычи и проплавки богатых и убогих руд до абсолюта. За десятилетие 1815–1825гг. добыча руды увеличилась с 7,1 до 7,6 млн пудов. Недостатком рудной шихты Колывано-Воскресенских заводов было не только большое количество «убогих» руд, но и тугоплавкость богатых зырянских кварцев. После 1798г. производство поддерживалось на уровне 1000 пудов серебра в год при снижении среднего содержания металла в рудах из-за естественного истощения рудников. Так, в 1795–1803гг. при плавке растрачивалось 180 пудов рудного серебра (15%), в 1809–1815гг. – 250 пудов (20%), в 1825–1830гг. – 580 пудов (36,7%). Несмотря на такие фантастические размеры производственного брака, на официальном уровне утвердилось мнение, что плавка руд на Алтае доведена до «высшего совершенства», а причину высоких угаров следует рассматривать как следствие преобладания тугоплавких руд, составлявших три четверти всей шихты.

Благодаря усилиям П.К. Фролова уже в 1821г. был создан страховой двухлетний запас руд, древесного угля и прочих необходимых припасов для поддержания производства согласно правилам 1798г. на стабильном уровне одной тысячи пудов серебра в год. Рост угаров отнюдь не был признаком или выражением кризиса горнопромышленного производства на Алтае: производство серебра оставалось стабильным, выплавка меди, чугуна, железа и выделка монеты выросли. Деревянные

заводские корпуса разбирали и возводили новые из кирпича и камня. Плавильные печи увеличивали в размерах.

В первой половине XIX в. условия привлечения трудовых ресурсов к горным и заводским работам почти не изменились. С усилением разработки недр Рудного Алтая требовалось все больше рабочих рук. Риддерский и Зырянский рудники служили местом ссылки неградивых работников по решениям Локтевской и Змеиногорской контор. Тем не менее первыми постоянными жителями рудничных поселков стали горняки, которые уже бывали здесь ранее.

Хотя ручной труд на предприятиях применялся широко, старинные планы заводов и рудников, а также чертежи машин и механизмов свидетельствуют о высоком для той эпохи уровне механизации. От наливного колеса действовали воздуходувные машины, молоты, дробилки руды и обогащительные механизмы; подъем руды и водоотлив на рудниках осуществлялся либо на гидравлической, либо на конной тяге. Толчение руды и флюсов также было механизировано на всех заводах. От гидравлического привода работали токарные станы Барнаульского, Гурьевского, Сузунского и Томского заводов. Монетное производство в Сузуне также было механизировано на всех стадиях.

Уровень травматизма горняков на Алтае и в Саксонии вполне сопоставим. Профессиональными заболеваниями горняков были грыжа и ревматизм, у плавильщиков — катаральное воспаление слизистых дыхательных путей, колики легких, параличи рук и ног от ядовитого дыма печей, у засыпщиков и особенно носильщиков — варикозное расширение вен нижних конечностей. Эти заболевания были вызваны не принудительным характером труда, а мануфактурным уровнем техники и технологий. Местной спецификой было то, что с наступлением зимнего сезона на Алтае росло число заболевших воспалением легких от перепада температур между невыносимым жаром печей и морозным воздухом, сквозняками в цехах, утолением жажды ледяной водой.

Мастеровые жили в неказистых маленьких домах с обширными усадьбами, поэтому заводские поселки при сравнительно небольшой численности населения занимали большую территорию и благодаря регулярной прямоугольной планировке производили приятное впечатление на путешественников. Расстояния между жилыми строениями были мерой противопожарной безопасности. Металлургические заводы были постоянным источником опасности из-за искр, сыпавшихся из печных труб. Сухие порывистые степные ветры способствовали быстрому разрастанию пожара и вполне могли разносить пламя на большие расстояния.

Мастеровые пользовались правом бесплатного лечения в госпиталях, наиболее крупными из которых были Барнаульский и Змеиногорский. Уровень медицины в то время вполне характеризуют записи причин смертей в церковно-приходских книгах: от дизентерии, воспаления легких, туберкулеза и «горячки», под которой понимали все воспалительные процессы, не поддававшиеся диагностированию. Уездные аптеки, как правило, содержали четыре основных лекарства для лечения всех заболеваний, однако симптомы и проявления профессиональных заболеваний горняков и металлургов были столь разнообразны, что аптеки при заводах и Змеиногорском руднике имели в наличии все известные в то время препараты. Для их закупки барнаульский аптекарь каждый год отправлялся на Ирбитскую ярмарку, откуда он возвращался во главе каравана с большим количеством ящиков словно какой-нибудь богатый купец.

П.К. Фролов стал последним из плеяды начальников-титанов, наряду с Безром, Порошиным, Ирманом, Качкой и Чулковым, продолжателем их дела, поэтому его вклад в производство стал суммой совокупных усилий его успешных предшественников и его самого. В результате Петр Козьмич был и остается самым знаменитым администратором в истории горнозаводской эпохи на Алтае. Противоречивость и многогранность его личности еще долго будут волновать потомков.

Проект конной железной дороги намного пережил своего основателя. В годы Великой Отечественной войны по «фроловской чугунке» со Змеиногорского рудника до Барнаульского тракта перевозили баритовые руды – сырье для артиллерийских снарядов. Чугунные рельсы по всему протяжению маршрута остались глубоко под слоем почвы, и жители современного Змеиногорска иногда откапывают их на своих приусадебных участках.

Отец и сын Фроловы, изобретатели и рационализаторы производства, впервые в мире на Змеиногорском руднике применили такие технические стандарты, как автоматизация всех стадий горных работ – водоотлива, подъема на поверхность и обогащения руд, а также транспортировки руд с рудника на завод по железной дороге, которые и в наши дни определяют лицо прогресса в горном деле.

2.5. Период аренды горного округа Министерством финансов (1830–1855 гг.)

К концу первой четверти XIX в. в мировых финансах произошли крупные изменения: цены на серебро по отношению к золоту упали и составили 1:16, тогда как «нормальным» считалось соотношение 1:15 (или 15 серебряных монет за одну золотую монету того же веса/номинала). Серебро начало терять значение торгового металла. Этот процесс растянулся до самого конца XIX в., когда функцию денег стало выполнять только одно золото. Придя к власти в 1825 г., император Николай I не довольствовался второстепенной ролью России в мировом производстве желтого металла. Но у Кабинета не было ни технологий добычи россыпного золота (из речных песков), ни инженерных кадров, которые бы могли наладить такую добычу.

В 1830 г. Кабинет передал Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы в аренду Министерству финансов. По условиям договора Министерство финансов обязывалось компенсировать Кабинету стоимость одной тысячи пудов серебра, а доходы арендатора должны были составить металлы, произведенные сверх этой суммы. Вместе с тем на Алтае не производили более 1070 пудов серебра в год, что ставило арендатора в крайне невыгодное положение. Сверх того, договор аренды не предусматривал срока ее окончания. Поэтому жесткие условия аренды как бы подталкивали Министерство финансов к учреждению на Алтае золотопромышленности. С ее помощью можно было постепенно компенсировать вложение государственных средств на развитие Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов и стабильно получать от них прибыль.

Сделанный министерством выбор в пользу разработки золотоносных песков Алтая хорошо согласовывался с теми успехами, которые имела русская золотопромышленность к 30-м гг. XIX в. Это был широко задуманный проект, охвативший Урал и обширные пространства Сибири. В 1830-е гг. Россия добывала треть мирового зо-

лота, в 1840-е гг. — 47%. После 1848 г. в связи с золотой лихорадкой в Калифорнии на первое место выдвинулись США. Однако в 1851 г. США догнала и на короткое время даже опередила Австралия. Если во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в мире ежегодно добывалось в среднем по одной тысяче пудов золота, то с 1851 г. последовало резкое увеличение золотодобычи в 12 раз, и на этом среднем уровне 10–12 тыс. пудов мировая золотопромышленность пребывала в течение всей второй половины XIX в.

По запасам россыпного золота и, соответственно, по объемам его добычи Алтай значительно уступал Восточной Сибири, в том числе Нерчинскому горному округу. Ежегодная добыча россыпного золота в Алтайском горном округе составляла от 8 пудов в 1830 г. до 40 пудов в 1851 г. Для получения таких объемов постепенно увеличивалось число золотых промыслов, среди которых выделялись: Царево-Николаевский, Успенский, Терсинский, Егорьевский, Пезаский, Мунгатский, Бельсинский, Урский, Мрасские и др. Зимой 1840–1841 г. Алтайский горный округ посетил английский путешественник Ч. Коттрэл. Он назвал Барнаул «золотым депо Сибири», поскольку всё приисковое золото, добытое частными промышленниками на обширных пространствах за Уралом вплоть до Дальнего Востока, свозилось и плавилось на Барнаульском заводе, откуда оно, как и все драгоценные металлы империи, отправлялось на Санкт-Петербургский монетный двор. Транспортировка золота из Барнаула ничем не отличалась от доставки серебра. Она была отлажена в течение многих десятилетий и действовала бесперебойно.

Стабильность являлась главной задачей колывано-воскресенской сереброплавильной промышленности, поскольку от этого зависело выполнение финансовых обязательств перед императорским Кабинетом. Устойчивые объемы производства серебра были отлажены в течение десятилетий, что позволило балансировать в пределах 1035 ± 35 пудов серебра в год.

На ежегодных Горных советах осуществлялась проверка выполнения планов заводами и рудниками. Любые отступления от установленных показателей воспрещались. В целом весь комплекс предприятий должен был обеспечить показатель не ниже одной тысячи пудов серебра в год. В производственной сфере практиковалась нижневенгерская система сплошной отработки месторождений и связанная с ней соразмерная плавка богатых и бедных руд. Кроме этого, применялась комплексная металлургическая обработка медных серебросодержащих руд по непрерывному циклу на сереброплавильных предприятиях и Сузунском медеплавильном заводе. Приписная деревня Алтая продолжала играть роль главного источника рабочих рук для горнозаводской промышленности. Численность крестьянства была ключевым параметром, от которого зависело пополнение мастеровых, рабочих людей и урочников. На каждых шесть приписных крестьян приходился один человек, занятый на основном производстве. Урочники рекрутировались из тех же крестьян и в меньшей степени из мастеровых. На каждых трех мастеровых или на каждых 18 крестьян приходился один урочник. Эту систему, отлаженную десятилетиями и хорошо сбалансированную, было практически невозможно улучшить.

Главный недостаток алтайской металлургии, в сравнении с Западной Европой, заключался в том, что три четверти рудной шихты составляли зыряновские руды, тугоплавкие, но богатые серебром. Поэтому для проплавки одинакового количества руды Колывано-Воскресенские заводы тратили в три раза меньше времени, чем в Саксонии, и почти в три раза меньше, чем в Нижней Венгрии, но при этом

расходовали угля в 1,5 раза больше, потому что поддержание избыточного жара было необходимым условием для расплавки тугоплавких зырянских кварцев. Неизбежная издержка такой технологии – высокий процент угара серебра.

Основным способом решения проблемы снижения угара признавалось открытие новых залежей легкоплавких богатых руд. Но чтобы выполнить эту задачу, надо было усилить разведочные работы на второстепенных рудниках, куда пришлось бы перебросить дополнительные трудовые ресурсы, и снизить производство серебра. Удивительно, но в противоположность Колывано-Воскресенским заводам на нерчинских предприятиях Министерство финансов внедрило механическое обогащение руд в промышленных масштабах. На Алтае же некогда процветавшее механическое обогащение руды было предано полному забвению, а вместо него практиковался примитивный ручной молоточный разбор руд. Основные усилия Министерства финансов были направлены на улучшение технологий плавки. В период аренды были улучшены все три стадии сереброплавильного производства – сырая, извлекательная и разделительная плавки, удалось добиться снижения угара на 10%. Как и прежде, производство серебра зависело от руд одного главного месторождения. Им стало Зырянское, покрывавшее заводские потребности на три четверти и более.

Министерству финансов было проще покупать дешевое мексиканское серебро, чем производить его на Алтае. Проблема огромных угаров здесь соединялась с зависимостью от нерчинского свинца, размеры поставок которого находились на уровне 40 тыс. пудов ежегодно. Сложилась странная производственная схема: Алтайские заводы своими прибылями покрывали убытки от нерчинского производства серебра. Шесть Нерчинских заводов вместе взятые производили ежегодно 200 пудов серебра, столько же, сколько отдельно взятый Барнаульский, или Павловский, или Локтевский завод на Алтае. Одним словом, в период аренды Министерство финансов должно было развязать целый клубок проблем сереброплавильной отрасли страны, почти полностью сосредоточенной в кабинетских округах Сибири.

В 1837 г. наряд свинца для Нерчинских заводов был снижен до 10 тыс. пудов, а с 1851 г. поставки этого металла на Алтай были и вовсе прекращены в связи с освобождением нерчинских приписных крестьян из-под власти горного начальства. Эта мера нанесла удар по Нерчинским заводам, которые были ликвидированы в 1846–1863 гг., за исключением одного только Кутомарского завода. Ответом стало усиление добычи свинцовых руд на Риддерском и Зырянском рудниках. В период Крымской войны 1853–1856 гг. заводы Алтая не только сумели удовлетворить свои внутренние потребности, но и стали главным поставщиком свинца для действующей армии.

У Министерства финансов за десятилетия накопился опыт управления медеплавильными заводами Урала и предприятиями черной металлургии нескольких горных округов в европейской части страны. Поэтому руководство Алтайским горным округом воспользовалось данным преимуществом для улучшения организации и технологии производства на Сузунском медеплавильном, Томском и Гурьевском заводах черной металлургии. Особая заслуга в этом принадлежит уральским мастерам, командированным на Алтай в начале аренды.

В то же время Томский и Гурьевский заводы не смогли обеспечить необходимое перевооружение серебряных рудников стальными тросами, металлом для наливных колес и механизмов, рельсами и вагонетками, как это происходило в Европе. С углублением рудников на 400–800 м для водоотлива и подъема руд на поверхность

не хватало мощности наливного колеса, что стимулировало внедрение в горное дело европейских стран паровых машин.

Стремление не отстать от европейцев привело к назначению на должность главного начальника Алтайских заводов известного уральского металлурга Павла Петровича Аносова (1849–1851 гг.), прославившегося на весь мир своим открытием секрета приготовления булатной стали, утраченного в средневековой Европе. Под его руководством началась реконструкция Гурьевского завода, где предусматривалось открытие цеха для строительства паровых машин. К сожалению, в дороге он сильно простудился и после тяжелой болезни преждевременно ушел из жизни в возрасте 52 лет.

Для пуска производства паровых машин из Бельгии были завербованы два инженер-механика, но неудачно: один из них, сославшись на здоровье, вскоре покинул Алтай, а другой, в спешке найденный и присланный на замену, оказался молод, недисциплинирован и крайне некомпетентен. В итоге Министерство финансов не смогло основать на Алтае машиностроение и не успело внедрить на рудниках паровой водоотлив.

После пожара на Сузунском монетном дворе в 1847 г. было принято решение остановить монетное производство, а в следующем году оно официально было закрыто. Специальности монетчиков на Алтае исчезли. Произведенная штыковая медь стала поставляться на Екатеринбургский монетный двор, а листовая – на Макарьевскую ярмарку.

Несмотря на невыгодный арендный договор и условия производства, которые постоянно ухудшались, Министерство финансов показало себя более инициативным, предприимчивым и умелым хозяином по сравнению с Кабинетом. Тем не менее в 1855 г. Кабинет прервал аренду, поскольку не смог смириться с тем, что растущие доходы с золотодобычи на Алтае и особенно в Восточном Забайкалье шли в доход государства, а не императора.

Если в 1826 г. численность мастеровых Алтая составляла 17500, то в 1849 г. – 19000 душ мужского пола. По данным ревизии 1836 г. для семей мастеровых была характерна высокая смертность младенцев, а естественный прирост составлял всего 1 %. Хотя этот демографический провал и компенсировался рекрутскими наборами с приписной деревни, он являлся наглядным свидетельством низкого жизненного уровня людей, которые трудились на основном производстве.

Алтайские мастеровые большей частью жили скудно. Рабочий день по-прежнему составлял 12 часов в дневную и ночную смены. Гульная неделя служила не временем восстановления сил, а периодом, когда можно было переключиться на подработки. Кабинетские золотые промыслы считались местом каторги для мастеровых. К приисковой работе приговаривались самые непокорные, прошедшие сотни розог, а затем и тысячи шпицрутенов. Но зачастую управляющие посылали на прииски людей за ничтожные провинности, поскольку местное начальство свободно распоряжалось рабочими руками. Ни один мастеровой или урочник на Алтае не мог считать себя гарантированно освобожденным от ссылки на промыслы.

Тяжелый приисковый труд очень вредно сказывался на здоровье людей. Условия питания на приисках, заброшенных посреди глухой тайги, были скверными. Заготовленная на три года вперед мука от сырости превращалась в глыбы, которые поддавались только лому или кайлу. Санитарные условия были ужасающими, отсюда следовали широко распространенные среди приисковых рабочих диареи и за-

ражение паразитами. Зимой люди страдали от холода и дыма. Замерзшую землю необходимо было оттаивать костром. Работа часто выполнялась по колено в воде, несмотря на время года. Госпиталь был на одном только Егорьевском промысле. Не удивительно, что с приисков совершались одиночные и групповые побеги, наказуемые розгами и шпицрутенами.

Тем не менее в период аренды суровость военно-горного строя несколько смягчилась. Было рекомендовано не применять телесных наказаний к тем мастерам, которые сами возвращались из бегов. Нововведения коснулись права на отставку, которую до 1849 г. получали по старости или инвалидности, а с этого времени после 35 лет «беспорочной службы». В 1852 г. для рабочих, взятых по рекрутским наборам, выслуга была ограничена 25-летним сроком. Если мастерам имелись взыскания (а таких было немало), то они продолжали заводскую службу до дряхлого возраста. Одним словом, в основе всех изменений лежало правило: «чтобы было все по-новому, но оставалось всё по-старому». Подневольный труд не мог приобрести привлекательные черты в силу своей сущности и продолжал оставаться основой горно-металлургической промышленности Алтая.

Глава 3

ПРИПИСНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

3.1. Формирование приписного крестьянства Алтайских горных заводов

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на обширной территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа абсолютное большинство населения составляли крестьяне, приписанные к алтайским горно-металлургическим предприятиям.

Формирование алтайской приписной деревни происходило в процессе становления и развития горно-металлургического производства, которое в условиях господства феодальных отношений, крайней узости рынка рабочей силы не могло функционировать без использования принудительного труда не только мастеровых и работных людей, занятых непосредственно на заводах и рудниках, но и окрестных крестьян, обязанных выполнять трудовые повинности и кормить руднично-заводское население. Эта потребность в зависимых от заводов крестьянах стала очевидной уже на раннем этапе становления алтайской металлургии при А. Демидове.

С Урала и из демидовских вотчин на Алтай, наряду с мастеровыми, присылались и селились деревнями крестьяне. Кроме того, демидовские приказчики прибирали к рукам поселенцев, самовольно поселившихся на Алтае, главным образом в бассейнах рек Чарыша и Алея. В 1735 г. при Колывано-Воскресенском заводе числилось 293 души мужского и 228 душ женского пола, всего 521 человек, в том числе государственных крестьян 220, приписных Невьянского завода – 153, демидовских вотчинных крестьян – 70, екатеринбургских мастеровых – 13, екатеринбургских крестьян – 15, раскольников – 50. К 1737 г. заводское население увеличилось до 611 человек, из которых 300 жили при заводе и рудниках, а 311 – в деревнях.

Власти Кузнецкого уезда закрепляли за демидовскими предприятиями всех новопоселенцев, обнаруженных в их окрестностях. Так, в 1739 г. переписями заводского управителя Арцыбашева и кузнецкого сына боярского Недорезова были обнаружены в ведомстве Колывано-Воскресенского завода 153 души мужского пола.

Все крестьяне, как демидовские, так и самовольные переселенцы, приравнивались сначала к мастеровым на правах вечноотданных. Для дальнейшего развития производства их было недостаточно. А. Демидов стал добиваться приписки к его алтайским предприятиям государственных крестьян на тех же основаниях, на которых крестьяне приписывались в других местах к казенным и частным заводам. Его просьбы были удовлетворены. В 1740 г. к Колыванскому, а в 1742 г. к строившемуся Барнаульскому заводам были приписаны 400 дворов крестьян из ведомств Белоярской крепости, Малышевской слободы, Бердского, Чаусского и Сосновского острогов, всего около 3300 душ мужского пола. Всего по второй ревизии 1745 г. в распоряжении алтайских предприятий Демидова оказалось 4286 душ мужского пола, в том числе приписных крестьян 3279 мужских душ.

После перехода алтайских предприятий в собственность российских императоров по Указу от 1 мая 1747 г. к Алтайским заводам были дополнительно приписаны 4664 мужские души крестьян из ведомств Белоярской и Бийской крепостей, Малышевской слободы, Бердского, Чаусского и Сосновского острогов. В 1748–1754 гг. на Алтае были поселены собранные со всей Сибири самовольные переселенцы (пришлые) в количестве 1670 мужских душ, большинство из них (1100 мужских ревизских душ) поселили в деревнях, а по истечении льготных лет превратили в приписных крестьян. То же произошло с добровольными переселенцами (128 душ мужского пола), осевшими в те же годы в бассейнах рек Чарыша и Алея.

Поскольку численность приписного крестьянства не удовлетворяла потребности Алтайских заводов в рабочей силе, в 1759 г. была произведена новая приписка, по которой в заводское ведомство были отданы практически все оставшиеся еще неприписанными крестьяне и разночинцы Кузнецкого и Томского уездов. По второй ревизии 1745 г. их числилось 14978 мужских душ, а фактически при оформлении приема в заводское ведомство оказалось значительно больше — 20856 мужских душ. В результате этой приписки Колывано-Воскресенский горный округ охватил огромную территорию от верховий Чарыша и Алея на юге до Ачинского острога на севере, территорию современной Кемеровской области на востоке и значительную часть Барабинской степи на западе. Кроме того, Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства были подчинены крестьяне, приписанные к Ирбинскому железоделательному заводу в Красноярском уезде.

Приписными крестьянами Алтайских заводов оказались и бывшие пашенные крестьяне Томского и Кузнецкого уездов, многочисленные потомки служилых казаков и казачьих детей. По данным третьей ревизии 1763 г. в распоряжении алтайского заводского начальства было 40082 мужские души, в том числе 38035 приписных крестьян. Между третьей и четвертой (1782 г.) ревизиями пополнение приписных крестьян на Алтае происходило частично за счет внешнего притока переселенцев с отпускными (покормежными) билетами. В 1779 г. правительство запретило приписывать к заводам переселенцев из других губерний. Численность приписного крестьянства Алтая стала расти в основном за счет естественного прироста. В 1782 г. на Алтае было учтено 54830 мужских душ приписных крестьян. В пятую ревизию 1795 г. с учетом проверки ревизских данных в 1796 г. количество приписных крестьян Колывано-Воскресенского горного округа составляло 62685 ревизских душ.

В 1797 г. от приписки к Алтайским заводам были освобождены мещане Томска, крестьяне Канского, Ачинского, Красноярского округов, а также наиболее отдаленных от заводов волостей Томского уезда — всего 7796 душ мужского пола.

Причиной этого было острейшее недовольство заводской эксплуатацией, особенно ярко проявившееся в массовых неявках крестьян из отдаленных волостей на заводские работы. Вместо освобожденных от приписки к Алтайским заводам сразу же были приписаны государственные крестьяне Ново-Енисейской слободы Бийского уезда, Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской слобод Семипалатинского уезда, а также жившие рядом с приписными экономические крестьяне и новопоселенцы. Всего было приписано 7790 мужских душ. Таким образом, по существу между ведавшим Алтайскими заводами Кабинетом и правительством был произведен обмен, при котором император уступил государству лишь разницу в 6 душ. Зато новоприписанные крестьяне жили значительно ближе к рудникам и заводам и были зажиточнее.

В дальнейшем, в первой половине XIX в., приписка новопоселенцев к Алтайским заводам была крайне незначительной, да и вообще число государственных крестьян рядом с приписными было малым, поскольку вселение переселенцев из других губерний в Алтайский горный округ запрещалось. Численность приписных крестьян, однако, росла за счет значительного естественного прироста. В десятую ревизию 1857 г. в Алтайском горном округе было учтено 145484 мужские души приписных крестьян.

Вопрос о социальной сущности алтайского приписного крестьянства был и остается дискуссионным. Одним исследователям Алтайские заводы представляются казенными, а крестьяне, приписанные к ним, — разновидностью государственных. Другие ученые рассматривают заводы и рудники Алтая как собственность царей, а приписных крестьян, живших на землях горного округа, — как крепостных владельцев заводов.

Указом 1 мая 1747 г. бывшие демидовские предприятия на Алтае были взяты не в Казну, а в собственность императрицы Елизаветы Петровны, перешедшую затем к ее наследникам. Собственником Алтайских заводов был тот, кто надевал корону императоров России. Вместе с заводами он (она) становился и собственником земли Алтайского горного округа со всеми ее наземными и подземными богатствами, владением всех мастеровых и работных людей и приписанных к заводам крестьян. Такую же собственность царь имел в Нерчинском горном округе и еще ряде мест Российской империи. Это была личная собственность императора, отдельная не только от государственной, но и от удельной, принадлежавшей всей царской фамилии Романовых. Эту особую личную собственность императора можно назвать «коронной собственностью».

3.2. Повинности приписных крестьян

Основной повинностью приписных крестьян были работы, необходимые для функционирования заводов и рудников. По своей социальной сущности они являлись особой формой феодальной отработочной ренты, своеобразной барщиной, обращенной на горный промысел. Исходным правовым моментом заводских отработок была обязанность крестьян отработать для заводов сумму подушного оклада, которая с 1760 г. составляла 1 руб. 70 коп. Отрабатывать полагалось за каждую мужскую ревизскую душу, учтенную во время ближайшей переписи, независимо от возраста,

состояния здоровья, хозяйственной состоятельности и даже от реального наличия самой ревизской души, поскольку от выполнения обязанностей не освобождались бежавшие и даже умершие. Обязанности выбывших, малолетних и больных раскладывались на способных выполнить повинность.

Объем заводских отработок определялся не возможностями приписной деревни, а потребностями горно-металлургического комплекса. Заводские и рудничные конторы определяли объем работ для выполнения силами приписных крестьян на следующий год. В Барнауле администрация округа сводила эти заявки в общую ведомость. Определенный в рублях, объем заводских работ делился на 1 руб. 70 коп., и так определялось число душевых уроков, которые в данном году обязана была отработать приписная деревня.

Душевые уроки распределялись по слободским (в XIX в. по волостным) ведомствам, а там распределялись по деревням и семьям, фиксировались в специальных «окладных» книгах. Работа эта возлагалась на выборных крестьянских «окладчиков», причем представителям заводской администрации на местах – управителям – предписывалось не вникать в саму процедуру оклада, чтобы все претензии и недовольства обращались на крестьянских выборных, а представители заводской администрации выступали в роли защитников справедливости. На самом деле администрация имела множество способов влиять на процесс расклада повинностей, да и сама процедура расклада определялась специальными инструкциями. В одной из таких инструкций предписывалось: «...работы класть на годных, числа оных от 15 до 60 лет и выше, а негодных, яко старых, малолетних, дряхлых, слепых, без рук, без ног и другими болезнями одержимых и неимущих в работы не располагать, а велеть приписывать оных к годным в работы по частям, кому что по раскладу и по расположению придет».

Соотношение потребных заводских работ в душевых уроках и число ревизских душ в разные годы было неодинаковым. Так, в 1782 г. при наличии в округе 36811 ревизских душ общее число душевых окладов для отработок составляло 23490. Казалось бы, оставшиеся (13321 душа) оказывались свободными от отработок, но на самом деле было не так. Во-первых, негодных к работам оказывалось больше половины от общего числа приписных, и положенные уроки раскладывались на работоспособных, во-вторых, оставшуюся разницу между числом ревизских душ и душевых уроков добирали провиантом, фуражом и деньгами.

Виды работ, возлагавшиеся на приписную деревню, были различными: рубка леса, выжиг древесного угля, на котором работали заводы, вывоз руды, угля и других заводских грузов, различные строительные работы и другие виды работ, не требовавших специальной квалификации. Спротивление по всей стране приписных крестьян заставило императрицу и правительство манифестом 1779 г. ограничить обязательные заводские отработки определенными видами работ. Однако и после этого за приписной деревней остались наиболее тяжелые виды повинностей.

После составления окладных книг главное внимание заводской администрации сосредоточивалось на обеспечении явки крестьян на работы. Ежегодно тысячи приписных крестьян отправлялись на заводскую барщину, нередко за несколько сотен верст. Выезжать предписывалось организовано, крупными партиями под наблюдением выборных лиц из крестьян. Крестьянский мир связывался круговой порукой. За неявку жестоко наказывали, причем не только тех, кто уклонялся от отработок, но и выборных («за несмотрение»). В случае неявки крестьянина на отработки

за ним посылались нарочный, а прогонные деньги для него взимались с виновного. Прибывший для отработок крестьянин оказывался в полном подчинении заводской конторы. Кроме того, за ним должны были наблюдать крестьянские выборные. За слушание полагалось наказание: «Брать под караул, и ежели злость не велика, то при сходе народа высечь нещадно». При более серьезной провинности полагалось отправлять провинившегося для разбирательства в Барнаул.

Использовалась и круговая порука. При отработках крестьяне разбивались на десятки или группы другой численности. Если кто-либо не выполнял урока, уходил с работ досрочно, то за него отработывали другие члены десятка. Некоторые крестьяне бежали с работ. Их ловили и приводили обратно под караулом, связанных, в колодках. При повторном бегстве Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства предписывала возвращать беглецов на работы. В этой связи показателен следующий документ: «...в ручных же и ножных смыках, кои делать березовые, крепкие, толщиною не тоне двух вершков, длиною аршин, и оные забивать крепкими железными, а не деревянными гвоздями. И для того, ежели там железа не имеетца, оно на ту надобность один пуд на мирском коште требовать отсюда».

На заводские отработки крестьяне выезжали на собственных лошадях, со своим провиантом и фуражом. Малолощадные крестьяне оказывались при этом в затруднительном положении, даже если и назначались на пешие работы. Провианта и фуража часто не хватало на все время, а некоторые крестьяне «по скудости своей» и не могли привезти достаточно. Купить провиант на местах отработок было или дорого или вовсе невозможно из-за отдаленности рудников от населенных пунктов. Заводская администрация предписывала предупреждать крестьян, что при заводах и рудниках провианта им не будет и «про них не заготовливается». Время заводских отработок мало согласовывалось с циклом основных сельскохозяйственных работ. Нередко данная провинность накладывалась в наиболее ценное для земледельца время, особенно если приходилось работать за выбывших и неработоспособных.

Между крестьянами практиковался наем для выполнения заводских работ. Зажиточные крестьяне, чтобы не отрываться от хозяйства, нанимали отработчиков. Среди бедных крестьян были такие, которые нанимались ежегодно. Но был и другой наем, когда зажиточные крестьяне нанимались отработывать за бедных, безлошадных за высокую плату. В ряде случаев власти даже вмешивались, чтобы не допускать полного разорения бедноты из-за такого найма. Канцелярия горного начальства предписывала, чтобы стоимость внутрикрестьянского найма по заводским отработкам не превышала официальные расценки более чем вдвое. К концу XVIII в. заводские власти, добиваясь неукоснительного выполнения отработочной повинности, признавали оплату найма для выполнения душевого урока в 6 руб. 80 коп., т.е. в 4 раза больше положенного.

Тяжесть заводских отработок вызывала сопротивление приписных крестьян. Уклонение от расклада, бегство с работ были, однако, все-таки единичными формами протеста. Куда более действенной оказывалась организованная массовая неявка на заводские отработки, особенно усилившаяся после манифеста 1779 г., содержание которого крестьяне интерпретировали в свою пользу как освобождение от работ. Массовая неявка крестьян оставляла заводы без руды и угля. Павловский завод, например, в 1781 г. не работал 103 дня, а в 1782 г. – 251 день. Заводская администрация подсчитала, что в 1781–1782 гг. за дни вынужденного простоя заводы могли бы дать 417 пудов серебра и примерно 11 пудов 12 фунтов золота.

Кабинет и алтайская заводская администрация стали искать способы борьбы с массовыми неявками крестьян. Заводские конторы стали нанимать мещан и крестьян из ближайших деревень за высокую плату, а деньги на это взыскивать с неявившихся. С 80-х гг. XVIII в. из приписной деревни стали набирать так называемых урочников, которые были обязаны снабжать заводы древесным углем, дровами, возить руду с наиболее отдаленных рудников. Урочники сохраняли свои хозяйства в деревнях и занимали промежуточное положение между приписными крестьянами и мастеровыми. Но даже и в этих условиях за приписной деревней оставались объемные и обременительные обязанности.

Помимо отработок, приписные крестьяне выполняли различные натуральные повинности либо в счет подушного оклада, либо за особую плату. При этом расценки были значительно ниже рыночных цен и превращали закуп в натуральную повинность. Наиболее тяжелой из них была поставка хлеба и фуража. Крестьяне не только должны были поставлять провиант по продиктованным заводским начальством ценам, но и привозить его на своих лошадях, за что никакой доплаты не полагалось. Некоторые зажиточные крестьяне, имевшие значительную пашню и достаточно лошадей, сами просили заменять им отработки поставкой провианта, но для большинства крестьян эта повинность была крайне обременительной.

Манифест от 21 мая 1779 г. исключал поставку провианта из числа повинностей приписных крестьян. Однако на Алтае это требование соблюдалось лишь по форме, но не по существу. Весь хлеб стал заготавливаться в порядке закупа, но цены регулировало заводское начальство. Закуп производился задолго до уборки урожая. Крестьянин брал обязательство поставить определенное количество хлеба и получал в задаток половину его стоимости. Другая половина выплачивалась после доставки хлеба на заводы и рудники. Таким образом, хлеб закупался еще на корню, а крестьянина ограничивали в возможностях сбыта своей продукции, которую он не мог выгоднее продать другим покупателям. Сторонних покупателей хлеба заводская администрация ограничивала в их деятельности либо вообще выдворяла за пределы горного округа. Закупленный заранее хлеб заводская администрация заставляла крестьян поставлять, используя все возможности своей власти над приписной деревней, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами принуждения. Принудительная поставка провианта открывала возможности для злоупотреблений со стороны управителей и закупщиков, в роли которых выступали заводские служители и местное купечество.

Третьей повинностью приписной деревни была поставка рекрутов для пополнения кадров мастеровых и рабочих людей. Начиная с 1761 г. алтайские приписные крестьяне вместо отправки рекрутов в армию стали передавать их в распоряжение заводской администрации. Рекрутские наборы изымали из деревни молодых, трудоспособных мужчин, что наносило ущерб крестьянскому хозяйству.

При наборе рекрутов администрация применяла, как и при раскладке заводских отработок, метод перепоручения этого хлопотливого дела крестьянскому миру. В результате зажиточные и влиятельные крестьяне отправляли в рекруты бедноту, поскольку предписывалось брать прежде всего «нерачительных к хозяйству», а если этого не удавалось, то за высокую плату нанимали за своих сыновей парней из бедных крестьянских семей.

Администрация пыталась представить дело таким образом, будто оставление молодежи при заводах является милостью императрицы. Сыновья не попадут в ар-

мию, где могут погибнуть на войне, а будут работать рядом с домом. Но крестьяне рассматривали рекрутский набор на заводы и рудники как бедствие. Рекруты бежали, отбивались от выборщиков, намеренно уродовали себя, применяя иногда даже огнестрельное оружие. Некоторые рекруты отсекали пальцы, чтобы не идти на рудники и заводы. Дело в том, что рекрут навсегда изымался из деревни, от семьи, превращался в мастерового с обязанностью не только пожизненной, но и наследственной службы. Дети его также должны были пополнять кадры мастеровых и рабочих людей. Только с 1763 по 1795 г. из приписной деревни Алтая было взято более пяти тысяч рекрутов. Рекрутские наборы стали основным источником пополнения рабочих кадров горно-металлургических предприятий.

Обязанности перед заводами не избавляли приписных крестьян от повинностей перед государством. Крестьяне должны были выплачивать государству подушную и оброчную подати. Первоначально эти подати отрабатывались при заводах, а заводская администрация выплачивала их Казне. Затем крестьянам стали выдавать деньги на руки для самостоятельной выплаты властям. С 1768 г. подушный оклад вырос до 2 руб. 70 коп., а с 1783 г. — до 3 руб. 70 коп. На заводах крестьяне по-прежнему отрабатывали 1 руб. 70 коп., но подушный оклад платили государству в полном объеме.

Привлекались приписные крестьяне также к исполнению подводной и дорожной повинностей. Особенно обременительной была эта повинность для крестьян, живших по основному Сибирскому тракту. Заводская администрация даже принимала меры для облегчения этой повинности за счет государственных крестьян и ямщиков. Однако внутри горного округа подводная и дорожная повинности в полную меру использовались в интересах заводов. Были организованы ямские станции, по ним расписаны крестьяне окрестных деревень. Они осуществляли ямскую связь, содержали подводы для внутренних перевозок, ремонтировали дороги, мосты, гати. На все это внутри горного округа администрация заводов не тратила ни копейки, переложив все на крестьян.

На крестьянах лежали также многочисленные земские и мирские повинности: содержание земских, мирских и судебных изб и контор, исправление бесплатно выборных должностей, строительство и содержание церквей и клира. Дрова для отопления казенных помещений, свечи для освещения, бумагу, чернила, все необходимые мелочи приобретались за крестьянские деньги в счет земских и мирских повинностей. Мирские повинности отрабатывались либо непосредственно, либо по найму. Оплату найма обеспечивали крестьяне. Нередко расходы на земские и мирские нужды превышали государственные подати.

3.3. Хозяйство приписной деревни

Насильственное прикрепление крестьян к горно-металлургическим предприятиям, обремененность их заводскими отработками и другими повинностями, разумеется, отрицательно сказывались на их хозяйственной деятельности, однако не ликвидировали ее основной направленности. Главным в жизни приписной деревни было сельскохозяйственное производство. В нем была суть, основная социально-экономическая функция русского крестьянина, перенесшего в Сибирь свой много-

вековой опыт земледельца. Пашенное земледелие, разведение домашних животных, различные промыслы и ремесла придавали крестьянскому хозяйству комплексный характер, обеспечивавший все основные потребности сельских жителей. В таком развитии крестьянского хозяйства были заинтересованы и государственная администрация, и заводское начальство.

Для кабинетских заводов приписная деревня была необходима не только как поставщик рабочей силы, но и как продовольственно-сырьевая база горно-металлургического комплекса. Поэтому Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства поощряла хозяйственную деятельность крестьян, принимала меры по принудительному расширению крестьянских пашен, при решении вопросов о переселениях учитывала наличие пашенных и сенокосных угодий. В горном округе постепенно было ликвидировано частное владение землями и угодьями. Алтайское приписное крестьянство стало пользоваться пашенными землями, угодьями, промысловыми местами без каких-либо документов на том лишь основании, что оно было приписано к заводам и жило на территории царского горного округа.

Владельческая принадлежность алтайских земель царю не проявлялась открыто, не оформлялась юридически, но пользование царской землей налагало на крестьян крепостнические обязанности, превращая заводские отработки в своеобразную барщину, а поставку провианта на заводы – в натуральную земельную ренту.

Юридическая неоформленность царского землевладения на кабинетских землях, сосредоточение интересов владельца в основном на горно-металлургическом производстве, а не на земле способствовали тому, что алтайский приписной крестьянин считал используемую им землю своей собственностью, а заводское начальство вникало в вопросы крестьянского землепользования лишь при возникновении земельных споров.

В комплексном хозяйстве алтайского крестьянина ведущей отраслью было земледелие. Начало ему было положено еще до образования Колывано-Воскресенского горного округа. Уже в XVII в. на территории Томского и Кузнецкого уездов сложился второй по значимости район русского пашенного земледелия в Сибири. По мере заселения русским крестьянством в XVIII в. нынешних территорий Новосибирской области и Алтайского края земледелие стало быстро распространяться вверх по Оби. На осваиваемых землях были заложены основы русского хлебопашества.

Во второй половине XVIII в. земледелие в приписной деревне Алтая значительно выросло. Благодаря значительному сдвигу населения к югу территория Верхнего Приобья постепенно становилась самой населенной частью горного округа. С увеличением численности крестьян расширялись занятые под пашни площади, рос сбор зерна, заводились огороды с полным и привычным для русского крестьянина набором культур. Только в ведомстве Бийской слободы с 1765 по 1771 г. площадь под зерновыми выросла с 3210 до 6622 тыс. десятин, т. е. более чем в два раза. Пришлые, поселенные в бассейнах рек Чарыша и Алея в 1748–1752 гг., освоили за эти годы под пашню свыше одной тысячи десятин никогда ранее не паханных земель.

К концу XVIII в. на территории Бийского уезда, занимавшего всю нынешнюю восточную часть Алтайского края, под пашней находилось около 30 тыс. десятин. За 33 года, с 1766 по 1799 г., размеры пашен выросли почти в три раза. По всей территории Колывано-Воскресенского горного округа под зерновыми культурами в конце XVIII в. было занято более 108 тыс. десятин.

В первой половине XIX в. естественный рост сельского населения, некоторое улучшение культуры земледелия обеспечили дальнейшее расширение посевных площадей. Однако крепостническая эксплуатация крестьянства, закрытость горного округа для внешнего притока населения тормозили развитие земледелия. В 1858 г. из огромного земельного фонда Алтая в 42 млн десятин, по официальным, сильно завышенным данным, под пашней находилось только 5838538 десятин. Но ряд документов показывают, что степень освоения пашенных земель была еще меньше.

На огромной территории горного округа, включавшего и давно, и недавно освоенные земли, не было единой системы земледелия. На старопашатных землях применялось трехполье, на новых, верхнеобских – перелог и залежь. Первоначально обилие плодородных земель и малая заселенность территории позволяли крестьянам не применять какие-либо меры по восстановлению плодородия почв. Побывавший на Алтае в начале 70-х гг. XVIII в. известный немецкий ученый П. С. Паллас отмечал, что крестьяне «...вспахав раз землю, двадцать или более лет без унавоживания на одном месте пожинают, а по всей территории Верхнего Приобья могли семь лет сряду прекрасное пшено пожинать».

Когда плодородие пашни убывало, земля «выпахивалась», крестьянин забрасывал старое поле и распахивал новое. Часто, используя обилие земель, крестьяне вообще оставляли старое место жительства, заводили новые деревни. Однако по мере уплотнения населения, а также из-за препятствий, которыми заводская администрация ограничивала переселения, приписные крестьяне вновь вводили в хозяйственный оборот заброшенные в свое время земли. Складывалась залежная система земледелия. В 1799 г. управитель Белоярской, Боровлянской, Тальменской и Чумышской волостей, характеризуя местную систему земледелия, сообщал в Барнаул, что крестьяне в зависимости от месторасположения и качества земли снимают на распаханной пашне от четырех до шести урожаев, а затем пускают эту пашню в залежь (пустошь) не менее чем на 20 лет и только после этого возвращаются к ней.

Для обработки пашни крестьяне применяли различные сельскохозяйственные орудия, образцы которых на раннем этапе освоения русскими людьми Сибири были завезены из Европейской России, а затем приспособлены к местным условиям. На Алтае основными орудиями землепашца в рассматриваемый период были сохи. Упоминания о применении плуга наряду с сохами встречаются в документах только с начала XIX в. Известно два вида сох, которыми пользовались алтайские крестьяне: соха-косуля (называлась также рогалихой и сибирской сохой) и соха-колесуха. Косуля применялась на мягкой пашне, реже (или за неимением другой) на залежах. В нее впрягали одну сильную лошадь или две малосильные. В день поднимали такой сохой полдесятина залога (девять пятисотенных загонов), а мягкой пашни до 15 загонов. Соха-колесуха использовалась как на залежи, так и на мягкой пашне. В нее впрягали чаще всего двух сильных лошадей, а на трудных землях, особенно при подъеме целины, от трех до пяти. Землю разрыхляли боронами с железными или деревянными зубьями.

Алтайский приписной крестьянин сеял те же культуры, что по всей Сибири: рожь (озимую и яровую), ячмень, овес, пшеницу, просо, полбу, гречиху, горох; из технических культур – лен, коноплю, из огородных – капусту, морковь, огурцы, лук, чеснок, редьку, свеклу, репу, хрен, бобы, укроп, мак, дыню. Самой распространенной культурой была озимая рожь, второе место занимала яровая рожь (ярица), на третьем месте – овес и только на четвертом – пшеница. Доля пшеницы

в структуре посевов зерновых культур была неодинакова в разных местах обширного Алтайского округа. В разные годы она колебалась от 5,5 (Бердское ведомство, 1764 г.) до 27,5% (Красноярская слобода, 1767 г.). Вообще в Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. удельный вес пшеницы был выше, чем в Европейской России. Больше всего пшеницы сеяли в южных районах Западной Сибири, в том числе на Алтае.

Урожайность зерновых культур в разных частях горного округа была неодинаковой, колебалась она и по годам. Средним был урожай «сам четыре», т.е. сеяли пуд – собирали четыре. В 1798–1799 гг. средний урожай зерновых по округу составил «сам 4,72». Разными были и валовые сборы зерна. В неурожайные годы заводское начальство испытывало трудности в заготовке провианта, направляя заготовителей даже за пределы горного округа, в Красноярский уезд. В среднеурожайные годы такой необходимости не было. Приписная деревня обеспечивала хлебом свои и заводские потребности и даже продавала его с разрешения заводского начальства заготовителям с Сибирской военной линии. В урожайные годы возможности продажи хлеба за пределы горного округа увеличивались. Но в целом под воздействием ряда причин (крепостническая эксплуатация крестьянства, закрытие округа для переселенцев) развитие земледелия в горном округе с конца XVIII в. приобретало застойный характер.

Наряду с земледелием приписные крестьяне Алтая активно занимались скотоводством, в первую очередь коневодством, что диктовалось потребностями хлебопашества в тягловой силе и большим объемом транспортных (конных) работ для заводов. Развитие извозного промысла по найму создавало дополнительные стимулы для коневодства. Кроме лошадей крестьяне разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, домашнюю птицу. Обилие выпасов и покосов позволяло держать значительное количество скота. В отдельных крестьянских хозяйствах насчитывалось до 50 и более лошадей, по несколько десятков голов рогатого скота. Но наряду с этим было много семей с минимальным количеством домашних животных. Минимум в коневодстве – четыре лошади на двор, поскольку на заводские отработки, чтобы выполнить их в приемлемые для крестьянина сроки, надо было выезжать не менее чем на двух лошадях, столько же оставлять дома для хозяйственных надобностей. Далеко не всякая семья имела такой минимум, нередко встречались и вообще безлошадные крестьяне.

Ценные сведения о количестве скота в приписной деревне горного округа приводит в своем исследовании известный ученый Карл Ледебур, который с научной экспедицией посетил Алтай в 1826 г. В указанном году у крестьян горного округа оказалось лошадей 250532, коров и крупного рогатого скота – 200431, овец – 221045, т.е. на ревизскую душу приходилось: лошадей – $2\frac{7}{8}$, коров и крупного рогатого скота – $2\frac{1}{4}$, овец – $2\frac{1}{2}$.

Скотоводство в приписной деревне носило экстенсивный характер, развитие его достигалось главным образом ростом поголовья, племенная работа не велась. Скот, особенно лошади, большую часть года находились на подножном корме. Частые эпизоотии приводили к массовому падежу скота. Так, только в июле 1784 г. в 28 деревнях бассейна Чумыша от сибирской язвы пали 521 лошадь и 29 коров. В 1773 г. в алейских деревнях Шипуновой, Хлопуновой, Поспелихе, Махановой и Красноярской пали 531 лошадь, 188 коров, 586 овец. Почти единственным способом борьбы с эпизоотиями была изоляция очагов заболевания скота карантинами,

захоронение погибших животных. Для этой цели на места высылались специальные представители администрации с солдатами.

Хозяйственная деятельность приписных крестьян не ограничивалась земледелием и скотоводством. Большую роль в их жизни играли промыслы и другие подсобные занятия. С самого начала освоения русскими Верхнего Приобья первопоселенцы активно занимались охотой и рыболовством. Рыбу ловили главным образом «на свой обиход», но часто и на продажу, в том числе на рынке Барнаула. Значение рыболовства для крестьянского хозяйства учитывалось даже заводской администрацией при решении вопросов переселения приписных крестьян на новые места жительства.

В деревне широко были распространены занятия, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции. Из них первостепенное значение имело мукомольное дело. Для размола зерна на муку и выделки круп в деревнях строились водяные мельницы: мутовчатые и колесчатые, а также ветряные. В 1826 г. мельниц насчитывалось 2500. Повсеместно в алтайских деревнях перерабатывали лен и коноплю, делали пряжу, ткали холсты. Несмотря на государственную монополию на винокурение, на Алтае, как и по всей Сибири, крестьяне курили вино, делали брагу.

Повсеместной была и переработка животноводческого сырья. Из овечьей шерсти крестьянки вязали чулки, варежки, ткали грубошерстное сукно. Крестьяне занимались выделкой овчин, лосиных, сыромятных и дубленых кож для своих семей, а также и на продажу. Кожевенные и мыловаренные заведения, наряду с мельницами и кузницами, подлежали обложению особым оброком и учитывались властями. Одним из важных видов переработки животноводческого сырья было маслоделие. Масло сбивали ручным способом из отстойной сметаны, а потом перетапливали. Изготавливали крестьяне также растительные масла — конопляное и льняное.

Широкое распространение получило на Алтае кузнечное дело. Кузницы имелись почти в каждой деревне. В 1826 г. их насчитывалось 1036. Крестьяне принимали активное участие в поиске рудных месторождений. Принудительная работа при заводах способствовала расширению в деревне знаний в области горнорудного дела и металлургии.

На Алтае, как и по всей России, в деревнях большое развитие имела обработка дерева: изготовление телег, саней, колес, сох, борон, домашнего инвентаря, посуды. Строительные работы в деревнях осуществляли сами крестьяне, среди которых было немало хороших плотников.

Для заводских надобностей и на продажу крестьяне гнали смолу, деготь. Существенное место в крестьянском хозяйстве занимало собирательство. Собирали кедровый орех, грибы, ягоды, травы. Большое место в жизни крестьян занимал извоз, превращавшийся по мере роста объемов казенных и частных перевозок грузов в прибыльный промысел, особенно для тех крестьян, которые жили при важнейших трактах. Промыслы и неземледельческие занятия играли большую роль в жизни алтайского крестьянина. Они давали возможность получать дополнительные средства для поддержания хозяйства. Со временем продукция промыслов во все большем количестве шла на продажу, втягивая крестьянские хозяйства в товарно-денежные отношения.

Глава 4

НАУКА И ТЕХНИКА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. КУЛЬТУРА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

4.1. Наука и техника

В XVIII – первой половине XIX в. Алтай становится одним из ведущих центров горно-металлургической промышленности России. Работавшие здесь инженеры, изобретатели, специалисты вошли в историю отечественной науки и техники.

Основным источником получения энергии для действия всех предприятий Алтая вплоть до конца XIX в. служили гидросиловые установки. Поэтому выбор места для строительства заводов ограничивался близостью реки. При этом продолжали широко использовать ручной труд, конную тягу.

Алтайские заводы были организованы в значительной мере по образцу уральских. При строительстве Колывано-Воскресенского, Барнаульского, Нижне-Сузунского, Павловского, Томского заводов применяли традиционную плотинную схему использования водной энергии, где напор воды создается плотиной. Перед плотиной выше по течению формировался заводской пруд с огромным запасом воды. Ниже плотины возводились заводские сооружения, механизмы в которых приводились в действие верхнебойными водоналивными колесами. Однако плотинная схема требовала большого ухода за прудом, существовала опасность наводнений во время паводков. Так, в мае 1793 г. Барнаульский завод пострадал от крупного наводнения.

В 1754 г. на Змеиногорском руднике впервые в России И.И. Ползуновым для механической пилы была применена иная схема использования водной энергии – деривационная. При деривационной схеме высота плотины может быть небольшой, а напор получается за счет разности уклонов воды в реке и отводном канале. Деривационная схема использовалась Д.Ф. Головиным при строительстве Алейского и Локтевского заводов. Гавриловский завод был также построен по деривационной схеме.

Особенного внимания заслуживают крупнейшие и наиболее оригинальные для второй половины XVIII в. гидросиловые установки на Алтае, сооруженные талантливым механиком Козьмой Дмитриевичем Фроловым. Он родился на Урале, там же им была изобретена самая производительная на то время золотопромышленная машина. В 1763 г. он был отправлен на Алтай для механизации Змеиногорского рудника.

От уникального каскада гидротехнических сооружений К.Д. Фролова, построенных на одном потоке воды, на Змеиногорском руднике приводились в движение «похверки» — устройства для толчения и промывки руды, кузница, лесопильная установка, а также ряд механизмов под землей. В 1783–1786 гг. по проекту К.Д. Фролова здесь были построены четыре водяных колеса, в том числе колеса-гиганты диаметром 15,6 и 16 м, получившие название «слоновьи», ставшие одними из самых больших в мире водяных колес. С их помощью в Преображенской и Екатерининской шахтах в бадьях поднималась руда с глубины 102 и 150 м, а в Вознесенской и Екатерининской шахтах поршневыми насосами откачивалась вода из самых глубоких горизонтов рудника. Кроме того, К.Д. Фролов в 1787 г. на Вознесенской шахте построил вододействующий рудоподъемник «патер-ностер» («чётки»). 36 бадей, последовательно укрепленных на бесконечные цепи, могли непрерывно поднимать руду, зачерпывая ее в нижней точке и автоматически выгружая в верхней. В среднем за смену машина поднимала на поверхность 35 стопудовых ящиков руды.

Если К.Д. Фролов успешно применял водяной двигатель, то И.И. Ползунов мечтал «водяное руководство пресечь». Иван Иванович Ползунов родился в Екатеринбурге. В начале 1748 г. в составе группы специалистов горного дела был переведен на Колывано-Воскресенские заводы с Урала. За 10 лет Иван Ползунов стал одним из самых технически грамотных специалистов округа. В апреле 1763 г. И.И. Ползунов представил начальнику Колывано-Воскресенских заводов А.И. Порошину проект «огненной машины». Идею пароатмосферного двигателя он, скорее всего, взял из книги И. Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу...», изданной в 1760 г. в Санкт-Петербурге.

Со второй половины XVIII в. в России наблюдался рост издания технической литературы. К этому времени относится и возникновение библиотек на Алтае. В 1764 г. при правлении Колывано-Воскресенских заводов была открыта Барнаульская казенная библиотека. Первые 87 книг, в основном немецкие издания по горно-металлургическому делу, были присланы из Екатеринбурга. Часть книг, привозимых в Барнаул, тотчас отправлялась на заводы и рудники. Были созданы библиотеки при рудничной конторе Змеиногорского рудника, при Локтевском сереброплавильном заводе. Библиотеки ведомства Колывано-Воскресенских заводов имели крупнейшее в Сибири в XVIII–XIX вв. книжное собрание, насчитывавшее к началу XIX в. 7152 экземпляра на русском, немецком, английском, французском и других языках. Заводские книжные собрания комплектовались передовыми научно-техническими сочинениями своего времени. Кроме технической литературы здесь были книги по истории, географии, философии, физике, химии, математике, книги нравоучительные и энциклопедические, художественная литература и периодические издания.

Итак, проект И.И. Ползунова был представлен в Кабинет Ее Императорского Величества, о нем доложили Екатерине II. Президент Берг-коллегии И.А. Шлаттер дал высокую оценку проекту. А в марте 1764 г. Ползунов подает в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства новый проект своей пароатмосферной машины, в 15 раз более мощной по сравнению с проектом 1763 г. Именно по второму проекту и велось строительство, завершившееся к весне 1766 г.

7 августа 1766 г. «огнедействующая» машина И.И. Ползунова вступила в действие по обслуживанию дутьем трех плавильных печей. Машина первого российского теплотехника И.И. Ползунова являлась первой в мире, оснащенной двухцилиндровым, непрерывного действия, универсальным пароатмосферным двигателем, способ-

ным приводить в действие любые заводские механизмы. В ней впервые в мире И.И. Ползуновым было установлено автоматическое паро-водораспределение. В установке пар из котла поступал поочередно в два цилиндра и перемещал поршни вверх, а атмосферным давлением они также поочередно опускались вниз. Поршни приводили в движение воздуходувные мехи, а сжатый мехами воздух поступал к трем рудоплавильным печам. «Огнедействующая» машина И.И. Ползунова проработала до 10 ноября 1766 г., когда у нее прогорел котел, а в 1782 г. машина была разобрана. За весь срок ее эксплуатации было получено: серебра 14 пудов 38 фунтов 17 золотников 42 доли (более 244,9 кг), золота 14 фунтов 22 золотника 75 долей (более 5,8 кг).

Среди изобретателей, работавших на Алтае, у И.И. Ползунова были последователи. С.В. Литвинов предложил несколько проектов паровых двигателей. Он занимался усовершенствованием известных и конструированием новых частей тепловых установок: парового котла нового типа, воздушного конденсатора. Однако его проекты не нашли поддержки у горного начальства и не были реализованы.

В 1806 г. П.М. Залесов предложил оригинальную и крайне простую паровую машину для откачки воды из рудников. В качестве двигателя в проекте использовалась активная турбина – «деревянное колесо, в подобие водяного наливного». Однако строительство турбоустановки Залесова не было осуществлено. Среди наиболее значимых реализованных изобретений П.М. Залесова отметим постройку на Сузунском заводе оригинального механизма для разливки в формы металла из плавильных печей – подъемного крана в сочетании с разливательным ковшом. Кроме того, Залесов сконструировал и ввел в употребление на Сузунском монетном дворе в 1818–1819 гг. новые прорезные и гуртильные машины.

Автором проекта, по которому под его же руководством в 1800–1802 гг. была построена Колыванская шлифовальная фабрика, был Ф.В. Стрижков. Он руководил фабрикой до 1811 г. и являлся автором многих художественных работ. Кроме того, по проекту Ф.В. Стрижкова в 1793 г. была создана сверлильная машина – универсальная машина для изготовления изделий из каменных монолитов, для механического вытачивания, шлифовки и полировки каменных ваз и чаш. Машина предназначалась для приготовления любой формы изделия без предварительной подготовки камня обрезкой и обтеской, она совершила переворот в камнерезном деле, где ранее все работы совершались вручную. Изделие, на изготовление которого требовалось ранее 10 месяцев, на машине Стрижкова выполнялось за 26 дней, притом с высоким качеством.

Сын известного гидротехника К.Д. Фролова Петр Козьмич Фролов для решения проблем транспортировки руды предложил совместить сухопутную дорогу и водный путь, используя суда малой оснастки его конструкции. В результате в 1805 г. было открыто судоходство по Иртышу.

15 января 1806 г. П.К. Фроловым был предложен новый грандиозный проект водно-рельсового пути от Змеиногорского рудника до Барнаульского завода. Была реализована лишь его часть – чугунно-рельсовая дорога на конной тяге между Змеиногорским рудником и Змеевским сереброплавильным заводом. Ее строительство велось в 1806–1809 гг. под руководством М.С. Лаулина. Позже он проектировал и строил корпус плавильной фабрики Барнаульского сереброплавильного завода, а в 1811 г. стал управляющим Колыванской шлифовальной фабрики. Построенная дорога являлась одной из первых в России чугунно-рельсовой дорогой.

В 1820-е гг. П.К. Фролов, занявший пост начальника округа Кольвано-Воскресенских заводов и томского гражданского губернатора, стал инициатором проведения в честь 100-летия горного дела на Алтае целого ряда юбилейных мероприятий. В их числе было создание коллекции моделей горных машин и механизмов, показывающих историю развития техники на предприятиях округа. Модельное собрание и несколько других коллекций, собранных им и Ф.В. Геблером, известным исследователем Алтая, были названы в 1823 г. Барнаульским музеем. Помимо собрания моделей, в его состав вошли зоологическая, энтомологическая, ботаническая, минералогическая коллекции, а также этнографическая часть – «одеяния, украшения, оружие, инструменты, посуда и идолы различных народов Сибири и Северной Америки».

Одним из создателей моделей для Барнаульского музея был П.Г. Ярославцев. Вместе с О.С. Осиповым он участвовал в опытах по амальгамации – замене плавки руд извлечением серебра ртутью, которые, однако, были признаны неперспективными. В дальнейшем Ярославцев по своим проектам построил в Барнауле первую в Западной Сибири бумажную фабрику, на Риддерском руднике водоотливную и рудоподъемную машины, на Зыряновском руднике оригинальную водоподъемную машину. В 1830-х гг. он механизировал производство на Гурьевском и Томском заводах, устроил конно- и вододействующие рудоподъемные и водоотливные машины на ряде рудников округа. Самым известным экспонатом музея всегда была модель пароатмосферного двигателя И.И. Ползунова. Барнаульский музей посещали многие ученые, путешественники, побывавшие на Алтае в XIX в.

В XVIII – первой половине XIX в. регион изучали ученые академических экспедиций, университетов, специалисты Горного ведомства, губернские чиновники, путешественники, как российские, так и зарубежные. Научное изучение Алтая велось одновременно с его хозяйственным освоением. С развитием горно-металлургической промышленности отдельные разрозненные исследования недр Алтая малочисленными группами рудознатцев уже не могли удовлетворить потребности заводов. Нужны были хорошо оснащенные экспедиции.

В 1733 г. началась организованная российским Сенатом и Академией наук Вторая Камчатская, или Великая Северная экспедиция под руководством В. Беринга. Изучение истории Сибири и ее народов было поручено приглашенным в Россию профессорам Г.Ф. Миллеру и И.Г. Гмелину. Экспедиция Гмелина – Миллера прибыла на Алтай в 1734 г.

Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) считается «отцом сибирской истории». За почти 10 лет он занимался археологическими поисками, обследовал все доступные ему архивы и собрал обширную коллекцию копий ценных архивных документов XVI – начала XVIII в. («портфели Миллера»). Одним из первых в отечественной науке он рассматривал древние предметы в качестве исторического источника. Наиболее значительным из трудов Миллера стало издание «Описание Сибирского царства», опубликованное на русском языке в 1750 г.

Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) изучал природу Сибири, в том числе Алтая, вел путевой дневник, собрал для Петербургской Кунсткамеры богатую коллекцию по естественной истории и этнографии. Гмелин написал большое исследование «Путешествие по Сибири», опубликованное в Германии на немецком языке, затем в Петербурге был издан четырехтомный труд «Флора Сибири». Гмелин составил первые научные сведения в обобщенном виде об Алтае, Кузнецком Алатау, Салаире. В опи-

сание его путешествия вошли сведения о полезных ископаемых, заводах, рудниках, много места уделено историческим, археологическим, этнографическим известиям.

В состав экспедиции Гмелина – Миллера был включен также студент С.П. Крашенинников. На Алтае ему было поручено составлять «Реестр деревням от Кузнецка вниз по Томи до Томска». Он также вел путевой дневник, куда заносил свои самостоятельные наблюдения о быте и хозяйстве местного населения, в том числе алтайцев. Степан Петрович Крашенинников (1711–1755) более известен как географ, исследователь Камчатки. Позднее, в 1750 г., Крашенинников стал первым русским профессором натуральной истории и ботаники Академии наук.

В 1745 г. по указу Сената была организована одна из первых комплексных экспедиций с целью исследования северо-восточного Алтая. Ее возглавил по поручению бригадира Безра бывший демидовский рудознатец Петр Шелегин. Целью экспедиции был сбор сведений о возможности строительства в горах Алтая русских крепостей и снабжения военных гарнизонов продовольствием. В составе экспедиции принимал участие геодезист и картограф П.Е. Старцов. На составленной им «Ландкарте Кузнецкого уезда» – карте, изображающей Верхнее Приобье, был обозначен маршрут экспедиции П. Шелегина к Телецкому озеру, нанесены реки Обь, Алей, Чарыш, Бия, Катунь, Чулышман, Телецкое озеро, впервые – Змеевский рудник и Барнаульский завод.

В середине 1760-х гг. интерес к восточным районам России возобновился. Экономическое и политическое развитие России требовало усиленного, всестороннего изучения ее обширной территории, ее природных и экономических ресурсов. Две экспедиции Академии наук – под руководством П.С. Палласа и И.П. Фалька посетили Алтай в 1771 г. Экспедиция Петра Симона Палласа (1741–1811), немецкого ученого, действительного члена Петербургской Академии наук, провела на Алтае около двух месяцев. Путевые записи Палласа были изданы под названием «Путешествие по разным местам Российского государства» на немецком, русском и французском языках. В своем труде П. Паллас описывал ландшафт, животный и растительный мир, предприятия горнозаводского комплекса Алтая и их продукцию. Он подробно описал памятники древних горных выработок на Алтае – «чудские копи», уже бездействовавшую на тот момент паровую машину И.И. Ползунова. Издание сопровождалось первой опубликованной картой западной части Алтая.

Экспедиция Иоганна Петра Фалька (1732–1774), шведского врача и естествоиспытателя, академика Петербургской Академии наук, директора ботанического сада при Академии наук, посетила Алтай в те же месяцы, что и экспедиция Палласа. Однако экспедиция И.П. Фалька пришла на Алтай с другой стороны – от Барабинских степей. В его труде приводятся данные о состоянии предприятий горнозаводского комплекса Алтая в 1770 г., затрагивается история Кольвано-Воскресенских рудников и заводов, приводятся цены в Барнауле, рассказывается о паровой машине И.И. Ползунова.

В составе экспедиции И.П. Фалька был Иоганн-Готтлиб Георги (1729–1802), академик Петербургской Академии наук, этнограф, один из первых исследователей алтайцев. В его монографии «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» как результат пребывания на Алтае были включены материалы о телеутах.

Некоторые ученые совершали свои экспедиции на Алтай неоднократно. Французский ботаник, минералог Э. Патрен, избранный членом-корреспондентом Петербургской Академии наук по рекомендации Палласа, провел 8 лет в Даурии

и на Алтае, жил в Колывани, откуда совершал поездки по округу. Первым составил инвентарный список растений окрестностей Барнаула, в который вошло 244 вида. Пять экспедиций в Колывано-Воскресенский горный округ в 1785–1811 гг. совершил Б.-Ф.-И. Герман, минералог, статистик, горный инженер, член Петербургской Академии наук. Он бывал в Барнауле, на Змеиногорском и других рудниках, Локтевском заводе. Собрал материалы по истории горного дела, проследил развитие предприятий округа с 1720-х гг. до 1795 г., составил описание рудных богатств, технологии металлургического производства, состава рабочей силы.

В XVIII – первой половине XIX в. активно практиковалось привлечение иностранцев к работе на Колывано-Воскресенских заводах. Среди них были не только горные специалисты. Они также участвовали в изучении Алтая. Так произошло с И.Г. Леубе – первым лютеранским пастором в ведомстве Колывано-Воскресенских заводов (1751–1763), который затем стал управляющим Змеиногорским и другими рудниками. Леубе объездил весь горный округ, собрал большую коллекцию минералов, руд и археологических предметов, создал химическую лабораторию в Змеиногорске. Им было осуществлено комплексное описание горного региона «Историко-географическое описание лежащего в Алтайских горах Змеевского и около него посторонним рудникам...», которое он отослал М.В. Ломоносову. Леубе положил начало систематическому изучению алтайских рудных месторождений. Как горный специалист он получил признание П.С. Палласа, И.П. Фалька, Г.М. Ренованца, И.Ф. Германа.

В 1764 г. пастором на Колывано-Воскресенские заводы был назначен Э. Лаксман, швед по происхождению, корреспондент Петербургской Академии наук. Выполняя пасторские обязанности, он побывал в Змеиногорске, Бийске, Усть-Каменогорске, Томске, Кяхте, Иркутске. Лаксман описал ранее неизвестных животных и растения, собирал гербарии, энтомологические и минералогические коллекции. Часть образцов он посылал в Швецию, Петербург – для Академии наук и Кабинета. Вел переписку с видными европейскими учеными К. Линнеем, А. Шлёцером, И. Беркманом, П. Бергиусом. Вел метеорологические наблюдения, используя для этого метеорологические приборы собственного изготовления. На Барнаульском стекольном заводе Лаксман поставил первые опыты варки стекла с сульфатом натрия. Использование в стекловарении природной глауберовой соли вместо соды и поташа – важное достижение русской химической прикладной науки XVIII в. Им разработан способ получения поваренной соли вымораживанием рапы соляных озер (1769 г.). Одним из первых Э. Лаксман оценил творчество И.И. Ползунова, назвав его «муж делающий истинную честь своему Отечеству».

В 1778 г. Ганс Михаэль Ренованц (1744–1798), минералог, член-корреспондент Петербургской Академии наук, был командирован на Колывано-Воскресенские заводы для ревизии горных работ на Змеиногорском и других рудниках. По предложению Кабинета Ренованц перешел на службу в ведомство Колывано-Воскресенских заводов, где и проработал до 1785 г. Академия наук снабдила его необходимыми инструментами для ведения в Барнауле метеорологических наблюдений. Г.М. Ренованцу принадлежит идея организации в Барнауле горного училища, для которого он составил штат и программу, сам преподавал в нем. За несколько лет работы на Алтае Ренованц собрал обширный материал, позволивший ему издать в 1788 г. в Германии на немецком языке книгу «Минералогические, географические и смешанные известия об Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению».

Параллельно с использованием иностранных специалистов в этот период шло формирование собственных кадров, уровень квалификации которых уже во второй половине XVIII в. не уступал западному. На алтайских рудниках силами горных чиновников и геологов стали собирать хорошие минералогические коллекции, информация о которых расходилась среди российской геологической общественности. В 80-х гг. XVIII в. кабинетское начальство проявило уже непосредственный интерес к открытию на территории своего округа месторождений твердых цветных поделочных камней.

В апреле-мае 1786 г. из Бийска, Кузнецка, Змеиногорска, Колывани на открытие новых месторождений руд, цветных поделочных камней и минералов отправились 9 поисковых партий. Во главе их стояли известные горные офицеры-геологи, оставившие глубокий след в истории алтайской горной промышленности и камнерезного дела. Это были П. И. Шангин, В. С. Чулков, Ф. Ф. Риддер, Б. Клюге, А. И. Герих, Г. С. Бровцын и другие опытные геологи. Поисковый сезон 1786 г. был одним из самых удачных по значимости открытий за всю историю Алтайского горного округа. Всего же в результате разведки, произведенной в 80–90-х гг. XVIII в. на территории Алтая, было открыто 45 месторождений порфира различных расцветок, 38 – ленточной и пестрой яшмы, 36 – брекчии, 9 – мрамора и других камней. На их базе были заложены Локтевская, Коргонская, Ревневская, Риддерская, Гольцовская и другие каменоломни, было основано камнерезное дело. Позднее П. И. Шангин первым из уроженцев Алтая стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1795).

Служащие округа занимались исследованиями Алтая в разных отраслях науки. Земский исправник в Бийске А. М. Горохов, совершая длительные разъезды, близко общался с алтайцами. Результатом его исследований стала рукопись «Записки и наблюдения с 1804 г. о кумандинских татарах, таутелеутах и калмыках бийского земского исправника, обер-берг-гауптмана 6-го класса Александра Горохова. 1811 г.», часть которой была опубликована в Журнале Министерства внутренних дел (1840). Горохов уже в начале XIX в. дал общее этнографическое описание четырех этнографических групп алтайского народа: алтай-кижи, кумандинцев, тубаларов и теленгитов.

Одновременно с А. М. Гороховым в Бийском уездном суде служил заседателем начинающий этнограф, археолог и историк Г. И. Спасский. В 1810 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности и древностей. За время службы объездивший многие места на Алтае, Г. И. Спасский, кроме общих географических исследований, сбора сведений о животном мире, местном садоводстве, вел длительные наблюдения за состоянием погоды, уровнем Оби у Барнаула, изучал климат. По его сведениям, в январе 1812 г. были зафиксированы необычные для Барнаула морозы. В термометрах замерзла ртуть – температура опустилась ниже – 52 градусов. Спасским был впервые систематизирован археологический материал по Алтаю: 1) начертания и надписи, 2) курганы и могилы, 3) развалины зданий и крепостей, 4) остатки горных работ, 5) отдельные предметы. Им же открыта эпиграфика древнего Алтая. С 1818 г. в Петербурге Г. И. Спасский выпускал журнал «Сибирский вестник» (с 1825 г. – «Азиатский вестник»), где впервые были помещены многие историко-этнографические материалы, собранные на Алтае.

В первой половине XIX в. интерес к Алтаю усилился. Больше всего экспедиций на Алтай приходится на вторую четверть XIX в. Экспедиции посылает теперь не Академия наук, а правительственные ведомства, горное начальство Алтайских заводов, университеты и общества.

В 1810 г. совершил путешествие по Алтаю будущий историк Сибири Петр Андреевич Словцов (1767–1843). Его маршрут по Алтаю был вполне традиционным: Барнаул — Змеиногорск, Усть-Каменогорск — Зырянский рудник — Бухтарминская крепость — Коргон — Чагырская крепость — Колывань — Барнаул. Материалы путешествия, найденные документы вошли в двухтомное издание «Историческое обозрение Сибири», где много внимания уделялось Алтаю, вопросам истории горно-металлургической промышленности, местному населению, в том числе коренному.

В 1826 г. для изучения Алтая в Барнаул прибыла научная экспедиция во главе с профессором Дерптского университета Карлом Фридрихом Ледебуром (1785–1851). В нее входили также выпускники того же университета К.А. Мейер и А.А. Бунге. Экспедиция Ледебура должна была охватить как можно большую территорию Алтая и Восточного Казахстана. Основной целью был сбор ботанического материала. Каждый участник экспедиции имел свой отдельный маршрут и вел свой дневник. Собранные участниками экспедиции коллекции были весьма значительными: 1600 видов растений, 240 видов живых растений для ботанического сада при Дерптском университете, семена 1340 видов растений, 700 пород животных, коллекции минералов и несколько предметов чудских древностей. Главный труд Ледебура — четырехтомная «Флора России» — оказал огромное влияние на развитие ботаники в России.

А.А. Бунге после экспедиции остался работать на Алтае в должности врача Колывано-Воскресенских заводов. Одновременно он продолжал изучать природу округа, собрал 366 видов растений, из них 58 были новыми для флоры Алтая, а 27 неизвестны науке. Позднее Бунге по рекомендации К. Ледебура стал профессором ботаники Дерптского университета.

В 1829 г. Алтай посетил Александр Гумбольдт (1769–1859), естествоиспытатель, географ, путешественник, один из основоположников современной географии растений, геофизики, гидрографии, член Берлинской Академии наук и почетный академик Петербургской Академии наук. По приглашению императора Николая I он совершил большое путешествие по России. Его сопровождали берлинские профессора — минералог, геолог Г. Розе и естествоиспытатель, зоолог, геолог, ботаник, миколог Х.-Г. Эренберг. Кабинет ожидал, что Гумбольдт поможет указать пути повышения производительности рудников и заводов Урала и Алтая. Ученые увидели главнейшие алтайские рудники — Риддерские и Крюковские рудные разработки, Зырянскую шахту, они вели наблюдения за магнетизмом, занимались астрономическим определением мест, общими геологическими и географическими исследованиями.

По возвращении в Петербург А. Гумбольдт поддержал проект российского физика, минералога, метролога, метеоролога А.Я. Купфера о создании сети стационарных магнитных обсерваторий. Исследования земного магнетизма и метеорологические наблюдения предполагалось проводить одновременно в различных точках с помощью однотипных инструментов по единой методике, для чего были необходимы астрономические наблюдения.

В 1831 г. в Барнауле начала действовать магнитная обсерватория, чьи наблюдения имели прикладное значение для проведения изыскательских работ. С 1 января 1838 г. в Барнауле начали проводиться регулярные метеорологические наблюдения. Обсерватория была оснащена двумя ртутными термометрами, хронометром и барометром Купфера-Гиргенсона — одним из лучших метеорологических приборов XIX в. Метеорологическая станция в Барнауле является одной из старей-

ших в России и мире, единственной в Сибири, ведущей непрерывные наблюдения с 1838 г. и до настоящего времени.

Во время пребывания в Барнауле А. Гумбольдт был почетным гостем начальника Колывано-Воскресенских заводов и томского гражданского губернатора П.К. Фролова. В книге почетных гостей «Собственноручные подписи особ, почтивших посещением своим Барнаульский музей» А. Гумбольдт оставил первую запись. Дважды Гумбольдт нанес визит Ф. Геблеру – врачу, ботанику, географу.

Фридрих Геблер (1781–1850) является автором многих печатных работ по зоологии, в том числе по энтомологии, и географическим исследованиям. Он впервые обследовал Рахмановские ключи, предпринял несколько серьезных экспедиций вглубь Центрального Алтая, исследовал геологическое строение горных хребтов Катунского, Листвяги и отчасти Южно-Чуйского, открыл ледники Алтая (Катунский – впоследствии ледник Геблера и Берельский), истоки Катуня, высочайшую вершину Алтая – Белуху, сделал ее первые измерения. За свое исследование ледников Геблер был удостоен Демидовской премии. В 1833 г. Ф. Геблер был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду зоологии и анатомии.

Местные специалисты оставили больше всего материалов по геологии, истории горного производства на Алтае, статистике. Так, Е.П. Ковалевский работал на Алтае в 1831–1834 гг., возглавлял экспедицию в восточную часть Алтая по изучению золотых приисков. В 1835 г. им была опубликована работа «Геогностическое и историческое обозрение частных золотых промыслов Алтайского края». А.И. Кулибин в 1834 г. представил «Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г.», где содержались данные по общегеографическому положению, климату, характеристика почв, сведения о занятиях населения и зарождении горнозаводского производства на Алтае, о заводах и рудниках, технологии выплавки металлов.

Путешествие по Алтаю геолога Г.П. Гельмерсена состоялось в 1834 г. на средства Министерства финансов. Им было проведено геологическое исследование истока Бии и бассейна Телецкого озера. Отчеты о путешествии Гельмерсена печатались в течение ряда лет на русском, французском и немецком языках.

В 1842 г. состоялась экспедиция по Алтаю и Саянам под руководством Петра Александровича Чихачёва (1808–1890). Собранные во время экспедиции материалы позволили Чихачёву создать обобщенную картину по географии и геологии Алтая, Минусинской и Кузнецкой котловинам. Он дал первое научное описание истоков рек Чуи, Чулышмана, ввел подразделение на Западный и Восточный Алтай, им составлена первая сводная геологическая карта Алтая и подробная географическая карта Алтая и сопредельных районов. Чихачев обобщил геолого-географические данные по Кузнецкой котловине и ввел в употребление определение «Кузнецкий бассейн».

Спустя два года на Алтай приехал геолог Г.Е. Щуровский. Восьмимесячное путешествие совершалось на средства Московского университета, в котором Щуровский был профессором по кафедре минералогии и геологии. Результатом экспедиции стал фундаментальный труд «Геологическое путешествие по Алтаю, с историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах», вышедшее на русском языке. В нем была дана полная и точная характеристика минералов, входящих в состав горных хребтов, указаны условия их образования и зависимость от горных пород. Отдельно был издан атлас карт, планов и видов отдельных живописных мест края. Сочинение Щуровского сконцентрировало основные итоги в изучении края в геологическом и географическом отношении в середине XIX в.

Алтай в XVIII – первой половине XIX в. являлся ведущим центром научно-технической мысли в Сибири. В исследование его природных богатств, в географическом, историческом, этнографическом изучении, в развитии горно-металлургической промышленности внесли огромный вклад горные инженеры, медики, преподаватели, ученые-путешественники. Одним из результатов развития науки и техники на Алтае стало появление в Барнауле в этот период горного училища, ботанического сада, метеорологической станции, библиотеки и музея.

4.2. Просвещение

Промышленное освоение минерально-сырьевой базы и заселение обширного горнозаводского региона юга Западной Сибири в XVIII в. ставило на повестку дня решение не только экономических, военных, административных, но и культурно-образовательных вопросов. Для успешной работы рудников и заводов требовались грамотные кадры.

Первая государственная школа на Алтае возникла в 1735 г. и действовала до осени 1737 г. при Кольванском заводе. Данная школа по своему типу являлась словесной, так как в ней обучали только чтению и письму, и имела наименование школы при «Томском Кольвано-Воскресенском медном заводе».

Организация начальных школ при горнозаводских предприятиях Западной Сибири произошла после 1747 г., когда Кольвано-Воскресенские заводы и прилегавшие к ним пространства Верхнего Приобья по указу Елизаветы Петровны поступили под управление Кабинета.

Словесная школа в посёлке Барнаульского завода была основана 18 января 1753 г. Непосредственным поводом для открытия школы послужила необходимость определения «к научению» сыновей саксонского специалиста Иоганна Гериха. Первоначально предполагалось учредить две школы – немецкую и русскую. После обучения школьников «по-русски и по-немецки читать и писать» лучших из них и «по состоянию их родителей» для определения в будущем в главные мастера и прочие горные чины надлежало отдавать горным штаб- и обер-офицерам и «обучать арифметике и геометрии и хотя малую часть химии». В последующем, выучившиеся у горных офицеров ученики должны были пройти обучение горным и плавильным ремёслам, «чтобы со временем могли из них быть надёжные штейгеры, гиттенмейстеры, знающие поведение всего горного дела, также плавильного, аптрейбергского, зейгерного, фришевального и прочего горного и заводского производства», достойные производству в горные и заводские офицеры. Отдельная немецкая школа так и не была создана. Вместо этого лютеранскому пастору было поручено обучать немецкому языку детей иностранных специалистов, а также по несколько человек из детей горных офицеров и служителей, что и выполняли сменявшие друг друга И.Б. Леубе, Э.Г. Лаксман, Гутмакер, И. Габриэль.

Барнаульская школа учреждалась, основываясь на «определениях» Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов и действительного статского советника Татищева от 8 февраля 1735 и 11 сентября 1742 г. Таким образом, школы Кольвано-Воскресенских горных заводов являлись прямыми продолжателями просветительских традиций В.Н. Татищева.

Под школу была определена изба «о трех покоях», а на Ирбитской ярмарке куплены 60 букварей, часословов, псалтирей и два учебника арифметики. В учителя из Тобольской духовной консистории был определен дьячок Пётр Хавов (учитель с 8 декабря 1753 г. по апрель 1756 г., в 1759 г. и с августа 1760 по 1761 г.) с жалованьем в 18 руб. в год. В последующем его поочередно сменяли копиист Антон Феденёв (с 1757 по 1758 г.), священник С.А. Шелковников (с октября 1758 по март 1759 г. и в 1760 г.) и школьный подмастерье Иван Морозов (с декабря 1761 до 1770-х гг.), получавшие по 24 руб. в год.

Программа словесной школы состояла из чтения и письма, изучения букваря, часослова и псалтири. Главенствующее значение отводилось заучиванию молитв и чтению церковных книг. Поскольку классно-урочной системы тогда ещё не существовало (она была введена в учебных заведениях Российской империи в последние десятилетия XVIII в.), занятия велись индивидуально с каждым учащимся, получавшим от учителя задания – уроки. Основными методами обучения являлись диктовка и воспроизведение заученного учащимися. Завершался курс обучением письму. Учащиеся обучались писать буквы и слова на песке и специально изготовленных шиферных – аспидных досках. Затем аккуратно переписывали тексты прописей на тех же аспидных досках и бумаге. Содержание прописей было выдержано в религиозном, нравоучительном и верноподданническом духе: «Бога бойся, благочестив будь, благоугоден бытию всем творися», «Глаголи еже есть истина, гнев укрощай, греха блюдися – яко змеина жала», «Всяка болезнь не есть такова вредна, яко супостат домашний» и др. В школе обучались мальчики от 5 до 14 лет. Зачисление в школу осуществлялось из признанных годными детей, по предварительно составленным спискам сыновей всех служащих горнозаводского ведомства без различия чинов и званий. Конкретного срока обучения не устанавливалось.

Учебный процесс был круглогодичным и разделялся на трети по 4 месяца. Каждая из третей называлась по месяцу, её открывающему: январская, майская, сентябрьская. В конце каждой трети учителя подавали на рассмотрение начальству именные списки и росписи учеников: «Какою наукою в (учебный год) вступили, кто они по именам, каких отцов дети, сколько от роду лет, получающие и не получающие жалованье, и кто из них в какой отлучке находился или болен был в домах и госпитале». Каждому из учеников словесной школы, отцы которых получали до 25 руб. жалованья в год, полагалось платить по 30 коп. в месяц и по 40 коп. в арифметическом классе. Школьникам, отцы которых получали годовой оклад более 25–30 руб., ежемесячного жалованья не полагалось; если же обучалось одновременно два сына, то жалованье платилось одному. Жалованье полагалось платить всем сиротам и сыновьям отставных служителей.

С 1761 г. в Барнаульской школе было введено обучение арифметике, геометрии, тригонометрии и «знаменованию» (черчению). С этого времени в делопроизводственной документации школа все чаще стала называться заводской. Словесными, геометрии и подобными «школами» стали называться её классы. Ещё одной школой горнозаводского профиля на Алтае была словесная школа Ирбитского железодельного завода, с 1759 по 1770 г. находившегося в ведомстве Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства. Точная дата её учреждения неизвестна, предполагаемое открытие относится к лету 1761 г. В 1765 г. «за малостью людей и малолетних детей и за излишним на содержание расходом» школа была закрыта.

Открытие школы Змеиногорского рудника относится к зиме 1760–1761 гг., после того, как во время визита на рудник И.Г. Улиха и И.С. Христиани местные служащие обратились к ним с просьбой об учреждении словесной школы. В 1775 г. по решению Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства было построено новое здание школы, а с начала 1770-х гг. она уже являлась комбинированной, т.е. помимо чтения и письма в ней уже обучали арифметике и геометрии.

В феврале 1770 г. был издан указ об учреждении Нижне-Сузунской словесной школы. Первый набор в школу состоялся 15 апреля 1770 г., а в мае того же года учителю Ивану Вяземскому (учитель с 1770 по 1780-е гг.) была дана точная инструкция, чему и как учить школьников. С 1773 г., с началом изучения школьниками арифметики, школа стала комбинированной, хотя и сохраняла своё прежнее наименование.

Одновременно с Нижне-Сузунской начала свою деятельность школа Ново-Павловского завода. Учителем в неё был определен отставной копиист Афанасий Муромский (с 1770 по 1780-е гг.). С 1 июня 1773 г. начались учебные занятия в Томской словесной школе. Для преподавания в неё из Нижне-Сузунского завода был прислан Никифор Иванов – бывший шплейсофенный ученик (ученик при медеплавильной печи).

Точные даты учреждения Алейской, Локтевской и Салаирской школ до сих пор неизвестны. Алейский завод был основан в 1774 г., начав своё действие в следующем году, закрытие же его относится к 1793 г. К моменту окончательной ликвидации завода в 1799 г. в нём числилось 5 школьников. В 1783 г. в Локтевский завод были отправлены какие-то книги из Алейской заводской библиотеки. Таким образом, школа Алейского завода могла возникнуть после 1775 г. и просуществовала до 1799 г., открытие же Локтевской школы могло произойти не ранее 1783 г. Начало активной разработки Салаирского рудника началось в 1780-е гг., вследствие чего следует допустить функционирование там школы в 90-е гг. XVIII в.

Сеть начальных горнозаводских школ на Кольвано-Воскресенских заводах сформировалась благодаря бурному развитию горнозаводской промышленности и острой потребности в образованных рабочих кадрах нижнего управленческого звена, широкого слоя конторских и канцелярских служащих. В пяти горнозаводских школах в 1775 г. обучался 581 ученик. К 1780 г. их численность приблизилась к 800 человек. С 1763 г. правовое закрепление получила практика отправки школьников к разбору и промыванию руд. Мальчики, достигшие 15-летнего возраста, зачислялись в действительную службу – в рудоразборщики.

Быстрые темпы промышленного освоения ресурсной базы региона во второй половине XVIII в. привели к строительству новых предприятий, тем самым ещё больше актуализировав потребность в местных квалифицированных специалистах. В 1779 г. было принято решение об открытии Горного училища в Барнауле. Первоначально в училище были зачислены исключительно дети дворян, офицеров и классных чиновников. Учебный процесс в Барнаульском заводском «благородном» училище начался 1 сентября 1785 г. В 1787 г. был произведён первый набор в Барнаульское народное училище сыновей горнозаводских служителей и нижних чинов. Благородным воспитанникам преподавались арифметика, геометрия, алгебра, физика, общая и российская география, история, российская грамматика, химия, минералогия, металлургия, латинский, французский и немецкий языки. Особое внимание уделялось крайне необходимому для полного овладения горными науками немецкому и требующемуся для светского общения – французскому языкам. Знание языков

было обязательным условием и залогом дальнейшего успешного обучения в Санкт-Петербургском Горном училище. Обучение сыновей нижних чинов и мастеровых подразумевало последующее замещение ими канцелярских, письменных и производственных должностей, в связи с чем в образовательном процессе делался упор на письменную – делопроизводственную и горнозаводскую практическую составляющие. Срок обучения в училище в конце XVIII в. мог составлять 5–6 лет и зависел от способностей учащихся. После завершения обучения часть учеников поступала в старшие классы Санкт-Петербургского Горного училища и через два-три года получала высшее горнотехническое образование. С 1790 г., ввиду начала совместного обучения обеих групп учащихся, училище получило устоявшееся наименование – Барнаульское Горное училище.

Помимо горнозаводских, одними из первых по времени возникновения на территории современного Алтайского края следует считать Барнаульскую латинскую и Бийскую гарнизонную школы. В 1759 г. в нескольких городах Сибири, в том числе и в Барнауле, были открыты латинские школы духовного ведомства, лучшие выпускники которых поступали в Тобольскую семинарию. В 1767 г. последовало решение епархиального начальства о замене латинских школ как не оправдавших себя славяно-русскими, а после о закрытии и тех, и других. В 1779 г. вновь было решено открыть на местах славяно-русские школы. В ведомости о школах Тобольской епархии 1780 г. указана и Барнаульская школа.

Первой школой военного ведомства стала Бийская гарнизонная школа, открывшаяся наряду с другими в 1765 г. по ходатайству главного командира Сибирского корпуса генерал-поручика И.И. Шпрингера. В «школе школьников» Бийской крепости обучались исключительно дети военнотружущих. В ней учили грамоте, счёту, «всякому строевому и до воинской службы и её порядков принадлежащему», а также игре на барабанах и флейте. В 1767 г. в ней обучались 60 драгунских и 60 казачьих детей в возрасте от 8 до 15 лет. Воспитанники гарнизонной школы назначались на низшие командные, канцелярские и хозяйственные должности. По сенатскому указу 1797 г. Бийская гарнизонная школа получила официальный статус, а в начале XIX в. была преобразована в военно-сиротскую школу.

Создание общеобразовательной всесословной школы в Сибири было связано с всероссийской екатерининской реформой образования 1780-х гг. Устав о народных училищах 1786 г. предусматривал создание в губернских центрах четырёхклассных главных и в уездных – двухклассных малых народных училищ. 21 апреля 1788 г. в Барнауле было открыто Кольванское главное народное училище, первоначально состоявшее из двух классов. Максимальная численность учащихся составила 94 человека к 1791 г. в трёх классах. На долю крестьян приходилось два ученика, т.е. 2,1% от общего числа, лиц «благородного звания» – 23, т.е. 24,4%, наибольший процент – 27,6% – составляли дети военнотружущих. В училище обучалось 11 учениц из благородного и воинского сословий. Четвёртый класс училища был открыт в 1791 г., но в последующем численность учащихся стала сокращаться. Народное училище оказалось не в состоянии конкурировать с лучше организованным Горным училищем, к тому же начальство мало обращало внимания на постановку учебного дела, а горнозаводская администрация не была заинтересована в развитии всесословной школы. В 1797 г. в результате упразднения Кольванского наместничества было закрыто и главное народное училище в Барнауле.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась затянувшимися имперскими реформами образования. В это время было осуществлено несколько попыток разработки нормативно-правовой базы функционирования горнозаводских школ и Горного училища в Барнауле, последние из которых были связаны с именем П.К. Фролова. К сожалению, первая четверть XIX в. оказалась неудачной для реформирования и создания новых учебных заведений всех типов на территории Кольвано-Воскресенского горного округа. Данное положение дел было связано с установившейся государственной реакцией, недостатком государственного финансирования сферы образования, а главным образом, с незрелостью местного общества и его равнодушием к вопросам просвещения.

Преобразование системы горнозаводского профессионального образования произошло после принятия Положения об учебных заведениях Алтайских горных заводов, утвержденного 4 августа 1836 г. Целями деятельности Учебной части являлись: а) начальное образование детей нижних и рабочих чинов заводского ведомства; б) приготовление способнейших из них к занятию нижних должностей; в) предоставление возможности подготовки сыновей местных чиновников для поступления в высшие учебные заведения. Положением закреплялась ранее сложившаяся двухуровневая система горнозаводского профессионального образования, состоявшая из частных училищ (заводских и рудничных школ находившихся в разных частях округа) и окружного училища в Барнауле. Курс Окружного училища разделялся на три общеобразовательные класса и два практических отделения: заводское (для подготовки заводских уставщиков – гиттенмейстеров, пробирщиков и пр.) и горное (для обучения уставщиков горного профиля – штейгеров и др.).

Учреждалось 14 частных училищ со штатным числом учащихся в 1275 человек. В дальнейшем их численность продолжала расти. К 1861 г. в округе существовало 20 частных училищ: Барнаульское, Локтевское, Павловское, Сузунское, Томское, Гурьевское, Змеиногорское, Семёновское, Черепановское, Салаирское, Зырянское, Риддерское, Белоусовское, Николаевское, Царёво-Николаевское, Спасское, Егорьевское, Царёво-Александровское, Пезасское, Кольванское – со штатным числом учеников 1425 человек. В училища принимали всех детей горного ведомства с 8 до 13-летнего возраста. Действовала 10-месячная продолжительность учебного года, с 15 августа по 15 июня, и 10-балльная система оценок для учебных дисциплин, с 20-балльной для выставления оценки за поведение, была введена ланкастерская система взаимного обучения.

Барнаульское окружное училище учреждалось в виде реальной горной школы на 80 казённых учеников. В училище ежегодно определялись лучшие из выпускников частных училищ, кроме них, в случае желания родителей, в него принимались дети классных чиновников заводского ведомства, имевшие достаточные познания в чтении, чистописании и арифметике. Курс обучения состоял из трех общеобразовательных и двух (двухклассных) практических – горных и заводских отделений. Полный срок обучения в окружном училище, при условии успешного освоения всех предметов и переводов по отделениям, составлял 5 лет. В первых трёх классах Барнаульского окружного училища преподавались общеобразовательные предметы, а отдельно для детей горнозаводских чиновников – немецкий и французский языки. Обучение в училище имело черты классового разделения. Так, сыновья благородных родителей, после окончания первых трех классов, для получения высшего горного образования и последующего производства в горные инженеры подлежали

определению в Институт Корпуса горных инженеров. Преподавателями окружного училища были А.И. Узатис, А.Г. Бояршинов, А.Г. Влангали, Н.А. Давидович-Нащинский, М.А. Ярославцев и др.

По количеству учащихся, укомплектованности преподавательским составом, размерам материально-технической базы и финансирования горные училища Алтайского горного округа являлись лучшими в Сибири. В условиях отсутствия среднего звена образовательной системы на Алтае Барнаульское окружное училище являлось чуть ли не единственной подготовительной площадкой для поступления в высшие и средние учебные заведения.

По распоряжению Синода в 1838 г. Томской епархии было предписано открывать начальные школы для крестьян. Первая церковно-приходская школа на Алтае была учреждена в 1840 г. в с. Новикове. В 1850 г. начальные школы были открыты в Тогуле и Локте, а в 1853 г. в с. Смоленском. Расходы на их содержание полностью ложились на местное население, вследствие чего до реформы 1861 г. устройство начальных церковно-приходских школ не получило широкого распространения на территории Алтайского горного округа.

Как и ранее, в первой половине XIX в., в городах и крупных населённых пунктах продолжалось обучение частными учителями, в основном детей служащих, дворян, мещан и духовенства. Так, в 1847 г. в Бийске была открыта частная школа ссыльного ксендза Шишко. В 1830 г. в станице Антоньевской Бийского уезда была основана первая казачья школа.

Подводя итог обзору становления и развития просвещения на Алтае в XVIII – первой половине XIX в., следует отметить крайне медленные темпы его развития. В результате незаинтересованности администрации и инертности большей части населения к вопросам просвещения до реформы 1861 г. в Алтайском горном округе так и не было создано ни одной средней общеобразовательной школы. Горнозаводская администрация довольствовалась созданной и хорошо налаженной двухуровневой системой горнозаводского профессионального образования, полностью удовлетворявшей потребности местного горно-металлургического производства.

4.3. Архитектура и искусство

Архитектура. Материалы и особенности планировки горных заводов. Важным событием в истории России, ускорившим освоение ее восточных территорий, явилось возникновение в XVIII в. сибирской горной промышленности. К древнейшим документам сибирского строительства можно отнести планы Колывано-Воскресенского, Барнаульского, Шульбинского заводов 1720–1740-х гг. Планировка сибирских заводских поселений с момента своего формирования подчинялась экономическому фактору. Ее организующими элементами являлись плотина и заводская площадь, плотина – главная ось композиции планировки города-завода.

Основным строительным материалом в первой половине XVIII в. служило дерево – сосна, пихта, лиственница. В производственных зданиях преобладали стоечно-каркасные конструкции; жилые, общественные и административные рубились также из дерева. Планы и объемные решения производственных зданий определялись тех-

нологией процесса (прямоугольные планы — молоты, станы, печи — устанавливались в ряд, высота печей диктовала высоту кровли, потолки обычно отсутствовали).

Во второй половине XVIII в. на Алтае были построены новые заводы (Павловский, Сузунский и другие). Специалистом по строительству заводов во второй половине XVIII в. проявил себя Д. Ф. Головин (1721–?). Службу в Кольвано-Воскресенском заводе он начал в 1745 г. «надсмотрщиком», в его обязанности входили заготовка угля, леса, починка плотин. В 1759 г. он получил офицерское звание, по-прежнему занимаясь ремонтом плотин и механизмов. В 1761 г. Д. Ф. Головин возглавил экспедиционную группу, которая выявляла места для постройки крепостей и разведывала полезные ископаемые на реке Чарыш.

Первым крупным сооружением, возведенным с участием Д. Ф. Головина, был Павловский сереброплавильный завод. Затем он строил Сузунский и Томский заводы, где проявил себя замечательным гидротехником и механиком, используя принцип расположения водослива вне территории завода.

Проект Томского железоделательного завода Д. Ф. Головина предполагал механизацию литейного дела и создание особого литейного цеха для изготовления крупных деталей. В 1773–1774 гг. под его руководством был построен Алейский завод, явившийся первым в России свинцовоплавильным предприятием с деривационной установкой.

Талантливым строителем плотин и заводов был И. И. Черницын (1750–?), происходивший из офицерских детей. Со времени поступления на службу — 19 марта 1764 г. — И. И. Черницын числился при постройке и испытании машины И. И. Ползунова. В 1767 г. он посетил Санкт-Петербург, сдал модель парового двигателя в Кабинет, получил награду. В последней четверти XVIII в. И. И. Черницыну приходилось неоднократно реконструировать и укреплять плотины Барнаульского и Павловского заводов. За быстрое исправление повреждений, причиненных Барнаульскому заводу наводнением 1793 г., его наградили орденом. В 1774 г. И. И. Черницын в стиле барокко разработал проект иконостаса для церкви в Томском заводе. В 1796 г. И. И. Черницын возглавлял Петровский завод в Нерчинском горном округе, закончил службу в Петербурге в чине берграта (один из высших горных чинов).

В Сибири много строили специалисты, получившие образование в столичных учебных заведениях. Так, выпускник Московского университета первого набора металлурга и минералог В. С. Чулков проектировал и строил Локтевский завод на Алтае.

Планировочный принцип, заключающийся в единстве собственно завода и города (поселения), продолжал сохраняться в годы становления и развития в русской архитектуре классицизма. Это подтверждают планы горного города Барнаула 1789, 1803 гг.

Конструктивные решения фундаментов, стен, покрытий, применение наряду с деревом кирпича, естественного камня, металла свидетельствуют о непрерывном совершенствовании строительной практики в сибирских заводах XVIII столетия. В лучших образцах промышленного зодчества конца XVIII в. конструктивная форма приобретает эмоциональную выразительность, примером служат арки важни (весовой) Барнаульского завода.

Промышленное зодчество Алтая конца XVIII — первой половины XIX в. — самобытная ветвь русского классицизма. Ее развитие связано с введением в 1806 г. в штат заводов должности архитектора. Первым из них стал А. И. Молчанов (1764 — после 1824), выходец из семьи заводского солдата, посланный на средства Кабинета учиться в Академию художеств в Петербург, прошедший архитектурскую практику

под руководством мастера классицизма К.И. Росси. Школа К.И. Росси нашла отражение в градостроительстве Алтая первой трети XIX в.

В решении общественного центра горного города-завода Барнаула учениками К.И. Росси Л.И. Ивановым (1803–?) и Я.Н. Поповым (1802 – после 1852) были на практике осуществлены принципы градостроительной теории классицизма: эстетика максимально раскрытого пространства, система пространственных связей и создание далеких зрительных перспектив, превращение города в произведение градостроительного искусства.

В ансамбле площадей и улиц Барнаула особенно значительными художественными достоинствами обладают Демидовская площадь с обелиском в честь столетия горного дела на Алтае (заложен в июне 1825 г.) и площадь Барнаульского сереброплавильного завода. Проект первой плавильной фабрики Барнаульского сереброплавильного завода (арх. А.И. Молчанов, П.К. Фролов, 1817–1826) по монументальности, совершенству пропорций является не только первоклассным классицистическим произведением, но и одним из первых в России решением образа промышленного сооружения.

Ученик К.И. Росси Яков Николаевич Попов успешно решил проблему реконструкции и строительства общественно-административного центра Барнаула. Двор Барнаульского сереброплавильного завода с классицистическими фасадами плавильных фабрик, монументальной аркадой рудоприемной получил пространственное развитие в Демидовской и Соборной (ныне площадь Свободы) площадях, соединенных одной из самых старинных улиц – Петропавловской (ныне ул. И.И. Ползунова). Ансамбль Демидовской площади, возводившийся с большими перерывами с 1819 г., включал заводской госпиталь, дом инвалидов (богадельню) с церковью Димитрия Ростовского, горное училище и обелиск из гранитных блоков в честь столетия горного дела на Алтае; со стороны заводского пруда площадь замыкалась чугунной на каменном цоколе оградой. Горному училищу Я.Н. Попов отвел в композиции ансамбля главную роль. Дважды архитектор перерабатывал проект училища, так как первоначальный вариант с торжественной колоннадой и пандусом не был утвержден начальством Кольвано-Воскресенских заводов.

В 40-е гг. XIX в. на смену классицизму приходит эклектика. Я.Н. Попов, воспитанный на идеалах и принципах мастера классицизма К.И. Росси, не смог работать в новых формах, востребованных администрацией заводов. Горное училище достраивалось под руководством архитектора Шрейбера, изменившего пластику фасадов, но в целом здание сохранило объем, пропорции и общий характер классицистической постройки. Я.Н. Попову удалось преодолеть статичность и замкнутость Демидовской площади открывающимися перспективами улиц, связанных с общей системой планировки Барнаула, а перспектива, открывающаяся в стороны заводского пруда, дала возможность включить в ансамбль каменную кладбищенскую церковь Иоанна Предтечи с классическими портиками, достроенную окончательно в 1857 г. по проекту Я.Н. Попова.

Комплекс Кольванской шлифовальной фабрики – памятник промышленного зодчества и камнерезного искусства России.

Уникальную ценность представляет собой комплекс Кольванской шлифовальной фабрики, включающий плотину, пруд, производственные сооружения 1727, 1802, 1820-х гг.; архитекторы и строители Ф.В. Стрижков, С.В. Лаулин, шихтмейстеры Вяткин, Девяткин. Комплекс расположен у горы Фабричной, к юго-западу

находится озеро Колыванское, из которого вытекает река Белая. Основание фабрики связано с открытием на Алтае в XVIII в. поделочных камней, разнообразной сырьевой базы, включающей серо-фиолетовые порфиры, палевые яшмы, голубые, зеленые кварциты, граниты, мраморы и др. Плотина относится к комбинированным деревянно-земляным русского типа плотин. Высота – 10 м, длина – 150 м. Основное производственное здание – двухэтажное, сложено из гранита, прямоугольное в плане под двускатной кровлей (автор проекта Ф.В. Стрижков); до сих пор сохраняется интерьер XIX в. Ф.В. Стрижковым в 1807 г. составлен проект одноэтажного каменного здания под двускатной кровлей для обработки колоссальных вещей. В 1820 г. проект был осуществлён под руководством управляющего фабрикой С.В. Лаулина. Площадь цеха для обработки крупных вещей 350 кв. м. Комплекс Колыванской шлифовальной фабрики является ценным памятником промышленной архитектуры России XVIII – первой половины XIX в. и ценнейшим памятником камнерезного искусства. Здесь по проекту архитектора Мельникова была выполнена из ревневской зелено-волнистой яшмы знаменитая «царица ваз», экспонирующаяся в Государственном Эрмитаже в Петербурге.

Градостроительная деятельность на Алтае связана с развитием горного дела. В связи с этим возник ряд населенных пунктов, положивших начало таким городам и поселкам, как Барнаул, Змеиногорск, Колывань, Павловск, Сузун и другие. Населенные пункты возникали на берегах больших и малых рек: Оби, Бии, Катуня, Чарыша. В связи со строительством Змеиногорского и Московского трактов основывались притрактные села (Тальменка, Калманка).

Укрепленные линии из крепостей, редутов, форпостов и маяков. 29 февраля 1708 г. Петр I подписал Указ о возведении острога на реках Бии и Катуня. 18 июня 1709 г. было завершено строительство Бикатунского острога, который в 1710 г. был сожжен джунгарами. В 1718 г. острог восстановили на правом берегу Бии. Рядом с крепостью, у восточной ее стороны, располагался поселок, в котором селились отставные солдаты, крестьяне и ремесленники. В 1749–1751 г. взамен обветшавшей была построена новая крепость. До 1732 г. крепость носила название Бикатунской, а затем была переименована в Бийский острог. В 1745 г. Бийская крепость вошла в Колыванскую (Бийскую) военную линию укреплений. В 1771 г. Бийская крепость насчитывала 307 домов, одну церковь, две драгунских команды, 1094 души мужского пола, 946 – женского пола.

В 1782 г. крепость становится центром Бийского округа Колыванской губернии. В 1804 г. (1806, 1827) Бийск – уездный город. В 1827 г. Бийская крепость возведена в ранг окружного города. В 1848 г. крепость упразднена. Условно город делился на собственно город, крепость, форштадт, хотя к середине XIX в. от крепости ничего не сохранилось, кроме арсенала, построенного в 1810 г. В 1834 г. томский архитектор коллежский асессор Турский разработал план Бийска на основе принципов регулярности и классицизма, предусматривающий городскую площадь с административными и общественными зданиями по периметру – здания думы, полиции, почты, училища. Этот план не был реализован. Застройка Бийска в XVIII в. и первой половине XIX в. была деревянной и лишь арсенал крепости, построенный в 1810 г., был кирпичный. Типовой проект, строительный материал – кирпич, заказчик – комендант Бийской крепости. Первоначальное назначение – арсенал крепости, с 1848 г. – казначейство. Арсенал – характерный памятник архитектуры классицизма начала XIX в., первое кирпичное здание Бийска.

Важно отметить, что если в XVIII в. Сибирь непосредственно использовала опыт Урала и его кадры, то в XIX столетии развитие уральской и сибирской архитектуры шло параллельно и самостоятельными путями, но в русле одного стиля классицизма, а затем эклектики. Заводские постройки стали отражать индивидуальность их создателей. К заслугам заводских архитекторов относится их стремление к стандартизации и типизации построек: были созданы типовые проекты заводских школ, училищ, госпиталей, магазинов, жилых домов, квартир с учетом сибирских климатических условий. Они составили наряду с Уралом особую эпоху в градостроительстве России и породили новый вид памятника, когда органично сливаются природа и творчество человека: архитектурно-ландшафтный ансамбль. Среди таких ансамблей плотина и пруд Павловского сереброплавильного завода (1763–1764 гг.), Змеиная гора и Змеиногорский тракт, Нагорная часть, плотина и устье Барнаулки в Барнауле (XVIII в.).

Заводы были очагами культуры и значительного строительства, главными объектами которого являлись плотины, производственные здания (плавильные фабрики, кузницы, склады, лаборатории и т. д.), общественные сооружения (церкви, училища, школы, музеи, библиотеки), административные (конторы, архивы) и жилые дома для чиновников и офицеров, казармы.

Культовое зодчество Алтая XVIII – первой половины XIX в. На протяжении всего XVIII в. в сибирских заводах господствовали рационализм и утилитарность, эстетические задачи ставились и решались главным образом при возведении культовых построек. Во второй половине XVIII в. в культовых постройках сибирских заводов четко проявились архитектурные стили – барокко и классицизм. Черты уходящего к тому времени барокко (общий силуэт, руст, декоративные детали, иконостас) присутствовали в Барнаульском Петропавловском соборе, возведенном в 1771–1774 гг. по проекту московского архитектора Д. П. Макулова (1700 – ?).

В 1767 г. духовное правление Барнаульского завода обратилось в Петербург в Кабинет Е. И. В. с прошением «разрешить построить церковь на каменном фундаменте, кирпичную с надлежащим благолепием, ибо за слабостью грунта и дряблостью леса деревянное строение весьма не прочно и не более двадцати лет простаивает». В декабре 1767 г. из Кабинета в Барнаул поступил указ о строительстве собора, сопровождающийся предписанием: «...проект сочинен князем Макуловым с излишнею весьма огромностию и по смете с превосходящими гораздо предписанные пределы... однако же посылается при сем, чтобы канцелярия горного начальства, применяясь к величине здания по числу жителей и сообразуясь с тамошними ценами, прислало обо всем том известие, план и смету».

Д. П. Макулов, московский архитектор, современник Д. В. Ухтомского, С. И. Чевакинского, К. И. Бланка, был приверженцем стиля барокко, хотя в 60-е гг. XVIII в. в Петербурге уже утверждался классицизм. Проект собора изобилует спаренными колоннами, волютами, изящными овальными окнами. Заводское начальство нашло проект Д. П. Макулова слишком дорогим и роскошным для заводского посада, поэтому оно поручило горному инженеру И. Медеру и подпоручику И. Попову удешевить смету и внести изменения в проект. Строительство первого крупного каменного здания в Барнауле велось без архитектурного надзора, но быстро. Собор был заложен 23 июня 1771 г. Резной иконостас выполнил житель Томска А. Гушинов, живописные работы – тобольский купец А. Н. Сумин. Кирпич готовили заводские мастеровые. Освящен собор был 3 февраля 1774 г. При соборе было 5 десятин усадебной земли

и 33 десятины пашенной и сенокосной. Площадь, на которой поставили Петропавловский собор, стала называться Соборной (ныне площадь Свободы). Храм имел особое градостроительное значение, обогатив силуэт Барнаула. При соборе была библиотека, содержащая рукописные книги в кожаных переплетах с серебряными застежками, были в храме иконы XVII в., иконы тобольского письма XVIII в. В 1775 г. в Петропавловский собор из Кабинета была прислана «ризница государева» как пособие для нового храма. Петропавловский собор был включен в Список наиболее выдающихся памятников в Барнауле, составленном в марте 1928 г. комиссией Алтайского отдела Русского Географического общества. Вокруг храма по русской традиции был сад. При храме был хор – духовное пение звучало в соборе. Монументальный собор Святых первоапостолов Петра и Павла явился первой каменной церковью на Алтае. В 1930-е гг. здание Петропавловского собора было разобрано.

В строительстве храмов на Алтае активное участие принимал заводской архитектор А.И. Молчанов. В 1810 г. А. И. Молчанов подписал проект каменной церкви для с. Касмалинского. Это прямоугольная в плане церковь с пятистенной апсидой, просторным притвором – сенями и широким крыльцом. Фасады членятся пилястрами и увенчаны фронтоном тосканского ордера. На фасадах апсиды и притвора – рустованные лопатки. Прямоугольные арочные проемы помещены в неглубокие арочные ниши с замковыми камнями. Собственно церковь и апсида находятся под общей двускатной кровлей. Купол над храмом отсутствует, есть лишь небольшая ложная главка. Над притвором возведена колокольня, увенчанная шпилем.

Церковь для с. Касмалинского носит менее канонический характер, чем каменный храм Змеиногорского рудника. В Змеиногорске церковь была более парадная, увенчанная куполом, объем трапезной как бы перетекал в пространство церкви. Планы и объемы церковей Томского и Сузунского заводов аналогичны церкви с. Касмалинского.

В соответствии с указом Синода от 9 марта 1826 г. «О правилах на будущее время для строения церквей» в 30–40-е гг. XIX в. на территории кабинетского округа строятся преимущественно каменные церкви «по планам и фасадам, согласно правилам архитектуры». Таковыми были Локтевская (1831), Снегиревская (1837), Зырянская (1849) церкви, которые проектировал заводской архитектор Я.Н. Попов. Так, ему было «предписано на основании правил о построении церквей в России от 9 марта 1826 г. Высочайше утвержденных составить планы и сметы на построение в Локтевском заводе каменной церкви, однопрестольной и теплой...».

Очевидно, Я.Н. Попов, как и А. И. Молчанов, пользовался образцовыми проектами из альбомов Гесте, Стасова и других мастеров классицизма. Но особенностью творческой деятельности архитектора является стремление к ансамблевости. Я.Н. Попов использовал принцип эстетики максимально раскрытого пространства, систему пространственных связей и создание далеких зрительских перспектив. Примером служит последняя постройка архитектора – церковь Иоанна Крестителя в Барнауле на Нагорном кладбище (1856–1957). Ее классический силуэт и белоколонный портик вторили ритму портиков заводского госпиталя и заводской богадельни ансамбля Демидовской площади (Иоанновскую церковь разобрали в 1930-х гг., в настоящее время храм Иоанна Предтечи восстанавливается). Я.Н. Попов завершил строительство церкви Димитрия Ростовского (Димитриевской) при заводской богадельне в Барнауле. Она была заложена 6 августа 1829 г. по указу Тобольской духовной комиссии от 16 декабря 1824 г., построена в 1831 г. на средства Колывано-

Воскресенских заводов: «...каменная, вместо колокольни имеет каменные столбы, на коих колокола висят».

В создании проекта Дмитриевской церкви также участвовали заводские архитекторы А.И. Молчанов, Л.И. Иванов (все авторы были архитекторами-классицистами). Современники считали Дмитриевскую церковь самой красивой церковью Барнаула. Каменное здание представляет собой тип центрического храма с круглым в плане основным объемом и крестообразно расположенными короткими ризалитами по сторонам света, с крупной пристройкой с северной стороны, в которой располагалась трапезная. Особенностью храма является различие между его внутренним и внешним объемами: внутреннее пространство восьмигранное в плане с узкими диагональными гранями, внешний объем – круглый в плане. Пространство между внутренними и наружными стенами между рукавами креста занимают небольшие помещения; ризалиты завершены классическими фронтонами.

О масштабах культового строительства свидетельствует факт, что только в городах Томской губернии церковных зданий всех вероисповеданий насчитывалось в 1827 г. – 19 каменных и 4 деревянных; в 1848 г., соответственно, 22 и 6; в 1859 г. – 28 и 13. Строительство церквей в Барнауле, Змеиногорске, Бийске, Колывани, в Павловском и Томском заводах проходило в общем русле культового зодчества на всей территории обширной Томской губернии, в состав которой они входили. В конце XVIII в. каменные церкви появились в Бийске и Кузнецке.

В Барнауле в первой половине XIX в. были построены Богородице-Одигитриевская церковь (1795–1815 гг.), церковь Димитрия Ростовского при заводской богадельне (1829–1831 гг.), Знамения Захария и Елизаветы (середина XIX в.) и Иоанна Крестителя (кладбищенская; 1856–1857 гг.).

Храмовое зодчество Алтая в XVIII – первой половине XIX столетий формировало религиозное сознание отдаленного российского региона в соответствии с традициями национальной культуры.

Культовое строительство на Алтае в первой трети XIX в., как и во всей Сибири, регулировалось указами правительства и Синода. Так, в примечании к Положению о благоустройстве дорог, сел и городов (13 декабря 1817 г.) утверждалось: «Не позволять впредь заводить церквей не иначе как на площадях. Среди же обывательских домов построение оных строго воспрещается».

Таким образом, на основании изложенного можно сделать выводы:

– строительство на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. велось по индивидуальным проектам столичных зодчих и на основании образцовых проектов под руководством заводских архитекторов и строителей;

– особое влияние на архитектуру Алтая данного периода оказала школа мастера классицизма К.И. Росси;

– следует отметить участие в разработке проектов для Колывано-Воскресенских заводов выдающихся столичных архитекторов, примером тому является присланный в заводскую канцелярию классицистический оригинальный проект церкви-ротонды для Колывани петербургского архитектора Н.А. Львова (1789). Проект не был осуществлен из-за отсутствия профессиональных архитекторов на Алтае;

– в строительной деятельности зодчих горнозаводских комплексов Алтая проявились черты петербургской школы архитектора К.И. Росси и роль Петербургской Академии художеств в подготовке архитектурских кадров, в частности, следующие: гармоничное включение строений в природную среду;

– принципы регулярности, принцип ансамблевости; четкое выделение заводских, административных и торговых площадей; система которых образует общественный центр городов-заводов и заводских селений; развитие системы пространственных связей;

– стиль классицизм послужил связующим звеном, соединил сибирский регион с европейской и общероссийской культурой. Классицизм определил масштабы городской застройки Барнаула.

Изобразительное искусство. Художественные традиции Алтая складывались в уникальных условиях, связанных с историческим своеобразием края.

Первый период (середина XVIII в. – 50-е гг. XIX в.) – это время интенсивного развития горной промышленности. Его особенностями является формирование, направляемое Кабинетом, элитарной культуры, которая создавалась и потреблялась узким кругом городского населения. В течение этого периода был накоплен и сконцентрирован значительный культурный потенциал в сфере духовных ценностей, что проявилось в создании памятников истории и культуры, имеющих общероссийское значение (обелиск в честь 100-летия Колывано-Воскресенских заводов в Барнауле; 1825–1839).

Первые профессиональные художники на Алтае. В 1802 г. по именному царскому указу из Петербурга в Барнаул прибыл видописец Василий Петрович Петров (? – 1810), ему было поручено снять виды сибирских заводов, рудников и селений.

Художественное образование В.П. Петров получил при театральном училище в Петербурге у основоположника русского городского пейзажа Ф.Я. Алексеева. В послужном списке Ф.Я. Алексеева есть такие слова: «оказал успехи, и один из учеников моих сделан академиком – Петров, которого лично знал Его Величество Александр Павлович, и послан он от Кабинета для снятия видов с заводов в Сибири». Президент Академии художеств граф А.С. Строганов, директор департамента горных и заводских дел М.Ф. Соимонов неоднократно отмечали труд Петрова как художника. Лично императором Александром I была составлена программа снятия сибирских видов, над выполнением которой было поручено работать В.П. Петрову. Президент Академии художеств граф Александр Сергеевич Строганов лично представлял Петрова Александру I. Именно сибирская поездка, алтайские виды принесут Петрову широкую известность.

В июне 1801 г. В.П. Петров выехал в Барнаул. При себе он имел бумагу от императора Александра Павловича, в которой говорилось о том, чтобы по мере продвижения в Сибирь Петрову оказывалось всякое содействие. «По указу его Величества государя императора Александра Павловича самодержца всероссийского и прочая, и прочая. От С-Петербурга до Барнаула через Екатеринбург... Отправлен от Кабинета Его Величества по высочайшему его повелению в пользование завод... берггешворену 12 класса Петрову с двумя рядовыми... давать по четыре лошади и проводников за указанные прогоны без задержания». Почти десять лет В.П. Петров прожил в Сибири. В Государственном Русском музее хранится более ста рисунков и акварелей В.П. Петрова, выполненных им в Сибири. Преобладают рисунки пером тушью с тонкой подсветкой акварелью. За виды Риддерского рудника и пещер близ Бухтарминской крепости, «находящимся с ситуацией и описанием», которые художник в 1805 г. послал в Петербург, в 1806 г. он получил звание академика. Об этом свидетельствует документ, хранящийся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В нем говорится: «К пользе и славе России учрежденная и августейшим Императором Александром I покровительствуемая Санкт-Петербургская Импе-

раторская академия художеств властителю ей от самодержца данною за оказанное усердие и познание в ландшафтном искусстве господина Василия Петровича Петрова общим во избрании согласиём признает и почитает Академиком своего Академического Собрания, с тем правом и преимуществом, каково звание сему в Уставлении Академии предписано».

20 лет жил и работал на Алтае академик живописи Михаил Иванович Мягков (1799–1852). Его деятельность была многогранной: учитель рисования, портретист, мастер религиозной живописи. Особенно глубокий след М.И. Мягков оставил в иконописи. В 1828 г. Мягков обратился в Академию художеств со следующим прошением: «Узнал я, что под ведением Кабинета... в городе Барнауле при Барнаульском Горном училище имеется вакансия рисовального учителя. А как я имею желание поступить на оное место, то представляю при сем данное мне о знании моем от профессора оной Академии Коллежского советника и Кавалера Егорова свидетельство, покорнейше прошу Правление... Академии художеств отнестись в Кабинет об определении меня на вышеуказанную вакансию. К сему прошению художник 14 класса Михаил Иванов сын Мягков руку приложил». В формулярных списках ведомства Горного правления в 1830 г. появилась запись, из которой мы узнаем, что художник Мягков из Императорской Академии художеств «в Колыванские заводы 30 марта 1829 года поступил...».

Известен этюд к картине Мягкова «Сцена из жизни сибирских дикарей». В центре холста изображена молодая женщина с ребенком в национальном костюме. Перед юной матерью сидит глава семьи. Художник тщательно выписывает детали национального уклада: люльку младенца, курительную трубку отца, одежду, предметы кочевого быта. Строг и академичен рисунок, но живописец композиционными приемами, цветом сумел передать теплоту семейных отношений. Картина выполнена в традициях академической живописи первой половины XIX в.; новизна ее — в сюжете: до Мягкова никто не писал сцен из жизни народа далекой российской окраины. В 1833 г. работа художника экспонировалась на академической выставке в Петербурге под названием «Сцена из семейной жизни бурятов». На самом деле М.И. Мягков изобразил семью кумандинцев, проживавших тогда в округе Телецкого озера. Эта картина хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

21 мая 1835 г. письмо и диплом академика исторической и портретной живописи М.И. Мягкова были направлены из Петербургской Академии в Барнаул на имя начальника Алтайских горных заводов.

В 1830 г. Мягков получил от начальника заводов П.К. Фролова заказ написать иконы для вновь построенной в Барнауле церкви Дмитрия Ростовского при заводской богадельне. Заказ был выполнен. Современниками живопись Мягкова в Дмитриевской церкви была оценена достаточно высоко, о ней знали в других сибирских городах, в частности, в Омске. Войсковая канцелярия Сибирского линейного казачьего войска обратилась в Алтайское горное правление с просьбой разрешить академику живописи Мягкову написать иконы и выполнить росписи для интерьера омского казачьего Никольского собора, построенного в формах классицизма по проекту архитектора Стасова. Одним из аргументов просьбы была ссылка на высокие достоинства живописи художника. Так, в рапорте командира омского казачьего полка есаула Реброва от 27 апреля 1836 г. говорилось: «В городе Барнауле... есть два живописца. Один, выпущенный из Академии Мягков, другой — ученик его унтершхтмейстер Широков. Лучшая церковь в Барнауле Дмитриевская, в которой иконостас весь

работы Академика Мягкова... В Дмитриевской церкви есть много произведений его кисти, считающихся изящными. Живопись Широкова в сравнении с произведениями Мягкова можно назвать малярною...».

21 декабря 1836 г. был заключен контракт, в соответствии с которым Мягков обязывался написать 19 икон для Омска за 10600 руб. Эта работа продолжалась до 1840 г. Есть архивные документы, свидетельствующие о написании Мягковым икон для заводских церквей. Например, в 1830 г. он получил заказ написать 14 икон для церкви Сузунского завода, писал он и для церкви Змеиногорского рудника. Мягков писал иконы на холсте масляными красками в духе академической живописи, поэтому современниками и теми, кому довелось видеть их позднее, они назывались картинами. Кроме икон, М.И. Мягков выполнил в Сибири многочисленные портреты, прожив на Алтае более двадцати лет, он написал свыше ста портретов.

В.П. Петров и М.И. Мягков принадлежат к тем немногим художникам-профессионалам, которые значительную часть своей жизни связали с Сибирью, оставив заметный след в ее художественной культуре. Творческое наследие первых профессиональных художников на Алтае В.П. Петрова и М.И. Мягкого обладало привлекательной особенностью – искренней заинтересованностью, внимательностью и любовью к своим сюжетам и мотивам. Оба мастера были связаны с Российской Академией художеств в Петербурге, которая, по словам М.В. Ломоносова, широко распростерла «крыла свои» над просторами России.

Иногда приезжали на Алтай иностранные художники. В 1846 г. в Алтайском горном округе побывал английский архитектор и живописец Томас Уитлем Аткинсон, написавший здесь несколько горных пейзажей.

Музей и коллекционеры. Многие путешественники по Сибири в своих трудах и записках указывали, что уже в первой трети XIX в. по культурному развитию горный город Барнаул превосходил другие сибирские города. Немецкий ученый А. Гумбольдт, посетивший Алтай в 1829 г., назвал три музейных собрания – заводской музей, домашний музей Ф.В. Геблера, домашний музей П.К. Фролова, а также картинную галерею и крупную библиотеку. Заводской музей описал и побывавший в Барнауле в 1826 г. ботаник К.Ф. Ледебур. Частные коллекции по инициативе П.К. Фролова в 1823 г. были объединены в музей – ныне Алтайский государственный краеведческий музей. В 1823 г. началось строительство каменного здания для музея горного дела в Змеиногорском руднике, музей открылся в 1827 г., и его фонды и экспозиция отражали историю рудника, постоянно пополнялись экспонатами.

Театр и музыка. Уже в XVIII в. в Сибири были музыканты-профессионалы. Музыка имела тесную связь с театром. Большое влияние на театральную жизнь в сибирских городах оказывал театр при Тобольской архиерейской школе. Духовно-назидательные пьесы сочинялись преподавателями, актерами выступали учащиеся; спектакли сопровождалась музыкой и пением. В 1780-х гг. в Барнаульском сереброплавильном заводе на заводские средства был построен театральный дом. В начале XIX в. в Барнауле, как и в других городах Сибири, у чиновников и купцов появилось фортепиано, популярным становятся органы; начальник Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролов организовал в Барнауле оркестр и хор.

Барнаул в XVIII в. и первой половине XIX столетия с его единственным в Сибири горным училищем, первым в Сибири ботаническим садом, музеем, горной аптекой, метеорологической станцией, крупнейшей научно-технической библиотекой был одним из значительнейших культурных центров Сибири.

Глава 5

РЕФОРМЫ 60–90-Х гг. XIX в. УПРАВЛЕНИЕ ОКРУГОМ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

5.1. Реформа 1861 г.

Обращение к истории Алтайского горного округа показывает, что далеко не все реформы, которые здесь проводились, были вызваны внутренними потребностями и обеспечены необходимыми условиями. К таким преобразованиям можно отнести одну из важнейших реформ в истории региона, осуществленную 1861–1864 гг.

Устойчивые объемы производства благородных металлов в течение всей первой половины XIX в. являются определяющим показателем отсутствия внутреннего кризиса ведущей отрасли экономики округа. Находясь вне рынка и конкуренции, горно-металлургическая промышленность Алтая не испытывала на себе мощного влияния экономических факторов. Несмотря на физическую и моральную изношенность основных производственных фондов и нараставшие застойные тенденции, она могла демонстрировать устойчивые показатели еще какое-то время. Поэтому главная причина реформы связана не с состоянием горнопромышленного сектора экономики региона и не с обострением социальных противоречий в нем, а со стремлением Александра II своими действиями в принадлежавшем ему кабинетском округе подать пример всем прочим собственникам отказаться от сохранения крепостного права в промышленности. Отсутствие сформировавшихся условий внутри горнозаводского района и объективных стимулов к кардинальным реорганизациям подталкивало руководство кабинетского ведомства к тому, чтобы при подготовке проекта преобразований и принятии по нему решений попытаться законсервировать дореформенные порядки, методы управления, сохранить почти в нетронutom виде те производственно-управленческие структуры, которые действовали в эпоху господства принудительного труда. Однако такие намерения и реальные действия входили в противоречие с замыслом правительства Александра II по решению общенациональной задачи освобождения производительных сил страны от пут крепостничества. Поиск компромисса, хотя и был неизбежен, но шел трудно и оказался растянутым во времени.

Важным событием в процессе подготовки проекта будущей реформы стало создание 12 января 1858 г. Особого комитета с участием председателя Кабинета.

Эта структура должна была предложить решение вопроса об условиях освобождения государственных, удельных, дворцовых крестьян и горнозаводского населения казенных и частных заводов. Следующим шагом правительства, непосредственно направленным на изменение положения населения, трудившегося на казенных и частных заводах России, явилось образование 17 февраля 1858 г. при Министерстве финансов Приготовительной комиссии для разработки проекта будущей реформы об отмене принудительного труда в отрасли. От Кабинета в нее был включен генерал Л.А. Соколовский, который в течение 10 лет (1843–1853 гг.) занимал должность горного начальника Алтайских заводов, а затем удостоился перевода в Петербург. Ему было поручено разработать устраивавший ведомство проект реформы.

Значительная часть состава комиссии придерживалась консервативных позиций по вопросу о предстоящем преобразовании. Поэтому всем проектам, исходящим как от комиссии, так и от местных горных элит, была свойственна общая черта – стремление к сохранению привычной модели организации производства, управления им и регулирования трудовых, земельных и прочих отношений заводо-владельцев с наемными рабочими. В качестве одного из механизмов достижения такого результата предполагалось использовать объединение работников под руководством заводо-владельцев в «горные общины». Проект генерала Л.А. Соколовского 1860 г., рассчитанный на его применение к кабинетским предприятиям Сибири, почти не отличался от других подобных документов, только вместо заводо-владельцев на роль начальников «горных общин» предполагалось использовать приставов заводов, рудников, золотых промыслов, подчиненных Алтайскому горному правлению. Вынесенный на обсуждение Горного совета этот проект подвергся критике со стороны руководящего состава административно-технического персонала Алтайского округа, посчитавшего горнозаводских людей неподготовленными к скорому переходу на наемный труд. Такая реорганизация, по мнению горных инженеров, была чревата серьезными последствиями: сокращением производства, значительными финансовыми издержками для кабинетского ведомства, распространением среди мастеровых, получивших освобождение от принудительных обязанностей, бродяжничества, казнокрадства, а также ухудшением криминогенной ситуации в регионе.

В целях ускорения затянувшегося процесса подготовки реформы в горно-металлургическом секторе экономики России в феврале 1861 г. правительство соединило Особый комитет по устройству крестьян государственных, дворцовых, удельных и горнозаводских с Главным комитетом об устройстве сельского состояния, сыгравшим важную роль в освобождении от крепостного права помещичьих крестьян страны. Результатом совместной деятельности, имевшим прямое отношение к дальнейшей судьбе низовой администрации, мастеровых, рабочих людей, урочных служителей и приписных крестьян Алтайского горного округа, стали два законодательных акта, утвержденных Александром II 8 марта 1861 г.: Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов и именной Указ «О даровании облегчений и преимуществ горнозаводским людям ведомства Кабинета Его Императорского Величества».

Законы от 8 марта 1861 г. определили основное содержание реформы. Именной указ наиболее обстоятельно регулировал отношение кабинетского ведомства с приписным населением Алтая. Ему был посвящен второй раздел документа, состоявший из 7 пунктов. В них было зафиксировано предоставление крестьянам прав «свободных сельских обывателей» при сохранении прежнего общественного и во-

лостного управления, сложившегося межевания и землепользования впредь до приведения в известность и разграничения земельного фонда округа. Указ устанавливал трехгодичный срок для перевода крестьян с отработочной повинности на денежный оброк. По мере освобождения сельских жителей от заводских работ с них слагался земельный оброк в пользу государства и вводилась единая оброчная подать, размеры которой Кабинет обязан был согласовать с министром финансов.

Последняя позиция указа потребовала найти компромисс между финансовыми интересами государства и императора, от имени которого выступал Кабинет. Надо было установить точные размеры оброчной подати с каждой ревизской души приписных крестьян. Министерство финансов сумело отстоять свое право на взимание оброчного платежа, уступив только в его размере. Вместо прежних 2 руб. 29 коп. с податной души оно согласилось на $\frac{1}{4}$ часть от 6-рублевого оброка, что составило 1 руб. 50 коп. Три четверти платежа в размере 4 руб. 50 коп. должны были поступать в доход Кабинета. Достижение компромисса произошло за счет крестьян, чья оброчная подать за время дискуссии выросла с первоначальных 5 до 6 руб. и была закреплена указом от 27 июля 1861 г. В итоге сельские жители Алтайского горного округа были обложены самой высокой в Сибири оброчной податью. Причем этот платеж не освобождал крестьян от подушной подати в казну государства в размере 86 коп., земских и мирских повинностей, выполнявшихся как в денежной, так и в натуральной формах.

Реформа 1861 г. сохранила подушный принцип взимания 6-рублевого оброка. Более прогрессивный вариант переложения налога с души на землю в зависимости от количества и качества использовавшихся крестьянами сельскохозяйственных угодий оказался неосуществимым и был отложен на неопределенное время. Главным препятствием для радикальной налоговой реформы стала не столько позиция Кабинета, сколько невозможность без «приведения в известность и разграничения земель» округа дифференцировать поземельные доходы алтайской деревни. Для этого требовались большие временные и материальные затраты. Другими сдерживающими факторами явились малая заселенность края, обширность удобных земель, исторически сложившаяся в крестьянской среде система захватного землевладения и опасение чиновников социального взрыва при попытке изменить устоявшиеся поземельные отношения.

Именной указ от 8 марта 1861 г. лаконично в одном пункте провозгласил освобождение горнорабочих кабинетских заводов Алтайского горного округа. Те из них, кто проживал в Барнауле, наделялись правами «свободных городских обывателей» (мещан), остальные «свободных сельских обывателей» (крестьян).

Основной набор условий освобождения мастеровых, рабочих людей, урочных служителей Алтая вошел в правила, содержащиеся в первом разделе «Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» и касавшиеся горнозаводских людей Уральских, Луганского, Кончезерского и Николаевского заводов. В них определялись двухгодичные сроки освобождения, детально разъяснялись права и обязанности бывших горнозаводских людей, образование из них горнозаводских обществ, наделение бывших мастеровых, рабочих людей, урочных служителей сельскохозяйственными угодьями, дровяным и строевым лесом, льготы для лиц, готовых продолжить службу по контрактному найму.

В соответствии с Положением от 8 марта 1861 г. горнозаводское население России признавалось субъектом гражданского и публичного права, подпада-

ло под действие общих гражданских и уголовных законов, получив возможность приобретать имущество, заключать сделки, свободно передвигаться, создавать свои органы самоуправления, обращаться в общегосударственные судебные инстанции и подвергаться наказанию за совершенные преступления по действовавшему общероссийскому законодательству. В то же время на бывших горнорабочих возлагалось исполнение общих обязанностей и повинностей, лежавших на сословиях «свободных сельских и городских обывателей», от чего мастеровые и рабочие люди раньше были полностью освобождены, а урочные служители должны были платить государственному казначейству лишь подушную подать и умеренный земельный оброк.

Закон предусматривал объединение горнорабочих в горнозаводские общества с выборными органами самоуправления, подчиненными общегосударственным уездным и губернским учреждениям. За горными властями он сохранил только полицейские полномочия до увольнения заводских людей от обязательной службы и возможность приостанавливать действие решений мирского самоуправления. Если сравнивать эти позиции с первоначальными проектами по созданию «горных общин», то налицо победа реформаторского курса над его противниками.

Бесплатно и в собственность горнозаводское население наделялось лишь усадебными землями. Выгонами и водопоями оно могло пользоваться безвозмездно. Выделение сенокосов в размере не более одной десятины на ревизскую душу касалось более ограниченного количества людей, ранее расплававших такими участками. Покосная земля предоставлялась в пользование всему обществу за оброчную плату, поступавшую в заводскую кассу, и распределялась по мирскому приговору между семьями. При этом за заводоуправлениями должно было закрепляться не менее $\frac{1}{3}$ сенокосных угодий. На бесплатное пожизненное пользование покосами по закону могли претендовать лишь отставные мастеровые, отслужившие на предприятиях не менее 20 лет. На Алтае их насчитывалось 3094 ревизских души. Такую же возможность сохранить за собой не только покосные, но и пахотные земли, заслужил небольшой контингент людей – те, кто собственным трудом расчистил их под сельскохозяйственные нужды. Необходимость письменного удостоверения этого факта от заводского начальства свела к минимуму число тех, кто мог действительно пожизненно пользоваться «росчистями». Право сохранить пахотные земли с условием уплаты за них оброчной подати получили мастеровые, которые имели аналогичные участки, занимаясь хлебопашеством или возделыванием льна еще до издания закона от 8 марта 1861 г. В Алтайском округе их оказалось немногим более 500 душ мужского пола. В случае надобности для заводов усадебная, покосная, пахотная земля в течение 8 лет после утверждения Положения подлежала обмену на другие участки по решению горных властей. Урочным служителям закон разрешал за оброчную подать пользоваться пахотными и сенокосными угодьями, которыми они располагали до освобождения при условии, что их размеры не превысят наделы государственных крестьян данного региона, т.е. будут в пределах 8–15 десятин на ревизскую душу. Все обыватели горнозаводских селений по Положению от 8 марта 1861 г. могли рассчитывать на платное обеспечение каждой усадьбы 5 куб. саженьями дров, а в случае надобности – строевой древесиной для ремонта старых построек и создания новых.

Лишая льгот и преимуществ, которые раньше имели мастеровые и рабочие люди, закон сохранял их для тех, кто собирался продолжить свою трудовую деятельность в горно-металлургической промышленности. Рабочий, прослуживший непрерывно три года на заводах по контракту, мог откупиться от воинской повинности

за 300 руб., а через шесть лет вообще освободиться от нее. Заводоуправления обязывались исполнять за своих работников натуральные земские повинности, выдавать им бесплатно 5 куб. сажень дров, в случае необходимости строевой лес, предоставлять землю под сенокос и право безвозмездного лечения в заводских госпиталях и обучения детей в заводских школах.

Таким образом, уже первые законодательные акты, регулировавшие порядок освобождения горнозаводского населения России, явно преследовали цель экономически привязать его к заводам, заставить наниматься на предприятия и создать для отрасли относительно дешевый рынок труда.

Преобразования в Алтайском горном округе продолжились по закону от 17 декабря 1862 г. Реализация уже принятых законов и продолжение реформирования горно-металлургической отрасли России во многом зависели от того, как будут окончательно решены экономические вопросы в отношении различных категорий населения горных округов, каким образом произойдет распределение властных полномочий между гражданской и ведомственной бюрократией. Опыт участия горной элиты России в 1861–1862 гг. в разработке проектов преобразований показал, что она не готова поддержать инициаторов реформы и удовлетворить запросы территориальных общегосударственных органов власти. Поэтому при ведущей роли Главного комитета об устройстве сельского состояния был разработан новый закон. 17 декабря 1862 г. император утвердил его в виде мнения Государственного совета «Об устройстве обществ и общественного управления горнозаводского населения казенных горных заводов и соляных промыслов ведомства Министерства финансов, а также Алтайских и Нерчинских заводов, принадлежащих Кабинету».

Этот закон окончательно лишил горнозаводскую администрацию надежд на сохранение ее безраздельной власти над подведомственным населением, передав его в управление гражданских органов. Впервые генерал-губернатору Западной Сибири предоставлялась возможность вмешиваться во внутренние дела Алтайского горного округа, располагая полномочиями по реализации реформы 1861 г. В осуществлении правительственного курса он смог опереться на зависимых от него по службе чиновников Главного управления Западной Сибири, из которых подбирались мировые посредники. Общероссийский институт мировых посредников, получивший распространение на горно-металлургические округа России, выдвигался в качестве альтернативы горнозаводским учреждениям и был рассчитан на ослабление их власти над населением промышленных районов.

Полный набор мировых учреждений в Алтайском горном округе состоял из участковых мировых посредников (с 1863 г. — 8, с 1864 г. — 10, в 1873 г. — 7, с 1874 по 1878 г. — 5), окружных (уездных) мировых съездов, проводившихся раз в два месяца преимущественно с участием двух-четырех посредников и земского исправника, Томский губернский совет, получивший права губернского по крестьянским делам присутствия. Каждая последующая инстанция рассматривала жалобы неудовлетворенной стороны на решения предшествовавшей и концентрировала дела, затрагивавшие весь спектр проблем сельского населения округа.

Мировые посредники сыграли важную роль в осуществлении намеченных правительством административных и социально-экономических мер в кабинетском округе. Совместно с земскими управителями они к августу 1863 г. завершили формальное по своей сути переформирование органов самоуправления у алтайских крестьян и 12303 ревизских душ мастеровых, рабочих людей, урочных слугителей,

которые были насильно приписаны к сельским обществам без права на земельный надел и поддержку общины в случае накопления недоимки по налогам и сборам, но с условием обложения 6-рублевой оброчной податью. В обмен на оброчный платеж крестьяне сохранили за собой право распоряжаться земельным фондом, находившимся в их пользовании до реформы 1861 г., и ежегодно получать бесплатно лес в размере 50 бревен и 5 куб. сажень дров на усадьбу. На смену прежним старшинам и головам мирские общества избрали сельских старост, волостных старшин и прочих должностных лиц низового самоуправления. Довольно быстро и безболезненно в июне 1863 г. завершился переход работников Барнаульского завода в сословие мещан. Они поступили в управление Барнаульской ратуши и других городских представительных органов.

Значительно сложнее организация сельских, волостных обществ и создание органов самоуправления протекали у 11346 (по другим данным 10070) душ мужского пола мастеровых, рабочих людей, урочных служителей, проживавших в поселках при заводах, рудниках, золотых промыслах. Они не имели опыта самоуправления, являясь до реформы 1861 г. объектом прямого административного диктата со стороны ведомственных учреждений. Из 34 горнозаводских селений к октябрю 1864 г. были сформированы 12 горнозаводских волостей. С 1864 по 1867 г. численность горнозаводских волостей неоднократно менялась. После всех реорганизаций на территории Алтайского округа сохранились 8 из 12 горнозаводских волостей: две в Барнаульском (Павловская, Сузунская), одна в Кузнецком (Салаирская) и пять в Бийском (Локтевская, Кольванская, Риддерская, Змеиногорская, Зырянская) округах (уездах).

Первостепенной задачей мировых посредников в горнозаводских волостях по закону от 17 декабря 1862 г. являлось поземельное устройство их жителей путем введения уставных грамот в течение двух лет. В этих документах закреплялись результаты проведенного кабинетскими служащими межевания земель, выделение участков конкретным лицам в собственность (усадьбы) и горнозаводским обществам в пользование, размеры оброчной подати, сроки ее уплаты, а также правила наделения лесом, остававшегося в распоряжении горного начальства. Введение уставных грамот на Алтае затянулось до конца 1866 г. Причин несколько: во-первых, противодействие кабинетских чиновников нормальному и согласованному решению данного вопроса между заинтересованными сторонами; во-вторых, ограниченные полномочия мировых посредников; в-третьих, продолжавшаяся реорганизация горнозаводских волостей; в-четвертых, несогласие многих общин подписывать грамоты с зафиксированными в них грабительскими условиями наделения их сельскохозяйственными угодьями.

В результате введения уставных грамот сенокосами были наделены 42 % ревизских душ от общей численности в 23000 бывших мастеровых, рабочих людей, урочных служителей, причем, как правило, в меньших количествах, чем законодательная норма в одну десятину. Среди тех, кому было отказано в льготе, оказались освобожденные работники Барнаульского завода. Основанием послужило их включение в состав «городских обывателей» (мещан), которым не полагались земельные наделы. Средний размер усадебных участков, передававшихся в собственность жителям горнозаводских волостей, после межевания составил 0,04 десятины на душу. Не все мастеровые, кто занимался хлебопашеством до реформы, получили в пользование пахотную землю и в прежних количествах. Наделы сократились с 4,2 до 3,8 десятин на ревизскую душу и были крайне неравномерно распределены между горнозавод-

скими селениями. Ни в одной уставной грамоте не были указаны местоположение и размер выгонов. Лес не включался в наделы бывших горнорабочих, оставаясь в полном распоряжении Кабинета. Из более чем 4000 урочных служителей только 76 были включены в уставные грамоты. Судя по ним, они лишились $\frac{1}{3}$ угодий в пользу заводов даже из того урезанного объема в 5 десятин покосной и пахотной земли на ревизскую душу, которая им теперь полагалась. Средний душевой надел жителей горнозаводских селений, включая все виды земель («росчисти», усадебные, пахотные, сенокосные) и наделы урочных служителей, не превышал 1,1 десятины.

После долгих споров горных и гражданских властей вокруг вопроса о размере поземельного оброка с жителей горнозаводских волостей он был определен в 21,75 коп. с десятины. Для сравнения арендный платеж за одну десятину на остальном пространстве Томской губернии составлял 10 коп. Но поземельным оброком все платежи бывших мастеровых, рабочих людей, урочных служителей не исчерпывались. Они наравне с крестьянами обязаны были нести государственные, земские и мирские повинности. Неизбежным следствием введения уставных грамот в 1863–1866 гг. явилось накопление недоимки по оброчной подати у жителей горнозаводских селений. Поэтому в 1873 г. Кабинет был вынужден частично простить им долги. 25 февраля 1882 г. он вновь повторил эту процедуру. В 1894 г. было принято уже давно назревшее решение об отмене шестирублевого оброка с причисленных к крестьянским обществам мастеровых, рабочих людей и урочных служителей до тех пор, пока они не будут наделены землей при землеустройстве. Неспособность бывшего горнозаводского населения быть добросовестными налогоплательщиками — яркий показатель его сложного экономического положения, которое напрямую стало следствием реформы 1861 г.

5.2. Реорганизация управления Алтайским горнопромышленным комплексом

Наличие мировых учреждений облегчило западносибирской администрации решение важной задачи по преобразованию основных звеньев старой системы управления. С 1 января 1864 г. произошло отделение должности томского гражданского губернатора от главного начальника Алтайских горных заводов. Возглавлявший одновременно две властные структуры в течение семи лет генерал-майор А. Д. Озерский в 1864 г. покинул Алтай и вернулся в Петербург. Горный начальник Алтайского округа полковник А. Е. Фрезе, согласно указу от 24 мая 1864 г., стал главой ведомственного бюрократического аппарата, заняв вновь учрежденную должность начальника заводов. Новый глава окружного управления оставил о себе не лучшую память ни как человек, ни как руководитель производства. Он отличался жестокостью в обращении с рабочими. При его правлении (1864–1871 гг.) Алтайские заводы вступили в полосу кризиса, причем существенную роль в его возникновении сыграли действия окружного начальника.

Следующим шагом в преобразовании административного аппарата округа явилось решение Алтайского горного правления от 12 марта 1864 г. об исключении из сметы на новый заводской год 10 земских управителей, 10 депутатов от кабинетского ведомства по крестьянским делам и 10 управительских письмоводителей. С пе-

редачей хозяйственных функций в бывшей приписной деревне Томской казенной палате, полицейских — губернскому правлению и земским исправникам ведомственная бюрократия была устранена от управления сельским населением горного округа.

Значительно больше времени занял процесс освобождения жителей горнозаводских центров от ведомственных административных пут. Он требовал изменения правового статуса не только мастеровых, рабочих людей, урочных служителей, но и хозяйственно-технического персонала округа, а также уничтожения «военно-горного строя». В марте 1863 г. свободу от обязательной службы на кабинетских заводах получила низовая администрация. «Нижним чинам» присваивалось звание канцелярских служителей 3-го разряда и предоставлялась возможность на правах вольнонаемных и с разрешения начальства либо остаться на предприятиях в прежних должностях, либо приписаться к податным сословиям мещан и крестьян. 22 апреля 1867 г. Корпус горных инженеров получил гражданское устройство. Горные инженеры и чиновники на общих основаниях поступили в управление гражданских органов той губернии, на территории которой были расположены казенные и кабинетские округа.

Постепенная ликвидация «военно-казарменного режима» управления в горнозаводском районе Западной Сибири произошла в течение 1863–1871 гг. Он уходил в прошлое вместе с теми учреждениями, с которыми десятилетиями ассоциировался. С марта 1863 г. перестали функционировать исправительные казармы и большинство гауптвахт. С мая по ноябрь 1863 г. были закрыты три из четырех комиссий военного суда и местные тюрьмы. Военно-судное отделение Алтайского горного правления и Барнаульская комиссия военного суда были упразднены в марте 1868 г.

С освобождением последней партии мастеровых в марте 1863 г. перестал существовать отряд горных казаков. 10 октября 1863 г. Алтайское горное правление приняло постановление о передаче полномочий приставов горной полиции и подчиненного им персонала в поселках при заводах, рудниках, золотых промыслах выборным от горнозаводских общин сотским. Их подчинили окружным полицейским органам Томской губернии — земским судам. Заводские (горные) конторы лишились права заниматься следственными, исковыми, уголовными делами, находившимися раньше в компетенции их общих присутствий и ведомственных полицейских структур. Теперь они распределялись между волостными правлениями, земскими судами, мировыми посредниками.

Однако с активизацией мировых посредников по введению «уставных грамот» в середине 60-х гг. обострились социальные противоречия на Алтае. В горнозаводских центрах это проявилось в грозной волне опустошительных пожаров. Губернская полиция и мировые посредники не смогли предотвратить их. Поэтому ликвидация горной полиции растянулась до 1868 г. Сначала в ноябре 1867 г. томский губернатор заменил гражданскими чиновниками горнозаводских служащих в должностях полицейских приставов пяти селений (Салаирское, Локтевское, Зыряновское, Павловское, Сузунское) и назначил нового пристава в Риддерское селение и надзирателя в Змеиногорск. Затем после длительной переписки и дискуссий в 1868 г. произошла передача барнаульской полиции в гражданское ведомство, а Барнаул лишился особого статуса горного города. Замена горной команды внутренней стражи гражданской произошла в 1871 г., завершив растянувшийся во времени процесс упразднения «военно-горного строя» в Алтайском горном округе.

5.3. Противоположные тенденции в управлении регионом в 60-х — первой половине 90-х гг. XIX в.

Буржуазные преобразования 1861 г. в социально-экономической и административной областях создали условия для прогрессивных перемен в Алтайском горнозаводском районе. Под воздействием реформы и заинтересованности Кабинета в увеличении численности населения, обязанного платить ему 4 руб. 50 коп. из общей 6-рублевой суммы оброчной подати, округ в 1865 г. был открыт для переселений. Это способствовало значительному росту населения региона. Если в 1861 г. на его территории проживало 345,8 тыс., то в 1897 г. этот показатель составил 1325,6 тыс. человек. Постепенное нарастание потока новоселов из других губерний медленно, но неотвратно меняло демографическую и экономическую ситуацию в регионе, способствуя усилению позиций аграрного сектора в округе. На территориях интенсивной колонизации шли ускоренные процессы расслоения крестьянства, концентрации земли в руках зажиточных поселян. Эти районы давали более высокий показатель сельскохозяйственного производства в Сибири. Увеличение численности населения и его плотности формировали возрастающий спрос на землю, строевой и дровяной лес, превращая эти природные ресурсы в объекты финансово-экономических сделок.

После реформы 1861 г. реальный шанс для развития получили земельно-арендные отношения. Они начали приобретать самостоятельный характер, постепенно оформляясь в отрасль, после того, как к 1867 г. обзавелись необходимым набором правил и норм, разработанной таксой и небольшим числом официально зарегистрированных оброчных статей. 40-копеечная такса за десятину арендованной земли в сельской местности была рассчитана кабинетскими чиновниками путем деления шестирублевого оброка на 15 десятин, которыми в перспективе после землеустройства должна была владеть каждая ревизская душа из числа сельских жителей Алтая. Земля оказалась явно переоцененной, поскольку 6-рублевый оброк содержал в себе не рыночную стоимость земельного участка, полагавшегося по закону бывшему приписному крестьянину, а компенсацию Кабинету за выполнявшуюся им до 1861 г. заводскую отработочную повинность. Цена десятины под промышленные объекты достигала одного рубля. Создание оброчных статей в сельской местности в основном носило случайный характер, особенно учитывая хаотичное, стихийное и бесконтрольное землепользование в округе. Кабинет уделял больше внимания промышленным оброчным статьям в силу их финансовой привлекательности и простоты контроля за арендаторами.

Значительно медленнее шел процесс коммерциализации лесной отрасли, продолжавшей оставаться до 1896 г. преимущественно поставщиком топлива и строительных материалов для горно-металлургической промышленности. Но и в эту закрытую сферу в силу объективных обстоятельств, связанных с ростом переселенческого движения, все активнее проникали товарно-денежные отношения.

Перемены не обошли стороной четыре города (Барнаул, Бийск, Кузнецк, Колывань), расположенные в пределах горного округа. Хотя и с временной дистанцией, но на них также получила распространение общероссийская городская реформа 1870 г. В 1876 г. новая система управления была введена в Кузнецке и Колывани, а год спустя в Барнауле и Бийске. Главную причину задержки историки видят в нерешенности вопроса о наделении алтайских городов земельной собственностью, являвшейся основным источником дохода для муниципальных органов самоуправ-

ления. Кабинет медленно и с большой временной дистанцией расставался со своей монополией на природные ресурсы округа. Например, за Барнаулом только в 1876 г. была закреплена законом 471 десятина земли, на которой располагались дома и другие постройки горожан. Через 21 год по случаю юбилейной даты – 150-летия перехода Колывано-Воскресенских заводов в собственность российских монархов – император даровал городу в собственность еще 7375 десятин земли.

Реформа предусматривала замену старых органов городского самоуправления, построенных по сословному принципу, на бессловные учреждения в виде городской думы и городской управы с распорядительными и исполнительными полномочиями соответственно. Они формировались через избирательную разрядную систему, базировавшуюся на имущественном цензе. К выборам допускались исключительно лица мужского пола, достигшие 25 лет и платившие в пользу города налоги и сборы. Реально в выборах гласных в первый состав дум приняли участие в Барнауле 6,6% от числа тех, кто имел право голоса, в Бийске – 6,7%, в Кузнецке – 10,3%, в Колывани – 41,8%. Безразличие, продемонстрированное жителями городов к реализации своего избирательного права, – показатель укоренившегося в дореформенный период недоверия к органам самоуправления и их способности решать насущные проблемы горожан. Это отношение постепенно менялось, по мере того как новые структуры стали настойчиво отстаивать интересы городов в обеспечении их землей, активно заниматься регламентацией торгово-предпринимательской деятельности, уделять внимание противопожарным мерам, проявлять заботу о развитии ветеринарной службы, медицины, народного образования.

К сожалению, прогрессивным тенденциям в жизни горного округа пришлось соседствовать с прямо противоположными процессами. В 1878 г. на Алтае были ликвидированы мировые учреждения. На смену мировым посредникам пришли утратившие строптивость и несговорчивость предшественников чиновники по крестьянским делам, чье утверждение в должностях, отстранение от службы, предание суду по закону теперь зависели не от Сената, а от генерал-губернатора Западной Сибири. Они располагали и более обширными полномочиями по руководству и надзору за крестьянским самоуправлением. Завершающим актом эволюции специальных учреждений по управлению сельским населением явилась замена в 1898 г. чиновников по крестьянским делам крестьянскими начальниками. В народе их называли «баррами», подчеркивая неограниченную власть начальников над крестьянским миром.

За 20 пореформенных лет не претерпела существенных изменений старая структура административно-производственных учреждений Алтайского горного округа. Прежними остались так называемый коллегиальный принцип управления, набор должностных лиц и состав служащих, подвергшихся лишь сокращению. Законодательство 60–90-х гг. XIX в. закрепило автономию ведомственной бюрократии в управлении горно-металлургической промышленностью. Производство оказалось вне досягаемости для надзора губернатора. Бесконтрольность «горной элиты», закрытость информации по округу внесли свою лепту в развитие кризисных явлений на кабинетских предприятиях в 1869–1882 гг.

Изъятие населения из ведения горнозаводского начальства оказалось неполным. Временнообязанное положение алтайских крестьян в связи с переносом на неопределенный срок землеустройства бывшей приписной деревни наделяло заводские, рудничные, приисковые управления правом требовать от мировых посредников (с 1878 г. – чиновников по крестьянским делам) смены сельских старост, по-

мощников волостных старшин, пересмотра приговоров сельских обществ, если они по тем или иным причинам не устраивали горное начальство.

Важнейшие сферы экономической жизни местных жителей — пользование лесом и землей — находились в ведении кабинетской администрации, чье вмешательство возрастало по мере увеличения ценности природных ресурсов региона. Частная инициатива и предпринимательство находились под жестким контролем алтайской администрации, пытавшейся запретами и ограничениями закрепить доминирующее положение в округе горно-металлургической и золотодобывающей отраслей. Тяжелое материальное положение бывшего горнозаводского населения, обремененность приписных крестьян налоговыми платежами и натуральными повинностями, нерешенность вопроса об их поземельном устройстве не позволили сельским жителям в полной мере воспользоваться преимуществами свободы и стать полноценными участниками экономической жизни региона. Отказ от принудительного труда, замена его контрактным наймом работников на основные производства и системой подрядов на поставку, перевозку заводских материалов не привели к кардинальному изменению взаимоотношений между участниками соглашений. В 60–70-х гг. XIX в. в Алтайском округе продолжала практиковаться несколько видоизмененная и не столь масштабная, как раньше, но тем не менее идентичная по сути система внеэкономического принуждения работников и подрядчиков.

Неспособность кабинетской бюрократии в новых условиях перестроить производство, социально-экономические отношения и управление сказалась на горно-металлургической промышленности, которая вступила в полосу затяжного кризиса. К 1882 г. он приобрел катастрофические размеры. Выплавка серебра составила 47% от показателя 1868 г., свинца — 38%, меди — 65%, чугуна — 30%, добыча россыпного золота — 25%. Результаты производственной деятельности заставили министра императорского двора в 1882 г. направить на Алтай ревизионную комиссию. По итогам ее работы был составлен проект административной реформы, осуществленной в 1883 г.

Реформа предусматривала внедрение в управление централизации и единоначалия, разграничение и упорядочение функций различных окружных структур, организацию специализированных органов по заведованию земельно-арендной отраслью, сокращение и обновление служебного персонала, повышение ему содержания. В то же время реформе были присущи консервативность, недостаточность предлагавшихся мер для достижения качественных сдвигов в хозяйственной и административной сферах, отсутствие нацеленности на перспективу. Наглядно это проявились в земельно-арендной и лесной отраслях, где управленческие структуры и обеспеченность их персоналом были рассчитаны на текущий результат без учета дальнейшего развития важнейших направлений хозяйственной деятельности.

Для придания процессу обновления должного динамизма в округ была направлена команда уральских специалистов во главе с горным инженером Н. И. Журиным. Появление на Алтае новых людей, не связанных с местной горной корпорацией, назначение их на престижные места в Главном окружном управлении, приставами или помощниками приставов некоторых предприятий, должны были, по замыслу реформаторов, оздоровить обстановку в бюрократической среде. В реальной жизни сложилась неоднозначная ситуация. Инженеры и чиновники разделились на две партии: «старую» и «новую». «Новой», состоявшей из вновь прибывших людей, пришлось столкнуться с откровенным саботажем старых кадров, потоком ложных доносов, на проверку которых уходила уйма времени и сил, удручающим положением

горнозаводского хозяйства. Противостояние двух «партий», по-видимому, сказалось на здоровье самого Н.И. Журина, который умер в конце 1891 г. в возрасте 50 лет.

При всех сложностях вновь созданная система окружного управления, умелое руководство хозяйством такими личностями, как Н.И. Жури́н, А.Т. Фролов, А.А. Ваганов, в сочетании с крупным капиталовложением почти в 2 млн руб. на техническую и технологическую реконструкцию предприятий, организацию масштабных разведочных работ обеспечили временный подъем горно-металлургической промышленности в 1885–1891 гг. Однако он не улучшил финансовое положение отрасли. Значительное вливание денежных средств повысило себестоимость металлов и сделало нерентабельной их выплавку. Отрицательное воздействие на ситуацию оказало падение мировых цен на серебро, являвшееся главным продуктом алтайского горно-металлургического комплекса.

Наметившийся после 1891 г. новый спад в производстве заставил Кабинет к середине 90-х гг. определить более перспективный для округа вектор хозяйственного развития. При колоссальном фонде неиспользованных плодородных земель и богатейших запасов древесины в условиях роста переселенческого движения им стало извлечение прибыли от продажи леса и сдачи земли в аренду, а также передачи частным компаниям права на разработку полезных ископаемых.

При новом начальнике округа В.К. Болдыреве (1892–1900 гг.) Кабинет в 1893 г. сделал первый, а в 1897 г. второй шаг по ликвидации собственного горно-металлургического производства на Алтае. Административная реформа 1896 г., исключив из названия округа слово «горный», создала модель управления, ориентированную преимущественно на коммерциализацию лесной отрасли и эксплуатацию земли арендой. Однако заслугу в подготовке смены хозяйственных приоритетов в развитии Алтайского округа следует отдать не В.К. Болдыреву, а Н.И. Жури́ну. При нем произошло превращение совокупности оброчных статей в важную отрасль Алтайского производственно-территориального комплекса. Именно он во многом предопределил будущее изменение всей структуры окружного хозяйства и предпринял первые реальные меры по внедрению комплексного подхода к эксплуатации земельно-лесных ресурсов региона, закрепленного реформой 1896 г. В.К. Болдыреву в большей степени пришлось заниматься решением административных, процедурных, нормативных, таксационных вопросов и перестраивать лесное хозяйство. Именно при нем лес приобрел самостоятельную ценность и начал превращаться в важнейший источник дохода от округа.

Итак, при всей ограниченности буржуазной реформы 1861 г. она создала стартовые позиции, с которых началась постепенная эволюция социально-экономических и административных отношений на Алтае. В 80–90-х гг. XIX в., во многом благодаря усилиям команды Н.И. Жури́на, в среде ведомственного чиновничества сложилось понимание необходимости отказа от доминирующего положения в экономике Алтая горно-металлургической промышленности. В 1896 г. Кабинет окончательно сделал выбор более приемлемого для ведомства пути развития, ориентированного на создание многопрофильного хозяйства.

Глава 6

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

6.1. Крестьянство

Во второй половине XIX в. крестьянство составляло основную часть населения Алтая. В середине века в основном это были бывшие приписные крестьяне, которые в соответствии с реформой 1861 г. получили личную свободу. Накануне отмены крепостного права крестьянское население Алтайского горного округа состояло из следующего числа душ мужского пола (тыс. человек): приписные крестьяне — 145,5; коренные жители (инородцы) — 28; государственные крестьяне — 3. В отличие от других регионов Сибири Алтай не был местом массовой ссылки.

В пореформенный период население Алтая росло за счет естественного и механического прироста, т.е. переселенческого движения. По данным В.А. Зверева, естественный прирост населения Томской губернии в 80–90-х гг. XIX в. составлял от 21,1 промилле в 1889–1891 гг. до 24,8 в 1884–1886 гг., в то время как по Европейской России — от 12,1 в 1892–1896 гг. до 16,7 в 1897–1901 гг.

В 1865 г. Алтайский горный округ был открыт для переселенцев. В 1860–1870-х гг. сюда прибыло 25000 переселенцев из 30 губерний, в 1880-е гг. — 136 тыс., в 90-е — 400 тыс. человек. Многие исследователи отмечали, что точных данных о числе переселенцев нет, так как многие переселенцы не регистрировались и прибывали самовольно. Но сведения о соотношении местного и пришлого населения дают материалы Всеобщей переписи населения 1897 г.

На Алтае в границах Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Кузнецкого округов было зарегистрировано 1325624 человека. По числу жителей (в тыс. человек) округа распределялись так: Барнаульский — 584,1 (44%); Бийский — 337 (25,4%); Змеиногорский — 242,7 (18,3%) и Кузнецкий — 161,8 (12,2%). По числу жителей Барнаульский округ имел самое значительное население не только в Сибири, но и в целом в Азиатской России, а в империи он занимал высокую седьмую позицию после округов (уездов) Санкт-Петербургского, Московского, Варшавского, Елисаветградского, Одесского и Херсонского. Разумеется, плотность населения на Алтае была значительно ниже, чем в европейской части страны. В Барнаульском округе плотность населе-

ния на квадратную версту составляла 5,5 человек, в Бийском и Змеиногорском — 3,4, а в среднем по Сибири — 0,5, в то время как в Европейской России — 22,2.

Значительным был процент пришлого населения — 34,7%, а в Барнаульском округе — 44,7%. В Сибири именно на Алтай, особенно в Барнаульский округ, направлялся самый значительный поток крестьян-переселенцев из Европейской России. Этому способствовали более благоприятные природно-климатические условия юга Западной Сибири в сравнении с более северными и восточными ее районами. Проанализировав состав переселенцев по местам выхода с 1866 по 1889 г., ссыльный народник Иван Овсянкин подсчитал, что больше всего в Алтайский округ прибыло переселенцев (в тыс. человек) из губерний: Тамбовской — 22,5 (14,7%), Курской — 18,5 (12,1%), Тобольской — 16,9 (11%), Воронежской — 14,8 (9,6%). При этом он отметил, что данная статистика не является полной. Всего же в переселенческом движении на Алтай участвовали 59 губерний и областей страны, в том числе и сибирские. В целом в составе переселенцев преобладали выходцы из центральных черноземных губерний, где особенно сильно ощущалось малоземелье у крестьян. Значительным был приток переселенцев также из сибирской Тобольской губернии, где в южных земледельческих округах также уже наблюдалась так называемая земельная теснота. До настоящего времени в топонимике Алтая сохранились названия населенных пунктов, которые отражают места выхода переселенцев дореволюционного периода — Тамбовка, Тамбовское, Курск, Самарка, Саратовка, Украинка, Полтавка и т.д.

Весьма образно эпопею переселения крестьян на Алтай в свое время описал в статье «Как водворяются переселенцы в Алтайском крае» (1897 г.) ссыльный народник С.П. Швецов: «На Алтай переселенцы отправляются из Тюмени или на пароходе, или сухим путем — пешком и на подводах: меньшая часть, люди позажиточнее, отправляются из Тюмени до Томска или даже до Барнаула на пароходе, а беднота плетется сухим путем. За проезд с семьей на пароходе нужно заплатить 20–30 руб., а по приходе в Томск надо купить лошадь с телегой, — это выходит двойной расход; вместо этого, бедняк приобретает подводу в Тюмени и плетется на ней до места уже без всяких расходов. Только этот путь по пустынным местам медленнее и труднее. Старики и малые ребята едут на телеге вместе с пожитками, а прочие идут пешком. Нередко случается, что две или три семьи складываются и запасаются одной подводой. А иногда целые переселенческие семьи не имеют ни одной подводой и идут всю дорогу от Тюмени пешком, неся на себе вещи в котомках». Понятно, что такое изнурительное путешествие приводило к тяжелым болезням и даже гибели части детей и стариков.

На этом трудности для переселенцев не оканчивались. Им весьма непросто было обустроиться на новом месте. В частности, крестьяне старожилов стремились извлечь для себя выгоду, эксплуатируя и притесняя переселенцев. Так, в старожильческих обществах переселенцев принимали в состав общества на основании общинного приговора, при этом назначали вступительный взнос. Ежегодные сборы за право проживания назывались полетками. Сбор за усадебное место составляли от 3 до 30 руб., за каждую десятину посева — 3 руб., за выпас крупного рогатого скота — 1–2 руб. за голову, мелкого скота — по 50 коп. за голову.

Многие переселенческие хозяйства со временем обустроивались и по ряду позиций превосходили хозяйства старожилов. С.Л. Чудновский в работе «Переселенческое дело на Алтае» (Иркутск, 1889) писал: «Культурное значение переселяющихся для Сибири признается всеми побывавшими на Алтае и самими старожилами...

Новоселы же всюду, куда являются, заводят плуги, коими заменяют допотопные сохи-самопрялки... В с. Ново-Тырышкинском и кузница, и маслобойка, и обе мельницы заведены новоселами. В с. Старо-Тырышкинском обе маслобойки, равно как и овчинное заведение, принадлежат тамбовцам».

Несмотря на представительство разных этносов, Алтай был регионом с значительным преобладанием русского населения. По данным переписи 1897 г., русские, без выделения украинцев и белорусов, составляли 92%. Но в конце XIX в. стала заметно расти прослойка украинцев, в основном за счет переселенцев из губерний Левобережной Украины. Так, в Барнаульском округе проживало 50 тыс. украинцев (8,6% населения), в Змеиногорском округе украинцы составляли 7,9% населения. Из прочих национальных групп выделим представителей коренных народов Сибири (алтайцы, шорцы, сибирские татары, казахи) – 91,6 тыс. человек (6,9%), мордву – 10,9 тыс. человек (0,8%), чувашей – 1,2 тыс. человек (0,1%). В 90-х гг. среди переселенцев на Алтай появляются немцы из Поволжья.

Коренное население Горного Алтая делилось на северных алтайцев (кумандинцы, тубалары, челканцы), проживавших в волостях и южных алтайцев (алтай-кижи), размещенных в дючинах, а также теленгитов Чуйских волостей. По социально-правовому положению алтайцы были отнесены к государственным крестьянам. Оседлые имели те же органы управления, как и русское крестьянство, т.е. сельское и волостное управление. У кочевых было управление, основанное на родовых традициях и нормах обычного права. В административном отношении кочевники делились на инородные управы и дючины.

Из среды русского крестьянства следует выделить группу староверов, проживавших компактно в Бийском (Змеиногорском) уезде, это так называемые поляки, хотя они были этническими русскими. Название «поляки» за ними закрепилось после переселения в Россию из Польши при Екатерине II. Проживали они в четырех волостях (Алейской, Александровской, Владимирской и Риддерской), в 1897 г. численность данной группы составляла 27,2 тыс. человек обоего пола.

На юге Алтая проживали казаки Бийской казачьей линии, в поселках и станицах от Усть-Каменогорска до Бийска. Центром линии была станица Чарышская. Численность казаков (обоего пола) составляла в 1897 г. 14 тыс. человек. Самыми значительными по численности населения были поселки Терский – 3 тыс. и Ануйский – 2,8 тыс. человек.

В целом, по данным переписи 1897 г., крестьяне составляли 86% населения Алтая, а в Барнаульском округе еще больше – 92,4%. Эта же перепись зафиксировала, что в сельском хозяйстве было занято 85,8% населения, что является наглядным свидетельством аграрного характера его экономики.

О довольно высоком уровне заселенности края свидетельствует значительное число крупных сел. В целом в Западной Сибири во второй половине XIX в. преобладали малые населенные пункты с числом дворов от 1 до 25. На Алтае не редкостью были села с несколькими тысячами жителей. Например, в селах Смоленском и Павловском проживало по 6 тыс., в Усть-Ануйском – 5,8 тыс., Усть-Каменном Истоке – 5,1 тыс., Алтайском – 3,4 тыс. От двух до трех тысяч жителей имели несколько десятков сел и деревень. Однако была группа крупных сел, которые возникли как горнозаводские поселения вокруг кабинетских заводов и рудников. Их население традиционно было занято в промышленной сфере, а не в сельском хозяйстве, это Змеиногорское, Зыряновское, Риддерское, Павловское, Сузун, Гурьевский

завод и другие. Правда, в условиях кризиса кабинетской горной промышленности в пореформенный период значительная часть населения этих поселков переходила от промышленного к аграрному труду (села Павловское, Локоть). Особое положение занимало село Змеиногорское, оставаясь по статусу селом, оно в 1895 г. стало административным центром Змеиногорского округа (уезда). Население села в 1897 г. составляло 7,3 тыс. человек, значительная часть жителей была занята в промышленности и торговле.

Как и в Центральной России на Алтае было сельское самоуправление. К концу 1863 г. местное сельское самоуправление состояло из 39 крестьянских волостных правлений, которые объединяли 731 сельское общество и 12 волостных правлений, в которые были объединены 26 горнозаводских обществ. В 1882 насчитывалось уже 982 сельских общества и 1532 села и деревни.

Одна из главных функций общины – это совместное крестьянское землепользование. В отличие от других регионов крестьяне Алтая во второй половине XIX в. не имели возможности выкупать землю в собственность, они находились на положении арендаторов кабинетской земли. При общем росте крестьянского землепользования уменьшались средние размеры душевого надела, что определялось ростом численности населения. Если в начале 1860-х гг. в пользовании крестьян было 7,3 млн десятин удобной земли, то к 1895 г. – 10 млн десятин, но размер душевого надела сократился с 44 десятин в 1860-х гг. до 14,1 десятины в 1890-х гг. Уже в 1867 г. в 106 селениях (из 1353-х) средние наделы были меньше 15 десятин на душу. Но в условиях больших земельных пространств, несмотря на кабинетский статус земель, крестьяне считали землю своей и распоряжались ею весьма вольно, передавали по наследству, сдавали в аренду и захватывали новые участки. При этом захваты земель приобрели большой размах.

К пореформенному периоду относится и появление довольно крупных хозяйств на арендованных землях, которые можно отнести к фермерским. Арендаторы использовали земли в сельскохозяйственных целях, реже строили предприятия обрабатывающей промышленности. В роли арендаторов часто выступали чиновники и купцы.

Крестьянский двор оставался основной хозяйственной единицей. Средняя величина семейного двора в Западной Сибири составляла 5,6 человек, что было показателем, близким к среднему по стране. Все имущество двора было общим, но домохозяин имел право решающего голоса. Сохранение традиций как в хозяйственной деятельности, так и в культуре шло через семью и общину.

Крестьянство оставалось основным податным сословием. После 1861 г. бывшие приписные крестьяне были освобождены от несения натуральных повинностей в пользу кабинетской промышленности. Но они платили штирублевый оброк с ревизской души, а кроме того, подушную подать – 90 коп., мирские повинности – до 2 руб., на мирские учреждения – 9 коп. и некоторые другие. Одновременно они выполняли натуральные повинности: дорожную, опалку лесов и тушение лесных пожаров, ямскую, содержание хлебозапасных магазинов и др. Правда, за выполнение повинности по опалке лесов населению выдавался бесплатно лес из кабинетских боров, а дрова крестьяне заготавливали в березовых колках (рощах). По мнению ряда авторов (А.П. Бородавкин и др.), налоговое бремя у крестьян Алтая было даже больше, чем в других регионах страны. А дореволюционный статистик П.Г. Сущинский пришел к выводу, что подати и повинности у значительной части крестьянства отнимали более половины всего годового дохода.

Крестьянство Алтая занималось земледелием, скотоводством, промыслами, при этом край стал одним из ключевых регионов развития товарного сельского хозяйства в Сибири (Эти вопросы рассмотрены ниже).

В социальном отношении крестьянство разделялось на три группы. Так, по данным за 1897 г. в Барнаульском округе бедняки составляли 39,3 %, середняки — 38,2 %, зажиточные («кулаки») — 22,5 %. Соответствующие данные по Европейской России выглядят несколько иначе, там бедняки составляли около 50 %, середняки — 30 %, зажиточные — 20 %, т.е. на Алтае был выше процент зажиточных и середняков и ниже бедняков. При подсчетах по Барнаульскому округу к бедняцким отнесены хозяйства до четырех десятин посева, к зажиточным — свыше 10 десятин. В группу бедняков на Алтае чаще всего попадали хозяйства недавних переселенцев, которые еще не успели обжиться на новом месте.

Отдельные зажиточные хозяйства поражали масштабом хозяйственной деятельности. В одном из источников так описывается хозяйство «павловского обывателя И.Р.» (видимо, из бывших мастеровых) на начало 90-х гг.: « В момент обследования он арендовал 22 участка хлебопахотной земли, по 20 десятин в каждом. Пшеницей у него было засеяно 100, овсом — 20 десятин, приготовлено к посеву свежей, ранее никогда не паханой земли — «залогу», по местному выражению, — 60 десятин... Пашет он плугами на конях и волах, имеет большую конную молотилку, жатвенную машину, несколько веялок. Новый двухэтажный дом и вся внешняя обстановка усадьбы напоминают скорее средней руки помещичьи усадьбы, хотя склад жизни чисто купеческий».

Для Алтая было характерно такое явление, как переход отдельных богатых крестьян в купеческое сословие. Некоторые из них переселялись в города, другие так и оставались жить в селах. Самый яркий пример — коммерческая деятельность крестьянина села Тюменцево Барнаульского округа А.И. Винокурова, который начал торговать в 1876 г., позже переселился в село Камень, а в начале XX в. Винокуровы вошли в число крупнейших купцов Алтая по оборотам торговых и промышленных предприятий. Свое гильдейское купечество сформировалось в селах Камень, Усть-Чарышская Пристань, Павловск и др. В то же время беднейшее крестьянство пополняло ряды рабочих в городах и на золотых промыслах.

Основной постройкой в крестьянской усадьбе была изба, но имелись также избышки — строения небольших размеров, которые либо выполняли роль временного жилья, например в период строительства избы, либо ставились на полях и лесных делянках. В конце XIX — начале XX в. некоторые зажиточные крестьяне стали строить двухэтажные дома, где на первом этаже была торговая лавка, а на втором — жилые помещения. Появлялись и каменные дома городского типа, в их числе дом Винокуровых в Камне, дом Глебовых в селе Соколове Бийского уезда. Но их владельцы уже стали купцами.

Преобладало срубное строительство, эта практика пришла из северных губерний Европейской России. Печь в доме ставили около входной двери. Печи делались из глины, но в богатых домах клали из кирпича. В глубине избы находилась чистая часть (передний угол). Богатые дома, особенно в крупных селах, украшались резьбой по дереву (пропильной накладной или долбленой). Резьбу имели наличники окон, ставни, карнизы, углы. Полы в домах были деревянными и некрашеными, по субботам хозяйки их тщательно мыли. Мебель была и самодельная, и покупная. На сундуки и лавки клали самотканые коврики, на подоконниках

расставляли горшки с цветами. В домах староверов («поляков») Змеиногорского уезда практиковалась роспись масляными красками потолков, дверей и мебели. Изображали цветы, птиц, животных.

Усадьбу огораживали, во дворе размещали амбары, скотный двор, погреб, сарай для дров и прочие хозяйственные постройки, баня. Часто баню строили одну на несколько хозяев. Амбары, особенно в зажиточных дворах, возводили двухэтажные. Подробное описание амбаров алтайских крестьян сделала этнограф В.А. Липинская в монографии «Русское население Алтайского края»: «Амбары в основном были срубные, под двускатной тесовой крышей на самцах, северорусского плана: передний скат крыши выступал вперед, образуя навес над входом, прорубленным в широкой стене; перед дверью настилали деревянные мостки. Чтобы предохранить зерно от почвенной влаги, сруб ставили на столбах или камнях, с этой же целью настилали пол. Вдоль боковых стен отгораживали дощатыми заборками закрома, разделяя их поперечными перегородками на две-три секции для зерна разных сортов. По другую сторону от закрома на стене навешивали полки для хранения домашних продуктов...».

Переселенцы, особенно в степных районах, в первое время могли создать только временные постройки из глины или дерна, с маленькими оконцами. Но такие постройки могли простоять несколько лет.

У части коренных жителей Бийского округа основным жилищем была войлочная или деревянная (бревенчатая) юрта, в последнем случае потолок ее засыпали землей. Окон юрта не имела, плита размещалась в центре и делалась из глины. Но некоторые алтайцы, особенно кумандинцы, строили избы уже по русскому образцу.

Дешевизна и обилие продуктов — зерна, мяса, а также даров природы (рыба, ягоды, грибы) делали питание крестьян Алтая более разнообразным в сравнении с питанием крестьян Центральной России. Влияло на питание и взаимодействие с другими этносами. Центральное место в кулинарии занимали хлеб и мучные блюда. Сибиряки предпочитали пшеничный белый хлеб, который выпекали ежедневно. Пекли хозяйки пироги с всевозможной начинкой, как и по всей Сибири, особенно любили пироги с рыбой. В практике были простые и традиционные у славян мучные блюда, например, заварухи. Муку заваривали в горшке кипятком и запаривали в печи, добавляя растительное масло и грибы. Делая кулагу, запаривали солодовую муку с ягодами калины, толокно делали из овсяной муки. Из мяса больше употребляли говядину и баранину, свиноводство еще было развито слабо. Мясо обычно заготавливали на зиму, его морозили целыми тушами. Любимым сибирским блюдом были пельмени. Разумеется, выращивали и заготавливали разнообразные овощи, на зиму солили капусту, огурцы и грибы. Садоводство практически не было развито, ягоду заготавливали, собирая ее летом в лесах и лугах, там же дикий лук и чеснок, а также травы. Традиционным напитком, не только в городах, но и в сельской местности, был чай, летом делали квас, варили и домашнее пиво. Пользовались как самодельной посудой (деревянной и керамической), так и покупной.

Вплоть до конца XIX в. в одежде крестьян преобладали ее традиционные виды и фасоны, особенно в повседневной жизни, но в праздничной уже ощущалось влияние городской моды. Исследователи зафиксировали не менее 250 терминов для одежды и не менее 40 вариантов кроя одежды из ткани. На Алтае слабее, чем в Центральной России, были развиты ткацкие промыслы и не было текстильной промышленности (до открытия Бийской льноткацкой фабрики в 1910 г.). Этим можно

объяснить широкое распространение фабричных тканей. Текстиль, как правило, фабрик Московского текстильного района, местное купечество закупало на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, а иногда непосредственно в Москве.

Основным типом женской одежды были рубахи и сарафаны, а также «парочки» (юбки с блузками). У мужчин главным видом одежды были штаны и рубахи. Повседневная одежда была неяркой и скромной, праздничная, особенно у женщин и детей, яркая. Особенно яркой была одежда «поляков» Змеиногорского уезда. В частности, здесь и мужские, и женские рубахи и блузки вышивались узорами, в этом можно увидеть польское и украинское влияние. И мужчины, и женщины носили кожаную обувь, зимой – пимы (валенки). Старожилы очень удивлялись лаптям на переселенцах. Зимой носили шубы и полушубки из овчины и меховые шапки, а женщины – шали и платки. Шубы шили или мехом внутрь (шуба, тулуп) или мехом наружу (доха).

Итак, вторая половина XIX в. была важным этапом в истории крестьянства региона. Произошел его значительный рост в результате естественного прироста и притока переселенцев. Основной хозяйственной единицей оставался крестьянский двор. Сохранение традиций как в хозяйственной деятельности, так и в быту, культуре шло через семью и общину. В то же время под влиянием развития рыночных отношений начали трансформироваться обычаи и быт в крестьянской среде, быстрее у зажиточных крестьян.

6.2. Сельское хозяйство

Исторически на Алтае имелись альтернативные возможности экономического развития. Их сценарии были заложены в природно-климатических условиях, а соответственно, и в перспективах социальной реализации. В официальном адресе представителей торгово-промышленных кругов Барнаула конца XIX в. читаем: «Одна из величайших сибирских рек, Обь, проходя в верхнем своём течении по середине огромного Алтайского округа, делит его на две половины, заметно отличающиеся одна от другой. Левая половина в огромном большинстве представляет... степные и плодородные угодья; пшеница, произрастающая на этом громадном пространстве, по своим качествам приближается к лучшим сортам пшеницы Самарской губернии. Правая же половина... пересекается небольшими отрогами Алтайских гор, содержащими в своих недрах всевозможные минеральные богатства.... На самой восточной окраине Алтайского округа лежат, можно сказать, неисчерпаемые залежи каменного угля прекрасного качества».

Алтай до реформы 1861 г. являлся прежде всего районом горнозаводского производства. Зависимое положение крестьян, обязанных различными работами и поставками для заводов, не способствовало развитию сельского хозяйства, им занимались для своих потребностей и нужд горных заводов и рудников. Между тем о богатстве почв Алтая уже к 60-м гг. XIX в. установилась прочная репутация. Крестьянское население округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) формировалось из бывших приписных и государственных крестьян, части мастеровых, перечисленных в крестьянские селения, урочников и подавляющего большинства переселенцев – крестьян из Европейской России. По численности оно было основ-

ным в округе. Хозяйство алтайских крестьян носило ярко выраженный комплексный характер, получили распространение все виды аграрной деятельности. К середине 80-х гг. XIX в. главную роль в сельском хозяйстве пореформенного Алтая играло земледелие. Алтайский хлебный рынок был встроен в систему региональных хлеботорговых связей Западной Сибири и эволюционировал от «потенциального», формирующегося хлеботоргового района к основной региональной житнице. В 60–70-е гг. XIX в. округа Алтая: Кузнецкий, Барнаульский и Бийский (Барнаульско-Бийско-Кузнецкий зерновой комплекс) уступали роль основных житниц Ялуторовско-Ишимско-Курганскому и Томско-Мариинско-Каинскому хозяйственным комплексам, располагавшимся в районах более ранней колонизации, благоприятных для земледелия. Алтайский хлебный рынок в свою очередь представлял собой систему взаимосвязанных, относительно небольших местных рынков, объединенных в целое общей функцией – осуществлением товарообмена в условиях преобладания мелкотоварного крестьянского производства, наличия многочисленных посредников в торговле и складывания не совпадающих с административно-территориальным делением, едино действующих производственных районов.

Разрешение законом 1865 г. переселения на Алтай из так называемых внутренних губерний привело к росту численности крестьянского населения. К этому времени на крестьянский двор в среднем приходилось 6,5 десятин земли, на душу мужского пола – 3,9 десятин, на рабочее тягло – 5,6 десятин. За 12 лет, с 1875 по 1886 г., средний годовой сбор хлебов в Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах вырос на 37,8%, или 3,1% в год. Основными сельскохозяйственными культурами на Алтае были яровая пшеница (приблизительно 50% посевной площади) и овёс. Переселенцы привезли новый сорт твёрдой пшеницы – «белотурку» (до 80-х гг. XIX в. была распространена мелкая низкосортная чумышская, или алая, пшеница). Урожайность пшеницы колебалась от 60–80 до 120 пудов с десятины. В Бель-Агачской степи получали урожай и до 200–240 пудов. С 1880-х гг. известна рожь «веснянка», или китайская, которая отличалась крупным белым зерном. Интересно, что уже тогда на Алтае имели место попытки технического усовершенствования процесса обработки полей, применения новых орудий труда. Так, в некоторых селениях Барнаульского округа крестьяне для молотбы хлеба пользовались особыми молотилками, сходными с толчёр. Переселенцы привезли плуги (ранее использовалась соха), распространили навыки применения удобрений (навоза). Эволюция системы земледелия шла от переложной к залежно-паровой, а от неё к трёхполью и сложным севооборотам.

Местный спрос на хлеб формировался в основном за счёт потребностей работников горных заводов и рудников, осуществлявших централизованные закупки; промысловиков золотых приисков Бийского и Кузнецкого округов, а также городского населения. Значительные посевы ржи в Кузнецком округе объяснялись существенным спросом этого хлеба на золотые прииски Западной и Восточной Сибири и на винокуренные заводы, расположенные вблизи Томска. Кроме того, следует отметить, что, по сведениям Ю. Гагемейстера, военное ведомство заготавливало в алтайских округах муку и овёс. Производственный спрос на зерно на Алтае формировался за счёт единственно активно действующего винокуренного Иткульского завода, располагавшегося близ Бийска. Приобретали зерно и алтайские мукомолы. Первая крупчатная мельница Щеголевой появилась в с. Повалиха Барнаульского округа в 1848 г. Жерновые мельницы распространились на Алтае в 50–60-е гг. XIX в., в 1870-е гг. их число сократилось, но зато появились первые вальцовые заводы.

Таким образом, на Алтае местный спрос складывался преимущественно как потребительский, а не производственный. Однако главная отличительная особенность алтайского зернового рынка состояла в том, что спрос внутри территории был относительно небольшим и не перекрывал предложение, тем более, в должной степени не стимулировал его рост. Известный областник Г.Н. Потанин, сетуя на отсутствие сбыта для хлебных продуктов Алтая, писал: «У многих крестьян хлеб лежит в клунях (стогах) по несколько лет; есть и клуни, которым насчитывают до 20 лет». Однако крестьяне изобрели способы поддержать своё хозяйство, получить экономическую выгоду от такой ситуации, обезопаситься от «скачков» цен. В записке выучившегося грамоте сибирского крестьянина Девятова упоминается практика найма в работники «с присевом хлеба». Хлеб этот мало продавали, а копили 4–5 лет. Выждав подъёма цен, всё зерно сбывали и заводили самостоятельное хозяйство. Небольшие объёмы местного алтайского спроса на зерно стимулировали его вывоз за пределы территории: в Томск и далее в Восточную Сибирь, а также в северные районы Западной Сибири.

Динамичное развитие зернового хозяйства Бийско-Барнаульско-Кузнецкой территории демонстрируют следующие цифры: в 1865 г. на Алтае было снято 1,7 млн четвертей зерна (13,6 млн пудов), т.е. свыше 75% того объёма, который пятнадцатью годами раньше давала вся Томская губерния. За пятилетие 1875–1879 гг. средняя годовая производительность в Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах выражалась в 2,5 млн четвертей (20 млн пудов), в 1880–1884 гг. — в 3 млн четвертей (24 млн пудов). По производству зерна на душу населения округа Алтая располагали существенными товарными излишками. Так, в 1866 г. в Кузнецком округе на душу населения было произведено 4,70 четвертей хлеба, в Барнаульском — 4,06 четвертей, в Бийском — 3,76 четвертей. В 1876–1880 гг. в алтайской местности производилось в среднем не менее 3,3 четвертей хлеба на душу. В 1865 г. расчётные излишки зерновых на Алтае составляли 1,89 млн пудов, во второй половине 70-х гг. XIX в. — 3,98 млн пудов ежегодно. Так, в 1879 г., по данным кабинетской администрации, алтайские крестьяне могли продать 1,7 млн четвертей (13,6 млн пудов) зерна.

Наиболее низкие цены в 1850–1860 гг. почти на все виды хлебов отличали Кузнецкий округ. Лидирующее положение по развитию хлеботорговли на Алтае в 60-е гг. XIX в. занимал Кузнецк. Высокие цены в Бийском округе, как и обилие хлеботорговых центров, объяснялись спросом на этот продукт со стороны рабочих заводов и рудников. Если проводить сравнение со стоимостью зерна и муки в других округах Томской губернии, то кузнецкие цены были ниже томских, а Бийский округ отличала самая высокая стоимость зерновых в губернии. Например, по сведениям о высших справочных ценах на ржаную муку Бийской городской управы в 1868–1884 гг. они колебались от 20 коп. до 115 коп. за пуд в зависимости от урожая и состояния спроса на рынке. Существенные колебания цен вообще были отличительной особенностью пореформенного западносибирского хлебного рынка. Для жителей Бийского округа пунктами продаж зерновых служили Бийск, Усть-Каменогорск, села Быстрый Исток, Зырянское, Енисейское, Колыванское, Усть-Чарышское, Усть-Каменный Исток, Риддерское, Красноярское, Смоленское, Катунское. С конца 70-е гг. XIX в. положение важного хлеботоргового центра общесибирского масштаба приобрёл Барнаул. Для крестьян Барнаульского округа продажи зерна сосредотачивались в с. Бердском. Конец 70-х — начало 80-х гг. XIX в. ознаменовалось общим повышением цен на хлеб в Сибирском регионе.

Следующий период развития пореформенного зернового рынка начался с введением в строй действующих Уральской железной дороги в 1886 г. Ведущее место в торговле заняли пристани, узловые железнодорожные станции. Отмечалась тенденция перемещения центров земледельческого производства Западной Сибири на юг, в лесостепную и степную зону (аналогичные процессы были характерны в пореформенный период и для Европейской России). На этом этапе округа Алтая стали основной житницей Западно-Сибирского региона в силу целого ряда причин. В 1885–1890 гг. на Алтае обосновалась почти половина всех переселенцев в Западную Сибирь (48%). Эта ситуация мало изменилась в 90-е гг. XIX в. За период с 1885 по 1895 г. в Сибирь прибыло около 470 тыс. душ обоего пола, из них на Алтае осели 284 тыс. человек. На южные территории Западной Сибири крестьян-колонистов привлекали плодородие почв, более мягкий климат, наличие свободных земель. До середины 80-х гг. XIX в. Кабинет пытался в новых условиях сохранить заводское производство в качестве основного источника дохода, подчиняя этой задаче развитие других отраслей хозяйства. С конца 80-х гг. началась переориентация Кабинета на свёртывание испытывавшей кризис горной промышленности. Главную свою цель Кабинет видел в извлечении доходов для личной казны царствующего императора, а, соответственно, в поисках новых источников прибыли. В 1882 г. была создана специальная комиссия под руководством помощника начальника Алтайского горного округа по земельной части Н. А. Ваганова, чтобы выяснить состояние крестьянского хозяйства и резервов для получения дополнительных доходов.

Развитие сельского хозяйства стало всемерно поощряться. Под влиянием колонизации заметно возросла распашка земель. С 1879 по 1892 г. сбор хлебов на Алтае возрос с 2 млн 518 тыс. четвертей до 4 млн 792 тыс. четвертей. Среди зажиточных крестьян уже накануне строительства Сибирской железной дороги были фермеры-предприниматели. Увеличились размеры и традиционного крестьянского земледелия. Так, большие запашки имели крестьяне деревень Романовой, М. Панюшевой, Карасёвой Барнаульской волости, где размеры максимального посева достигали 48 десятин, а хозяйства с посевом в 20–30 десятин были обычным явлением. В начале 90-х гг. XIX в. отмечались крестьянские запашки в 100 и более десятин. Томская губерния, благодаря быстрому развитию земледелия на Алтае, обогнала в 80-е гг. XIX в. Тобольскую по количеству собираемого зерна. К концу 90-х гг. XIX в. ежегодный валовый сбор зерновых по Бийскому, Барнаульскому и Кузнецкому округам более чем на 527% превысил аналогичный показатель всей Томской губернии, приходившийся на 30-е гг. того же столетия.

Немаловажной причиной динамичного роста алтайского земледелия явилось удобство эксплуатации речной системы Оби для вывоза зерновых за пределы сибирской территории. Проведение железной дороги Екатеринбург – Тюмень улучшило снабжение промышленного Урала продовольствием. Основной торговый хлебообмен между Уралом, губерниями Европейской России и Сибирью переместился на станции Тура и Тюмень, которые стали своеобразными пунктами отпускной торговли. На Урале и в Зауралье создались благоприятные условия для роста и развития мукомольного производства. Алтайское зерно не вступало по многим его видам в конкуренцию с хлебом из местных урожаев в районе Уральской железной дороги. Из Сибири привозилась преимущественно пшеница несравненно лучшего качества. Сорты переродная и белогурка употреблялись на высшие сорта крупчатки, которые из уральского хлеба не вырабатывались. Резкое увеличение вывоза хлеба за Урал

произошло в 1892 г., так как в начале 90-х гг. XIX в. 26 губерний России поразил небывалый голод. На Алтай в 1892 г. прибыли хлеботорговцы из Томска, Тюмени, Екатеринбургa, Казани, Нижнего Новгорода.

Из материалов статистических обследований, проведённых в Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах в 1882 и 1894 гг., следует, что количество торговых центров зерном выросло за указанный период с 22 до 46. Существенно изменилось значение отдельных центров торговли. В 90-е гг. XIX в. Барнаул, почти не встречая конкуренции, был самым крупным хлеботорговым пунктом Алтайского горного округа. Выросло значение Бийска. Современники прочили торговым центрам Алтая большое будущее. С. П. Швецов, например, считал, что города Барнаул, Бийск, села Усть-Чарышская Пристань, Камень, Бердское ожидает роль «сибирских Рыбинска, Царицына, Ростова». В журналах генеральной проверки торговых и промышленных заведений отражался бурный рост хлебных складов в ряде населённых пунктов. Главной тенденцией изменения цен на протяжении второй половины 80–90-х гг. XIX в. в Барнауле и Бийске было их понижение. Например, цены на ржаную муку в Барнауле в 1885–1897 гг. колебались от 19–20 коп. до 85 коп. за пуд; на пшеничную муку – от 25 коп. до 1 руб. Причиной послужил значительный рост предложения, превышавшего спрос. Все виды зерновых наиболее дорого продавались в восточной части алтайского хозяйственного комплекса, более удалённой от речной системы Оби. Цены в Бийске были несколько ниже, чем в Барнауле. Более высокая стоимость хлеба в этот период отличала Кузнецкий округ.

Продовольственная безопасность, говоря современным языком, или обеспечение «народного продовольствия», оперируя термином XIX в., всегда составляли предмет особого внимания властей. Земледелие, хлеботорговля – это сферы действия не только коммерческих законов извлечения прибыли, но и зеркало морально-нравственных ценностей общества. В 1841 г. в волостные правления Томской губернии, а также в Алтайское горное правление поступила брошюра под заглавием «Мысли о способах к обеспечению народного продовольствия на случай неурожая», автором которой значился лифляндский барон Брюйнингк. Определяя влияние недостатка продовольствия на народную нравственность, этот помещик писал: «...общий по всему краю неурожай, при недостатке запасов имеет пагубное действие не только на телесное, но и нравственное состояние человека». Выходом из такой чрезвычайной ситуации автор считал устройство хороших запасных магазинов и усовершенствование земледелия. Брюйнингк выражал уверенность в том, что устройство хлебозапасных магазинов «распространит своё действие» не только на одних крестьян, но и «на другие небогатые классы, как-то, на недостаточных чиновников, мещан и пр.».

Российское правительство приступило к повсеместному созданию хлебных запасных магазинов с целью создания наличного зернового фонда на случай неурожая в 20–30-е гг. XIX в. Эта страховая система составляла вторую, «запасную» хозяйственную реальность. В общей ведомости, составленной Горным правлением в 1863 г., по всем магазинам на Алтае значилось 412 тыс. 222,4 четвертей озимого хлеба и 99 тыс. 697 четвертей ярового. Продажа запасов из сельских магазинов начиналась в случае «непомерного возвышения цен на хлеб». Приобретение хлеба взамен проданного производилось в урожайные годы. Кроме того, таким способом хлеб «освежался». Хлебозапасные магазины находились под неусыпным контролем сельских обществ. В пореформенное время происходил процесс замены деревянных по материалу хлебных мер, так называемых пудовок, неодинаковых и зачастую

неточных, на железные меры (четверики и гарнцы). Важной также являлась проблема сохранности зерна, её решение находилось в зависимости от состояния зданий. Обновлению запасов препятствовали невозвращение ссуд, волокита. Не менее актуально было обезопасить хлеб от краж и самоуправства. Эта страховая система наглядно демонстрировала плюсы и минусы вмешательства государства в экономические процессы в условиях складывающегося стихийного рынка. Она составляла вторую, «запасную» хозяйственную реальность, не отрицаемую самим населением, считавшим её вариантом приспособления к проживанию в зоне рискованного земледелия. Вместе с тем многие мероприятия проводились по инерции, начавшись ещё в первой половине XIX в.

Уровень товарности других сельскохозяйственных культур, исключая хлеб как основной продукт питания, в пореформенную эпоху продолжал оставаться крайне низким, но земледельческая культура Алтая во второй половине XIX в. значительно обогатилась. С 40-х гг. XIX в. известны посадки картофеля, но только к концу XIX в. он становится основной продовольственной культурой (белый, красный, американский скороспелый), причём посадка его возрастает в неурожайные годы. Технические культуры (лён, конопля) не получили на Алтае широкого распространения, их выращивали лишь для нужд крестьянского хозяйства. Коноплю в конце века покупали для канатных фабрик, которые появились в Томской губернии в связи с началом массового пароходного движения по сибирским рекам. С 90-х гг. XIX в. значительное распространение получила на Алтае гречиха, что крестьяне объясняли возникновением новой отрасли животноводства – свиноводства. Развитие извозного промысла стимулировало рост посевов овса. Развивалось в округе огородничество. Выращивали мак, капусту, лук, огурцы, чеснок, морковь, свеклу, подсолнечник. Огородничеством занимались для собственных нужд, и только вблизи городов оно носило товарный характер. К середине XIX в. относится появление в Алтайском округе первых посевов сахарной свеклы. Обилие солнечных дней и жаркое лето позволяли выращивать бахчевые культуры: арбузы и дыни. Бахчеводство было развито в основном в южных волостях. Широкое распространение получило на Алтае разведение табака низкого сорта, из которого изготавливали махорку.

На протяжении второй половины XIX в. животноводство оставалось вторым по значению занятием сельского населения Алтая. Коневодство исторически занимало главное место в животноводстве, так как залежно-паровая система земледелия и извозный промысел требовали большого количества лошадей. Развитие этой отрасли определялось также потребностями горнозаводского производства. Кроме того, крестьяне выращивали крупный рогатый скот, овец, коз, свиней и маралов. Рынок стимулировал в основном мясное скотоводство.

Отсутствие маслодельной промышленности, которая начала развиваться только после строительства Сибирской железной дороги, сдерживало развитие товарного молочного животноводства. Старожилы держали низкопородный и малопродуктивный скот, но и без всякого ухода за ним. Преимуществом традиционных пород была приспособленность к суровым зимним условиям. В 60–70-е гг. XIX в. дворы с несколькими десятками лошадей и коров на Алтае были нередкостью. Переселенцы стали строить утеплённые скотные дворы, улучшили зимнее кормление животных. Некоторые привозили с собой новые породы скота и скрещивали его с местным. Наиболее неустойчивой отраслью животноводства было разведение крупного рогатого скота из-за массовых эпизоотий. Скот страдал от чумы, сибирской язвы и прочих болез-

ней. Иногда ощущался сильный недостаток в кормах, вплоть до того, что животных кормили соломой, снятой с крыш. Особенно страшными были 1882–1884 гг., когда неурожаем на травы привёл к бескормице зимой.

Быстрыми темпами шло увеличение поголовья овец, что определялось спросом со стороны возникших на Алтае овчинно-шубных и пимокатных производств. Переселенцы положили начало массовому разведению свиней. Эта отрасль получила широкое развитие в конце XIX в., когда появился постоянный спрос на свинину в связи со строительством в Томске колбасных предприятий. Распространение свиноводства свидетельствовало о переходе к интенсивному животноводству, так как эта отрасль требовала особых условий для развития: тёплого хлева, ежедневного периодического кормления животных специально приготовленной пищей, кропотливого ухода за приплодом.

Во второй половине XIX в. на Алтае довольно быстро развивалось пчеловодство. Расширению этой отрасли сельского хозяйства способствовало развитие восковой и свечно-восковой промышленности, рост населения округа, дороговизна привозного сахара. Число ульев за пореформенное время увеличилось более чем в два раза — с 257 до 550 тысяч. С 1890-х гг. стали применять более передовые приёмы пчеловодства: рамочные ульи, искусственная вощина, зимняя подкормка пчёл.

Пореформенный период ознаменовался на Алтае появлением «образцовых» ферм, сельскохозяйственных опытных производств, в том числе распространения новшеств на арендных землях. «Образцовые фермы», крупные хозяйства, имевшие в Сибири уже некоторую историю, служили для сельского населения примером рационального землепользования и скотоводства, но всё же являлись скорее исключением из правил. Высочайше утверждённое положение «Об учреждении учебных ферм» от 28 мая 1841 г. в §1 гласило, что подобные меры имеют целью «распространение усовершенствования по всем отраслям сельского хозяйства, на оных вводимого, и практическим образованием земледельцев хозяев». На Алтае во второй половине 60-х гг. XIX в. томским купцом П. Ф. Каменским и мировым посредником Кузнецкого округа Г. А. Третьяковым была организована такая ферма в д. Сосновке Усть-Тарминской волости Кузнецкого округа. Начальный капитал предприятия составил 65 тыс. руб.: 15 тыс. руб. собрали крестьяне, 50 тыс. затратил сам Каменский. Ферма имела 400 десятин земли, скот, земледельческие машины. Были построены сельскохозяйственная школа на 30 учеников, кузнечные, слесарная и столярная мастерские. Просуществовало это предприятие до начала 70-х гг. XIX в., к тому времени Третьяков умер, Каменского отвлекли другие дела. Положение сибирской окраины зачастую порождало организационные трудности в такого рода предприятиях, поэтому требовало особого энтузиазма и инициативы.

Приведём другой любопытный пример. В одном из номеров газеты «Голос» (1882 г.) священник из окрестностей Барнаула публично обратился в Вольное экономическое общество с просьбой указать комиссионера, который бы согласился прислать к нему некоторые земледельческие орудия и машины. Но Вольное экономическое общество не сочло возможным выполнить эту просьбу, ссылаясь на отсутствие в Сибири удобных транспортных сообщений и дороговизну перевозки.

В 1880-е гг. появляются в округе крупные фермерские хозяйства, арендующие землю у Кабинета. Несколько таких хозяйств, специализирующихся на выращивании зерна, были расположены недалеко от Павловска. В 1856 г. около с. Малышево купец Щёголев засеял сахарной свеклой 6 десятин и хотел построить сахарный

завод, но не довёл начинание до конца. Его опыты продолжил гамбургский подданный Брок-Миллер. Его сахароваренный завод разорился из-за невыгодных условий аренды земель у Кабинета, отсутствия кредитов и нашествия саранчи. Высокосортный табак пытался разводить известный учёный С.И. Гуляев. В 1865г. он выписал табачного мастера из Москвы. Недалеко от Павловска обработали 9 десятин земли, построили теплицу для выращивания рассады и табачную фабрику. Табак получил серебряную медаль Вольного экономического общества. Но хозяйство просуществовало недолго, так как покупателей на дорогой табак было немного. Первые опыты садоводства на Алтае относятся к концу XVIIIв., а в 60-е гг. XIXв. священник барнаульской Знаменской церкви П. Белоярский успешно акклиматизировал несколько сортов яблонь. Его сад в устье Барнаулки занимал 18 десятин.

Известны в округе и попытки разведения лекарственных растений. Ещё в XVIIIв. на территории современного городского парка Барнаула существовал «лекарственный огород», обеспечивавший первую в Сибири аптеку. В 90-е гг. XIXв. в фермерском хозяйстве Г. Маткевича, расположенном на реке Бухтарме близ с. Черги, проделаны опыты возделывания перечной мяты.

Скотоводческие фермы, в которых держали улучшенный скот, основывали зажиточные крестьяне. Так, в середине 70-х гг. XIXв. переселенец из Тамбовской губернии в Чингинской волости основал конный завод, где содержались несколько лошадей орловской породы. Животноводством на ферме у д. Черги занимался бывший врач Г. Маткевич. В 1890г. на ней содержалось 200 холмогорских и голландских коров. Маткевич проделал первые на Алтае опыты силосования зелёной массы для зимнего кормления животных. Главным препятствием для всех начинаний были плохие условия сбыта товарной продукции: молока, масла, шерсти. Отсутствие постоянного рынка тормозило развитие животноводства. В 1897г. на Алтае насчитывалось более 200 маральников, в которых содержалось более трех тысяч оленей, их рога-панты бийские купцы продавали монголам и китайцам. Маралы давали ценное сырьё для изготовления лекарства пантокрин. Мараловодство – трудоёмкая и сложная отрасль хозяйства, так как приходилось огораживать большие площади, где должны быть река, лес, луга. Зимой маралов кормили печёным хлебом.

Итак, зерновое хозяйство и животноводство Алтая в 60–90-е гг. XIXв. переживали период интенсивного становления, шло накопление количественных и качественных показателей, что подготавливало почву для широкого развития товарности сельского хозяйства Алтая в начале XXв. Рост посевных площадей и поголовья скота способствовал общему подъёму производительных сил округа. Это обстоятельство существенно образом изменило хозяйственно-экономическую жизнь крестьян, заметно расширило круг их занятий, обогатило агротехнический опыт, трудовые традиции.

Глава 7

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, РАБОЧИЕ. ТОРГОВЛЯ И КУПЕЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

7.1. Кабинетское горнозаводское производство

Во вторую половину XIX в. горнозаводские предприятия Алтая вступили, оставаясь на мануфактурном уровне производства. Главным двигателем на рудниках и заводах служило наливное колесо, металлургия оставалась древесно-угольной. Условия производства со временем постепенно ухудшались: рудники углублялись, руды становились беднее, количество тугоплавких руд росло, и для расплавки того же количества руд требовалось больше угля, чем прежде, леса истреблялись порубками, курени, где жгли дрова на уголь, были удалены от заводов на 80–120 км – все это постоянно увеличивало себестоимость производства.

Ликвидация «обязательного труда» в 1861 г. вызвала сопротивление сановников Кабинета и алтайской горной элиты. Они были уверены в том, что производство на Алтае может приносить прибыль только при крепостном праве. С этого времени всерьез рассматривалась возможность сдачи кабинетских предприятий в частные руки.

Заводы, рудники, золотые прииски перешли на вольный наём и стали капиталистическими предприятиями. 9,5 тыс. человек оставили заводы. В 1864 г. на кабинетских предприятиях работало 12,5 тыс. человек, из них 39% – на заводах, 42% – рудниках, остальные 19% – на приисках, угольных копях и Колыванской камнерезной фабрике.

Но самый сильный урон понесла кабинетская золотопромышленность. При «обязательном» труде прииски служили каторгой для «строптивых» и неугодных работников. В результате отмены крепостного права прииски потеряли рабочие руки. Годовая добыча золота снизилась до 5–7 пудов. Для сравнения: на Зырянском и Риддерском серебряных рудниках из отвалов попутно добывали 4–6 пудов золота ежегодно.

Именно в золотопромышленность Кабинет решил привлекать частные капиталы. С 1862 г. была разрешена добыча золота частными компаниями. Они должны были платить Кабинету 15% от стоимости добытого золота, 2% стоимости добытого составляла арендная плата. Золотые прииски принадлежали дворянам, чиновникам

и купцам. Высокая арендная плата, денежный залог при заключении договора закрывали доступ к золоту мелких предпринимателей. Тем не менее при всех ограничениях частная золотопромышленность развивалась успешнее кабинетской. Но всё же Алтай по объемам добычи уступал Восточной Сибири. Золотопромышленность носила хищнический характер. Владельцы приисков в погоне за прибылью стремились выработать наиболее богатые залежи, засоряя окрестности отвалами.

Признавая неизбежность экономического кризиса сереброплавильного производства в будущем, горные власти, как могли, всячески стремились отсрочить его. Еще за несколько лет до отмены обязательного труда началось усиленное приготовление руды, угля, прочих припасов и материалов, чтобы распределить дешевые цены на как можно большее количество припасов.

В течение всей второй половины XIX в. стоимость рабочей силы росла. Плавильные мастера и до реформы получали высокое жалованье, а после 1880-х гг. оно увеличилось в два раза, в то же время стоимость рабочих рук на подсобном производстве, ничтожная при обязательном труде, к 1880-м гг. увеличилась в 7–10 раз.

Состояние горнозаводской техники оставалось удовлетворительным. Железо полностью вытеснило дерево как строительный материал для рудничных заводских машин и механизмов. Происходила замена деревянных воздухопроводных труб на чугунные. Обручи наливных колес отливали из чугуна, лишь лопасти оставались деревянными. Спрос заводов и рудников на металлические изделия вырос. Но в 1864 г. был закрыт Томский завод, единственный на Алтае, производивший сталь. Ходили слухи, что предприятие хотел «приватизировать» его бывший управляющий Филев, но просчитался. С тех пор единственным предприятием черной металлургии в Алтайском горном округе стал Гурьевский завод. Объемы его производства были небольшими, они едва покрывали потребности рудников и заводов. Часть заказов передавалась Сузунскому заводу. Сузунский монетный двор был закрыт в 1848 г., осталась доменная печь и станки для обработки металла.

Четыре сереброплавильных завода — Барнаульский, Павловский, Локтевский и Змеиногорский — в основном плавил руды Зырянского, Риддерского, Крюковского и других рудников. Сузунский завод плавил обессеребрённые медистые штейны, которые свозили туда с других заводов, и собственно медные руды. Гавриловский завод плавил только бедные серебряные руды Салаирского рудника.

Когда на заводах Европы на смену воздухопроводным поршневым насосам пришли вентиляторы Рита, два таких устройства были установлены на Барнаульском и Сузунском заводах в виде опыта. Но дальше дело не пошло. Кабинетская и местная бюрократия всячески сдерживали техническое развитие, видимо, исходя из соображения «на наш век хватит».

Рудной базой сереброплавильной промышленности Алтая оставался главный Зырянский рудник, где добывались богатые, но тугоплавкие руды. С углублением работ до 18 этажа на главной Сретенской шахте был устроен паровой водоотлив. Главные шахты соединялись между собой штреком лишь на 16-м этаже, куда грунтовые воды поднимались с помощью ручных насосов, что заметно удорожало расходы на водоотлив. При этом не было никакого стремления соединить обе шахты штреком на 18-м этаже, и вот почему.

В 1864 г. начальником Алтайского горного округа стал Александр Ермолаевич Фрезе, прослуживший на заводах около 20 лет. Среди мастеровых он был известен под характерной кличкой «зверь Фрезя» за необычную жестокость. При нём случи-

лась печально известная «Зырянская история», послужившая прологом к началу затяжного хронического кризиса алтайской сереброплавильной промышленности, из которого она так и не вышла. Одним своего зятя А.Е. Фрезе назначил в Зырянск управляющим, его помощником — другого зятя. Начались злоупотребления. Добыча велась только на верхних горизонтах, необогащенная руда записывалась как обогащенная, вдобавок на самом руднике она разбавлялась пустой породой, чтобы выставить большие расходы на добычу. Значительные суммы списывались на геологоразведки и укрепление выработок, которые никогда не производились. С поломкой паровой машины на Зырянском руднике в 1869 г. водоотлив был парализован, рудник затоплен до третьего горизонта, запасы руд в верхних горизонтах были давно вынуты. Добыча руды сократилась. В 1869 г. заводы смогли выплавить 713 пудов серебра. Фрезе был отправлен в отставку. Начало экономического кризиса сереброплавильной промышленности по иронии судьбы совпало с приездом на Алтай (и на Зырянский рудник) саксонского геолога Бернгарда фон Котты.

Б. Котта был специально приглашен Кабинетом на Алтай для консультаций по проведению эффективных антикризисных мероприятий. Он советовал добывать только богатые руды, но ему ответили, что на Алтае издавна принята соразмерная добыча и плавка богатых и бедных руд. Но сама жизнь отменила это, казалось бы, исконное правило. Добыча руд в течение 70-х гг. снизилась с 4 до 1,5 тыс. пудов, причем добывали именно богатые руды.

Кабинет входил в состав Министерства императорского двора (МИДв). В 1871 г. министр императорского двора сказал новому начальнику Алтайского округа Юлию Ивановичу Эйхвальду: «Мне известно, что на Алтае существуют злоупотребления. Поезжайте и подведите черту отделению между старым и новым». Вместе с Эйхвальдом на заводы приехали три советника контроля и кассы МИДв. Они были бухгалтерами, наделялись большими полномочиями, однако не знали производства, занимались лишь контролем расходования средств согласно сметам. В Горном институте инженерам, напротив, не преподавали бухгалтерию, а на заводах сметы составлялись в широких пределах для того, чтобы можно было «перебросить» средства на непредусмотренные статьи (так как всё предусмотреть невозможно) и списывать их как истраченные по предусмотренным сметой статьям. Такая практика придавала системе гибкость.

Отныне же воцарился мелочный контроль: если по сметным положениям оставались некоторые суммы, они подлежали обязательному возврату, на непредусмотренные сметами цели средства не выделялись. Даже начальник округа Эйхвальд не имел права входить в отделение контроля с предложениями. В результате действия этих правил в 1882 г. Барнаульский завод простаивал полгода из-за недостатка средств. На Локтевском заводе прохудилась крыша, в сильный снегопад плавку оставляли, потому что комья снега попадали в расплав и вызывали его разбрызгивание, что было чревато ожогами и увечьями работников и могло привести к пожарам.

Но хуже всего дело обстояло на Гавриловском заводе, который не имел собственной заводской конторы. Со времени своего основания (1796 г.) он подчинялся управляющему Салаирским краем. Это сильно вредило предприятию, потому что Салаирская контора не ставила интересы сереброплавильного завода во главу угла. Плавильные фабрики остальных заводов были сложены из кирпича, стены Гавриловского завода оставались деревянными, сильно обветшали, обрушение заводского корпуса едва предотвращали бревна, подпиравшие стены со всех сторон. Действующий

щие плавильные печи имели трещины, из которых шел ядовитый дым. От разрушения их также спасали деревянные подпорки.

Производство серебра на Алтае все время снижалось. В 1877–1879 гг. оно задержалось на уровне 617–618 пудов, но в последующие годы падение его продолжилось.

В 1880 г. на Алтай для службы прибыл 26-летний выпускник Горного института Федор Йоншер, он поступил на должность пристава рудников в распоряжение Салаирской горной конторы и быстро вскрыл огромные приписки: на балансе стояли руды, которые никогда не добывались. Он подал рапорт в контроль, но был отстранен от должности своим непосредственным начальством, которого обвинял в казнокрадстве. В Барнауле Йоншер несколько раз встречался с начальником Эйхвальдом, который назвал его «отступником от горных традиций, изменником, марающим мундир». В условиях безденежья, без определения к должности и без возможности покинуть Алтайские заводы ранее положенной выслуги лет Ф. Йоншер решил отправить корреспонденцию в общероссийскую газету «Страна». Он писал: «Главный источник для частной наживы заключается в неодинаковости между действительной и сметной стоимостью рудничных работ, разница которых и поступает в пользу заведывающих рудниками. Разница основывается на ложной оценке руды при составлении смет: уменьшении кубической сажени на 25%, занижения пробы руды, твердости руды, которая показывает, более действительной, чтобы выставить больше затраты на разборку и т.д». О злоупотреблениях на Алтае писали и раньше. Но это были либо отставные инженеры, либо посторонние люди, которые публиковались под псевдонимами. Теперь же автором корреспонденции стал служивший на Алтае инженер, слова которого имели бесспорную доказательную силу.

Бунт Йоншера совпал с важнейшими внутривосточными переменами — вступлением на престол Александра III и назначением графа Воронцова-Дашкова на должность министра императорского двора. Рутинная проверка дел Кабинета за пятилетие 1876–1881 г. выявила, что 180 технических проектов с Алтайских и Нерчинских заводов лежали не только без решения, но и без регистрации. Особо вопиющей была волокита с решением простого вопроса о внедрении динамита в горных работах вместо пороха, тянувшаяся с самого момента изобретения динамита в 1863 г. в течение двадцатилетия. Система погрязла в саботаже и имитации деятельности. Как саркастически выразился современник: наука шла вперед, но проходила мимо Алтая.

Производство серебра на Алтае снизилось до 397 пудов в 1882 г. Заводы находились на грани закрытия. Производство серебра в мире росло, на Алтае оно снижалось: во второй половине XVIII столетия доля Алтая в мировом производстве серебра составляла 2%, а в 80-х гг. XIX в. упала до 0,13%. В 1878 г. мировое производство серебра удвоилось в два раза по сравнению с 1861 г. и составило 145 тыс. пудов (2388 тонн). Кризис сереброплавильного производства на Алтае проходил в условиях неблагоприятной мировой экономической конъюнктуры. К началу 80-х гг. мировые цены на серебро снизились в два раза по сравнению с 1861 г.

В 1882 г. на Алтай приехала комиссия, которая ставила своей целью не разоблачение беспорядков, а изучение местных условий и путей выхода из кризиса. В состав комиссии вошел профессор Горного института Н. А. Йосса. Огромные расстояния от рудников до заводов были им обозначены в качестве одного из главных недостатков алтайской металлургии. 75% себестоимости серебра составляли одни только непроизводственные расходы. Также Н. А. Йосса заметил, что на Алтае руды в три

раза богаче, чем в Саксонии, а заработная плата в три раза меньше, но саксонская промышленность приносит прибыль, а алтайская – одни убытки. Профессор сделал вывод, что на Алтае существуют перспективы рентабельного сереброплавильного производства, но только при одном существенном условии: переносе металлургического производства ближе к рудникам, на берега Иртыша в расчете на каменный уголь Экибастуза и, собственно, переход на каменноугольную металлургию. Однако у Кабинета не было никакого плана по развертыванию заводского строительства в Верхнем Прииртышье, а металлургия так и осталась древесно-угольной.

До комиссии 1882 г. на Алтае служили 30 горных инженеров, 10 подали в отставку, затем отставку получили еще 10 «горных деятелей», вместо них в 1883 г. с Урала приехали «варяги» – группа специалистов из десяти человек во главе с новым начальником округа Николаем Ивановичем Журиным, которых местное общество приняло недружелюбно. Горные инженеры разделились на две враждующие группировки – «старую партию» из служивших на Алтае еще до комиссии 1882 г. и «новую», состоявшую из специалистов, приехавших с Журиным с Урала.

Уральские специалисты скептически отнеслись к перспективам алтайской горной промышленности. На Горном совете 1885 г. было принято решение, что горное дело будет приносить Кабинету убыток еще долгое время. Тем не менее Журин развил кипучую деятельность. Наливные колеса заменялись на более мощные турбины Жонваля, возводились печи новой конструкции; на Гурьевском и Гавриловском заводах частично перешли на каменный уголь. Порох был окончательно заменен динамитом. На главном Зырянском руднике началось строительство обогатительной фабрики. Программа расширения производства предусматривала увеличение количества рабочих рук. Так, в 1886 г. на кабинетских предприятиях было задействовано 24000 работников, что на 2000 человек больше, чем до отмены обязательного труда.

Два миллиона рублей выделил Кабинет на перестройку алтайской промышленности. Не начальник Журин, а Кабинет распоряжался средствами. Сказался кризис доверия Кабинета к начальникам округа за предшествующее двадцатилетие. Огромные суммы были истрачены на покупку в Англии трех локомотивов весом по 5,5 тонн каждый и доставку их на Алтай. Локомотивы – это маломощные «мобильные» паровые двигатели на колесном ходу для удобства их гужевой перевозки с места на место. Таким образом, некоторые заводы обеспечивались паровыми машинами для дутья в период снегов и весеннего половодья, когда работа на заводах прекращалась. Паровые машины не заменили на Алтае гидравлический двигатель – наливное колесо. Новые печи системы Пильца и Каста для рудной плавки на каждом из заводов были построены в единственном экземпляре. В распоряжении начальника заводов не было средств для модернизации производства. Промышленность продолжала деградировать.

В 1885 г. алтайские заводы принесли 27 тыс. руб. убытка, в 1887 г. – 110 тыс. руб., в 1889 г. – 120 тыс. руб. Хотя производительность заводов возросла до 700 пудов серебра, Н.И. Журина не удалось перевести алтайскую горнозаводскую промышленность хотя бы на самоокупаемость.

Николай Иванович Журин внезапно умер 31 декабря 1891 г. после двух суток болезни. Его смерть знаменательно совпала с резким обвалом мировых цен на серебро. В 1892 г. цена серебра рухнула: в июле-августе она снижалась на 3% в день. Если в 1861 г. стоимость золота к серебру составляла 1:19, то 1889 г. она постепенно снизилась до 1:22, а в 1892 г. – 1:28. В этот год стоимость серебра «упала» в два раза

по сравнению с 1876г. и в четыре раза по сравнению с 1861г., что окончательно поставило крест на планах Кабинета относительно перспектив его алтайских сереброплавильных заводов.

В период с марта 1893г. по март 1896г. Кабинет приступил к ликвидации Барнаульского, Павловского, Локтевского и Змеиногорского заводов. Вместе с ними закрывались все серебряные рудники. В 1897г. был закрыт Гавриловский завод, из названия Алтайский округ в 1896г. убрали слово «горный». Это событие стало эпохальным, что обозначало переход к лесопользованию и землеустройству как главными статьями дохода.

После закрытия сереброплавильных заводов на Алтае действовал Сузунский медеплавильный завод, а также предприятие черной металлургии – Гурьевский завод, «разумеемый как вспомогательный цех при главных производствах Алтая». После реформы 1861–1864гг. Гурьевский завод действовал по старой производственной схеме, покрывая нужды лишь заводов и рудников, население же покупало уральское железо. В 1870-х гг. емкость западносибирского рынка уральских заводов составила 1,7 тыс. тонн железа в готовых изделиях. Однако эта ситуация начала исправляться в 1883г. благодаря Алексею Ивановичу Журину, младшему брату начальника округа. Если в 1883г. завод произвел 22 тыс. пудов чугуна и 7,4 тыс. пудов железа, то в 1892г. – 111 тыс. пудов чугуна и 62 тыс. пудов железа. Отныне три четверти продукции шло на «вольную» продажу: плуги, сошники, цепи к сохам, зубья для борон, топоры, подковы для крестьян; кайлы, лопаты, ломы – на золотые прииски; цепи, якоря, шпиди, болты – для пароходов и барж. В период строительства Сибирской железной дороги Гурьевский завод брал подряды на производство рельсов, получая от этого прибыль, но не выдержал конкуренции с дешевым уральским железом, хлынувшим в Сибирь по железной дороге. В 1907г. Гурьевский завод был передан в аренду частным лицам.

Несмотря на падение мировых цен на серебро, на глобальном рынке меди сложилась крайне благоприятная конъюнктура вследствие бурного развития промышленной электротехники. Медь служила материалом для производства проводов и электрических кабелей, медная проволока применялась в роторах электродвигателей. Так называемый красный металл получил широкое применение в радиотехнике и на телеграфе.

Новые перспективы производства серебра как мировой отрасли были связаны с металлургией меди. Большое распространение получало рафинирование, т.е. очистка меди от примесей под воздействием электрического тока, при котором серебро и золото, не вступающие в электролитическую реакцию, получались как побочный продукт в виде шлама, а производственные издержки на добычу руд, их дробление, толчение, электролитическую реакцию и подобное входили только в цену меди, из-за чего себестоимость серебра выходила ниже рыночной цены.

Руды Зырянского и Риддерского рудников всегда рассматривались как медные серебросодержащие. Если раньше производство меди на Алтае было побочным, то теперь оно становилось главным. С этой новой концепцией, опирающейся на мировую практику, была связана последняя попытка Кабинета исправить ситуацию в алтайской металлургии: горючего требовалось немного, а драгметаллы можно было извлекать на самом руднике.

Руды Нижней Венгрии представляли собой аналог алтайских. Венгерский инженер Битжанский на руднике Тайова внедрил технологию электролиза, которая

в новых условиях стала приносить прибыль. В 1889 г. Кабинет отправил Битжанскому один центнер зырянских руд. Обработка их электротоком принесла положительные результаты. Для опытов в будущем виде Битжанскому отправили 10 тонн руд, типичных для Риддерского и Зырянского месторождений. Их обработка также завершилась успехом.

Зырянскую фабрику оборудовали приглашенные из Венгрии мастера во главе с инженером Радловым. Летом 1892 г. вместе с постройкой серебровыщелачивательного завода в Зырянске были установлены электродвигатели. Общие расходы Кабинета составили 2 млн руб. Горный инженер-современник писал: «Насколько мне известно, в России это было первым применением электрической передачи силы в таких больших размерах».

Итого в Зырянске действовало 8 динамо-машин, из них 4 – высокого напряжения 1 тыс. вольт, две – 115, две – 20 вольт. Расстояние от Сретенской приемной станции до Центральной составляло около 895 м, от Комисской до Сретенской – 255 м, от Центральной станции до дробилки руды 441 м. Все электрические станции были соединены между собой телефонами. Всего в Зырянске было поставлено 12 телефонов. Кроме этого, действовало электрическое освещение завода, мастерских и казенных квартир. Руду измельчали на дробилке и доставляли на электролитическую фабрику по канатной дороге длиной 1179 м. Всего действовало 15 вагонов, которые приводились в движение динамо-машиной. Один вагон вмещал два центнера руды.

Для рафинирования меди было налажено производство электродов. Катодом служил цемент, приготовлявшийся на Зырянской выщелачивательной фабрике, анодные плиты поставлялись с Сузунского медеплавильного завода. Получение электролитической меди и серебра происходило на Змеиногорской фабрике, которая составляла как бы филиал Зырянского завода. Она обрабатывала зырянские цементы для извлечения электролитической меди и серебра, которые после переплавлялись на старом Змеиногорском заводе. По итогам 1894 г. убыток составил более 47 тыс. руб. Стало понятно, что зырянское выщелачивание и змеиногорский электролиз не смогут приносить прибыль. Иначе и быть-то не могло: новая технология не была как следует отлажена неподготовленными работниками в столь короткие сроки.

Главный недостаток змеиногорского электролиза состоял в том, что количество осаждавшихся на катоды металлов было ниже нормы. Электролит быстро загрязнялся, поэтому напряжение в ваннах колебалось в больших пределах. Медь обладала низкими качествами – была хрупка, зерниста и недостаточно чиста химически. Наконец, в 1896 г. Зырянская и Змеиногорская фабрики были переданы в аренду иностранному капиталу.

В Российской империи электролиз меди применялся на Калакентском заводе братьев Сименс (современный Азербайджан). В 1893 г. там было получено почти 13 тыс. пудов электролитической меди, из осадка в ваннах добыто 12 пудов серебра и 27 фунтов золота. Еще в более крупных объемах электролиз применялся в Монтане (США), что привело к перепроизводству металла и кратковременному резкому обвалу мировых цен на медь. Из-за этого Кабинет даже склонился к мысли о ликвидации Сузунского предприятия в 1905 г.

В начале XX в. производство меди в Сузуне снижалось, тогда как в России оно росло, а в мировом производстве доля сузунской меди и вовсе была исчезающе

малой. Плавка шла на дровах, доставка руд была дальней. В новых условиях перспектив у завода не было. Окончательное решение о его ликвидации было принято в 1912 г., но откладывалось еще на год, чтобы проплавить добытые в этом году медные руды, а рост мировых цен на медь в 1913 г. позволил с выгодой обрабатывать и более бедные шлаки, имевшиеся в изобилии, после чего в 1914 г. Сузунский завод, последний из металлургических предприятий Алтая, был окончательно закрыт.

7.2. Частная промышленность. Рабочие

Середина XIX в. была временем возникновения частной промышленности в Алтайском горном округе. Правда, еще накануне отмены крепостного права здесь было несколько так называемых крупчатных мельниц, которые вырабатывали муку-крупчатку мелкого помола, небольших кожевенных мастерских. Но в условиях господства кабинетской горной промышленности и запрета строить частные предприятия с «огненным действием», т. е. с паровыми двигателями и котлами, развитие частной фабричной промышленности до 1861 г. на Алтае было фактически невозможно. Правда, и после отмены крепостного права условия для частного предпринимательства в промышленности на Алтае были хуже, чем в других районах Сибири. До 1893 г., когда закрылись основные кабинетские сереброплавильные заводы, сохранялся запрет на предприятия с паровыми двигателями и котлами. Особенно сложно было получить разрешение на строительство какого-либо предприятия в Барнауле и других горнозаводских селениях (Павловске, Змеиногорске и др.).

С. П. Швецов, который обследовал частную промышленность Алтая в 90-х гг. XIX в., писал: «Частная обрабатывающая промышленность была введена в очень тесные рамки: могли устраиваться или такие только заводы, которые для своего действия не требовали никаких паровых двигателей и даже вообще не требовали для той или другой цели горючего материала, а таких производств, как известно, весьма немного, или же такие, которые могли обойтись только водяными двигателями».

Но рост населения горного округа, развитие сельскохозяйственного производства, частная инициатива, в ряде случаев приток капиталов в регион так или иначе способствовали расширению частного предпринимательства на Алтае.

В XIX в. Сибирь охватила настоящая «золотая лихорадка». Эта отрасль промышленности стремительно развивалась. В то время в основном добывали россыпное золото, т. е. открытым способом, промывая золотоносные пески на реках и ручьях. В 1862 г. добыча золота частными компаниями была разрешена и на Алтае, в основном его добывали в восточной части горного округа, т. е. на территории современной Кемеровской области. Среднегодовые показатели количества приисков и добытого золота таковы: в 60-х гг. XIX в. — 14 приисков, добыча — 35 пудов, в 1870-х гг. — 35 приисков и 117 пудов, в 1880-х гг. — 54 прииска, 78 пудов, в 1890-х гг. — 70 приисков и 93 пуда, максимальная добыча пришлась на 1891–1893 гг., когда золота добывалось более 100 пудов.

Золотодобычей занимались купцы, отставные чиновники, мещане, но крупнейшими компаниями в данной отрасли были «Алтайское золотопромышленное дело» и «Южно-Алтайское золотопромышленное дело». Первая из названных компаний была основана в 1879 г. томским дворянином Вениамином Ивановичем Асташевым,

основной капитал составлял 450 тыс. руб. (одна тысяча паев), из которых у самого Асташева и его родственников было 300 паев, 280 паев у барона Г.Е. Гинцбурга из Петербурга. Указанная компания с 1880 по 1917 г. добыла 6,2 тонны золота, максимальная добыча пришлось на 1897 г. — 320 кг. Размещались прииски компании в долинах рек Мрас-Су и Кондома, на них было занято до 700 рабочих.

«Южно-Алтайское золотопромышленное дело» добывало золото с 1881 по 1917 г. Ее основал предприниматель из Центральной России генерал-майор П.Д. Мальцев, он арендовал у Кабинета около 600 десятин земли по рекам Томь, Лебедь, Балыкса. В числе пайщиков были барон Г.Е. Гинцбург и столичный предприниматель В.А. Ратьков-Рожнов. С 1882 по 1900 г. этой компанией было добыто 582 пуда золота.

В пореформенный период получила развитие и другая отрасль добывающей промышленности — добыча соли, ее добывали на Бурлинских и Боровых озерах степного Алтая. В 1870-е гг. добыча составляла около 400 пуд., в 1880-е гг. — от одного до двух млн пудов. Соль продавали на Алтае, в Томске, Восточной Сибири. Участки для разработки соли Алтайское горное правление сдавало в аренду на торгах. П.Ф. Кочнев, автор мемуаров, отмечал: «На Боровых озерах соляные участки арендовала и разрабатывала негласная компания: М.Е. Функ, И.К. Платонов и С.М. Цветиков, это им было выгоднее, чтобы не конкурировать друг с другом».

Развитие обрабатывающей промышленности неразрывно было связано с сельским хозяйством, которое давало сырье для ее развития (зерно, кожи, шерсть). Общее представление об обрабатывающей промышленности дают материалы губернской статистики. Ежегодно сведения о состоянии промышленности собирались окружными полицейскими управлениями и передавались в губернский статистический комитет, который суммировал показатели для отчета губернатора, при этом учитывались не только фабрики и заводы, но и мельчайшие заведения, например, крестьянские мельницы. Показатели количества «фабрик и заводов» выглядели весьма внушительно, но нередко на учтенных предприятиях работало по несколько человек, а то и просто члены одной семьи. В 1865 г. в алтайских округах было учтено 78 предприятий, которые произвели продукции на 266,7 тыс. руб., в 1895 г. — 5293 предприятия, которые произвели продукции на 1026 тыс. руб. при 7800 рабочих, т.е. в среднем на одно предприятие приходилось только по 1,5 рабочих. Среди учтенных предприятий преобладали мукомольные мельницы, которые почти все размещались в сельской местности. Мельниц насчитывалось 4322 (81,6% от учтенных предприятий), на них было занято 5120 человек (65,6%).

Если владельцами водяных мельниц были в основном крестьяне, то среди владельцев более крупных предприятий преобладали купцы и отставные чиновники. Когда в 60-х гг. XIX в. на Алтае появилась возможность для частного предпринимательства в промышленности, начался заметный ажиотаж среди горных инженеров и чиновников. Получать разрешения на открытие того или иного предприятия помогали корпоративные связи в среде барнаульской окружной администрации, прежде всего в Алтайском горном правлении, а иногда и родственные связи. В числе первых предпринимателей в обрабатывающей промышленности пореформенного Алтая в 60-х гг. XIX в. фамилии бывшего советника горного правления К.П. Платонова, инженеров братьев Пранг, титулярного советника С. Цветикова, отставного коллежского асессора М.Е. Функа и др.

Из этой группы предпринимателей наиболее преуспел Константин Павлович Платонов, потомственный дворянин. На Алтай он прибыл в 1846 г. из Пермской гу-

бернии, в Барнауле работал чиновником в Алтайском горном правлении, дослужился до чина надворного советника. В 1866 г. в деревне Зудиловой Барнаульского округа он строит в компании с отставными полковниками А.И. Ляпиным и Ярославцевым крупчатную мельницу. В указанном году ее производительность составила более 50 тыс. пудов муки, на ней было занято 20 рабочих, в 1890 г. производительность выросла до 70 тыс. пудов при 30 рабочих.

Но главным предприятием К.П. Платонова был Иткульский винокуренный завод, основанный в 1868 г. в деревне Соколовой Бийского округа в компании с барнаульским купцом 2-й гильдии Григорием Терентьевичем Бадьиным. Купец и до основания этого завода торговал спиртными напитками, а К.П. Платонов решал необходимые вопросы «в коридорах власти». На четверть века Иткульский завод был на Алтае единственным винокуренным предприятием и на рынке спиртных напитков занимал монопольное положение. Интересно, что попытки других купцов в 60–80-х гг. XIX в. получить разрешения на строительство винокуренных заводов не увенчались успехом. В 1872 г. один из основателей завода – Г.Т. Бадьин умер, а его доля в товариществе перешла к вдове Евдокии Ивановне Бадьиной, после того как она вышла вторично замуж, став Судовской, компания получила название «Платонов и Судовская». В 1878 г. уже немолодой К.П. Платонов передал ведение дел на заводе сыну Ивану.

Первоначально завод производил 50 тыс. ведер (в ведре было 12 литров) полу-гара (40-градусное хлебное вино). А всего с момента пуска завода до 1891 г. включительно было произведено 2,5 млн ведер 40-градусного хлебного вина. Сначала все корпуса завода были деревянные, при заводе был дом управляющего, казармы для рабочих, амбары, мукомольная мельница. На рубеже XIX–XX вв. был выстроен новый корпус из кирпича, где был установлен паровой двигатель. Это кирпичное здание сохранилось до настоящего времени и в нем размещен музей Иткульского спиртзавода. Впрочем, первый паровой двигатель был установлен на заводе еще в 1895 г., тогда же предприятие было электрифицировано.

В 1873 г. К.П. Платонов в компании с женой чиновника Айдаровой рядом с винокуренным заводом строит стекольный завод, на котором изготовлялись бутылки и прочая посуда для винокуренного завода, а также листовое стекло и даже хрусталь. В Барнауле в 1869 г. К.П. Платонов, тогда еще в компании с Г.Т. Бадьиным, открыл водочный завод, на котором из иткульского спирта производились водки, ликеры, всевозможные наливки. Об ассортименте и ценах на продукцию данного предприятия можно судить по его стенду на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Это была одна из самых грандиозных выставок дореволюционного периода, она должна была отразить успехи страны на пороге нового XX в.

Итак, на выставочном стенде Барнаульского водочного завода И.К. Платонова и Е.И. Судовской были выставлены 20 бутылок ликерных наливок по 90 коп. за бутылку, две бутылки нежинской рябиновой по 80 коп., четыре бутылки нектарина из китайских яблочек и белой смородины по 80 коп., шесть бутылок горьких водок по 75 коп., две бутылки спирта ректификованного по 85 коп. За хорошее качество продукции мастер завода Невлер был удостоен бронзовой медали, такую же медаль получили владельцы Иткульского завода «За развитие винокуренного производства в отдаленных местах России».

Небольшие водочные заводы имелись также в Барнауле у купцов Ворсиных (открыт в 1877 г.), Удоновых в Павловске, Я.А. Сахарова в Бийске. После закрытия в 1893 г. сереброплавильных заводов и снятия ограничительных мер в отношении винокурения, на Алтае один за другим открываются несколько винокуренных заводов: в 1893 г. в Бийске завод купца В.М. Рыбакова, в 1894 г. под Барнаулом завод братьев Ворсиных и Олюниной, в 1896 г. в деревне Баюновские Ключи, недалеко от Барнаула, завод купца В.И. Поскотинова. Производительность новых заводов составляла примерно по 100 тыс. ведер в год каждого, т.е. в два раза меньше, чем Иткульского, но и такой объем производства позволяет отнести их к крупным предприятиям.

Довольно успешно развивалось мукомольное производство. Речь идет о крупчатных (крупчаточных) мельницах, которые работали на рынок. Старейшая из них находилась в Повалихе под Барнаулом, она была основана в 1848 г. (по другим данным в 1849 г.) купчихой П.И. Щеголевой, в начале 1870-х гг. мельница перешла во владение И.И. Федулову. Мельница в селе Зудилове Барнаульского округа принадлежала Платоновым, в деревне Завьяловой Бердской волости мельница купца А.Н. Чувакова, после его смерти в 1874 г. перешла по наследству к сестрам, а в дальнейшем владельцем мельницы стал муж одной из сестер купец И.Г. Богомолов. В селе Бердском мельница первоначально принадлежала пермскому купцу И.Ф. Каменскому, а с 1883 г. — томскому купцу В.А. Горохову, в деревне Чернопятовой Барнаульского округа имелась мельница купца Г.В. Грязнова. В начале 90-х гг. XIX в. крупчатные мельницы Алтайского округа производили 600–700 тыс. пудов муки. Всю муку не только сбывали на местном рынке, но и отправляли в Томск и города Восточной Сибири.

Все перечисленные мельницы, за исключением мельницы И.Г. Богомолова, работали на водяных двигателях. Только И.Г. Богомолову в 1879 г. удалось получить разрешение на установку парового двигателя мощностью в 20 л.с., при этом владелец мельницы обещал использовать в качестве топлива только горелый лес. В начале 90-х гг. XIX в. мельницы И.К. Платонова, И.Г. Богомолова и В.А. Горохова были электрифицированы, в то время как в Барнауле и Бийске еще не было электроэнергии. Владельцы мельниц шли на затраты по электрификации своих предприятий, чтобы избежать угрозы пожаров. Например, на мельнице И.К. Платонова в Зудилове ток вырабатывался динамо-машиной, от которой шли четыре линии для передачи электроэнергии, три линии шли к мельнице, а одна — к даче владельца. На мельнице было установлено 30 лампочек, на даче — 10.

Некоторые промышленные предприятия можно отнести к уникальным для того времени, например, содовый завод в Барнауле был единственным в стране, а завод охотничьей дрови — единственным в Сибири. Когда предприниматели начинали абсолютно новое дело, они рисковали, ибо не было ясно, принесут ли расходы на создание предприятий отдачу или нет.

Содовый завод основали горные инженеры братья Иван и Егор Пранг, но инициатором создания этого предприятия был их третий брат Матвей Богданович Пранг, художник, выпускник Петербургской академии художеств. Приехав в гости к братьям на Алтай, он здесь много ездил и, взяв пробы солей Мармышанского озера, пришел к выводу, что это очень хорошее сырье для изготовления соды. Завод был открыт в 1864 г., а в 1870 г. братья продали завод Матвею Богдановичу. Он являлся его владельцем вплоть до своей кончины в 1890 г. По сведениям за 1886 г., завод выработал 17,5 тыс. пудов соды и 1,2 тыс. пудов глауберовой соли. Соду покупали владельцы

стекольных заводов, кожевенных, овчинно-шубных, мыловаренных предприятий. Содовый завод был первым частным предприятием в Барнауле с паровым двигателем. Если в первые годы спрос на соду был невелик, то в последующем за ней приезжали владельцы многих промышленных предприятий от Урала до Восточной Сибири, а завод приобрел всероссийскую известность. М. Пранг был отмечен 8 дипломами различных промышленных выставок, на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве был награжден золотой медалью с формулировкой «За основание первого, до настоящего времени единственного действующего в России содового завода, а также за содействие, оказанное экспонентом к развитию в Сибири мыловаренного и других производств».

Завод охотничьей дрови Михаил Егорович Функ открыл в Барнауле в 1869 г. Предприятие было небольшим, первоначально изготовлялось по 10 пудов дрови в год, позже выпуск был увеличен до 3 тыс. пудов при 8 рабочих. Но продукция находила сбыт по всей Сибири.

В городах, прежде всего в Барнауле, а также в крупных селах получили развитие и некоторые другие производства – пивоваренное, кожевенное, свечное, мыловаренное, пимокатное, овчинно-шубное. Барнаул стал значительным центром производства овчинных шуб и полушубков, которые по всей Сибири были известны как «барнаулки». Причины успеха при сбыте заключались не только в хорошем качестве, но и черном цвете, что позволяло шубы носить долго. Это производство первоначально возникло в форме промысла, но затем появляются и относительно крупные заведения, которые по организации можно отнести в смешанной мануфактуре, т.е. рабочие работали как в стенах заведений, так работа раздавалась на дом кустарям и не только в городе, но и в ряде окрестных сел. Известный на Алтае исследователь и краевед С.И. Гуляев изобрел стойкую и дешевую черную краску для овчин, которой и пользовались барнаульские шубники. Все шубные и пимокатные заведения использовали только ручной труд без какой-либо механизации и отличались антисанитарией. Число занятых в этой группе предприятий в 90-х гг. XIX в. достигало 500 человек.

В Центральной России во второй половине XIX в. шел промышленный переворот, т.е. ведущие позиции к концу века заняла фабричная промышленность, а Петербург и Москва стали промышленными центрами европейского уровня. Сибирь и Алтай в том числе отставали по уровню развития промышленности, по набору отраслей и технической оснащенности. Здесь преобладали дофабричные формы промышленности, т.е. они были представлены кустарными и мануфактурными заведениями, а большая часть промышленной продукции завозилась из Европейской России.

Значительное количество всевозможных изделий давали сельские промыслы и городское ремесло. Кустарные промыслы в сельской местности больше были распространены в Барнаульском округе и меньше в остальных округах. Так, по сведениям за 1887 г., в Барнаульском округе ими занимались 4048 семей, в Бийском – 1765, в Кузнецком – 637, а всего в Алтайском горном округе – 6697 семей. Наиболее распространены были следующие промыслы: шерстобитно-пимокатный – 2030, щепной – 1501, смолокурно-дегтярный – 713 семей. Развитию промыслов в сельской местности, как и ремесла в городах, способствовали переселенцы из Европейской России. В сельской местности промыслы в основном обслуживали потребности местного населения. Наемный труд практически не применялся, т.е. работали своими семьями.

В городах было развито ремесло, как правило, чем крупнее был город, тем больше в нем было ремесленников и большее количество специальностей. По данным за 1883 г., в Барнауле насчитывалось 433 ремесленника 43 специальностей, в Бийске — 177, 26 специальностей. В Барнауле более всего было плотников — 84, кузнецов и молотобойцев — 48, извозчиков — 47, пимокатов — 22, столяров — 20, сапожников — 19. В Бийске по численности на первом месте шли кирпичники — 23, далее по убывающей — мясники и кузнецы — по 20, сапожники — 16. Среди часовщиков и ювелиров преобладали немецкие мастера, среди кондитеров, булочников и колбасников — также немцы, кроме того, поляки.

Рассмотрим, как шло формирование кадров в частной промышленности и каково было положение рабочих.

По численности выделялся отряд, занятый на золотых промыслах, если в 1865 г. на них трудилось около 500 рабочих, то в 1870-е гг. — от 1,5 до 2 тыс., в 1880-е гг. — от 2,5 до 3 тыс., в 1890-е гг. — от 3 до 4 тыс. человек.

Работа в золотопромышленности была сезонной, что не способствовало формированию постоянных кадров рабочих, особенно это относится к мелким приискам, но отдельные крупные прииски работали круглогодично. К крупным относились прииски с числом рабочих более 100 человек. В конце XIX в. наиболее крупными приисками с числом рабочих более 200 человек относились Пророко-Ильинский и Митрофановский компании «Алтайское золотопромышленное дело» и Анненский Данилова.

Источниками формирования кадров рабочих в золотопромышленности были крестьяне, мещане, а также ссыльнопоселенцы из Томской и Енисейской губерний. Анализ пофамильных списков рабочих за 1891 г. дал следующие показатели. По документам можно проследить происхождение 2647 рабочих, из них 976 человек (36,8 %) являлись крестьянами Томской губернии, 646 человек (24,7 %) — крестьянами и ссыльнопоселенцами из Енисейской губернии и 508 человек (19 %) — жителями городов прежде всего Бийска, Кузнецка, Мариинска. На приисках работали также 130 представителей коренных народов Сибири, т.е. алтайцев, шорцев, хакасов. Факт, что к концу XIX в. 70–90 % рабочих алтайской золотопромышленности имели стаж более пяти лет, свидетельствует, что шел процесс формирования постоянных кадров.

Формированию постоянных кадров в обрабатывающей промышленности мешала сезонность работ. Например, водяные мельницы, кирпичные и некоторые другие предприятия зимой не работали. Постоянные кадры формировались на предприятиях, работавших круглый год, в их числе были винокуренные, водочные, пивоваренные, содовый заводы.

Наиболее полное представление о численности населения, занятого в промышленности, дают материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. При обработке материалов переписи выделялись «самостоятельные», т.е. получающие зарплату, или владельцы и отдельно члены их семей. В промышленности Алтая было занято 31719 человек самостоятельных, а вместе с членами семей — 91562 человек, или 6,9 % от всего населения, кроме того, в группе «Пути сообщения и сношений» — 1443 человек, а вместе с членами семей — 4119 (0,3 %), в группе «Частная служба, прислуга, поденщики» — 19529 человек, а вместе с членами семей — 41703 человек (3,1 %). В эту группу частично попадали и временные рабочие промышленности и транспорта. В сельском хозяйстве Алтая было занято 85,8 % населения.

Во второй половине XIX в. особенно ценились специалисты, которых владельцы приглашали на должности управляющих и мастеров. Это относится, например, к му-

комолам, пивоварам, винокурам, механикам, стеклодувам и некоторым другим. Нередко специалистов приглашали не только из Центральной России, Урала, но и из-за рубежа. Мукомолами чаще всего были выходцы с Поволжья, где эта отрасль промышленности была наиболее развита. На водочном заводе Платоновых и Судовской мастером был немец Невлер, на их же стекольном заводе также мастером был немец, а первые мастера-стеклодувы были из Европейской России. На Иткульском винокуренном заводе управляющим с 1870 по 1910 г. был Василий Андреевич Гусаров, который прибыл из Петербургской губернии на предприятие в 1868 г., т.е. в первый же год его работы. Жил он в специально выстроенном на территории завода доме, который рабочие называли кремлем. Винокуром на этом же заводе был выходец из Прибалтики Вильгельм Фейэрабанд, который прибыл на завод в 1883 г. А в Барнауле мастерством славился пивовар чех Трнка. В промышленности Алтая в то время работали почти исключительно мужчины, женский труд применялся очень редко.

Положение рабочих было не просто тяжелым, по отдельным параметрам оно было тяжелейшим и унижительным, особенно это касается правового положения, жилищных условий и условий труда. Как-то скрашивало положение рабочих отсутствие в то время безработицы и относительно дешевые цены на продукты питания. А если рабочие были из местных, имели свои дома, то, как правило, у них были огороды, домашний скот и птица.

Внимание прессы во второй половины XIX в. особенно привлекала ситуация на золотых приисках, а подробную информацию по данному вопросу дает капитальный и ценнейший труд историка В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», который был издан в 1898 г. Автор побывал и на Алтае, на многих приисках, работал в Барнаульском архиве, так что в этом труде есть значительный материал, относящийся к Алтаю.

Рабочих на прииски нанимали, как правило, артелями. При найме им выдавали задаток (аванс), который они зачастую пропивали уже по дороге на прииск. Отдельные рабочие умудрялись пропивать и верхнюю одежду. Так что по прибытию на место работы им выдавалось обмундирование, за которое в конце сезона, разумеется, из заработка деньги высчитывались. В течение рабочего сезона артели выдавался провиант, поваром был кто-либо из членов артели или жена одного из рабочих. За отпущенные продукты в конце сезона деньги также высчитывались. Вычеты следовали за налагаемые штрафы, а они были распространенным явлением. Но настоящим бичом приисковой жизни было пьянство. В традиции была выдача каждому рабочему по воскресным и праздничным дням в 11 часов утра по стакану бесплатной водки, но рабочие чаще всего этим объемом не ограничивались и в течение дня заглядывали в приисковую лавку, где им в долг опять выдавали водку. Так что, когда осенью приходила пора расчета, зарплата называлась «додачей», то многим получать было уже нечего, более того, они становились должниками золотодобывающей компании и должны были к началу нового сезона вновь прибыть на прииск.

Приисковых рабочих отличали худоба, испытые лица, особый жаргон и фольклор. Условия труда были тяжелейшие, в сибирском климате, под открытым небом. Рабочий день начинался в пять часов утра и продолжался до восьми вечера, но если рабочий не справлялся с заданием – «уроком», то его могли заставить работать и после указанного срока. Особо поражают списки «негодных» рабочих, которые составляли приисковые управления и рассылали по всей губернии, таких

рабочих было рекомендовано не нанимать. В списке за 1884–1885 г., составленном горным исправником Томской губернии, было указано 719 фамилий, некоторые из характеристик звучат так: «грубиян», «по слабости», «буйный», «говорун», «опасный негодяй» и т. д.

Положение рабочих на частных предприятиях обрабатывающей промышленности во многом зависело от личности владельца, так как в Сибири, в отличие от Центральной России, еще не было фабрично-заводской инспекции, которая осуществляла надзор за техническим состоянием предприятий и разбирала конфликты между рабочими и владельцами. На отдельных предприятиях (винокуренный и стекольный заводы Платоновых, содовый завод Пранга) были даже открыты школы для детей рабочих, имелись аптечки, но это были исключения. На предприятиях обрабатывающей промышленности был длинный рабочий день, до 13–15 часов и небольшие зарплаты – 10–15 руб. в месяц в начале 90-х гг. XIX в. Тяжелые условия труда были на пимокатных, овчинно-шубных, кожевенных предприятиях, содовом заводе.

В целом можно говорить о процессе формирования рабочих кадров, который не был завершен, т. е. здесь не было значительной прослойки постоянных, мало квалифицированных и потомственных рабочих. К тому же большая часть из них трудилась в сельской местности, а не в городах. Все это, разумеется, влияло на облик рабочих, отсутствие в их среде какой-либо организованности, неумение бороться за свои права.

7.3. Развитие торговли. Купечество

После отмены крепостного права в развитии торговли на Алтае начинается новый этап. Наблюдался рост как ярмарочной, так и стационарной торговли. Этот рост определялся увеличением численности населения, развитием товарного сельского хозяйства, спросом на зерно и прочую сельскохозяйственную продукцию в более северных и восточных районах Сибири и на Урале.

Объем и направления товарных потоков зависели от состояния путей сообщения. Начиная с середины XIX в. в Европейской России шло массовое строительство железных дорог, которое влияло на формирование рынка. В Сибири первая железнодорожная линия появилась только в 1885 г., она связала Тюмень и Екатеринбург. Но до сооружения в 90-х гг. XIX в. Сибирской железной дороги в перевозках грузов главную роль играли гужевые дороги и водный транспорт. Зимой грузы перевозились по трактам, а летом, кроме того, и водными путями. Барнаул был соединен трактами с Томском, Бийском, Змеиногорском, Павловском, Кузнецком. В топонимике Барнаула до настоящего времени сохранились названия улиц «Павловский тракт», «Змеиногорский тракт». Через Томск проходил главный для Сибири Московский (или Московско-Сибирский) тракт. Гужевые грузы с Алтая также перевозились по этой главной для Сибири дороге.

Главной водной артерией для Западной Сибири была река Обь. Во второй половине XIX в. здесь интенсивно развивалось пароходство. Если в 1860 г. в Обь-Иртышском бассейне насчитывалось только 10 пароходов, то в 1894 г. уже 102 парохода и 323 буксируемых судна. Любопытно, что зерно перевозилось и на больших

гребных лодках, движимых мускульной силой 20–30 гребцов. В 60–70-х гг. перевозки осуществляли преимущественно тюменские и томские пароходные компании. В 1880-х гг. барнаульский предприниматель Михаил Егорович Функ в компании с купцом из Тары Тобольской губернии Щербаковым приобрел пароход «Барнаул» мощностью в 80 л.с., в 1883 г. — шхуну «Бийск» (60 л.с.), а в 1889 г. — пароход «Заметный» (240 л.с.), в то время самый мощный на Оби. В конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. крупное пароходство создает бийский купец А. Ф. Морозов, его пароходы носили незатейливые названия — «Первый», «Второй», «Третий», «Четвертый». В 1893 г. в Барнауле было основано одно из крупнейших на Оби пароходств — Мельниковых. Основателем был Викентий Иванович Мельников, а после его смерти в 1898 г. владелицей стала его вдова Евдокия Ивановна. Она сделала ставку на мощные двухпалубные пароходы. В Затоне были созданы собственные ремонтные мастерские, где суда зимовали и ремонтировались. В 1894 г. было создано еще одно крупное пароходство купца Евгения Васильевича Ельдештейна. Водным путем грузы с пристаней Алтая следовали в Томск, Тюмень и даже в Тобольск, а главными по весу грузами были зерно и соль. Ввозили преимущественно промышленные товары, в том числе закупленные на Ирбитской ярмарке.

Если в Центральной России во второй половине XIX в. роль ярмарок стала сокращаться, то в Сибири и на Алтае в том числе — росла. Наиболее крупные ярмарки размещались в сельской местности. По сведениям за 1880 г., крупнейшими ярмарками с привозом товаров на сумму свыше 100 тыс. руб. (в скобках указаны суммы продаж) были: в Барнаульском округе Никольская в Сузунском заводе — 254,5 тыс. руб. (105,7 тыс. руб.), Введенская в Крутишинском — 161,3 тыс. руб. (56,3 тыс.); в Бийском округе — Филипповская в Смоленском — 221,4 тыс. руб. (200,1 тыс. руб.), Михайловская в станице Антоньевской — 119 тыс. руб. (29,7 тыс. руб.), Рождественская в Змеиногорском — 109 тыс. руб. (54 тыс. руб.). Обороты городских ярмарок были скромнее, в Барнауле привоз и продажа товаров на Крестовоздвиженскую ярмарку составляли по 20 тыс. руб., на Введенскую — по 4,5 тыс. руб., в Бийске — на Екатерининскую привоз составил 33,6 тыс. руб., продажа — 24,3 тыс. руб.

Почти все ярмарки проходили зимою. Крестьяне привозили на них свою продукцию и покупали необходимые в хозяйстве промышленные изделия. Об ассортименте товаров на ярмарках Алтая писал П. А. Голубев: «На ярмарки привозят товары: мануфактурные, жировые, колониальные, бакалейные, москательные, керосин, лампы, изделия из чугуна и железа, кожевенные товары, съестные припасы, лошади и пр.; ближайшее местное население привозит на продажу сало, кожи, масло, воск, мясо, овчины, пушнину, шерсть, хлеб, разного рода скот, кедровые орехи, рыбу, овощи и, наконец, изделия своих кустарных промыслов: пимы, шубы, сельскохозяйственные орудия, гончарные изделия, дуги, сани, телеги, колеса, деревянную посуду и пр.».

Ярмарки Алтая были частью единой общероссийской ярмарочной сети — «с цепочкой взаимосвязанных ярмарок». Скупленные на алтайских ярмарках продукты в основном отправлялись в западном направлении — в Ирбит, а оттуда с запада на восток отправлялись промышленные изделия.

Одновременно росла роль городов и крупных торговых сел как центров торговли. Главными торговыми центрами на Алтае являлись Барнаул и Бийск, но с конца XIX в. в значительные торговые центры превращались также села Камень и Усть-Чарышская Пристань. Такие показатели, как количество купеческих капиталов

и торговых домов, а также торговых заведений, хорошо отражают рост торговой функции городов и ряда сел.

В 1865 г. в Барнауле было объявлено купеческих капиталов 1-й гильдии — один, 2-й гильдии — 39, свидетельств на мелочный торг — 170, торгующих мещан было 68, частных лавок — 97, городских лавок — 22. В Бийске в этом же году насчитывалось капиталов 1-й гильдии — 2, 2-й гильдии — 60, свидетельств на мелочный торг — 64, торгующих мещан было 38, частных лавок — 19.

Через 10 лет, в 1875 г., несколько возросло количество купеческих капиталов в Барнауле, но уменьшилось в Бийске. В указанном году в Барнауле было объявлено купеческих капиталов 1-й гильдии — три, 2-й гильдии — 57, свидетельств на мелочный торг — 110, на развозной и разносной торг — 48, всего — 218; в Бийске — капиталов 1-й гильдии — один, 2-й гильдии — 42, свидетельств на мелочный торг — 152, на развозной и разносной торг — 28, всего — 249, в том числе 26 «иностранным гостям».

К концу XIX в. (1898 г.) по оборотам торговли в Западной Сибири Барнаул вышел на третье место после Томска и Тюмени, его обороты были определены в сумму 6,5 млн руб., Бийска — от 3 до 4 млн руб., Камня — 700 тыс. руб., Усть-Чарышской Пристани — 600 тыс. руб.

В вывозной торговле с Алтая первое место занимал хлеб. В 70-х гг. XIX в. «излишки» зерна составляли по Алтайскому округу 4 млн пуд., в 1890–1894 гг. — уже около 12 млн пудов. Особенно возросла хлебная торговля в начале 1890-х гг., что было связано, с одной стороны, с наличием излишков хлеба и относительно низкими ценами на него, а с другой стороны, его нехваткой и высокими ценами на Урале и в Поволжье. Цены на пшеницу в Барнауле и вообще на Алтае составляли 20–30 коп. за пуд, в Тюмени — 1 руб. — 1 руб. 50 коп., в Екатеринбурге — 3 руб., а в Поволжье — до 6 руб. Предпринимательское сообщество пришло в движение, ибо велик был соблазн заработать на такой разнице цен. Не только алтайские, но и томские, тюменские, уральские пароходчики, торговцы срочно приобретали новые пароходы и баржи для вывоза алтайского зерна. Один из современников (чиновник Е. П. Клевакин) так описывал «хлебный бум» в Барнауле: «...начался спрос на хлеб, который скупали здесь у крестьян сначала местные, немногие коммерсанты и отправляли в Томск и Тюмень. Голод в Тобольской губернии, на Урале и в России развил хлебную торговлю сильно. Наехало много иногородних скупщиков. Хлеб стали скупать многие. Складывать негде было. Были заполнены хлебом все имеющиеся амбары и завозни, кои приспособили к ссыпке хлеба, но всего этого было недостаточно. Начали строить громадные деревянные двухэтажные амбары-башни. Таких амбаров было построено десятка полтора в городе...».

Хлеб скупали и на других пристанях Алтая. В навигацию 1892 г. из Барнаула водным путем было вывезено 2,5 млн пудов, из города Колывани и с Бердского — по одному миллиону пудов, Усть-Чарышской Пристани — 900 тыс. пудов, Бийска — 500 тыс. пудов, Камня — 400 тыс. пудов.

Хорошие перспективы развития как торгового центра были у Камня. Каменские предприниматели писали о географическом положении Камня: «Здесь, где стоит Камень, река Обь врезывается в самую хлебородную часть уезда, и в Камень, как в центр, радиусами направляются пути, по которым движутся обозы хлеба, масла, кож и других продуктов местного хозяйства». Один из современников определил 1887 г. как дату начала хлебной торговли в Камне: «С этого года в Камне начала развиваться хлебная торговля. Приехали с Урала спекулянты закупать хлеб в Кам-

не... Камень рос не по дням, а по часам. В этом же году, по инициативе Владимира Александровича Горохова (купец – *ред.*) и по подписке всех торговых фирм, в Камне открылись почта и телеграф, что значительно оживило жизнь в Камне.

Подъем хлебной торговли в 1890-е гг. оказался явлением не временным, и после стабилизации обстановки на хлебном рынке России на Алтае постоянно скупали зерно для вывоза в другие регионы. О системе скупки хлеба на Алтае пишет исследователь Е.А. Носова: «При сбыте зерна выстраивалась определенная цепочка. Большинство крестьян продавали излишки прямо в своих деревнях или в близлежащих населенных пунктах. Оттуда скупщики переправляли сформированные партии хлеба в более крупные сельские и городские торговые центры, лежащие в направлении возможного сбыта. Там действовали скупщики более крупного ранга, являющиеся одновременно пароходоладельцами. Они переправляли груз по месту реального сбыта».

Из числа таких скупщиков хлеба вышли многие купцы, в их числе А.И. Винокуров из Тюменцева, Корольковы из Верх-Ануйского и др. Хлебной торговлей занимались все владельцы пароходов и крупчатных мельниц (Федуловы, Платоновы, Грязновы, В.А. Горохов и др.), а также тобольские купцы Плотниковы, Корниловы, тюменская компания «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли».

В период действия акцизной системы (в Западной Сибири с 1863 по 1902г.) весьма прибыльной была торговля спиртными напитками. Акцизная реформа открывала доступ к предпринимательству в данной сфере представителям любых сословий, но, как показала практика, наиболее крупными торговцами в данной сфере были владельцы винокуренных заводов. На Алтае наиболее значительным центром торговли спиртными напитками стал Барнаул. В 1871г. здесь имелось 25 питейных заведений, 14 ренсковых погребов, 2 постоянных двора, 17 харчевен, 2 штофные лавки, в том же году некий Средченко открыл «ресторацию».

Наиболее крупными предпринимателями в данной сфере, по сведениям за 1890г., оказались: И.К. Платонов (совладелец Иткульского винокуренного и Барнаульского водочного заводов), у него были в городе оптовый склад спирта, шесть питейных заведений и ренсковый погреб с оборотами в 234 тыс. руб.; купцы братья Ерофеевы (владельцы винокуренного завода в городе Каинске Томской губернии), у них был оптовый склад вина и спирта и четыре питейных заведения с оборотами 94 тыс. руб., и братья Ворсины, владевшие в городе оптовым складом, пятью питейными заведениями и ренсковым погребом.

Но торговля не ограничивалась сбытом продукции только местных сибирских заводов, на прилавках магазинов были российские и зарубежные спиртные напитки, в частности, их поставки осуществляла известная в стране фирма «Братья Елисеевы» из Петербурга, их бывшие магазины на Невском проспекте в Петербурге и Тверской улице в Москве до настоящего времени поражают своими роскошными интерьерами.

Но наиболее прибыльной отраслью торговли в тот период в Сибири была «мануфактурная», т.е. текстилем и текстильными изделиями. Объяснить это можно очень слабым развитием в Сибири своего текстильного производства. Было несколько небольших суконных заведений, на Алтае их не было вообще. Не было в регионе хлопчатобумажных фабрик. Между тем спрос на текстиль рос в городах, сельской местности и зарубежной Азии. В 1885г. на Алтае было учтено всего 678 торговых заведений с оборотами 5766 тыс. руб., в том числе торгующих текстилем – 307 (45,3%) с оборотами 3025 тыс. руб. (52,4%) и прибылью в 322 тыс. руб. (56,3%).

Ввозился преимущественно текстиль фабрик Центрального промышленного района и прежде всего Москвы. Купцы-оптовики брали его оптом на Ирбитской и Нижегородской ярмарках. К таким оптовикам на Алтае относились барнаульские купцы Суховы, Морозовы, бийские купцы Морозовы, Сычевы, Фирсовы, колыванские Жернаковы, в Усть-Чарышской Пристанн — Шестаковы и др.

Бийские купцы также вели торговлю в Горном Алтае и Монголии. С зарубежной Азией (Монголией, которая тогда входила в Китай) торговля шла через Бийск и Кош-Агач. Спрос на русские товары в Монголии, а на монгольское сырье в России был велик, но на пути развития этой торговли встречались большие сложности. С одной стороны, подписанный в 1860 г. Пекинский договор между Россией и Китаем позволял российским подданным вести в Китае торговлю, но, с другой стороны, китайские чиновники и торговцы чинили всевозможные препятствия русским купцам в Монголии, видя в них конкурентов китайским торговцам. Так, русским купцам не разрешали в Монголии строить собственные дома и лавки.

Сам чуйский торговый путь был очень опасен для караванов. Бийский окружной полицейский исправник Е. Замятин в 1869 г. описывал его так: «Чтобы иметь понятие о современном пути на Кош-Агач, нужно видеть его в натуре, каждое же описание может показаться невероятным, как например, на Чуйских бомах есть места, где выючные и верховые лошади проходят по скале, отвесно упadaющей к реке. Пробираясь по неровной каменистой тропинке, лошади прыгают с камня на камень от 1 до 3 четвертей вышиною, по временам ударяясь боком о скалу, поднимающуюся вверх от тропинки... Только особая предприимчивость и желание получить хорошую прибыль на небольшой капитал побуждает торговцев предпринимать поездки на Чу по существующим ныне путям...». Только в 1902 г. тропа была расширена и стала колесной дорогой.

Тем не менее обороты русско-монгольской торговли росли. В денежном выражении (в тыс. руб.) ввоз в Монголию в 1861 г. составлял 147,0, в 1864 г. — 232,5, в 1865 г. — 325,3, в 1869 г. превысил 400,0, в 1880 г. — 500,0, а к концу 1880-х гг. приблизился к одному миллиону рублей. Вывоз из Монголии в Россию по Чуйскому пути имел примерно такие же показатели. Русские купцы везли в Монголию в основном промышленные товары: текстиль, медные и железные изделия, галантерейные и бакалейные товары. Среди ввозимых в Россию товаров на первом месте по стоимости шли шкурки сурка, кроме того, ввозили шерсть, кожи и прочее сырье. Шкурки сурка бийские купцы везли на Ирбитскую ярмарку, где их покупали преимущественно немецкие фирмы. В 1860-х гг. закупалось до 300 тыс. шкурок сурка. Русские купцы платили монголам за одну шкурку по 2–5 коп., но в Ирбите продавали по 40 коп. Конечно, такая разница цен показывает, что подобные торговые операции были чрезвычайно выгодны, этим можно объяснить, почему торговцы шли на риск, передвигаясь по столь необустроенной и опасной Чуйской тропе.

Писатель В.Я. Шишков писал: «Весь этот тракт серебром можно вымостить да золотом, что загребли — захапали купцы у алтайцев и монголов.

Весь бы тракт слезами залить, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их русский неистовый, алчный хищник».

Торговля в коммерческой деятельности алтайских предпринимателей играла по сравнению с промышленностью ведущую роль. По сведениям за 1889 г., в трех алтайских округах (Барнаульском, Бийском и Кузнецком) было учтено 867 торговых

предприятий с оборотами 4214,4 тыс. руб. и прибылью в 320,8 тыс. руб., в то время как в промышленности — 33 предприятия с оборотами в 311,3 тыс. руб. и прибылью в 20,1 тыс. руб. (здесь без учета предприятий добывающей отрасли).

Так что формирование местной буржуазии шло на данном этапе прежде всего как торговой, а не промышленной. Владельцы промышленных заведений, как правило, одновременно занимались и торговлей. К примеру, наиболее крупные предприниматели пореформенного Алтая Платоновы имели несколько промышленных предприятий (винокурный, водочный, стекольный заводы, мельницу, золотые прииски), но одновременно были крупными торговцами спиртными напитками, зерном, мукой, стеклом.

Большую часть предпринимателей составляли в России гильдейские купцы. До 1863 г. было три гильдии, с указанной даты — две. В 60–70-х гг. XIX в. на Алтае в предпринимательстве также играли значительную роль отставные чиновники и горные инженеры (К.П. Платонов, Н.А. Давидович-Нащинский, С. Цветиков и др.).

Численность купечества в 1881 г. составляла 653 человек, в том числе в городах (Барнауле, Бийске, Колывани и Кузнецке) — 429 человек (65,7%), в сельской местности — 224 человек (34,3%). Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. показатели выросли: в городах — 525 человек (56,3%), в сельской местности — 407 человек (43,7%). А всего в сфере торговли, по данным той же переписи, было занято 6282 человека самостоятельного населения, а вместе с членами семей — 19671 человек, в процентном отношении это 1,6 для всей территории и 14,3 в городах.

Большая часть городского купечества проживала в Барнауле и Бийске, но обращает на себя внимание значительная доля сельского купечества, что может считаться особенностью Алтая. Сельские купцы получали гильдейские свидетельства в городах и формально получали статус барнаульских, бийских и прочих купцов, но проживали в своих селах. Практически в каждом из крупных сел Алтая имелись свои купцы, выходцы из крестьян. Они богатели прежде всего на хлебной торговле, но со временем начинали торговать промышленными изделиями, а некоторые заводи и промышленные заведения, чаще всего мельницы. Наиболее значимой фигурой из этой категории был А.И. Винокуров, выходец из села Тюменцева, который на рубеже 80–90-х гг. XIX в. переехал в село Камень, в Тюменцево остался один из его сыновей — Александр. В Камне А.И. Винокуров стал барнаульским купцом 1-й гильдии, но в Барнауле он коммерческих дел вообще не вел, его предпринимательская деятельность протекала в Камне и селах Барнаульского уезда, а в начале XX в. и в Новониколаевске. По оборотам торговли торговый дом Винокуровых на Алтае в начале XX в. вышел на первое место. Камень в конце 80-х — начале 90-х гг. привлек внимание и других купцов, в 1887 г. переехал сюда на жительство барнаульский купец А.С. Хомутов, в 1892 г. томский купец Ф.А. Чайгин.

Крестьянское происхождение имели и многие городские купцы, впрочем, это было характерно и для купечества всей России. Так, из крестьян Владимирской губернии происходили барнаульские купцы Щеголевы, Морозовы, бийские купцы Осиповы, Морозовы и т.д. Еще одним источником формирования буржуазии было мещанство. Из вологодских мещан была пароходчица Е.И. Мельникова. По национальному составу на Алтае подавляющее большинство предпринимателей составляли русские и только единицы относились к другим национальностям, в их числе были немцы (А. Брокмиллер, Пранги, М.Е. Функ) и поляк И.И. Андроновский.

В предпринимательской деятельности многих предпринимателей нетрудно обнаружить приемы первоначального накопления капиталов. Это относится к «чуйцам», бийским купцам, которые торговали в Монголии и Горном Алтае. Да и в русской деревне, на тех же ярмарках, торговцы зачастую непомерно завышали цены на привозимые ими промышленные товары и стремились подешевле закупить хлеб, скот и прочую продукцию. В условиях отсутствия до 1894 г. в крае банковской системы, по некоторым данным, процветало ростовщичество. Первое банковское отделение на Алтае было открыто только в 1894 г., это контора Сибирского торгового банка в Барнауле. Решение правления банка открыть отделение в Барнауле было вызвано быстрым развитием хлебной торговли. А до указанной даты у местных предпринимателей существовала проблема с получением кредитов, и можно предположить, что они были вынуждены обращаться в банки других городов (Томска, например) или к ростовщикам.

Разумеется, документы ростовщиков не отложились в архивах, но об этом явлении писали газеты того времени. В «Сибирской газете», которая издавалась в Томске, в 1886 г. была помещена корреспонденция из Барнаула о том, что в городе три человека занимаются ростовщичеством, они давали ссуды под 10–15% в месяц.

Таким образом, если во второй половине XIX в. в Центральной России быстро шло формирование промышленной буржуазии, то на Алтае ее можно отнести к торговой, и только в деятельности небольшой группы промышленность играла главную роль (Платоновы, Судовская, Пранги, Функ и несколько других). Основная часть предпринимателей состояла из гильдейских купцов, действовали предприниматели больше всего самостоятельно или в рамках семейных торговых домов. Более современная форма организации капитала — акционерные общества здесь еще не создавались.

Глава 8

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60–90-е гг. XIX в.)

8.1. Протестные движения рабочих и крестьян

В 60-е гг. XIX в. причины и формы рабочего и крестьянского движения на Алтае были близки. Бывшие мастеровые кабинетских заводов и бывшие приписные крестьяне имели много причин для недовольства последствиями реформы 1861 г. Мастеровых особенно волновал вопрос о наделении их покосами. 42 % мастеровых и урочников вообще не получили наделов, в их числе все мастеровые Барнаульского сереброплавильного завода. Сам же земельный надел составлял не более одной десятины на ревизскую душу, за него следовало платить по 40 коп. в год. Еще одной проблемой для части мастеровых (12,3 тыс. из 23 тыс. человек) стала приписка их к крестьянским обществам, но без предоставления земельного надела, что обрекло их на нищету. Сам процесс освобождения мастеровых и приписных крестьян проходил в течение нескольких лет, что также вело к конфликтам. Мастеровых освободили в течение 1861–1863 гг., а приписных крестьян – 1862–1864 гг. Крестьяне были недовольны попытками администрации уменьшить их земельные наделы, высоким шестирублевым оброком, многочисленными натуральными повинностями, например, дорожной, опалкой лесов и другими, а также попытками заставить их отрабатывать старые повинности и долги, оставшиеся от дореформенного периода.

К тому же администрация в первые послереформенные годы прибегала к незаконным мерам, принуждая бывших приписных крестьян работать на нужды заводов. В этой связи ссыльный народник Н.М. Зобнин писал: «В 1864 году Барнаульская заводская контора говорит, что «нуждаясь в рабочих руках, она охотно бы могла принимать в заводскую работу крестьян», посылаемых начальством для заработка недоимок по подушным сборам; но при этом контора находила нужным заключать присылаемых крестьян в арестантские роты, «так как иначе ничем не гарантируется своевременная явка их на работы».

В 1860-е гг. нередко мастеровые кабинетских предприятий и бывшие приписные крестьяне выступали совместно, выдвигая единые требования, да и формы протеста у них были идентичны – прошения, жалобы, у мастеровых – еще побег с предприятий. В феврале 1865 г. волнения охватили около 700 крестьян и мастеровых.

вых с. Салаирского. Они со второй половины 1863 г. не платили подати, а в феврале 1865 г. передали «претензию» губернатору. Это им не помогло, а зачинщиков беспорядков наказали. В начале 1865 г. 700 рабочих Зырянского рудника требовали снизить цены на провиант. 14 мая того же года 70 мастеровых Черепановского рудника требовали освободить 5 своих товарищей, которые были задержаны за призывы не платить подати.

Летом 1865 г. несколько волнений были связаны с недовольством малым количеством покосных земель или невыделением их вовсе. Так было на Колыванской шлифовальной фабрике, в Зырянской и Усть-Каменогорской волостях, Павловском заводе, с. Салаирском.

Одной из форм протеста стали поджоги домов чиновников и купцов. Впрочем, такая форма протеста широко была распространена и в Центральной России, где часто жгли помещичьи усадьбы. На Алтае самые большие пожары произошли в августе-сентябре 1864 г. в Барнауле, когда сгорело более 50 жилых домов чиновников и купцов, в том числе дома К.П. Платонова, Пранга, Сохинского, Давидовича, купчихи П.И. Щеголевой. Дома поджигали по ночам. Многие напуганные горожане перебрались на дачи и в деревни. Следственная комиссия пришла к выводу, что поджоги совершали ссыльные поляки – участники восстания 1863 г. Были названы фамилии Мокроницкого, Сокольника, Быстройновского, Войникаса и местных мастеровых Юраева, Аксентьева, Чернегина. Впрочем, вина ссыльных поляков так и не была доказана, но их из Барнаула отбывать ссылку перевели в другие места. В Барнауле поджоги повторились весной 1870 г. Происходили они и в других местах горного округа, например, в Сузуне в августе 1870 г., где вовсе не было ссыльных поляков, а это наводит на мысль, что поджоги совершали все же мастеровые.

Летом 1868 г. поводом волнений стал приезд в Томскую губернию великого князя Владимира Александровича. Они охватили не менее тысячи человек населения Гурьевского завода, сел Салаирского и Бачатского. Протестующие подготовили прошение князю со 103 подписями, жалуясь на высокие подати, отказывались выполнять повинности. Известны фамилии инициаторов данного протеста: это Е. Вяткин, М. Кротов, Х. Тонышев. Данное прошение, как и многие ему подобные, осталось без последствий. Зачинщики были арестованы, правда, позже по распоряжению императора освобождены.

По числу участников наиболее крупным стало Ирменское восстание. В нем приняли участие 25 тыс. бывших приписных крестьян и 500 мастеровых Барнаульского округа, которые отказались платить налоги, выполнять повинности и требовали вернуть им уже уплаченные налоги. События произошли в сентябре – конце ноября 1869 г. и охватили волости Бердскую, Ординскую, Легостаевскую, Чингинскую, Боровлянскую, Тальменскую, а центром беспорядков являлось с. Ирменское. Поводом волнений стало знакомство жителей с Манифестом МВД о льготах горнозаводскому населению, который был опубликован в «Томских губернских ведомостях» 14 июня 1868 г. Из числа крестьян и мастеровых нашлись толкователи манифеста – И. Макаров, Е. Плотников, П. Кузнецов, Л. Шабанов, мещанин Л. Видеров. Разумеется, злополучный номер газеты был только поводом, причины крылись в недовольстве высокими платежами и тяжелыми повинностями. Протестующие послали 21 октября 1869 г. телеграмму министру внутренних дел с жалобой на местное начальство. В с. Ирменском состоялся сход мастеровых (300 человек), по его решению были арестованы местные чиновники, народ собрался идти по-

ходом на волостное с. Бердское. Беспорядки были прекращены после прибытия воинского отряда (260 человек) из Барнаула, 38 человек были арестованы и отданы под суд, один человек был убит, двое ранены, 300 человек были отправлены в Восточную Сибирь на каторгу и поселение.

В 1870-е гг. наблюдается сокращение количества выступлений рабочих кабинетских предприятий и бывших приписных крестьян. Если за 1860-е гг. в Алтайском горном округе был выявлен историками 51 случай крестьянских волнений, то в 1870-е гг. только 9. Да и показатели 60-х гг. XIX в. при сопоставлении с крестьянским движением в Центральной России выглядят незначительными. В Алтайском горном округе за весь 1861 г. произошло 10 случаев крестьянских волнений, а по России в целом только с января по май того же года – 1370, при этом в 718 случаях вызывались войска. В Европейской России главная причина крестьянских волнений крылась в острой нехватке земель у крестьян, уменьшении наделов в результате проведения реформы 1861 г., особенностях выкупной операции. Крестьянство Алтая находилось в земельном отношении в значительно лучшем положении. Произошла определенная стабилизация и в положении бывших мастеровых кабинетских заводов и рудников, те, которые оставались на них работать, получали существенные льготы, одновременно росла зарплата.

В 70–80-е гг. XIX в. главную роль в рабочем движении Алтая, да и всей Сибири, играли рабочие горной промышленности. При этом уменьшалась доля пассивных форм движения (побеги, жалобы, прошения) и росла доля стачек, наиболее характерной формы именно для рабочего движения. Рабочие кабинетских предприятий (Барнаульского, Павловского, Сузунского заводов, Кольванской шлифовальной фабрики) неоднократно требовали повышения зарплаты (1876 г., 1881 г.). Сплоченность в борьбе за свои права проявляли рабочие Зырянского рудника. 18 июня 1882 г. они направили жалобу министру Двора на управляющего рудником, летом 1884 г. около месяца 220 рабочих сопротивлялись введению сдельной формы оплаты труда вместо поденной и опять же подали жалобу министру Двора, что, впрочем, осталось без последствий. В октябре 1888 г. рабочие Зырянского рудника бастовали не менее семи дней и подали жалобу на управляющего. 23 мая 1890 г. рабочие этого же рудника вновь жаловались администрации округа на низкие заработки и высокие цены.

В 80-е и 90-е гг. XIX в. все чаще протестовали против тяжелого и унижительного в правовом отношении положения рабочие частных золотых промыслов. Чаще всего они возмущались тем, что их заставляли работать сверхурочно и в любую погоду, штрафовали, грубо обращались. Особую роль во взаимоотношениях рабочих и приискового начальства играла водка. Ее завозили на золотые прииски в больших объемах. Так, в 1892 г. на 59 приисков Алтайского горного округа, где было занято 2183 рабочих мужчин, 267 женщин, 198 служащих, завезли на сезон 3248 ведер спирта, и только 18 ведер к концу сезона осталось не реализовано. По воскресеньям и в праздники каждому рабочему в приисковой лавке выдавался бесплатно один стакан разведенного до крепости в 40 градусов спирта. Но таким объемом рабочие, как правило, не ограничивались и в течение дня неоднократно заходили в лавку за новыми порциями, конечно, уже не бесплатными. Часто водку рабочим выдавали как вознаграждение за сверхурочные работы или в случае успешной работы. Наказывали их, напротив, невыдачей водки, что и становилось причиной конфликтов, даже стачек.

Так, 8 мая 1887 г. на Чесноковском прииске компании Ненашева и Чернядевой произошли волнения, рабочие требовали выдачи водки. Известны также стачки 25 сентября 1887 г. на Магызинском прииске компании «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» и 27 июня 1886 г. (200 человек) на строительстве бийской тюрьмы.

В ряде случаев рабочие проявляли солидарность при увольнении своих товарищей, требуя восстановить их на работе. Так было 25 сентября 1887 г. на Магызинском прииске указанной выше компании (при этом рабочие избили управляющего) и 6 декабря 1892 г. на прииске Неожиданном той же компании.

Рукоприкладство с обеих сторон было частым явлением. Со стороны приисковой администрации обычны были грубость и рукоприкладство, но и контингент рабочих на приисках отчасти был маргинальным, в их среде много было ссыльнопоселенцев, в том числе из уголовников, и типов, которых на приисках называли «отпетыми».

Обращает на себя внимание стачка рабочих на кабинетском прииске «Новый», по речке Быстрой Бийского округа, с 13 февраля по 4 марта 1894 г. тем, что там проявились элементы организованности, а наказаны были не только рабочие, но и представитель приисковой администрации. 99 рабочих из 105 забастовали, требуя увеличить расценки, отдыха по воскресеньям, вежливого обращения, выдачи расчетных книжек, увольнения служащего Кавелина, которого они обвиняли в том, что он обращался с ними грубо, заставил работать 13 февраля, в воскресенье, и уже четыре раза лишал их винной порции. 10 руководителей стачки были заключены в барнаульскую тюрьму, но 14 ноября 1894 г. освобождены по амнистии по случаю коронавания императора Николая II. Основные требования рабочих были удовлетворены, Кавелин был уволен, 69 рабочих при этом были рассчитаны. Но в предписании главного начальника Алтайского округа от 30 мая 1894 г. заведующему приисками и разведками золота Ярославцеву указывалось на то, что беспорядки на Быстринском прииске были «последствием неправильных действий приисковой администрации».

На нескольких кабинетских предприятиях рабочими были созданы хозяйственные организации, которые должны были облегчить их материальное положение, это ссудно-сберегательные товарищества и кооперативы. В 1876 г. на Гурьевском металлургическом заводе было учреждено ссудно-сберегательное товарищество, его членами стали 95 человек. На следующий год было учреждено подобное же товарищество в с. Салаир (267 человек). С 1888 по 1897 г. на Гурьевском заводе действовала ссудно-сберегательная касса рабочих и служащих, правда, число ее членов было невелико, в 1888 г. — 24, в 1893 г. — 34 человека.

В целом же рабочее движение на Алтае в пореформенный период было стихийным, экономическим по своей направленности, что объяснялось самим профессиональным составом и размещением большей части рабочих за пределами городов.

Мечты русских крестьян середины и второй половины XIX в. очень точно определили революционеры того времени, дав названия двум организациям в 60-х и 70-х гг. — «Земля и воля». Требования земли и воли были особенно понятны бывшим помещичьим крестьянам Центральной России. В Сибири ситуация с землей, да и в правовом отношении, была для крестьян более благоприятной, но и здесь, особенно на кабинетских землях Алтая, причин для недовольства у крестьян было достаточно.

В 80–90-х гг. XIX в. крестьянское движение на Алтае не отличалось размахом. Всего с 1880 по 1894 г. выявлено 50 фактов крестьянского движения, или в среднем

по 3,3 случая в год. Но можно предположить, что статистика выявленных фактов крестьянского движения неполная.

Крестьяне были недовольны необходимостью платить ежегодно шестирублевый оброк и выполнять натуральные повинности. Остро стоял лесной вопрос. Лес был кабинетским, и в случае необходимости заготовки леса для строительства или даже дров для отопления жилища необходимо было приобретать специальные билеты. Не случайно самовольные лесные порубки стали на Алтае одной из самых распространенных форм протестного движения. Приведем несколько примеров крестьянских волнений. В начале 1882 г. крестьяне деревни Шипуново и поселка Макарьевского отказались дать взятку полесовщику за выдачу годовых порубных билетов, что привело к конфликту. В 1885 г. 38 крестьян дер. Лушниковой Боровлянской волости самовольно вырубил деревья на сумму в 103 руб. В 1884 г. жители деревни Верх-Дятлово Барнаульского округа оказали сопротивление волостному старшине, который пытался описать имущество крестьянина Н. Токарева в уплату за долги. В 1870-е гг. в Сроstenской волости Бийского округа по реке Лебедь отмечены самовольные захваты крестьянами кабинетских земель, и там же были конфликты старожилов и переселенцев из-за земли. Жалобы переселенцев на старожилов и, напротив, старожилов на переселенцев стали обычным явлением.

Старожилы жаловались на переселенцев, что они самовольно захватывают земли, отказываются участвовать в раскладке повинностей, переселенцы жаловались на старожилов, что те самовольно вводят всевозможные сборы, например за каждую голову скота, и вообще притесняют и эксплуатируют переселенцев.

Одной из форм протеста было трезвенное движение. Так, в 1883 г. подобные факты были отмечены в Бийском округе. Крестьяне села Плешаковского отказались дать приговор на открытие кабака, а жители деревни Жерновки разгромили уже открытый кабак, так как местное общество не давало разрешения на его открытие.

8.2. Общественно-политическая жизнь в городах

В пореформенный период общественная жизнь в алтайских городах текла весьма вяло. Даже административный центр горного округа Барнаул был небольшим по числу жителей город (в 1897 г. – 29 тыс. человек), другие города были еще меньше. Здесь не было вузов, очень незначителен слой интеллигенции и промышленных рабочих. К тому же Алтай, в отличие от других регионов Сибири, не был местом массовой ссылки.

Как известно, во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Барнаул считался одним из культурных центров Сибири, что определялось проживанием здесь горных инженеров и чиновников, открытием учреждений, которые обслуживали нужды горного производства (техническая библиотека, музей, метеостанция, горное училище и др.). Как отметил доктор О. Финш, который вместе с А. Бремом посетил Алтай в 1876 г., «Барнаул представляет главный центр умственной жизни Сибири, что весьма понятно при довольно значительном числе живущих тут горных чиновников, большая часть которых получила образование в России». Но кризис кабинетской горной промышленности во второй половине XIX в. привел к отъезду многих специалистов в Европейскую Россию, сокращение финансирования учреждений культуры.

Общественная жизнь в Барнауле, Бийске и прочих городах все больше зависела от активности немногочисленной интеллигенции и купечества.

В 1880–1890-х гг. было создано несколько общественных организаций. Это благотворительные общества в Змеиногорске (1887 г.), Бийске (1890 г.), Барнауле (1894 г.). Так, в уставе Бийского благотворительного общества его цель была обозначена так: «Общество имеет целью доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных жителей г. Бийска» путем сбора одежды, пищи, медикаментов, помощи в поисках работы, жилья, воспитании сирот и детей неимущих родителей. Следует отметить также Общество любителей драматического искусства в Бийске (1884 г.) и Музыкальное общество в Барнауле (1894 г.).

Но особенно важно для развития народного образования и культуры в целом было создание Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (1884 г.). Оно было создано по инициативе ссыльного народника В.К. Штильке. Членами этого общества были служащие Горного ведомства, учителя, врачи, купцы. Число членов доходило до 300 человек. Средства поступали не только путем сборов взносов, но и через пожертвования. В числе наиболее активных жертвователей были барнаульские купцы Суховы, Е.И. Судовская, Грязновы, предприниматели Платоновы, бийский купец А.Ф. Морозов, иркутский купец, известный меценат И.М. Сибиряков. На средства Общества попечения были построены и открыты две начальные школы (Нагорная и Зайчанская), смешанные по составу, т.е. в них обучались и девочки, и мальчики, бесплатные для учеников. Посещали эти школы преимущественно дети из бедных семей. При школах были созданы библиотеки.

На вовлечение купечества в общественную жизнь позитивно повлияла городская реформа 1870 г. Значительную часть гласных городских дум составляли купцы. На заседаниях городских дум не только обсуждались вопросы развития народного образования, здравоохранения, библиотечного дела и т.д., но и создавались профильные комиссии (училищная, библиотечная, врачебная и др.), избирались попечители учебных, лечебных, медицинских учреждений, которые, как правило, жертвовали деньги на соответствующие заведения. Так, в попечительский совет женской гимназии Барнаула входили И.К. Платонов с супругой, И.И. Федулов с супругой, В.В. Балашов с супругой, братья Ворсины. Все названные лица были предпринимателями. Платоновы также построили в Соколове, где размещались их заводы – винокуренный и стекольный, школу и церковь.

Крупными благотворителями в Бийске были купцы супруги Морозовы, на их средства было выстроено несколько школ, они также помогали Барнаульскому обществу попечения о начальном образовании. Среди бийских купцов, которые постоянно жертвовали средства на нужды образования, были А.В. Соколов, М.С. Сычев, Н.И. Асанов и др.

Важным направлением купеческой благотворительности было строительство православных храмов. Строительство новых храмов и ремонт старых в городах во второй половине XIX в. осуществлялись в основном на купеческие деньги. Наиболее крупными жертвователями на нужды церкви были барнаульские купцы Мальковы, Е.И. Судовская, Суховы, Ворсины, бийские купцы Морозовы, А.В. Соколов, М.С. Сычев.

Знаковым событием общественной жизни в Барнауле стало открытие в 1888 г. городской общественной библиотеки на средства частных жертвователей и городского самоуправления. Наиболее значительные суммы внесли иркутский купец И.М. Сибиряков (1800 руб.) и барнаульский купец В.Н. Сухов (400 руб.).

Среди общественных организаций следует также выделить созданное в 1891 г. по инициативе ссыльного народника С.П. Швецова Общество любителей исследования Алтая, которое в 1902 г. было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Благодаря деятельности членов этого общества значительно активизировались исследования Алтая в разных направлениях, в том числе его истории, природы, культуры. Стало выходить периодическое издание географического общества «Алтайский сборник».

Оживлению общественной жизни в регионе, особенно в последней четверти XIX в., способствовала деятельность политических ссыльных.

8.3. Политическая ссылка на Алтай в XIX в.

История политической ссылки на Алтае в XIX в. является неотъемлемой частью истории политической ссылки в Сибири и истории революционного движения в России в целом.

В XIX в. политическая ссылка на Алтай была представлена последовательно декабристами, членами Общества военных друзей, участниками польского восстания 1830–1831 гг. и членами конспиративных польских организаций конца 1830-х — начала 1840-х гг., революционными демократами 1860-х гг., участниками польского восстания 1863 г., народниками, членами первых рабочих организаций, польской партии «Пролетариат», марксистских кружков.

Особое положение Алтая и послужило причиной его закрытия для ссылки. На территорию горного округа ссылка была запрещена законами 1762, 1776 гг. Таким образом, запрет ссылки на Алтай получил свое законодательное оформление.

Однако все препоны, возводимые администрацией Кабинета, не могли полностью оградить округ от ссылки. В исключительных случаях ввиду различных обстоятельств, с учетом особого положения Алтая сюда допускались политические ссыльные. Ярким подтверждением этого явилась ссылка на Алтай декабристов и членов Общества военных друзей в Белостоке.

В настоящее время известны пятеро сосланных на Алтай декабристов: М.И. Муравьев-Апостол, С.М. Семенов, А.А. Фок, Н.Р. Цебриков, П. Иевлев и трое членов Общества военных друзей в Белостоке: И. Высоцкий, К. и Ф. Ордынские, которые были направлены в Бийск, Усть-Каменогорск и Бухтарминскую крепость.

Ссылкой декабристов преследовалась цель лишить их возможности влияния на русское общество, пресечь все проявления свободомыслия. В то же время ссылка порождала возможность влияния на местное население, просвещение народа, повышение его общей культуры. В этом отношении наиболее показательно пребывание в Бухтарминской крепости декабриста М.И. Муравьева-Апостола, занимавшегося медицинской, педагогической, научной деятельностью.

Из числа участников польского восстания 1830–1831 гг. на Алтае находились А. Валичек, С. Флерчик, А. Ясковяк. В конце 30 — начале 40-х гг. XIX в. была продолжена ссылка в Западную Сибирь участников конспиративных освободительных польских организаций и групп, среди которых были и неблагополучные в политическом отношении римско-католические священники, находившиеся на Алтае. Согласно предписанию генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1839 г. римско-

католические ксендзы Анкудович, Шишко и Михайлович, Торчановский за хранение у себя бумаг «возмутительного содержания», nepозволительную переписку и преступные речи были отправлены «под строжайший полицейский надзор»: Михаил Торчановский – в Барнаул, Антоний Анкудович – в Кузнецк, Павел Шишко – в Бийск, Андрей Михайлович – в Колывань.

Во второй половине XIX в. политическая ссылка на Алтай получила свое дальнейшее развитие. Этому способствовало дозволение от 15 марта 1862 г. найма в виде опыта на три года ссыльнопоселенцев для работ на удаленных золотых промыслах в Алтайский горный округ, которое затем было продлено положением Комитета министров от 4 февраля 1866 г. Хотя эти положения не касались непосредственно политических преступников, тем не менее они создавали определенную возможность проникновения ссыльных на территорию округа.

С 1861 г. наблюдается бурный подъем освободительного движения, отражением которого явилась политическая ссылка как составная часть карательной политики самодержавия. В связи с этим в 60-х гг. XIX в. на Алтае появились ссыльные революционеры-демократы В.В. Берви-Флеровский, Л.П. Блюммер, находившиеся в Кузнецке и положившие начало массовой народнической ссылке 70–90-х гг. XIX в., а также поляки – участники восстания 1863 г. В 60-х гг. XIX в. на Алтае находилось примерно 348 ссыльных. Безусловно, это не окончательные данные, определение численности ссыльных нуждается в дальнейшем уточнении и выявлении новых имен.

О подробностях пребывания В.В. Берви-Флеровского в Кузнецке известно благодаря дошедшим до нас воспоминаниям самого ссыльного и его жены, в которых отмечалось сближение с польскими ссыльными в Кузнецке, давалась характеристика некоторых поляков. Важно отметить интерес поляков ко всему русскому. Именно этим объясняется чтение Берви в Кузнецке полякам лекций о русских социальных идеях. Здесь проявились научные интересы Берви. Известно, что он работал над статьей «Macht und Kraft» (действие и сила), занимался сбором материала для работы «Положение рабочего класса в России». Л.П. Блюммер, работая на золотых приисках в тайге, хорошо изучил быт и нравы местных промышленников, чиновников, искателей. По возвращению из ссылки в 1871 г. он опубликовал в журнале «Заря» первое в России произведение о жизни золотоискателей – роман «Около золота».

В 60-х гг. XIX в. значительную массу политических ссыльных в Сибири составляли участники польского национально-освободительного движения. На Алтае в этот период находились 346 ссыльных поляков. Из них в Барнауле было 54, в Бийске – 147, в деревнях Бийской волости – 5, в Кузнецке – 61, в Колывани – 52, в Усть-Каменогорске – 27 человек, хотя в дальнейшем ссыльные поляки из Сибирского линейного батальона Барнаула были переведены в Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Малочисленность польской политической ссылки на Алтае при сравнении с общим числом сосланных в Сибирь поляков очевидна, что обуславливалось закрытием долгое время Алтайского горного округа для ссылки. Администрация Кабинета стремилась любыми путями отклонить водворение здесь ссыльных, о чем свидетельствует ряд документов. Характерно, что среди ссыльных были представители разных сословий: дворяне, ксендзы, мещане, чиновники, крестьяне. Несомненно, все они находились под полицейским надзором. В целом, подробности их жизни на Алтае малоизвестны. Необходимо отметить, что после пожаров 1864 г. в Барнауле кабинетское начальство добилося перевода большинства польских ссыльных из Алтайского горного округа либо перевода их из Барнаула, Бийска, Кузнецка в Усть-Каменогорск

и Семипалатинск, поскольку «в этих городах число сосланных по политическим делам будет весьма незначительно, — поэтому, при хорошем устройстве тамошней полиции представляется возможность строгого надзора за ними». Таким образом, местная администрация, используя любую возможность, стремились избавиться от присутствия политических ссыльных в округе.

Среди поляков, отбывающих ссылку на Алтай, необходимо особо отметить врача Ц.И. Тэраевича, медицинская деятельность которого явилась выражением активной жизненной позиции.

В целом, для политических ссыльных 1860-х гг. характерен относительно высокий уровень культуры и образования. По воспоминаниям участника революционного движения 60-х гг. Л.Ф. Пантелеева, польская ссылка «в огромном большинстве ... представляла высококультурный элемент». Значение польской политической ссылки определялось В.В. Берви-Флеровским одной фразой — «Они вносили с собой цивилизацию».

В 1870-х гг. в стране резко увеличилось число репрессированных по обвинению в политической неблагонадежности и за пропаганду. Наиболее распространенной была внесудебная или административная ссылка без привлечения к суду. Следует отметить, что на Алтае также преобладала ссылка административным порядком (более половины составляли административно ссыльные). В 70–90 гг. XIX в. на Алтае в общей сложности находилось 106 ссыльных. Из них в Барнауле проживали 37 ссыльных, в Бийске — 12, в Усть-Каменогорске — 48, в Кузнецке — двое, в Змеиногорске — один, в Барнаульском округе — один, в Кузнецком округе — двое, на ст. Алтайской Усть-Каменогорского уезда — двое, в пос. Ульбинском — один. Поскольку на Алтай большинство ссыльных попадало в результате прошения переводом из других мест, размещение в городах обуславливалось рядом причин: лучшими условиями жизни, большими возможностями изыскать средства к существованию, заниматься активной общественной деятельностью — просветительской, научно-исследовательской, публицистической, медицинской.

В 70–90-х гг. XIX в. ссылка на Алтай была представлена преимущественно народниками. Однако наряду с ними здесь находились и сосланные члены первых рабочих организаций (Г.В. Буряк, И.Г. Гаврилов и др.), марксистских кружков (П.П. Шатько, Д. Странден и др.), польской партии «Пролетариат» (С.С. Гросс, Л.Л. Ковальский и др.).

Словесный состав политссыльных Алтая 70–90-х гг. XIX в. был достаточно разнообразен. Значительную долю составляли дворяне (около 49%), мещане (около 22%), представители духовенства (около 13%), крестьяне (около 12%), купцы (около 4%). Не случайно известный американский журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший ссыльных Усть-Каменогорска, указывал на большое разнообразие «положений, которые они раньше занимали в обществе. Обе крайние ступени социальной лестницы имели здесь своих представителей: тут был один деревенский сапожник и одна кавказская княгиня, а между этими двумя представителями всевозможных классов и интересов: врачи, юристы, помещики, писатели, аптекари, журналисты, студенты, офицеры и т.д. Большая часть из них были дворяне или принадлежали к привилегированным сословиям, некоторые обладали, действительно, из ряда вон выходящим образованием».

Профессиональный состав политических ссыльных был достаточно пестрым. Из числа лиц, у которых удалось определить род занятий, были студенты, врачи, учителя, инженеры, рабочие, офицеры, чиновники, представители духовенства.

Политическая ссылка указанного периода на Алтае была многонациональной по составу. Здесь отбывали срок наказания русские, украинцы, грузины, немцы, поляки, евреи и т.д. Это еще раз подтверждает мысль о том, что борьба с самодержавием сближала представителей различных национальностей.

Среди политических ссыльных были представители различных вероисповеданий: православные, католики, лютеране. Вместе с тем значительное число ссыльных являлось атеистами.

В условиях ссылки, строгого полицейского надзора политссыльные искали и находили новые пути к активной общественной деятельности. Это нашло выражение в развертывании культурно-просветительской, научно-исследовательской, публицистической, медицинской деятельности, что, естественно, было сопряжено с отходом от активной практической революционной деятельности. В данных условиях встала острая необходимость пробуждения общественной активности населения, его просвещения, повышения общей культуры, на что и была направлена разносторонняя общественная деятельность политссыльных 70–90-х гг. XIX в.

Следует отметить постепенное сближение ссыльных с либеральными чиновниками. На Алтае особенно наглядно это проявилось на примере службы ссыльных и местного чиновничества в управлении Алтайского горного округа, в их совместной деятельности в Обществе попечения о начальном образовании, Обществе любителей исследования Алтая.

В соответствии с Положением о полицейском надзоре 1882 г. поднадзорным воспрещалась всякая педагогическая деятельность, чтение публичных лекций. Их могли допускать к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму, к врачебной, акушерской практике только с разрешения министра внутренних дел.

Однако эти правила соблюдались не всегда. Малочисленность местной интеллигенции, неудовлетворительное состояние просвещения, нехватка грамотных людей, высокий образовательный уровень ссыльных вызывали их широкое привлечение на Алтае в качестве педагогов, врачей, писцов и т.д.

Многие из ссыльных, находившихся под надзором полиции, испытывая материальные затруднения, занимались частной медицинской и педагогической практикой, ремеслами, служили в купеческих конторах (А.Я. Сулин, П.В. Ровенский). Часть ссыльных работала по специальности, полученной на свободе. На Барнаульском сереброплавильном заводе трудились инженеры-технологи Ф.В. Олесинов и П.П. Шатько. Многие ссыльные занимались ремеслами. Среди них столяр А.А. Александров, кузнец О.Ф. Костюрин, сапожник Л.Л. Ковальский и др. Таким образом, ссыльным было необходимо работать, так как не хватало средств для существования, в то же время они видели в этом возможность сближения, установления контактов с местным населением. В разносторонней деятельности политических ссыльных проявилась, несомненно, их активная жизненная позиция.

Одним из направлений деятельности политических ссыльных на Алтае была культурно-просветительская работа, являющаяся, без сомнения, выражением мнения о решающей роли в переустройстве общества просвещения, распространения знаний среди населения. Именно в период ссылки в мировоззрении народников возросла доля просветительства, имеющего демократическую направленность, поскольку оно было связано с защитой интересов народных масс, борьбой с бескультурьем, без-

грамотностью. В просвещении народа, в повышении его общей культуры проявилась гражданская позиция ссыльных.

Политические ссыльные развернули активную культурно-просветительскую работу среди населения. Это нашло выражение прежде всего в их участии в деятельности Общества попечения о начальном образовании, основанном 7 октября 1884 г. в Барнауле по инициативе ссыльного Василия Константиновича Штильке (1850–1908). Общество ставило своей целью «ликвидацию неграмотности усилиями самих граждан при наименьшем вмешательстве административной власти». Таким образом, уже в самой постановке вопроса имела место демократическая направленность.

Активными членами общества являлись ссыльные П.П. Шатько, Ф.В. Олесин, А.А. Силин и др. Они делали регулярные вещевые и денежные пожертвования в пользу общества, отдавали свои книги и журналы в фонд создаваемых библиотек. По инициативе общества 15 сентября 1885 г. была открыта Нагорная школа, в 1896 г. – Зайчанская школа, в которых работали некоторые из политических ссыльных (М.Н. Крепыш и др.). Ссыльный М.О. Курский заведовал городской библиотекой и Народным домом общества. Не случайно в политическом обзоре Барнаульского, Бийского и Змеиногорского уездов Томской губернии за 1899 г. отмечалось, что вокруг В.К. Штильке «группируются, принимая деятельное участие в делах общества, и все, проживающие в Барнауле, неблагонадежные в политическом отношении лица», которые «составляют между собой тесный кружок, к которому примыкают учителя и учительницы народных школ и много других, сочувствующих лиц, и все они, составляя ядро школьного общества, руководят делами последнего».

Несмотря на стремление правительства к изоляции посредством запретов и ограничений, политические ссыльные занимались учительской деятельностью. Обучая грамоте, они несли новые знания, расширяя кругозор, поднимали культурный уровень населения. Преподаванием занимался В.К. Штильке, частные уроки давали П.В. Ровенский, Е.Г. Воронин, А.Н. Федоров, И.Е. Овсянкин, М. О. Курский и др.

Большое значение имело научное изучение политическими ссыльными Алтая. В центре внимания исследователей находились вопросы переселенческого движения, крестьянской земельной общины, экономики округа, жизни и быта алтайцев и т.д. Чрезвычайно важно, что ссыльные одними из первых поставили эти вопросы и попытались их разрешить.

Значительным событием в общественной и культурной жизни Алтая явилось появление в 1890 г. историко-статистического сборника «Алтай», в который вошли работы ссыльных народников П.А. Голубева, И.Е. Овсянкина, Н.М. Зобнина, охватывающие все стороны жизни округа XIX в. Инициатором издания сборника был П.А. Голубев.

Научное изучение округа приобрело более систематический характер с созданием 27 октября 1891 г. при непосредственном участии ссыльных Общества любителей исследования Алтая. Общество существовало исключительно на частные средства (членские взносы, пожертвования). Его целью являлось содействие возможно широкому изучению Алтая, собиранию материала, его обработке и распространению. Результаты исследований помещались в неперIODическом издании общества – «Алтайском сборнике», выходившем с 1894 г.

Основная роль в этом начинании принадлежала ссыльному С.П. Швецову, который долгое время являлся секретарем Общества, занимаясь подробным исследованием крестьянской общины на Алтае. Активными членами Общества стали многие

политические ссыльные Барнаула – Ф.В. Олесинов, П.П. Шатько, Н.Б. Шер, И.Е. Овсянкин и др. При Обществе были созданы библиотека и музей.

Будучи сотрудником статистического бюро Главного управления Алтайского горного округа, С.П. Швецов являлся инициатором статистических исследований с целью наиболее углубленного изучения Алтая, в которых участвовали многие члены общества. В 1891–1893 гг. им было произведено статистическое обследование арендного хозяйства округа, в 1894 г. производилось сплошное подворно-статистическое обследование крестьянского и инородческого хозяйства округа, в 1895 г. проведена однодневная перепись Барнаула и т.д.

Подтверждением научно-исследовательской работы ссыльных Алтая явилось их участие в деятельности Семипалатинского статистического комитета, созданного в 1878 г., занимавшегося изучением географии, истории, экономики края, обработкой сведений, полученных в результате исследований. Первым секретарем комитета был ссыльный Е.П. Михаэлис. В работе комитета активно участвовали политссыльные С.С. Гросс, А.А. Леонтьев, Н.И. Долгополов, А.В. Бяловеский и др.

В целом, значение научного наследия политссыльных 70–90-х гг. XIX в. для Алтая очевидно. В их работах собран и обобщен богатый фактологический материал по вопросам крестьянской общины, переселенческого движения, положения рабочих, коренного населения Алтая, не утративший своей ценности и сейчас. Уже сама постановка названных проблем, несомненно, определяла пути дальнейших углубленных исследований. Деятельность ссыльных способствовала накоплению информации по тем или иным вопросам, формированию научных интересов, привлечению передовых слоев населения к исследованию Алтая, пробуждению потребности к знаниям и тем самым оживлению общественной жизни региона.

Политические ссыльные принимали активное участие в деятельности периодической печати. Самой доступной его формой явилось написание корреспонденций в газеты. Корреспонденции ссыльных часто были анонимными или публиковались под псевдонимами. Ссыльные сотрудничали в различных изданиях Сибири: в «Сибирской газете» помещали свои корреспонденции Е.П. Михаэлис, А.Л. Блек, А.А. Александров, А.В. Бяловеский, П.А. Голубев и др., в «Восточном обозрении», «Сибирском листке» – В.К. Штильке, С.П. Швецов и др. Обращение к нуждам края, постановка злободневных проблем, обобщение научной информации по конкретным вопросам в печати было тем новым, что привлекало внимание населения, пробуждало его гражданскую активность, вносило оживление в общественную жизнь Алтая. Несомненно, участие ссыльных в сибирской печати свидетельствовало о том, что Алтай не был изолирован от контактов и связей с другими городами – Омском, Томском, Тобольском, Иркутском и, очевидно, с находившимися в них ссыльными.

Стремясь принести пользу людям, многие ссыльные занимались медицинской практикой. В этом также проявилась их активная общественная позиция. Однако опасаясь их влияния на местное население, правительство всячески старалось препятствовать этому. Тем не менее недостаточная обеспеченность медицинскими кадрами, высокая заболеваемость населения вынуждали местные власти делать исключения из правил. В Барнауле оказывали медицинскую помощь С.В. Мартынов, И.И. Березин, А.В. Быстрицкий, в Усть-Каменогорске работал в аптеке ссыльный В.Л. Иньков. В целом, медицинская помощь населению рассматривалась ссыльными как исполнение своего долга, стремление оказать помощь всем нуждающимся посильными средствами.

Под влиянием политической ссылки в Сибири возникали кружки пропагандистского направления. Однако фактические данные, свидетельствующие о наличии антиправительственных кружков ссыльных на Алтае, практически отсутствуют. Есть сведения о существовании в Барнауле нелегального общества Красного Креста, созданного для оказания нравственной и материальной помощи ссыльным в Сибири, куда входили В.К. Штильке, Ф.В. Олесинов, П.П. Шатько, И. А. Юферов, кружков В.К. Штильке, И.А. Юферова. Однако на основании сохранившихся архивных данных трудно судить о какой-либо революционной пропаганде, проводимой этими кружками.

Политическая ссылка на Алтай явилась прямым отражением российского движения XIX в., частью общероссийской политической ссылки, являвшейся одним из средств расправы правительства со своими политическими противниками. Пребывание политических ссыльных на Алтае в XIX в. имело огромное положительное значение в развитии просвещения, культуры, медицинского обслуживания, научного изучения региона.

Глава 9

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

9.1. Развитие просвещения

Буржуазные преобразования второй половины XIX в. и развитие капиталистических отношений в стране объективно требовали большего распространения грамотности среди всех групп населения. Между тем к 1861 г. в культурном отношении Алтай оставался одной из наиболее отсталых окраин империи. Отмена обязательного труда на кабинетских предприятиях региона по-разному сказалась на двух уровнях ведомственной системы профессионального образования, являвшейся наиболее развитой образовательной структурой в регионе.

В результате отмены обязательного обучения сыновей горнозаводских служащих и мастеровых произошёл обвал численности учащихся в частных училищах, сократилось число и самих горнозаводских школ. В 1860-х гг. прекратили свое существование Пезасское, Царево-Александровское, Егорьевское, Спасское, Царево-Николаевское, Семеновское и Черепановское частные училища. В первой половине 1870-х гг. было закрыто Томское и приостановили свою деятельность Николаевское и Белоусовское частные училища.

До середины 70-х гг. происходили постоянные колебания как числа училищ, так и количества обучавшихся в них воспитанников. В 1870 г. существовало 10 школ со 196 учениками. В 1872 г. школ было 9, количество же учеников составляло 246 человек. После 1875 г. стабилизировалось общее число горнозаводских школ, продолживших свое существование вплоть до упразднения системы горнозаводского профессионального образования. В 1876 г. функционировали Белоусовское, Риддерское, Зырянское, Салаирское, Змеиногорское, Гурьевское, Сузунское, Павловское, Локтевское, Николаевское и Колыванское частные училища. В этих 11 учебных заведениях обучались 332 ученика.

В 1872 г. весьма многолюдное Барнаульское частное училище было присоединено в качестве подготовительного класса к Барнаульскому окружному училищу. С начала 1880-х гг. горное начальство дало разрешение на обучение в частных училищах дочерей горнозаводских рабочих.

В последние десятилетия XIX – начала XX в. руководство округа рассматривало подведомственные ему частные училища не как кузницу необходимых рабочих кадров, а как институт, посредством которого выполнялись социальные обязательства в отношении к бывшему горнозаводскому населению. В связи со сменой хозяйственной ориентации окружного хозяйства необходимость в системе профессионального горнотехнического образования полностью отпала. В 1897 г. начался процесс передачи частных училищ в ведение Министерства народного просвещения, завершившийся в 1903 г.

С 1855 г. по 1890-е гг. осуществлялись непрерывные, но безрезультатные попытки преобразования Барнаульского окружного училища в гимназию. В результате этих попыток в деятельности училища произошли позитивные изменения, направленные в первую очередь на его унификацию с учебными заведениями Министерства народного просвещения. В 1871 г. Окружное училище было уравнено в своих правах с уездным училищем, и теперь лица, окончившие три его общеобразовательных класса, получили право на получение первого классного чина. Для большинства вольноприходящих воспитанников и пансионеров обучение в училище, с одной стороны, стало наиболее приемлемой возможностью получения хорошего общего образования в регионе, а с другой – подготовительной базой для поступления в гимназии, по окончании которых открывался путь к поступлению в высшие учебные заведения. 29 мая 1897 г. было утверждено высочайшее соизволение Государственного совета «Об учреждении в г. Барнауле семиклассного реального училища ведомства Министерства народного просвещения». В соответствии с ним с 1 июля 1897 г. вместо существовавшего Окружного училища ведомства Кабинета учреждалось семиклассное реальное училище, подчинявшееся Министерству народного просвещения.

Отмена заводских повинностей дала импульс для развития капиталистических отношений. Активизация сельскохозяйственного и товарного производства, торговой деятельности обнажила катастрофически слабую грамотность населения. В результате чего в 60–70-е гг. XIX в. изменилось отношение крестьян к образованию. Крестьянские общества повсеместно инициировали вопросы открытия начальных школ. В 1862 г. крестьянами Енисейской и Барнаульской волостей Бийского округа были составлены приговоры о устройстве школьных домов в селах Елбанском и Енисейском, открытых в 1864 г. В 1865 г. крестьяне с. Анисимово Боровлянской волости Барнаульского округа ходатайствовали об открытии школы. Для приобретения школьного инвентаря ими был организован сбор по 6 фунтов муки с души. В 1866 г. был построен новый школьный дом в селе Тогульском Кузнецкого округа. В том же году школа была открыта в Луговском, а в 1869 г. – в Яминском. Несмотря на рост числа сельских школ, уровень грамотности среди населения продолжал оставаться крайне низким, а их количество недостаточным, что подчас вызывало недовольство даже в среде самого крестьянства.

В пореформенный период развитие получило начальное образование в городах Алтая. Большое значение в организации начальных школ имела частная инициатива купечества и просвещенных слоёв городского общества, выступавших инициаторами открытия школ, их спонсорами и попечителями.

В 1860 г. по приговору городского общества в Барнауле была открыта смешанная приходская школа, в которую сразу же было записано 40 мальчиков и 30 девочек. В последующем два отделения приходской школы были разделены на две начальных школы, а в 1880 г. мужская школа была преобразована в двухклассное

мужское городское училище. В 1865 г. было открыто Барнаульское городское училище, в 1868 г. двухклассное женское приходское училище, с 1902 г. получившее наименование Александровского. В 1877 г. была открыта ещё одна начальная мужская приходская школа в Барнауле. В 1880 г. было основано четырёхклассное городское училище, а в 1894 г. – мужское приходское училище.

Благодаря пожертвованиям Н.А. Давидовича-Нащинского для двухклассного городского училища был приобретён собственный дом. Продолжали функционировать и частные школы. С 1867 по 1869 г. в Барнауле существовал частный пансион для девиц госпожи Шнейдер. В 1868 г. межевщиком Климовым была открыта бесплатная школа грамотности, просуществовавшая несколько лет. Причём обучение в ней вел сам Климов со своей супругой, во время болезни специально нанимавший учителей для продолжения работы школы. В 1880-х гг. действовала частная школа учительницы Крашенинниковой, в 1889 г. перешедшая в ведение Покровского прихода.

Особым учебным заведением в Барнауле являлось духовное училище, открытое 16 августа 1869 г. и предназначенное для обучения детей православного духовенства. Острая необходимость в его учреждении была продиктована удаленностью Томского духовного училища, в котором к тому же, из-за нехватки средств, не могли обучаться все желающие дети алтайских священнослужителей, а также ростом числа православных приходов в регионе. Учебный округ Барнаульского духовного училища составили округа: Барнаульский, Бийский со всеми станами Алтайской духовной миссии, часть Кузнецкого округа, Семипалатинской и Семиреченской областей, включавшие в себя 146 приходов со 158 причтами. Первоначально набор учебных предметов включал курс религиозного цикла и «мёртвые» – греческий и латинский языки. Срок обучения составлял четыре года. В дальнейшем учебная программа существенно изменилась, а к 1914 г. курс предметов приблизился к первым четырём классам мужской гимназии, но без иностранных языков. Выпускники училища могли поступать в духовные семинарии.

1 октября 1877 г. в частном доме, подаренном вдовой инспектора госпиталей Алтайского горного округа Е.А. Преображенской, начала свою деятельность Барнаульская женская прогимназия. Содержание прогимназии состояло из ежегодного ассигнования Барнаульской городской думы (1200 руб.) и Министерства народного просвещения (800 руб.), Кабинета (с 1882 г.) и пожертвований частных лиц. Первоначально прогимназия начала свою деятельность в составе подготовительного и первого классов. В состав обязательных предметов входили: Закон Божий, русский язык, математика, география, история, естествознание, чистописание и рукоделие. Необязательными дисциплинами были французский и немецкий языки, рисование, пение и танцы. Обучение было платным. Подавляющее число учениц были дочерьми горных чиновников и дворян.

Знаковым событием в истории Барнаула стало создание 7 октября 1884 г. Общества попечения о начальном образовании, основателем которого был ссыльный народник и частный учитель В.К. Штильке. Члены общества проводили широкую работу по сбору средств на строительство и содержание школ. Председателем общества был избран тогдашний начальник Алтайского округа Н.И. Журин, а его секретарём и заместителем в течение многих лет являлся В.К. Штильке, фактически руководивший обществом. Количество членов Общества попечения о начальном образовании составляло примерно 300 человек. Общество существовало в основном на добровольные пожертвования и доходы от любительских спектаклей. Наиболее

щедрыми жертвователями являлись барнаульские купцы В.Н. Сухов, М.И. Страхов, Платоновы, Н.В. Голев, Г.В. Грязнов, бийский купец А.Ф. Морозов, известный иркутский меценат и золотопромышленник И.М. Сибиряков.

15 сентября 1885 г. усилиями общества в многолюдной Нагорной части Барнаула была открыта первая бесплатная начальная школа для девочек и мальчиков. В 1891 г. в Зайчанской части города начала свою деятельность большая по количеству учеников вторая бесплатная начальная школа. В 1896 г. в двух школах Общества попечения о начальном образовании училось около 400 человек – треть всех учеников Барнаула. В октябре 1885 г. при Нагорной школе начала свою деятельность первая в городе бесплатная народно-школьная библиотека. Первым библиотекарем в ней стал сам В.К. Штильке. Позднее такая же библиотека была открыта при Зайчанской школе. 14 февраля 1888 г. после разрешения томского губернатора была открыта городская публичная библиотека (сейчас Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова).

В 1897 г. при школах общества были открыты воскресные школы для взрослых с ежегодным средним числом учащихся примерно 200 человек. В 1900 г. усилиями общества был открыт Народный дом, на базе которого проводились занятия драматического кружка, лекции, устраивались спектакли, концерты и народные чтения. К концу XIX в. в Барнауле имелось более 20 начальных школ.

В Бийске 1 января 1860 г. было открыто одноклассное мужское приходское училище – первая начальная школа, учреждённая городским обществом. В следующем году на средства купца 2-й гильдии П.А. Мальцева для училища было построено одноэтажное деревянное здание. Размер городского ассигнования составил 300 руб. в год, ещё 50 руб. доплачивал почетный блюститель – купец 1-й гильдии А.Ф. Морозов. В 1874 г. это учебное заведение было реорганизовано в двухклассное городское училище с четырёхлетним сроком обучения.

Со времени открытия в 1861 г. приходской школы для девочек берет своё начало женское образование в Бийске. Школа, получившая название Владимирской, существовала исключительно на средства частных пожертвований, в первую очередь бийских купцов В.А. Гилёва и А.Ф. Морозова. В 1880 г. благодаря усилиям и ходатайствам А.Ф. Морозова и священника Дагаева двухклассное городское училище было преобразовано в двухклассное городское училище с шестилетним сроком обучения, которое вплоть до 1899 г. было бесплатным.

К 1880 г. относится открытие Форштадского мужского приходского училища и женской прогимназии в Бийске. Женская прогимназия всецело обязана своим созданием купцу А.Ф. Морозову, пожертвовавшему на её учреждение 20 тыс. руб. Годовой бюджет прогимназии складывался из процентов от этой суммы, ежегодных пожертвований супругов А.Ф. и Е.Г. Морозовых и других бийских купцов. Плата за обучения в прогимназии составляла 5 руб. ежегодно.

В 1883 г. после перевода резиденции начальника Алтайской духовной миссии из Улалы в Бийск (1880 г.) на базе Улалинского (продолжавшего работать) начало свою деятельность Бийское катехизаторское училище. В 1890 г. училище стало государственным духовным учебным заведением. К концу 1890-х гг. училище было преобразовано в шестиклассное с одноклассной церковно-приходской школой. В 1898 г. после утверждения нового устава реформирование преобразованного Алтайского миссионерского училища было завершено. На протяжении всей истории работы училища действовали два отделения, отражавшие цели его существования: инородче-

ское – противоязыческое и противораскольническое, готовившие кадры для службы в миссии с инородческим населением и борьбы со старообрядчеством.

Таким образом, к 1887 г. школьная сеть Бийска состояла из восьми учебных заведений: двухклассного городского училища, женской прогимназии, Форштадского мужского приходского училища, Владимирского, Успенского и Александроневского женских приходских училищ, начальной миссионерской школы и трехклассного катехизаторского училища. Общая численность учащихся составляла 740 человек, в том числе 516 юношей и 224 девушки. Особенностью распространения народного образования в Бийске в пореформенный период являлось подавляющее превосходство купеческой инициативы и пожертвований в устройстве учебных заведений. Даже финансируемые из государственного бюджета учреждения получали материальную поддержку от купечества. На средства купцов А.Ф. Морозова, М.С. Сычёва, Я.А. Сахарова были построены училищные здания.

В Бийском округе также расширялась сеть казачьих школ. Помимо ранее существовавшей Антоньевской, в 1885 г. были открыты Маральевская, Николаевская, Слюдянская, Терская школы. 3-я подвижная школа, основанная в 1887 г., охватывала четыре селения: Плоское, Верх-Алейское, Белорецкое и Ключи. 4-я подвижная (Андреевская) школа была открыта в 1882 г. и предназначалась для обучения казачьих детей следующих селений: Тулата, Тегерек, Андреевского и Яровского. В 1887 г. начало свою деятельность Чарышское двухклассное училище. По своей программе казачьи школы не отличались от сельских школ, разница заключалась в их ведомственной принадлежности. Они были подчинены казачьему войсковому хозяйственному управлению и находились в ведении войскового наказного атамана.

В 1889 г. на территории Алтайского горного округа функционировало 226 начальных школ с общим числом учащихся 7064 человека. Среди них 22 школы были городскими, 66 волостными, 89 церковно-приходскими, 27 миссионерскими и 8 казачьими. Численность учениц составляла 1354 человека.

Хуже всего дело с распространением начального образования обстоит на территории Горного Алтая, миссионерских школ было там недостаточно, а действующие не могли охватить всех детей школьного возраста.

Несмотря на рост численности учебных заведений, решение проблемы школьного образования и распространения грамотности среди населения Алтайского округа во второй половине XIX в. следует признать неудовлетворительным. Результаты Первой всероссийской переписи населения 1897 г. констатировали удручающее положение дел в сфере народного просвещения и распространения грамотности на Алтае. Средний уровень грамотных в Барнаульском округе составил 9,1% (в Барнауле – 34,5%), в Бийском – 8,3% (Бийске – 27,7%), Змеиногорском округе – 9,0% (в Змеиногорске – 17,7%). Грамотность сельского населения составила: у мужчин – 14,4%, у женщин – всего 2,7%. Несколько выше она была в городах: в Барнауле грамотных лиц мужского пола было примерно 45%, женского – 24%; в Бийске грамотность среди мужчин составляла около 40% и всего лишь 16% у женщин. Следует отметить, что большинство грамотных на момент проведения переписи окончили начальную школу или научились читать и писать вне школьных стен. На 29-тысячный Барнаул и 17-тысячный Бийск приходилось всего 79 и 17 лиц с высшим образованием, имевших среднее образование соответственно 842 и 297 человек. Высшее и среднее образование имели представители дворянства, чиновничества, купечества и духовенства.

Разрешение переселения крестьян на Алтай после 1865 г. способствовало быстрому увеличению населения региона. Интенсификация переселенческого движения и предстоящее проведение землеустройства крестьянского населения 1899–1914 гг. стали поводом для устройства особого типа начальных школ.

Согласно высочайшему повелению императора от 17 апреля 1897 г., по случаю 150-летия со дня перехода Кольвано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета, среди «высочайших милостей» на Алтае учреждались 30 юбилейных школ и 10 церквей. При этом их строительство следовало производить исключительно в переселенческих поселках. Летом 1897 г. делу был дан ход на региональном административном уровне. Начальник округа через управляющих имениями и чиновников по крестьянским делам утвердил список школ и церквей, согласовав его с томским губернатором.

Главным критерием для строительства служил переселенческий статус населенного пункта. Горнозаводские селения не имели права на возведение юбилейных школ. Руководящим принципом при планировании открытия юбилейных учреждений являлась нежелательность строительства в одном поселке одновременно церкви и школы. Этой мерой преследовалась цель увеличения общей сети просветительских пунктов среди населения. В соответствии с рекомендациями избирались «многолюдные и захолустные селения» с разнородным составом населения. Открываемые школы и церкви должны были послужить делу сплочения населения Алтайского округа.

Для устройства школ и церквей одновременно из сумм Кабинета было ассигновано по 12 и 20 тыс. руб. соответственно. Кроме того, на содержание школ в течение последующих 10 лет ежегодно Кабинетом отпускалось пособие по 400 руб. на каждую, из которых 360 руб. приходилось на жалованье учителю, а оставшиеся 40 руб. – на приобретение учебных пособий.

Строительство юбилейных школ началось в 1898 г. и продолжалось до 1909 г. Из 30 школ 5 было построено в Озёрном, 4 – в Павловском, 7 – в Чулымском, 10 – в Локтевском, одна – в Бийском, две – в Змеиногорском и одна – в Кузнецком имениях. В 1899 г. открылись первые юбилейные школы в поселках Бастан, Покровка, Гилёво-Логовском, Лобинском; в 1900 г. – Титовская, Каипская, Ракитовская, Песчанская, Костино-Логовская, Ново-Полтавская, Сарайская, Новеньковская, Николаевская, Рубцовская; в 1901 г. – Новичихинская, Михайловская, Успенская, Воскресенская; в 1903 г. – Хмелёвская; в 1904 г. – Комарихинская, Ивановская, Брусенцовская; в 1905 г. – Алабугинская, Весёлая, Утичевская; в 1906 г. – Петропавловская; в 1907 г. – Камышенская; в 1908 г. – Лаптевская; в 1909 г. – Золотухинская и Шадринская школы.

С открытием первых школ возник насущный вопрос об организации учебного контроля над их деятельностью. Данная ситуация усугублялась общей неразвитостью системы надзора над учебными заведениями Томской губернии. В 1899 г. надзор за открываемыми училищами был поручен директору Барнаульского реального училища Императора Николая II статскому советнику К.Н. Рябинину, впредь до введения в Томской губернии института инспекторов народных училищ. Все открывавшиеся школы снабжались учебными пособиями. В 1900 г. в 11 юбилейных школах преподавали 15 учителей, обучались 738 учеников, из которых 616 были мальчиками и 222 – девочками.

Несмотря на то, что в конце XIX в. на территории Алтайского округа наблюдалось значительное расширение сети школ, общий уровень грамотности на-

селения и охвата детей школьного возраста начальными учебными заведениями оставался крайне низким. Развитие капиталистических отношений в торговле, сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, наряду с железнодорожным строительством и активным переселенческим движением на рубеже веков, ставили на повестку дня необходимость подготовки широкого слоя рабочих кадров и служащих со специальным образованием, пересмотра самих подходов к постановке народного образования.

9.2. Архитектура и искусство Алтая

Архитектура. В градостроительстве и архитектуре городов и селений Алтая второй половины XIX – начала XX в. происходили те же процессы, что и в европейской части России, во всей Сибири. С середины XIX в. в Барнауле падает сереброплавильное производство, появляются мелкие частные предприятия. Заводская администрация почти не вела строительства. Местная предпринимательская среда только формировалась. Кабинет Е.И.В. по-прежнему был владельцем городской территории, сохранилось много свидетельств о том, что именно Кабинет тормозил продажу городских земель под застройку и не был заинтересован в развитии Барнаула. Статус самоуправления Барнаул получил в 1876 г., хотя новое Городовое положение было введено в России в 1870 г.

С середины XIX в. Барнаул, пережив упадок горнозаводского производства, стал крупным центром Западной Сибири по продаже сельскохозяйственных продуктов. Для Барнаула, как и для других сибирских городов, характерно строительство зданий из облицовочного кирпича. Кирпичная кладка и облицовка были рациональнее штукатурной отделки строений. Здания из кирпичной кладки имеют в сибирском климате большую прочность, и возводятся такие дома за гораздо меньший срок. Качество и цвет облицовочного кирпича приобретают особое значение как важное средство художественной выразительности здания. Кирпичный узор напоминал фольклорные мотивы: вышивку крестом, рогожку, плетенку и пр. Характерной особенностью кирпичной кладки являлась орнаментация желтого, розового кирпича на фоне красного.

Другой особенностью зданий Барнаула этого периода являлись купольные завершения не только культовых, но и жилых, торговых и общественных построек. Это была эклектика провинциального города, не отличающаяся крупными масштабами. Однако среди барнаульских купеческих усадеб есть очень характерные для своего времени произведения архитектуры. Среди них – торговый дом «Д.Н. Сухов и сыновья», магазин купца А.Г. Морозова, построенный в 1873 г., магазины И.Ф. Смирнова, А.Ф. Второва. Эти здания – примеры ранней эклектики в Барнауле и Бийске. Проекты купцы получали в строительном отделении Томского губернского управления. Каждой купеческой гильдии соответствовал определенный тип здания (число этажей, площадь, количество оконных проемов). Строения возводились в форме эклектики, реже – с элементами модерна или в стиле модерн. В пореформенный период велось строительство общественных зданий, в том числе учебных заведений. Это были деревянные здания, позднее на их месте возводились каменные на средства купцов-благотворителей.

До наших дней сохранилось здание бывшего духовного училища, открытого в Барнауле в 1869 г. (пр. Ленина, 17). Это двухэтажное кирпичное здание. План сложной конфигурации. Объём завершается куполами по углам главного фасада здания. Училище горело в 1917 г., а в 1924 г. было восстановлено по проекту инженера-строителя П. П. Курковского, реконструировавшего кровлю, угловые четырехскатные купола которой стали непропорциональны объёму здания — слишком громоздкими. Здание эклектично. В решении фасадов преобладают мотивы древнерусской культуры XVIII в., а также псевдобарочного стиля.

В Бийске было много церквей и часовен. Наиболее значительными из культурных построек стали Троицкий (снесен в 1934 г.) и Успенский (ныне действующий) соборы, расположенные в исторической части города. Успенский собор — монументальное здание крупных форм с элементами русского стиля, с многоярусной колокольной.

Первым торговым каменным домом в Бийске на этой улице стал дом купца Гилева, построенный в 1860 г. (ул. Советская, 4). Это двухэтажное кирпичное квадратное в плане здание сочетало функции магазина, конторы и жилых помещений. Его уличный фасад декорирован легкими ризалитами с фронтонами, лопатками, филёнками, аркатурным пояском, а были ещё ажурный металлический парапет и на южном фасаде — балкон, ныне утраченные.

Торговый дом М. С. Сычева — один из старейших в Бийске (ул. Советская, 3). Он совмещает функции магазина и купеческого жилья. Это здание строилось в течение 1880–1910 гг. на усадебном участке, приобретенном у городских властей в 1878 г. Оно возведено в формах эклектики, стилизованных в духе классической архитектуры. В композиции главного фасада центральная часть выделена лопатками и завершена мансардой с небольшим щипцовым фронтоном. Углы основного объёма, как и мансарды, также закреплены лопатками, увенчанными над широким карнизом тумбами и пинаклями. Межэтажное членение подчеркнуто профилированным поясом. Окна — лучковые в первом этаже и арочные во втором — заглублены попарно в прямоугольные филёнки и отмечены замковыми камнями и подоконными нишами. Фасад главной мансарды несет усложнённые формы декора с криволинейными филёнками в обрамлении окон, в тимпане щипцового фронтона помещено овальное окно с лепным наличником. Дворовые фасады декорированы скромнее. В интерьере жилых комнат сохранились лепные плафоны.

В 1881 г. построен дом купца Рождественского, на первом этаже которого находился магазин с двумя обширными торговыми залами общей протяжённостью около 80 м (ул. Советская, 6). Главные фасады этого двухэтажного сложённого из красного фигурного кирпича здания поражают пышностью пластики, вольным сочетанием мотивов готики, барокко и других исторических стилей, в том числе мавританского! Это здание держит красную линию улицы Советской, и приятно, что в нём ныне располагаются учебные аудитории Алтайского государственного гуманитарного педагогического университета им. В. М. Шукшина.

Со второй половины XIX в. Бийск становится крупным торговым центром, связывающим Россию с Монголией и Китаем. Десятки торговых домов и магазинов сосредоточены в историческом центре Бийска на улицах Советская, Л. Толстого, Кирова и других, выходящих к старой базарной площади. Примером специализированного магазина является построенный в 1899 г. магазин чайной торговли Ван Хусина, с торговым залом площадью более 140 кв. м. Крупнейшей постройкой Бийска капиталистического периода (1904–1907 гг.) стал пассаж Второва и Фирсова. Протяжен-

ность его фасадов по улице Толстого около 100 м, по улице Кирова — более 30 м. Здание возведено в формах эклектики с элементами модерна.

Эклектика нашла яркое выражение в бийских купеческих особняках. Среди них выделяется сложностью и некоторой нагроможденностью объемов и форм особняк Кричевцева, построенный в 1889 г. Это кирпичное одноэтажное Г-образное в плане здание с невысоким цоколем. Парадный вход расположен в небольшом ризалите на западном фасаде, представительный характер которого подчеркнут фигурным аттиком. Повышенные юго-восточные угловые объемы здания и центр западного фасада завершаются гранеными шатрами и высоким куполом, что придает особняку живописный силуэт. Декор фасадов включает одинарные, сдвоенные и тройные колонки, подоконные ромбовидные филенки, килевидные и треугольные сандрики в наличниках окон, фриз консолей и зубчиков, арочки над парадным входом. Сохранились металлические ажурные детали: подзор в карнизе, ограждение кровли, флюгеры, волнотобразный элемент в основании шпиля на куполе. Особняк Кричевцева — пример местной архитектурной эклектики. Каждой купеческой гильдии соответствовал определенный тип здания. Регламентировалось количество этажей, окон, общая площадь и т.п. Зачастую именно в декоре купцы демонстрировали свои вкусы и доходы. С середины XIX в. Барнаул и Бийск развиваются как типичные торговые сибирские центры, архитектурный облик которых определялся заказчиками строительства — предпринимателями.

К середине XIX в. особое место в городах и селениях Алтая занимают соборные площади, где размещаются комплексы церковных построек, включающие, кроме храмов, и другие духовные учреждения. Живописные силуэты объемов церковных построек определяли выразительность панорамы города. С середины XIX в. на Алтае строятся церкви в русско-византийском стиле, рожденном патристическими побуждениями иметь архитектуру «собственную национальную». Культовые здания, возведенные в формах русско-византийского стиля, в пореформенный период появились в Барнауле, Бийске. Среди них — Покровский собор, Никольская церковь в Барнауле и др. Кроме того, в Барнауле были возведены католический костел, лютеранская церковь и духовное училище.

Искусство Алтая. Во второй половине XIX в. искусство и культура Алтая представляли собой сложное явление, в котором значительную роль играли политические ссыльные (В.К. Штильке), писатели-демократы (Н.М. Ядринцев, В.Я. Шишков), техническая интеллигенция (И.Ф. Носович), краеведы-исследователи (С.И. и Н.С. Гуляевы), купцы-меценаты (П.А. Копылов, А. Винокуров, Н. Асанов, Васенев, Морозовы), художественная интеллигенция (Томское общество любителей художеств), художественная интеллигенция (Г.И. Гуркин, А.О. Никулин, М.И. Курзин), областники, пропагандирующие «сибирский стиль» в искусстве (Г. Потанин).

Становление изобразительного искусства на Алтае начиналось с преподавания рисунка, архитектурной графики и живописи в горных школах при заводах и Кольванской шлифовальной фабрике, а также с коллекционирования гравюр и других произведений организатором горнозаводского производства на Алтае П.К. Фроловым и другими горными офицерами и служащими.

Заметным явлением в художественной жизни Алтая второй половины XIX в. явилась деятельность художника П.М. Кошарова (1824–1902), обучавшегося в Петербургской Академии художеств с 1840 по 1846 г., приобщившегося к искусству живописи под руководством мастеров К.П. Брюллова и М.Н. Воробьева. В 1856 г.

Павел Михайлович Кошаров участвовал в горной экспедиции по Алтаю, откуда привез рисунки и два живописных пейзажа. П.М. Кошаров – инициатор издания серии литографий о Сибири под названием «Сибирский художественный листок». В работах этой серии представлены природа Сибири, виды сибирских городов, облик и быт коренных народов Сибири. В данное издание в 1889 г. вошло изображение Телецкого озера, под которым П.М. Кошаров привел подробное описание: «... по красоте своих берегов оно имеет альпийский вид... длинна его до 60-ти верст, а ширина от 2 до 8 верст, глубина достигает до 900 фут. Окружающие его горы покрыты разнородною растительностью с выдающимися скалами, на некоторых из них лежит вечный снег».

Алтаю П.М. Кошаров посвятил 19 видов, на них изображены долина Чулышмана, Колыванское озеро, начало реки Оби, река Катунь, группа алтайских инородцев, жилище алтайских инородцев. В 1890 г. П.М. Кошаров выпускает лист с изображением горы Белухи. Коллекция графических работ П.М. Кошарова имеет историко-культурное и научное значение для изучения становления и развития изобразительного искусства Сибири во второй половине XIX столетия. Коллекция работ П.М. Кошарова хранится в фондах научной библиотеки Томского государственного университета.

Во второй половине XIX в. на Алтае работают воспитанники Петербургской Академии художеств. Среди них скульптор А. Залесов, живописец П. Ивачев, пейзажист А. Евреинов. Рисунок и живопись продолжают преподавать в горных школах Барнаула, Колывани, Змеиногорска.

К декоративно-прикладному искусству можно отнести изделия алтайских камнерезов, которые экспонировались на международных выставках в 1851 г. и 1868 г. в Лондоне и Париже, в 1873 г. и 1898 г. в Вене и Чикаго, получали первые премии и награды. У истоков камнерезного искусства Алтая стоит деятельность П. Бакланова, М. Денисова, Ф.В. Стрижкова. Известны династии камнерезов Сунгуровых, Т.Т. Воротникова, а также Басмановых, Акуловых, Мурзинцевых и многих других мастеров. Большую роль в организации камнерезного дела сыграли М.С. Лаулин, А.П. Залесов, И. Злобин, П.А. Ивачёв.

Во второй половине XIX в. особое значение на Алтае приобретают искусство домовой резьбы, различные формы традиционного, народного творчества, привнесённые в Сибирь переселенцами. Городские и сельские постройки украшались резными жестяными дымниками, водостоками, парапетами, элементами из кованого металла – ручками, кольцами на калитках, кронштейнами, консолями, оградами.

Некоторый след в сфере театрального искусства сохранялся в городах Алтая с середины XIX в. В Барнауле существовали частные антрепризы, ставились любительские спектакли, приезжали гастроллирующие труппы. В 1870-х гг. представления гастроллирующих трупп в Барнауле, Бийске становятся регулярными. В 1887 г. ссыльный народоволец Л.П. Ешин организовал в Бийске Общество любителей драматического искусства. Спектакли проходили в зале общественного городского собрания в здании, построенном в 1882 г. на средства купца Рождественского.

Отметим факт, свидетельствующий о том, что со второй половины XIX в. на Алтае внедряется старинная традиция – насыщать городские усадьбы зелеными насаждениями. Сады были непременной составляющей русской усадьбы, что отражает словообразование понятия «усадьба», в котором корнем является слово «сад». Немецкий зоолог А.Э. Брем, путешествующий по Алтаю в 1876 г., будучи в Змеиногорске, записал в своём дневнике: «Мы разместились в доме горного инспектора...

были приятно удивлены тем, что в Змеиногорске есть несколько вполне приличных садов. Сад, который окружал тот дом, был настоящим парком с высокими красивыми деревьями, подобно которому мы в Сибири не видели, а перед домом нашего гостеприимного хозяина был расположен тщательно возделанный огород». Сады окружали часовни и храмы.

Вслед за древними мыслителями мы сегодня можем повторить, что первыми шагами на пути внутреннего «благоустройства», т.е. обретения гармонии, всегда было и остается «храмозодчество», а также насаждения в городах садов и парков. Храм и сад обладают мерой, о которой говорится в теоретико-художественном трактате «Послание Епифания Премудрого Кириллу Тверскому»: «создание образа начинается с постижения разумом духовной истины и завершается воплощением в зримой форме создаваемой «по мере». Красота сада напоминает человеку о духовной истине. Мыслитель Илларион призывал: «Узри церкви цветущие!». Размышления древнерусских мыслителей напоминают о том, что не только со времен Петра I начинается традиция устройства садов в городах России, нашедшая продолжение и в российской сибирской окраине.

Таким образом, в пореформенный период на Алтае активно проходил процесс становления капитализма, что нашло отражение в градостроительстве, культуре и искусстве, при этом были востребованы не только профессиональные традиции, но и традиции народного творчества.

9.3. Русская литература Алтая. 1850–1900 гг.

Выделять русскую литературу Алтая из культурного пространства Сибири во второй половине XIX в. можно достаточно условно: произведения, в которых главным художественным топосом становится Алтай, создают в основном уроженцы других регионов России, волею судеб попавшие на Алтай (ссылка, перевод по службе, экспедиции и т.п.).

В этот период на Алтае не сформировался единый литературный процесс, нет профессиональных писателей, печатных органов, мала культурная прослойка общества. Изучение и отображение региональной жизни осуществляется этнографами, учеными, путешественниками. Поэтому ведущим жанром литературы, по преимуществу, становится художественно-этнографический очерк. Но именно во второй половине XIX в. закладывался прежде всего областниками тот культурный подъем, который Алтай переживет в начале XX в.

Выдающийся ученый, этнограф, фольклорист Степан Иванович Гуляев (1805–1888) не был писателем, он был прежде всего собирателем культурных сил на Алтае и в Сибири. Начав свою культурно-просветительскую деятельность в Петербурге, С.И. Гуляев публикует свои статьи – «Алтайские каменщики», «Колыван и Колывань», «Механик Ползунов» и др., пытаясь привлечь внимание читателей к истории, природе и людям Алтая.

Дом С.И. Гуляева в Барнауле был открыт для культурных деятелей и путешественников, приезжающих на Алтай (французский археолог, этнограф, доктор Менье, немецкий ученый-зоолог А. Брем и др.). С.И. Гуляев знакомится и сближа-

ется с ведущими представителями сибирского областничества Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным.

Интересна зарисовка П.А. Голубева духовного облика С.И. Гуляева на фоне местной жизни того времени: «В то время, как счастливая звезда заводов (алтайских) начала закатываться, слава о шумной и роскошной жизни горного мира гремела все больше и больше, распространяясь далеко за пределы не только Сибири, но и России. О шумных пирах, богатых обедах и роскошных костюмах горных дам путешественники говорили далеко за пределами России, и Алтай в этом отношении считался каким-то сказочным уголком, где всегда можно было встретить дорогие вина, роскошные костюмы, выписанные прямо из Парижа. Заставляя едва ли не всех жить не по средствам, эти блеск и роскошь, однако, не коснулись дома С.И. Гуляева, где жизнь текла совершенно иначе, чем в остальном мире. Этот дом, находясь в одной из глухих улиц Барнаула, чаще открывался для путешественников, ученых и местных исследователей, даже чаще для простых рудовозов... Для путешественников и ученых кабинет С.И. Гуляева с его коллекциями, библиотекой, а главным образом, с самим хозяином, который представлял из себя живую книгу всевозможных сведений об Алтае, являлся необходимым преддверием для изучения этой страны». Мечтая о культурном расцвете родного края, С.И. Гуляев становится инициатором создания первой типографии в Барнауле, оказывает поддержку в открытии первой частной школы.

Не принимал никакого участия и не мог принять в силу положения ссыльно-каторжного в организации литературного процесса в Сибири Федор Михайлович Достоевский (1821–1881). Он несколько раз был на Алтае, будучи осужденным по делу «петрашевцев», уже известным писателем, автором романа «Бедные люди» и ряда петербургских повестей. Несомненный интерес представляет образ Алтая, нашедший отражение в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского.

Большой отзвук у читателей и критиков получил роман Л.П. Блюммера «На Алтае». Этому прежде всего способствовала сама тема произведения — «золотая лихорадка». Об алтайском золоте пишет свой роман Л.П. Блюммер. Леонид Петрович Блюммер (1840–1888) за свои революционно-демократические взгляды, правда, достаточно поверхностные, за напечатание нескольких корреспонденций в «Колоколе» был вызван русским правительством из Западной Европы в Россию, судим и приговорен в ноябре 1866 г. к ссылке в Томскую губернию. От каторжных работ его спасло раскаяние в «заблуждениях». Л.П. Блюммер в период своей четырехгодичной ссылки был управляющим золотыми приисками на Алтае.

Впечатления Блюммера легли в основу эпического замысла «Около золота» — серии романов, которые охватывали бы большие временные рамки 1840–1870-х гг. и являли большую пространственную панораму (на Алтае, за Енисеем, в Томске и Иркутске). Этому замыслу не суждено было воплотиться. Завершенной оказалась лишь первая часть, фрагменты которой и вышли сначала журнальным вариантом, а потом весь текст романа был напечатан отдельным изданием в Петербурге в 1885 г. под названием «На Алтае».

После выхода произведения Блюммера последовали отрицательные отзывы сибирской, прежде всего областнической критики. Характеризуя именно это произведение, Н. М. Ядринцев писал Г.Н. Потанину: «Литературе, желающей воспользоваться эффектами сибирской жизни, вроде таежных проделок, мошенничества и проч., стоит когда-нибудь посвятить хлесткую критику».

Как замечает исследователь сибирской литературы Б.А. Чмыхало, «к слову сказать, свою угрозу Ядринцев привел-таки в действие, опубликовав в 1886 г. в "Восточном обозрении" статью "Нравы далеких окраин и бойкие романисты". Главное, что Ядринцев ставил в вину "пришлым" авторам, — это незнание жизни Сибири, верхоглядство, стремление к "майридовщине". С этих позиций оценивалось творчество Л.П. Блюммера.

Кемеровский краевед М. Кушникова в предисловии к роману «На Алтае», вышедшему в Новокузнецке более чем через сто лет после первой публикации, справедливо отмечает: «Первый роман о сибирском золоте написал не Н.И. Наумов («Еж», 1873), не Д.П. Мамин-Сибиряк («Золото»), не В.М. Михеев («Золотые россыпи»), а именно Л.П. Блюммер...». Все это заставляет заново прочитать роман, увидев в нем как достоинства, так и недостатки.

Бросается в глаза сложная организация произведения: три важнейших места действия, города Ковальск, Багул и золотой прииск, во многом объединяет детективный сюжет, воплощенный в романе необычно для традиции русской социально-психологической прозы: преступник известен обитателям города Ковальска, но остается безнаказанным, откупаясь от городских властей. Более того, в романе не происходит и нравственного покаяния преступника. Именно золото для героев Л.П. Блюммера становится стремлением и средством оправдания любых злодеяний.

Особенно динамичными, исполненными трагических коллизий, представляются главы, рисующие золотой прииск на Алтае и быт кабинетских крестьян, ставших после открытия месторождения золота приисковыми рабочими. Значительны образы горных инженеров, определявшие культурный облик Барнаула первой половины XIX в.

Одним из главных вопросов, обсуждаемых сибирской критикой и журналистикой в последней трети XIX в., связанных с дальнейшими путями развития сибирской литературы, приобретением ею самобытности, стала проблема создания жанра сибирского романа, так как именно этот жанр мог свидетельствовать о зрелости литературного процесса. Художественная практика Л.П. Блюммера во многом отвечала именно этим запросам сибирской культуры, хотя и частично, так как главным недостатком романа явился односторонне сатирический подход к изображению алтайской действительности.

В биографии Ивана Афанасьевича Куцевского (1847–1876) до сих пор много «белых пятен». Считается, что родился он в Восточной Сибири, в семье обедневшего дворянина. Однако алтайские краеведы называют И.А. Куцевского первым барнаульским писателем. На этой версии настаивает Г.П. Раппопорт: «Документами точно подтверждено, что Иван Афанасьевич Куцевский родился в Барнауле в 1847 году в семье титулярного советника, служившего мелким чиновником канцелярии Алтайского горного округа», однако никакой ссылки на эти документы Г. Раппопорт не делает. Рано почувствовав стремление к литературному творчеству, И.А. Куцевский, как и многие сибиряки, обучается сначала в лучшей в Сибири томской гимназии. Не закончив ее, едет в Петербург, желая получить университетское образование, стать ближе к издателям, критике, читающей публике. Казалось бы, в 1870-е гг. писатель достигает своей цели, печатая свои статьи, очерки, рассказы и, наконец, опубликовав роман «Николай Негорев, или Благополучный россиянин», обретя читателя в лице демократических слоев населения. Но жизнь «писателя-пролетария» сделала свое дело: И.А. Куцевский умер, не достигнув тридцатилетнего возраста.

За год до смерти И.А. Куцевский публикует в журнале «Отечественные записки» под псевдонимом «Хайдаков» очерки «Не столь отдаленные места Сибири». Они, как и роман Л.П. Блюммера, во многом связаны с темой алтайского золота. Герой-рассказчик, отбыв срок сибирской ссылки, с караваном золота возвращается в Центральную Россию. Важным образом в произведении становится топос дороги. Конкретная география намечает путь от Томска до Барнаула, а затем на Урал. Однако этот простой сюжетный ход, отсылающий к традиции жанра путевого очерка, дает писателю возможность показать жизнь и быт сибиряков: их кулинарные пристрастия, хлебосольство, широту души, в то же время суеверия, лихоимство чиновников, беззакония, ставшие нормой. Чиновники, приехавшие в глубокую провинцию, большей частью для наживы, по мнению писателя, уверены в том, что «Сибирь — первобытная страна с напуганным населением, перед которым всякие церемонии столь же излишни, как с новозеландскими дикарями».

Н.М. Ядринцев в очерке «И.А. Куцевский», написанном на смерть писателя, в его таланте и судьбе увидел отражение малой родины: «Он напоминает своим происхождением, что в отдаленной Сибири таятся в массе народа недюжинные силы, которые ждут только образования».

Большое значение для культурного расцвета Сибири, для организации литературного процесса в сибирском регионе имели жизнь и деятельность областников, прежде всего Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Они были по преимуществу учеными, географами, этнографами, археологами, одновременно обладали литературным даром.

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), как его назовут позднее, «последний энциклопедист Сибири», по происхождению принадлежал к сибирскому казачеству. Этот факт определил некоторые потанинские черты характера и этапы его жизни. Юные и молодые годы прошли в кругу военных: сначала учеба в одном из лучших сибирских учебных заведений, в Омском кадетском корпусе. По мнению исследователя жизни и творчества Г.Н. Потанина М.В. Шиловского, здесь, в корпусе, будущий ученый получил «неплохое классическое образование, отличную начальную подготовку в области естественных наук», что во многом определило его будущность.

После окончания кадетского корпуса служил сначала в Семипалатинске, а затем переведен в полк, который расквартирован в предгорьях Алтая, командует сотней в станицах Антоньевской и Чарышской. Позднее Г.Н. Потанин отметит то неизгладимое впечатление, которое произвел на него Алтай: «Алтай привел меня в восхищение». На основании увиденного, подмеченного, исследованного Г.Н. Потанин пишет этнографический очерк «Полгода в Алтае», свидетельствующий не только о наблюдательности будущего ученого, но о несомненном литературном даре. В очерке много сведений о жизни и быте алтайских жителей, как инородцев, так и русских переселенцев, наблюдений над своеобразием флоры и фауны, воссоздание алтайских легенд и поверий. М.В. Шиловский подчеркивает первенство Г.Н. Потанина в изучении многих сторон алтайской действительности: «Одним из первых отечественных этнографов Григорий Николаевич составил довольно подробное описание быта и занятий алтайцев, констатировал процесс социальной дифференциации в русских селениях, разрушивший патриархальную замкнутость крестьянского мира. Он отметил и такую характерную особенность, как бережное отношение к природе и растительному миру, и прежде всего к кедру».

В 1856 г. Г.Н. Потанин возвращается в Омск, через некоторое время уходит в отставку и в 1859 г. отправляется в Петербург. В столице учится в университете

и здесь, в Петербурге, происходят встречи, завязываются те человеческие связи, которые определяют в дальнейшем не только личную судьбу ученого и писателя, но и судьбу всей Сибири. Важнейшая встреча — с Н.М. Ядринцевым, которую Г.Н. Потанин опишет в своих «Воспоминаниях»: «Ядринцев произвел на меня очень приятное впечатление. Молодой человек был знаком с русской классической литературой, любил ее и сам мечтал сделаться литератором...». Скоро Г.Н. Потанин увидит в Ядринцеве единомышленника: «Я почувствовал, что он пойдет во главе сибирского движения, которым уже веяло в воздухе, и что мне предстоит сделать только его помощником».

После возвращения в Сибирь Г.Н. Потанину на самом деле предстояли большая общественная деятельность, преследования властей, арест, ссылка, обширная научная работа, экспедиции в Монголию и Китай. Ученый, начиная с 1902 г. вплоть до смерти, каждое лето проводит в Горном Алтае. Деятельность Г.Н. Потанина для Сибири В.Я. Шишков сравнит с деятельностью Л.Н. Толстого для России.

Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) родом из купеческого сословия, родился в Омске. Учился в Томской гимназии, не окончив которую, отправился в Петербург. Здесь, обучаясь в Санкт-Петербургском университете, вместе с Г.Н. Потаниным организовал первое сибирское землячество. По возвращении в Сибирь занимался общественной, педагогической и литературной деятельностью. Его тогдашние взгляды характеризует Н.Н. Яновский: «Возвратясь осенью 1863 года в Сибирь, он почувствовал себя полномочным представителем революционных сил России...». Арестован летом 1865 г. в Омске по делу Общества независимости Сибири как главный его руководитель и составитель воззвания «Патриотам Сибири». Последовали тюрьма, суд, ссылка в отдаленный уезд Архангельской губернии, под надзор полиции. В 1874 г. получил разрешение на жительство в Петербурге. В июле 1876 г. по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири поступил на государственную службу в Омске. С 1878 г. принимал участие в этнографических экспедициях на Алтай и в Восточную Сибирь. С начала 1870-х гг. сотрудничает в провинциальных и столичных печатных органах. Ряд статей Н.М. Ядринцев посвятил изучению ссылки и каторги, в этих произведениях, по мысли исследователей, ощутима традиция Ф.М. Достоевского в освещении этой темы. В 1882 г. опубликовал важнейший труд «Сибирь как колония». В 1894 г., по собственной просьбе, назначается заведующим статистического отдела Управления Алтайского горного округа, переезжает в Барнаул, где вскоре умирает.

Художественное творчество Н.М. Ядринцева достаточно разнообразно: его наследие представлено не только публицистикой, но и рассказами, повестями, стихами. Н.М. Ядринцев, безусловно, обладал сатирическим талантом, обрушиваясь во многих своих произведениях на сибирское чиновничество и нарождающуюся в Сибири буржуазию. Н.Н. Яновский, исследуя своеобразие прозы Н.М. Ядринцева, пишет о ее социально-философском звучании, о глубине и широте общественных проблем, поставленных областником: «Ядринцев отдал всю свою жизнь изучению и просвещению Сибири, описал ад не одного Сахалина, вскрыл язвы общественного устройства, порождающего каторгу, ссылку, массовое бродяжничество, осудил существующую систему наказаний, лишенную и тени гуманности, гневно возвысил голос в защиту нещадно истребляемых народов Сибири, в том числе и русских крестьян-переселенцев и русских рабочих...». Художественно-этнографические очерки, посвященные Ал-

таю, отличает точность и глубина наблюдений, лиричность, подчас в них появляется и обличительный пафос.

Николай Иванович Наумов (1838–1901) биографически не связан с Алтаем, но в ряде его повестей и рассказов («Горная идиллия», «Сарбыска») возникает обращение к топосу Алтая. По мнению исследователей, Алтай в творчестве Наумова – важная для писателя-демократа тема: «Изображает в своих произведениях Наумов также жизнь инородцев. В этой теме писателя увлекла не внешняя живописность быта, не этнографические детали. Он показывает, как на фоне ослепительной красоты Алтайских гор царские чиновники, купцы и кулаки жестоко эксплуатируют их, обрекая на постепенное вымирание, как формируется в их среде кулак...». Обращение писателя к алтайскому материалу обусловлено общими для Сибири социокультурными процессами. К сибирским темам Н.И. Наумов обращается как к общенациональным, исследуя на сибирском материале процессы капитализации России.

Александр Александрович Черкасов (1834–1895) – писатель, чье творчество отразило особенности тех сибирских регионов (Восточная и Западная Сибирь), где он жил и работал. Родился писатель в Старой Руссе Новгородской губернии. Закончил институт Корпуса горных инженеров. По собственному желанию отправился служить в Нерчинский горный округ, в Забайкалье. Именно здесь началась литературная деятельность А.А. Черкасова. Результатом шестнадцатилетнего пребывания в Нерчинске стала книга «Записки охотника Восточной Сибири», вышедшая в 1867 г. в Петербурге. В 1871 г. переведен на Алтай, занимал должности заведующего Салаирским рудником, управляющего Сузунского медеплавильного завода. В 1883 г. вышел в отставку и поселился в Барнауле. Был избран городским головой. Продолжил занятия литературой. В 1890 г. переехал на Урал, продолжал занятия общественно-полезной (стал городским головой Екатеринбурга) и литературной деятельностью. Скоропостижно скончался, получив анонимный пасквиль, в котором было задето его доброе имя и честь семьи.

Впечатления от Алтая легли в основу его произведения «На Алтае (из записок сибирского охотника)». При жизни автора записки вышли в журнале «Природа и охота» за 1893 г. Самим названием А.А. Черкасов подчеркнул циклический характер организации своих произведений и внутреннюю связь отдельных его частей. Произведение включает как меткие и яркие художественные зарисовки, так и аналитический материал, вплоть до статистических данных. Два «портретных» очерка – «Федот» и «А. Брэм» – непосредственно примыкают к прозаическому циклу «На Алтае (из записок охотника)», хотя отличаются и некоторой художественной самостоятельностью. Этот «мини-цикл» имеет подзаголовок «Из воспоминаний прошлого», объединен он единым местом – Барнаулом – и общим для двух текстов героем-рассказчиком, отмеченным явными чертами автобиографизма.

В первом очерке дан портрет человека из народа Федота Тузовского, страстного охотника, прекрасно знающего свой край и свое ремесло, выступающего в роли проводника для господ-охотников. Образ Федота нарисован с большой симпатией автора: безграмотный человек хорошо разбирается в психологии людей, помнит всех охотников, с которыми когда-то встречался, отзывчив на добро. В очерке «А. Брэм» дан психологический портрет известного немецкого ученого-натуралиста, посетившего Барнаул. И в этом очерке центральный эпизод – дупелиная охота. Обращение к теме «человек и природа» позволяет А.А. Черкасову показать Альфреда Брэма в разных, подчас комических, подчас сложных, ситуациях. Немецкий путешествен-

ник предстает наблюдательным, добродушным, простым, открытым, остроумным человеком. Важным «фоном» в портретных очерках А.А. Черкасова выступает Барнаул конца XIX в., быт, нравы, занятия его обитателей.

В связи с географическим положением Алтая, особенностями его флоры и фауны, экономикой и спецификой устройства социально-общественной жизни переселенцев и коренного населения, этот регион уже в XIX в. привлекал к себе пристальное внимание ученых и писателей. В этот период закладывалась дальнейшая традиция художественного воплощения Алтая как самобытного российского региона.

Образ Алтая изначально многопланов и противоречив. С одной стороны, с опорой на языческие и христианские мифы, космогонические и эсхатологические, писатели рисуют величавый Алтай, колыбель цивилизации, «страну обетованную», загадочное Беловодье, которое ищут многие столетия «рассейские» странники и старообрядцы. С другой – регион, далекий и не известный читателям Центральной России, изучается с точки зрения реальной географии, с научной достоверностью и этнографическими подробностями. Важной тенденцией воссоздания образа Алтая становится его сатирическое изображение. Колониальная политика по отношению к Сибири приводит к разграблению ее природных богатств, к беззакониям и преступлениям.

Глава 10

РЕФОРМЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ

10.1. Землеустроительная и податная реформы конца 90-х гг. XIX в.

Будущее двух важнейших направлений хозяйственного развития Алтайского округа – эксплуатация богатейших лесных массивов и значительных земельных пространств региона во многом зависели от результатов предстоявшего землеустройства населения. Они не могли приносить существенную и постоянно растущую прибыль в условиях, когда существовали неупорядоченность земельных отношений между кабинетским ведомством и населением и неопределенность прав собственности императора на природные ресурсы. Это ограничивало возможность для алтайской бюрократии распоряжаться лесным и земельным фондом. Податная реформа была неразрывно связана с решением земельного вопроса, без которого невозможно было выстроить отвечающую требованиям времени систему налогообложения населения, преимущественно занятого сельским хозяйством. В соответствии с буржуазным принципом налог должен был взиматься не с каждой души мужского пола, учтенной в переписи, а с имущества, принадлежавшего ей.

Первые проекты поземельной и податной реформ 1893 г. были составлены под руководством управляющего Кабинетом. В основе их лежал принцип сохранения земельного фонда Алтайского округа в собственности императора. За угодья, которые в соответствии с установленной нормой в 15 десятин на душу мужского пола предполагалось выделить крестьянам в пользование, они должны были платить «государеву земельную подать». Это означало отказ от важнейшего положения закона от 8 марта 1861 г., зафиксировавшего право приписных крестьян сохранить за собой землю в тех размерах, которыми они владели на момент реформы. Причем межевые работы планировалось проводить за счет сельского населения Алтая путем повышения оброчной подати на 25%. Одновременно признавалось необходимым принудительное причисление всех переселенцев к крестьянским общинам и обложение их «государевой земельной податью».

Преобразования в Алтайском округе явились неотъемлемой составляющей реформ, которые несколько раньше начали проводиться в Сибири на землях Казны. По законам от 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г. государственная земля передавалась крестьянским и «инородческим» общинам в расчете не более 15 десятин на душу мужского пола в постоянное пользование, а не в собственность. Если в распоряжении общины оказывалось больше угодий, чем допускалось по принятому нормативу, то ей предлагался прием дополнительных членов. Первоначальный запрет на отчуждение земельных участков в пользу отдельных семей был смягчен пунктом 5 «Правил о порядке определения земельных наделов ...» от 4 июня 1898 г., по которому сходам крестьян и коренного нерусского населения разрешалось заменять общинное землепользование подворным (наследственным) при согласии 2/3 домохозяев. Такое послабление в требованиях отражало результаты объективного процесса имущественного расслоения среди сельских жителей Сибири, давно не соблюдавших равномерность распределения различных сельскохозяйственных угодий внутри общин. За выделенный надел, зафиксированный в особой «отводной записи», община ежегодно должна была платить государственную оброчную подать. Все угодья, переданные крестьянам и местному аборигенному населению, отделялись с помощью межевания от земель и лесов, остававшихся в распоряжении Казны. По мере возможности и за ежегодный взнос особого лесного налога общества крестьян и аборигенов могли рассчитывать на выделение им участков леса из расчета по 3 дес. на душу мужского пола.

Податная реформа начала реализовываться в Сибири с 1 января 1899 г., спустя почти год после того, как 19 января 1898 г. был утвержден закон об ее проведении. По времени это совпало со стартом аналогичной реформы на землях Алтайского округа, хотя введение законодательных норм, на которых базировалось это преобразование, состоялось только 18 января 1899 г. Кардинальная реорганизация налоговой сферы стала одной из мер аграрной политики самодержавия, проводившейся в Сибири в конце XIX — начале XX в. Она должна была, во-первых, согласовать принципы обложения крестьян налогами с теми основаниями, на которых осуществлялось землеустройство сибирской деревни по закону 1896 г.; во-вторых, установить хотя бы некоторую соразмерность крестьянских платежей с доходностью их хозяйств; в-третьих, подравнять повинности сибирского крестьянства с сельским населением европейской части России; в-четвертых, снять проблему количественного роста переселенцев, не имевших официальной регистрации, и тем самым вернуть их в число налогоплательщиков. Помимо общих задач, изменение налоговой системы применительно к Алтайскому округу в первую очередь было направлено на разрешение вопроса о получении императором как собственником недвижимого имущества в крае достойного финансового вознаграждения за передававшиеся населению природные ресурсы и установление новой системы расчетов между Кабинетом и государственным казначейством.

Не случайно в округе по сравнению с другими территориями Сибири была избрана иная последовательность реформ. Для собственника природных ресурсов Алтая и его управителя Кабинета первостепенной значимостью обладали разделы V и VI Закона от 18 января 1899 г., явившиеся компромиссом между интересами государства и его главы. В разделе V определялся размер временного ежегодного вознаграждения со стороны государства Кабинету за переданные казначейству душевые сборы с населения в размере 1 млн 200 тыс. руб. Фактически миллионная сумма от государственного казначейства предназначалась для компенсации соб-

ственнику в лице императора того дохода, который примерно в тех же размерах поступал в кассу Кабинета в конце XIX в. от населения округа, платившего ведомству с 60-х гг. по 4 руб. 50 коп. в зачет душевой оброчной подати. Остальные 200 тыс. руб. предназначались для проведения землеустройства крестьян и коренного нерусского населения Алтая. Можно признать, что государство, взяв на себя основную тяжесть расходов на реализацию реформы по землеустройству, рассчитывало вернуть финансовые затраты за счет усиления налогообложения населения. Временный переходный период был рассчитан на 5 лет, но в разделе VI он был увязан с окончанием землеустройства приписных крестьян и переселенцев в Томском и Бийском уездах, т.е. мог закончиться позднее.

По мере завершения землеустроительных работ в отдельных уездах и вручения крестьянам «отводных записей» на смену временного вознаграждения должно было прийти постоянное, определенное в разделе VI в размере 22 коп. с десятины. Этот платеж ложился на плечи сельских жителей Алтая (старожилов и переселенцев), обязанных его нести в течение 49 лет. Основой выработанного финансового механизма перехода от подушного обложения к поземельному стали нормы Положения от 26 июня 1863 г., которые применялись для выкупной операции в удельном ведомстве. В соответствии с ним ежегодная выплата устанавливалась на базе определения фиксированной стоимости земли, введения точного срока выкупа и начисления процентов на капитал, так как имущество считалось переданным, но не полностью оплаченным. Не было ничего исключительного и в выборе 49-летнего срока на осуществление выкупной операции в Алтайском округе. Это была стандартная норма, неоднократно использовавшаяся во многих положениях при проведении преобразований в аграрном секторе России в 60-х гг. XIX в. Очевидно, что разработчики закона от 18 января 1899 г. использовали готовые финансовые механизмы и схемы расчетов, дорабатывая их под конкретные условия и задачи.

В исторической литературе выкупная операция в Алтайском округе оценивается как несправедливая для населения и выгодная лишь Кабинету. На наш взгляд, в реальности все было гораздо сложнее. С точки зрения долгосрочной перспективы, рассчитанной на 49 лет, замораживание расходов на оплату земли, находившейся в пользовании отдельных домохозяйств, в размере 22 коп. за десятину было выгодно определенной части крестьян, способной повысить экономическую отдачу от ее эксплуатации. Если оценивать условия выкупной операции с позиции сельских жителей, которых лишили дарованных им в 1861 г. прав свободного распоряжения земельными ресурсами, то установленные нормативы вполне обоснованно были негативно восприняты населением. Кроме того, землю выкупали не сами крестьяне, а государственное казначейство, что сразу увеличило финансовую нагрузку на сельских жителей примерно на 18 %.

Доля выкупных платежей в общей сумме всех платежей и натуральных повинностей, пересчитанных на деньги, которые внесли крестьяне в 1910–1912 гг., составила 30 %. Общий размер оброчного платежа рос пропорционально увеличению объема устроенных земель, а первоначальные расчеты финансовых выплат уточнялись по мере межевания. В первое пятилетие общая сумма оброчного платежа для сельского населения Алтая составила 1535 тыс. руб., а с 1 января 1910 г. государственная оброчная подать была повышена до 2122 тыс. руб.

На вопрос о том, насколько в долгосрочной и краткосрочной перспективе выкупная операция была выгодна Кабинету, ответили сами ведомственные чиновники.

В отдаленной перспективе кабинетское ведомство неизбежно вместе с утратой части природных ресурсов теряло и растущий доход от них, размеры которого зависели от интенсивности переселенческого движения и происходивших прогрессивных изменений в экономике края. В то же время Кабинет не отрицал преимуществ, которые он приобретал от выкупной операции на ближайшие десятилетия. Среди них: соответствие текущей доходности и примерной стоимости земельного имущества; упорядочение земельных отношений в округе; увеличение спроса населения на аренду кабинетских земель; гарантия от Министерства финансов на поступление в доход императора стабильных выкупных сумм, в то время как их фактический сбор с населения становился задачей и проблемой государства.

Вслед за податной реформой в Алтайском округе с 31 мая 1899 г. вступил в силу землеустроительный закон. Он был аналогичен закону от 23 мая 1896 г. для казенных земель Сибири, о котором уже шла речь выше. Еще раз подчеркнем закрепленные ими основные принципы: наделение землей общин, а не дворов по «отводным записям», почти полная неотчуждаемость крестьянских наделов, 15-десятичная душевая норма земли и трехдесятичная для леса, обязательность принятия новых членов, если в пользовании общины оказывалось больше угодий, чем допускалось по норме. Кабинет сохранил за собой права на недра крестьянских земель, устройство на них лесных пристаней по берегам рек, плотбищ (мест для заготовки, хранения и торговли лесом), рудовозных дорог. При наличии признаков земледельческого хозяйства землеустройству по закону от 31 мая 1899 г. подлежало все коренное население Алтая. Однако Министерство императорского двора имело право приостанавливать применение закона к «инородцам». Планировалось без взимания сбора на межевание в ходе землеустройства дополнительно обеспечить сельскохозяйственными угодьями жителей горнозаводских селений. В отличие от казенных земель, землеустроительные работы на Алтае должны были осуществляться силами Кабинета. Для этого была создана специальная организация – «Алтайское землеустройство», обязанная тратить ежегодно на землеустроительные работы не менее 200 тыс. руб. Она приступила к выполнению поставленных перед ней задач уже в 1899 г.

10.2. Курс Кабинета на коммерциализацию лесного и арендного хозяйства

Развернувшаяся землеустроительная кампания в Алтайском округе была нацелена на создание прочного экономического фундамента для введения в хозяйственный оборот лесных массивов и сельскохозяйственных угодий, юридически закреплявшихся в ходе межевания за кабинетским ведомством. Она продолжила тот политический курс, который Кабинет избрал в 1896 г., когда отказался от поддержки монополии горно-металлургической отрасли в экономике региона, сделал ставку на коммерциализацию лесной отрасли, эксплуатацию земли арендой и в соответствии с этим внес существенные изменения в систему окружного управления. Усиление принципа единоначалия в руководстве кабинетским хозяйством сочеталось с децентрализацией управления. Верхний эшелон местной власти, именовавшийся Главным окружным управлением, вынужден был передать часть своих полномочий администрации 12 имений – территориально-хозяйственным образованиям, на ко-

торые было поделено все пространство Алтайского округа. По сути были созданы низовые структуры по комплексному заведованию всеми отраслями кабинетского хозяйства, но главным для них стало обеспечение прибыльной эксплуатации лесного и земельного фондов Алтайского округа.

Для опережающего развития края и ведомственных административно-хозяйственных структур большую роль должна была играть кадровая политика. Она предусматривала значительное обновление состава служащих, создавая тем самым условия для проникновения передовых идей и решений со стороны посторонних ведомству учреждений, так как возникал слой управленцев, готовых их воспринимать. В 90-х гг. XIX в. на 57% обновился личный состав Главного управления. Лишь на 11,7% в нем сохранились старые кадры 70-х – начала 80-х гг. XIX в. и 31,3% тех, кто вместе с Н.И. Журиным пытались вывести промышленность Алтая из состояния кризиса. Самым заметным стало сокращение горнотехнического персонала. В Главном управлении и состоявших при нем учреждениях остались 4 горных инженера и инженер-технолог. На низовом уровне происходил аналогичный процесс, но он имел как позитивные, так и негативные последствия. После реформы 1896 г. управленческий персонал 12 имений насчитывал 69 человек, из них только 5 начали свою службу до 1883 г., 12 чиновников перешли во вновь создававшиеся структуры из горнозаводской части. Остальные 52 человека либо прибыли в округ в 1896 г., либо были переведены в имения из Главного управления, либо подбирались из местных обывателей. Почти половина тех, кто служил в имениях (34 из 69 человек), не имели классовых чинов, т.е. не обладали необходимым административным опытом и квалификацией. Только двое из штатного состава служащих имений, набранного в 1896 г., имели квалификацию ученых-лесоводов, часть – практический опыт управления лесным хозяйством в предшествовавший период, остальные должны были с нуля осваивать новое дело. Ситуация существенно не изменилась к лучшему за последующие 10 лет. В 1906 г. исполняющий обязанности начальника округа А.В. Розанов докладывал в Кабинет: «...не всегда располагая кандидатами на должности помощников управляющих из лесоводов, управление округом вынуждено было назначать на эти места хорошо зарекомендованных лиц других профессий. Отсюда вышло то, что в некоторых имениях ныне нет ни одного лесовода». Значимость приведенной оценки усиливается от того, что речь идет об уровне кадрового состава лесной администрации, отвечавшей за состояние ведущей отрасли кабинетского хозяйства. Наиболее сложное положение с подбором служащих складывалось среди объездчиков. Многие из них вместо добросовестного выполнения обязанностей по охране лесных насаждений занимались вымогательством денег у населения и не мешали местным жителям совершать лесные порубки.

Первым, кто нес ответственность за претворение в жизнь идеи преобразования горнозаводского района в многоотраслевой производственно-территориальный комплекс, был полковник В.К. Болдырев. Он непосредственно участвовал в подготовке административной реформы 1896 г. и приступил к реализации податной и землеустроительной реформ 1899 г. К сожалению, вместо того, чтобы мобилизовать служащих на быстрое и качественное решение практических задач, В.К. Болдырев заставлял их заниматься разработкой такс на лес и землю (определение их обоснованной стоимости), различных нормативных документов, сбором информации, написанием отчетов и другими бумажными делами. Не стоит отрицать важность перечисленных направлений в деятельности алтайской бюрократии, но ими подме-

нялась непосредственная работа по изучению и введению в коммерческий оборот леса и земли.

Надежды, которые Министерство императорского двора и Кабинет возлагали на имения, не оправдались. С их помощью ведомственные чиновники рассчитывали наладить обследование и изучение вверенного им имущества, а также стимулировать разработку хозяйственных операций, способных приносить солидную прибыль и одновременно сберечь лес от беспорядочной вырубке, а землю — от истощения. Однако в 1899 г. чистый доход от имений не превысил 325 тыс. руб. Это была довольно скромная сумма, полученная преимущественно за счет продажи леса на корню. Собственная заготовительная и предпринимательская деятельность администрации имений не получила заметного развития. На первое место в 1899–1910 гг. стала выходить задача охраны лесов и земель от посягательств со стороны сельского населения округа. Крестьянство активно сопротивлялось наступлению Кабинета на его права в пользовании лесом и землей. Оно не желало мириться с нараставшими негативными явлениями: сокращением бесплатных отпусков леса, изъятием у арендаторов сельскохозяйственных угодий, запрещением сельским обществам самим сдавать земли в аренду, неоднократным повышением цен на лес и лесные материалы, преследованием самовольных порубок, злоупотреблениями объездчиков и других должностных лиц. Протест вызывали отрезки земельных угодий и мизерные лесные наделы, которые передавались в пользование сельским жителям в ходе проведения землеустроительной реформы. В результате население вступило в противоборство с кабинетской бюрократией, длившейся в течение многих лет.

Социальная напряженность в округе отвлекала администрацию от решения хозяйственных задач. Серьезным препятствием для прибыльной эксплуатации земли и леса являлись обширность имений, низкая квалификация и недобросовестность значительной части управленческого персонала, перегруженность чиновников имений канцелярской работой. Негативно на развитии земельно-арендных отношений в округе сказывалась деятельность служащих Алтайского землеустройства. Они вторгались в пределы сложившихся арендных районов, разрушали их границы, внося сумятицу и неразбериху на уже эксплуатируемые арендой территории. Другим фактором, усложнившим работу окружного аппарата управления, стало усиление потока переселенцев в округ и предоставленное казначейству право выкупать землю по 22 коп. за десятину в государственный колонизационный фонд по указу от 19 сентября 1906 г. В таких условиях крайне сложно было наладить рациональное лесное и земельно-арендное хозяйство, способное приносить устойчивую прибыль. Это со всей очевидностью продемонстрировала занимавшая приоритетные позиции лесная отрасль. За 1910–1911 гг. она дала минимальный чистый доход в размере 78618 и 69440 руб. соответственно.

Такое состояние кабинетского хозяйства в определенной степени было следствием неумелого руководства тех лиц, которые занимали должность начальника Алтайского округа. После перевода в 1900 г. В.К. Болдырева в Петербург на этом посту за 10 лет сменились три чиновника: А.Ф. Кублицкий-Пиоттух (1900–1904 гг.), В.В. Меллер-Закомельский (1904–1905 гг.) и И.А. Ульрих (1906–1910 гг.). Они остались проходными фигурами в силу незначительности внесенного ими вклада в судьбу региона. Даже архивные материалы дают крайне мало информации об их деятельности, а годовые отчеты похожи друг на друга. В них отсутствует аналитика и авторский взгляд на проблемы, с которыми приходилось сталкиваться алтай-

ским чиновникам в переходный период. Создается впечатление, что у руководства округом в течение 10 лет (1900–1910 гг.) отсутствовала всесторонне продуманная программа развития новых отраслей и в целом окружного хозяйства с учетом всей совокупности позитивных и негативных факторов. Администрация находилась в том же переходном состоянии, что и ведомственная экономика, реагируя лишь на возникавшие неотложные ситуации и бездействуя даже там, где назрела потребность в принятии решений.

10.3. Изменение административно-хозяйственной политики Кабинета в Алтайском округе

Необходимость выработки нового политического курса в развитии Алтайского округа была осознана в Министерстве императорского двора и Кабинете в 1907 г. Стимулом к этому явилось утверждение в апреле 1906 г. «Основных законов Российской империи», жестко ограничивших ежегодное государственное финансирование Министерства императорского двора неизменной суммой в размере 16 359 595 руб. Будучи финансово-хозяйственным учреждением министерства, Кабинет должен был обеспечить доход, способный покрывать постоянно растущие расходы на содержание членов императорской фамилии и ее главы. В создавшейся ситуации требовалось повысить финансово-экономическую отдачу от Алтайского округа.

Реализация данной задачи оказалась тесно связана с новым человеком в Министерстве императорского двора — Евгением Николаевичем Волковым. С июня 1906 г. он возглавил ключевое звено Кабинета — земельно-заводской отдел, непосредственно руководивший хозяйством Алтайского округа. Ознакомившись с положением подведомственного региона, Е.Н. Волков был вынужден констатировать, что предпринятый им «беглый взгляд» на дела округа прошлых лет «наводит на предположение о ненормальной постановке хозяйства», его «почти полной бездоходности». Такая оценка была равносильна признанию некомпетентности всего предшествующего руководства по управлению региональным хозяйством.

Первоочередным событием, направленным на пересмотр практиковавшихся принципов хозяйствования в Алтайском округе, стало назначение Е.Н. Волковым подробной ревизии ведущей лесной отрасли, осуществленной ученым лесничим Кабинета Р.Н. Тонковым в мае–августе 1907 г. Завершающим мероприятием явилась поездка Е.Н. Волкова на Алтай в августе–сентябре 1907 г. Ее цель состояла в том, чтобы лично на месте познакомиться с постановкой окружного хозяйства и управления им. На основе подробных отчетов членов ревизионной комиссии и личных наблюдений Е.Н. Волков был вынужден сделать неутешительный вывод, что «дело хозяйства и управления Алтайского округа находится в крайне неудовлетворительном состоянии».

Масштабная ревизия послужила отправной точкой в формировании идей новой хозяйственной политики Кабинета на Алтае. Ее основополагающим принципом, в большей степени рассчитанным на перспективу, явилось увеличение доходности округа. Ближайшей задачей провозглашался второй принцип нового курса — заставить уважать права Кабинета и обеспечить сохранность принадлежавшего ему недвижимого имущества в виде природных ресурсов. Для ее осуществления Е.Н. Волков преобразовал лесоохрану. Он ввел новый принцип комплектования объездчиков,

подбирившихся по рекомендациям полковых командиров из прошедших военную службу запасных нижних чинов. В Алтайском округе была создана инспекция лесной стражи, занимавшаяся решением вопросов по комплектованию, вооружению, обмундированию, организации обучения, надзора за деятельностью лесоохраны. Реформа дала неоднозначный результат. В условиях мирного времени она доказала свою эффективность. Однако неоднократная мобилизация запасных военнослужащих с началом Первой мировой войны в 1914 г. и прекращение по этой же причине деятельности инспекции уменьшили основные достоинства лесоохранной системы – ее военизированный характер и независимость от местного населения.

Третьим базовым принципом политики «нового курса» стал умелый подбор кадров. На ведущие должности требовались энергичные, инициативные и ответственные люди, имевшие опыт работы в других государственных структурах. Таими качествами в первую очередь должен был обладать начальник округа. На эту должность была найдена достойная кандидатура в лице Василия Прокопьевича Михайлова, успешно руководившего алтайским землеустройством с 1908 по 1909 г. Уже при вступлении на пост начальника округа в мае 1910 г. он заявил о себе как о последовательном защитнике интересов Кабинета в регионе. С этого времени в управлении алтайским хозяйством сложился своеобразный «триумvirат», включавший управляющего Кабинетом Е. Н. Волкова, его помощника – заведующего земельно-заводским отделом Кабинета А. П. Половцова и начальника Алтайского округа В. П. Михайлова. Именно с образованием этой группы единомышленников завершился период становления административно-хозяйственной политики в Алтайском округе, направленной на интенсификацию и модернизацию кабинетского производственно-территориального комплекса. По времени «новый курс» совпал с периодом правления В. П. Михайлова (1910–1916 гг.). Успешное кадровое обновление служебного персонала округа, комплексный подход к развитию хозяйства, неординарные решения по многим вопросам и довольно быстрая результативность мероприятий придали периоду 1910–1916 гг. существенные качественные отличия от действий кабинетской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в.

Основное внимание на Алтае до 1910 г. уделялось землеустройству населения и процессам колонизации края. К концу 1909 – весне 1910 г. отношение руководства округа к вопросу о передаче земельных участков для размещения переселенцев стало меняться. Оно заняло твердую позицию, отстаивая в первую очередь интересы развития кабинетского хозяйства и тщательно регулируя все отводы земли в государственный колонизационный фонд. Решение о максимальном сохранении лесов и земель для нужд арендной и лесной отраслей, утвержденное на совещании в Кабинете 26 января 1910 г., окончательно закрепило произошедший поворот в политике. В отношении землеустройства населения проводилась аналогичная линия, направленная на бережное отношение к своему земельному и лесному имуществу. Администрация проявляла настойчивость в сохранении за собой возможно большего количества и возможно лучшего качества земель и лесов для использования их в своих целях. Такой подход, с одной стороны, открывал дорогу к прогрессивным способам получения доходов от земли и леса, с другой – обострял и без того сложные отношения с населением, вынуждал Кабинет выделять значительные средства и прикладывать усилия на совершенствование охранных структур.

С 1907 г. кабинетское ведомство взяло курс на ускорение процесса землеустройства населения, позволивший его завершить к 1915 г. Общее количество земель,

переданных в надел сельскому населению, составило 21 320 905 десятин. Убыстряя процесс землеустройства, Кабинет сократил время и достиг экономии средств на проведение работ. По итогам землеустроительной кампании стало очевидно, каким территориальным массивом и в каких районах окружного пространства может располагать ведомство для собственной хозяйственной деятельности. Северо-западная часть округа, наиболее освоенная и развитая в культурном отношении, оказалась преимущественно в распоряжении населения. Из 19 млн 500 тыс. десятин Кабинет удержал за собой основные массивы леса на площади 2 млн десятин и 400 тыс. десятин различных сельскохозяйственных угодий. Окруженные старожильческими и переселенческими населенными пунктами ленточные боры оказались в зоне повышенного риска. Сельские жители не желали мириться с потерей возможности доступного для них и не обременительного для бюджета семьи лесопользования. Лесные порубки, часто приобретающие массовый характер, особенно в период Первой русской революции 1905–1907 гг., приводили к росту издержек на содержание лесоохраны и заставляли кабинетскую бюрократию выработать различные варианты защиты лесных насаждений от агрессивной реакции населения. Борьба за лес, то затихая, то разгораясь, продолжалась вплоть до революционных событий 1917 г.

Юго-восточная часть округа, раскинувшаяся на площади в 21 млн 500 тыс. десятин, где доля Кабинета составила не менее 70 %, оказалась почти неисследованной и крайне слабо затронутой хозяйственной деятельностью ведомственной администрации. Лесные массивы, как правило, не имели связи с рынком, дороги отсутствовали, спрос местного населения на древесину был низкий, частные предприниматели сюда не шли, если не считать промышленников-концессионеров, которые на льготных условиях и почти бесконтрольно пользовались лесами. Для того чтобы ввести в хозяйственный оборот природные ресурсы этой части ведомственной территории и создать на ней с помощью частного капитала развитую инфраструктуру региона, В.П. Михайлов предложил радикальный экономический проект о введении частной собственности на землю в округе для лиц, занятых в обрабатывающей промышленности. Он был представлен в Министерство императорского двора к концу 1910 г., но не получил там поддержки. Столичное руководство явно остерегалось укреплять позиции частных предпринимателей в экономике округа.

В результате Кабинет был вынужден на деньги ведомства разработать и приступить к осуществлению дорогостоящей и масштабной программы по тщательному изучению оставшихся в его распоряжении природных ресурсов региона. Без приведения их в известность и учета собственного имущества нельзя было добиться рациональной постановки земельно-арендного и лесного дела, способных приносить солидную прибыль. Масштаб проведенного обследования и изучения земельно-лесных пространств за короткий промежуток времени поражает своей грандиозностью. На 1 января 1913 г. считались обследованными 3 534 426 десятин, устроенных лесов 3 905 784 десятин, арендных статей 1 509 630 десятин. Для сравнения аналогичные показатели в 1906 г. соответственно составляли 2,5 млн десятин, 736 618 десятин, 624 168 десятин. При этом обследование и межевание земель, лесов округа производилось не в отрыве от самого земельно-арендного или лесного хозяйства, а соотносилось с их нуждами. Учет земель и лесов сопровождался разделением их на три категории: земельные, лесные и земельно-лесные дачи. Причем давший такие результаты ускоренный темп работ обозначился лишь с 1911 г. и напрямую был связан с реформированием окружного аппарата управления.

10.4. Административная реформа 1911 г.

Проведение многих мер по развитию хозяйства было бы просто нереально без масштабной реорганизации управления округа. Уже в 1907 г. такая потребность была осознана в Министерстве императорского двора и Кабинете, но осуществление замысла откладывалось до тех пор, пока не обозначились осязаемые результаты по земле- и лесоустройству населения.

Административная реформа 1911 г. представляла собой качественно новое явление. 6 апреля 1911 г. законодательно были утверждены Временные штаты Алтайского округа, рассчитанные в первую очередь на создание более дробной хозяйственно-территориальной структуры региона. Из 12 имений администрация сформировала 47 лесничеств и три арендных района. В основу организации новой территориальной модели Алтайского округа были положены принципы отраслевого и комплексного руководства земельно-лесным хозяйством. Выделение арендных районов – показатель реализации отраслевого принципа в хозяйственно-территориальном делении Алтайского округа. Лесные и земельно-лесные дачи вошли в состав лесничеств преимущественно с комплексным хозяйством.

Выбор лесничеств ведущими пространственными ячейками, на которые по хозяйственным соображениям был поделен Алтайский округ, вполне объясним и закономерен. Он вытекал из географических условий местности, результатов землеустройства населения и накопленного положительного опыта постановки земельно-лесного хозяйства в 90-х гг. XIX – первом десятилетии XX в. В эксплуатации лесов чиновники видели магистральный путь развития кабинетского хозяйства. И только Первая мировая война дала повод сомневаться в финансовой стабильности этого источника пополнения императорского бюджета.

Реформа 1911 г. возложила на лесничих ответственность по всем отраслям хозяйства, представленным в подведомственных им территориальных округах (лесничествах). Они впервые получили право самим решать, как хозяйствовать, чтобы обеспечить достижение запланированных годовых финансово-экономических показателей и справиться с предусмотренными видами работ. Таких преимуществ не знали управляющие имениями и никогда не имели лесничие XIX в. Однако расширение полномочий потребовало грамотных специалистов. Должности лесничих в 1911 г. заняли как бывшие управляющие имениями, отличившиеся по службе и обладавшие специальным лесным образованием, так и вновь приглашенные лица, подбирившиеся по тем же критериям. Они обязаны были добираться до самых отдаленных участков подведомственной территории и обеспечивать успешную деятельность лесничеств как финансово-экономических структур. В целях воплощения такого замысла лесничие освобождались от повседневной канцелярской работы, которая перекладывалась на вольнонаемных письмоводителей.

Кабинет позаботился об организации надзора за деятельностью глав новых структурных подразделений. Контроль носил внутренний и внешний характер. Функции внутреннего контроля были возложены на 8 старших лесничих, введенных в Лесную часть управления Алтайского округа, и на ее заведующего Б. К. Эйсмонта. Старшие лесничие возглавили 8 ревизорских районов, на которые подразделялось пространство кабинетского округа в 1911 г. Частые ревизионные поездки по лесничествам и арендным районам практиковал и глава округа В. П. Михайлов. Внешний надзор за деятельностью территориальных чиновников концентрировался

у служащих Алтайского отделения контроля Министерства императорского двора, на которых ни Кабинет, ни местные власти не могли оказывать никакого давления. С 1911 г. лесничества и арендные районы, сгруппированные в пять контрольных участков Алтайского отделения контроля, максимально были приближены к объекту надзора, что позволило им сократить бумажные процедуры и заняться своими прямыми обязанностями.

В реформе 1911 г. присутствовала тенденция к усовершенствованию руководящих звеньев бюрократического аппарата управления разных уровней. Особое положение и высокую степень доверия со стороны столичного руководства приобрел начальник Алтайского округа. Он обладал очень широкими полномочиями, что соответствовало сути объекта управления – хозяйственный комплекс. Для выработки консолидированного мнения специалистов при нем действовали совещательные структуры, помогавшие В.П. Михайлову ориентироваться в наиболее сложных проблемах. В 1911 г. при начальнике округа был организован Хозяйственный комитет для эффективного управления коммерческими предприятиями в лесной, мукомольной и соляной отраслях кабинетского хозяйства. С февраля 1914 г. начал действовать Совет по лесным делам. Его решения носили рекомендательный характер, облегчая начальнику округа задачу вникать в суть проблем лесной отрасли и находить им обоснованные решения.

Преобразования 1911 г. отличались динамизмом и гибкостью, ориентируясь на долгосрочную перспективу. В них был заложен потенциал для дальнейшего развития административно-хозяйственного районирования округа и сокращения размеров лесничеств и арендных районов по мере изменения условий хозяйствования и финансовых возможностей Кабинета. В соответствии с распоряжением министра императорского двора от 8 января 1914 г. была создана более разветвленная административно-хозяйственная сеть, состоявшая из 57 лесничеств. С 1915 г. до четырех выросла численность арендных районов. Создание подвижной и в то же время устойчивой системы районирования отразилось на повышении доходности от земельного и лесного хозяйства округа. Чистая прибыль от него в 1912 г. составляла 301 188 руб. 76 коп., в 1913 г. – 1 594 646 руб. 47 коп., в 1914 г. – 1 107 783 руб. 98 коп.

В ходе административной реформы 1911 г. в общих чертах была реализована идея Е.Н. Волкова о масштабном кадровом обновлении аппарата управления округом. На должности лесничих старались привлекать людей с высшим образованием. Большое значение глава Кабинета также придавал моральным и нравственным аспектам службы. Рабочий ритм постоянно держался в тоне благодаря отлаженному контролю за деятельностью администрации, поэтому в целом кадровая политика оказалась успешной. Даже Первая мировая война, в ходе которой округ лишился большого числа квалифицированных управленцев, не сломала отлаженного ритма работы административной системы.

Большое значение Е.Н. Волков и В.П. Михайлов придавали ликвидации тех управленческих подразделений и подчиненных им учреждений, которые отвлекали ресурсы от основных направлений деятельности. Например, в январе 1911 г. была упразднена должность инспектора медицинской части, а от подчиненных ему медицинских учреждений сохранились только небольшая амбулатория и аптека. После 45 лет существования горнозаводских приставов в Сузуне и Павловске от них отказались в 1912 г. на том основании, что они утратили свою актуальность в связи с перепрофилированием населения поселков на другие виды деятельности. Некоторые

учреждения (музеи, мастерские, школы) были ликвидированы или переданы в государственное управление. Перед ведомственной администрацией особо стояла задача изменить представление жителей Алтайского округа о существовании у Кабинета неких «обязательств» перед ними, например, по снабжению их бесплатным лесом. Этой линии придерживались довольно жестко, но во время Первой мировой войны администрация пошла на уступки женам мобилизованных военных и возвращавшимся с фронта раненым демобилизованным солдатам в снабжении их бесплатным лесом. Хотя чиновники подчеркивали временность этой меры, тем не менее они опасались, что население вновь довольно быстро привыкнет к льготам, а затем будет воспринимать их как должное и обязательное.

Следует признать, что Кабинету удалось создать на Алтае многопрофильное хозяйство, обеспечить резкое повышение его доходности и сориентировать политику ведомства на выполнение долгосрочных задач развития. В.П. Михайлов вынашивал идею преобразования лесничеств и арендных районов в самокупаемые и максимально автономные административно-хозяйственных ячейки округа. Ее реализация логично бы завершила их эволюцию и способствовала бы претворению в жизнь выбранного направления на интенсификацию кабинетского хозяйства.

Проверкой на прочность проводившихся мероприятий явилась Первая мировая война, когда округ лишился наиболее подготовленного и дееспособного контингента служащих. К этой проблеме добавились общероссийские сложности военного периода: отток материальных и людских ресурсов на фронт, понижение уровня благосостояния населения, рост протестных движений, кризис железнодорожных перевозок гражданских грузов и т.д. Однако ведомственная администрация продолжала достаточно результативно руководить кабинетским хозяйством и, более того, строить планы на будущее.

Ярким свидетельством довольно оптимистичного взгляда на перспективы развития Алтая явилась последняя ревизия Е.Н. Волкова, осуществленная в конце лета – начале осени 1916г. Лейтмотивом его выступления перед служащими округа на совещании 4 сентября 1916г. явилась мысль о необходимости интенсивного использования всех природно-сырьевых богатств региона с целью извлечения из них наибольшей выгоды для ведомства. Намеченные ревизором пути совершенствования всех отраслей хозяйства Алтайского округа являются показателем наличия у Кабинета реалистичной и прогрессивной по своей сути программы долгосрочного развития. Ее появление стало естественным продолжением продуманной, разноплановой, комплексной и многоцелевой политики, проводившейся столичным и местным руководством с 1910 по 1916 г.

Однако на пути к реализации намеченных планов встала Февральская революция 1917г., в ходе которой была свергнута монархия в России, а вместе с ней перестали существовать Министерство императорского двора и Кабинет. Алтайский округ утратил свою ведомственную принадлежность, и его природные ресурсы стали достоянием государства. По закону Временного правительства от 17 июня 1917г. Томская губерния, куда входил Алтайский округ, была разделена на две губернии – Томскую и Алтайскую. Это привело к ликвидации целостности округа, пространство которого было распределено между вновь образованными губерниями.

Глава 11

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО АЛТАЯ В НАЧАЛЕ XX в.

11.1. Сельскохозяйственное производство в новых условиях

В сибирскую деревню XXв. принес крупные исторические перемены. Самое большое влияние на развитие Азиатской России имели два крупнейших события: открытие Сибирской железной дороги и массовые переселения. В 1915г. была введена в строй Алтайская железная дорога, а в 1915–1916гг. — железнодорожная ветка на Славгород. Продолжал развиваться и водный транспорт. Вместе с массовыми переселениями это была настоящая революция в возможностях транспортировки сельскохозяйственной продукции, выхода на международный рынок, ввоза сельскохозяйственных машин. Следовательно, активно формировалась рыночная инфраструктура. Быстро менялся весь патриархальный уклад жизни этой окраины, она включалась многочисленными связями в экономику и общественно-культурную структуру страны, а также в мировые экономические отношения.

Алтайский округ имел хорошие условия для развития сельскохозяйственного производства: здесь была благоприятная природная среда, сравнительно высокая обеспеченность крестьянства землей, рабочим скотом, инвентарем. Переселенцы вносили в сельское хозяйство новые технологии, сорта зерновых культур. Происходил быстрый рост производства зерна, мяса, масла и другой сельскохозяйственной продукции. За семь предвоенных лет посевы на Алтае увеличились на 84,6%, достигнув 2,8 млн десятин. Рост посевов опережал увеличение населения, а темпы его были в 8 раз выше, чем в Европейской России, и выше, чем в других районах Сибири. Алтай стал ведущим земледельческим центром Сибири и выдвинулся в число основных зерновых районов страны, находился в одном с ними ряду и по размеру чистого сбора зерна на душу населения. По темпам развития сельского хозяйства Сибирь в начале XXв. обгоняла не только Европейскую Россию, но и США.

Рыночные отношения утвердились, хотя для основной части крестьянства производство по-прежнему носило мелкотоварный характер, предпринимательство в его среде было мало распространено. Но в обширной полосе вдоль железнодорожных и речных путей сообщения рынок вообще стал решающим фактором развития крестьянского хозяйства.

По железной дороге только из Западной Сибири с 1900 по 1914 г. было вывезено 308953 тыс. пудов хлеба. Сибирь могла экспортировать хлеба больше, но правительство оберегало рынки для помещиков центра страны и проводило дискриминационную политику по отношению к сельскому хозяйству Сибири. Оно ввело с 1896 г. Челябинский железнодорожный тарифный перелом, увеличивавший тарифные ставки на перевозки хлеба (они были отменены только перед Первой мировой войной). Это еще больше увеличивало дороговизну перевозок в Европейскую Россию и на международные рынки, происходящую и без того из-за удаленности рынков сбыта. Особенно страдали глубинные районы Сибири. Цены резко колебались и были ниже, чем в Европейской России. Внутренний рынок был малоемким, правда, часть алтайского хлеба вывозили в Восточную Сибирь и на Урал или перерабатывали на месте. В Западной Сибири избытки зерна в урожайные годы достигали 26–30%, а сбыть его было некуда. Сбыт хлеба превращался в одну из самых острых проблем. Крестьяне говорили: «Неурожай плохо, а урожаем того хуже».

Среди хлебов преобладали яровые культуры, особенно пшеница; Алтай, в отличие от Центра, не был «ржаным царством». Барнаульский, а затем Змеиногорский уезды стали специализироваться на выращивании высококачественных сортов твердой пшеницы, занимавших до 60–70% посевов. Такая структура посевов говорила о приспособленности их к рынку, так как пшеница из хлебов была главным рыночным продуктом. Из года в год возрастала доля другой, тоже рыночной культуры — овса. Алтай уже тогда называли «сибирской хлебной житницей». Культивировались и другие сельскохозяйственные растения: картофель, конопля, лен, подсолнух, бахчевые, но большого торгового значения они не имели, производили их в основном для внутреннего потребления.

Земледелие развивалось экстенсивно, рост производства достигался в основном за счет распашки новых земель, а не улучшения хозяйства. Об этом же говорило и преобладание в агрокультуре переложно-залежной системы: в Алтайской губернии в 1917 г. под посевом было 46,5% угодий, перелогом — 46,1%, а под парами — лишь 7,4%. Переход к трехполью начинался только в малоземельных селениях (Шаховская, Павловская, Ребрихинская и другие волости). В условиях производственного ажиотажа этих лет было широко распространено хищническое использование земли. За очень редким исключением поля не удобрялись, сроки залежности пахотных земель с конца XIX в. по 1911 г. сократились более чем вдвое, с 14 до 6 лет (три года залежи и три года эксплуатации), а для восстановления плодородия требовалось не менее 10 лет. Происходило истощение почвы. Поля зарастали сорняком, и нередко целые полосы выкашивали на траву. Сорняк занимал в среднем 15–17% посевной площади. Агрономическую помощь крестьяне не получали, на 100 душ населения расходы на эти цели составляли всего 5 коп. Земли никто не изучал, селекционная работа практически не проводилась. Ежегодно высевали одни и те же семена, что вызывало вырождение хлебов.

Естественно, что урожайность была низкой, в среднем 8–9 центнеров с одной десятины. Урожай в 100 пудов уходил в прошлое, оставались только в рассказах стариков, — крестьянам приходилось довольствоваться 40–50, а иногда и 15 пудов, т. е. 2,5 центнера. Земледелие развивалось как рискованное, сопровождаемая частыми неурожаями.

Наряду с земледелием важную роль на Алтае играло скотоводство, а у алтайцев оно было основным занятием. В нем также произошли значительные перемены:

бурно развивалось молочное животноводство и разведение скота для производства мяса и шерсти. За семь предвоенных лет поголовье скота увеличилось на 38,7%. Наряду с лошадьми, необходимыми как тяговая сила, крестьяне разводили особенно много крупного рогатого скота, свиней, овец. В Томской губернии на 100 душ населения приходилось 45 дойных коров, тогда как в целом по России – только 14. Алтай по этому показателю стоял в одном ряду с наиболее передовыми капиталистическими странами.

Скотоводство, как и земледелие, развивалось экстенсивно. Расчет строился на увеличение поголовья, а не на повышение продуктивности скота. Содержание скота было примитивным и велось по старинке, культура животноводства менялась мало и оставалась низкой. Крестьяне не заботились о зимних запасах хороших кормов, не утепляли помещений для зимовки: во многих местностях гулевые лошади и другой скот, а у алтайцев – весь скот, содержался всю зиму на подножном корму (тебеневка). Коровы нередко находились в лютые морозы под открытым небом или легким навесом и часто обмораживали вымя. Лошадей и овец кормили лучше, а остальному скоту доставались остатки, чаще солома. Корм бросали скоту прямо под ноги, он затаптывался и смерзался в кучи. В течение всей зимы скот поили холодной водой, в любую погоду гоняя его на реку или озеро. На вопросы о породах скота население в шутку нередко отвечало, что скот «тасканной породы», потому что его весной от бескормицы приходилось не выгонять на зеленый корм, а вытаскивать. Еще его называли «подъемным скотом», потому что животных после голодных зимовок приходилось поднимать и ставить на ноги. Плохой уход приводил к массовым заболеваниям и падежу. В некоторых селениях пропадало 60–70% коров. Годовая смертность телят доходила до 50%, и во многих хозяйствах наблюдалось поголовное вымирание телят, так как они после отела оставались в холодном, продуваемом хлеву. Продуктивность скота была низкой, средний годовой удой составлял 800–900 кг. Большие трудности возникали с пастбищами: с увеличением населения они сокращались, и вставала проблема улучшения сенокосных угодий, но она не решалась.

Огромный толчок развитию молочного животноводства дало бурное развитие новой отрасли – маслоделия. Оно распространялось повсеместно по Алтаю с быстротой, которую сравнивали со степным пожаром. Маслоделие стало ведущей отраслью сельского хозяйства, а Алтай – важнейшим маслодельческим районом Сибири. Быстрое развитие скотоводства и маслоделия не было случайным и являлось своего рода попыткой товаропроизводителей найти обходные пути для преодоления транспортных препятствий сбыту продукции сельского хозяйства в связи с Челябинским тарифным переломом. Правительство само было заинтересовано в вывозе масла за границу и поэтому устанавливало низкие тарифы на его перевозку. Первые маслозаводы появились в округе в середине 90-х гг. XIX в., к 1900 г. их было уже 237, а к Первой мировой войне – около 2000. Стоимость изготовленного масла составила в 1912 г. 21 млн руб. и превышала стоимость всей продукции, произведенной в обрабатывающей промышленности. Заводы были кустарными, с 2–3 работниками. Алтайское масло, имеющее низкие цены и хорошее качество, скупали преимущественно для экспорта: в Данию, Германию, Англию и другие страны Европы.

Крупнейшим производителем масла в Сибири был район, прилегающий к Барнаулу. В Барнауле его ежегодно скупалось от 5000 до одного миллиона пудов. Широко развито было маслоделие в районах Бийска и Камня (со скупкой до 250 тыс.

пудов в каждом), Новониколаевска (Новосибирска) (70 тыс. пудов), Усть-Чарышской Пристаней (50 тыс. пудов). Сдатчиками молока «на масло» были тысячи крестьянских хозяйств. Алтайское молочное животноводство и маслоделие имели мировую славу. В 1909–1913 гг. Сибирь поставляла более 16% мирового экспорта масла и 61,3% российского. От продажи масла Сибирь получала ежегодно 65–70 млн руб. золотом. Сибирское маслоделие, как отмечал П. А. Столыпин, давало России в два раза больше золота, чем вся золотопромышленность края.

Ярким свидетельством бурного прогресса сельского хозяйства в предвоенные годы явилось его быстрое техническое перевооружение, «машинизация» и увеличение применения улучшенных сельскохозяйственных орудий. И в этом отношении Сибирь и Алтай находились среди наиболее передовых районов страны. С 1898 по 1913 г. перевозки сельскохозяйственных машин и орудий по Сибирской железной дороге выросли в 31 раз. С 1902 по 1914 г. в округ было завезено машин и сельскохозяйственных орудий на 35 млн руб. Алтай потреблял пятую часть их сибирского ввоза. В округе было сосредоточено к 1917 г. 72% всего количества сенокосилок Сибири, 73% жаток, 45% молотилок. Количество машин увеличилось в 8–10 раз. Распространялись главным образом иностранные сельскохозяйственные машины фирм Мак-Кормика, Диринга и др. Среди зажиточных крестьян каждый второй двор имел косилку-жатку, а каждый третий-четвертый – молотилку. Причины такого особого интереса алтайских крестьян к улучшению техники коренились в растущей товарной направленности их хозяйства, но влиял также и присущий тому времени недостаток и дороговизна рабочих рук в местных условиях.

Появление уборочных машин, намного облегчавших труд, воспринималось крестьянами как небывалое чудо. Газета «Алтайский крестьянин» писала: «Дьявольская выдумка, – крестились старики. – Последние годы живем, – отвечали им старухи. – Теперь все прошло: свет стоит по-старому, только мы выглядим иначе, чем наши деды». Обмолот хлеба могли производить в два-три дня, а раньше, при мотыбке цепами, каждый хозяин молотил свой хлеб целую зиму.

Не следует, однако, преувеличивать уровень механизации и машинизации до-революционного сельского хозяйства. В сравнении с Европейской Россией различия в показателях имелись, но в целом по уровню механизации и обеспеченности улучшенными орудиями производства Алтай и Сибирь принципиально не отличались от нее. Сказывалась общая отсталость сельского хозяйства страны. Большинство крестьян не имело машин, так как они были недоступны для них. Цена одной сноповязалки, жатки или сеялки превосходила у многих крестьян стоимость всего хозяйства. Среди орудий вспашки преобладали сохи, косули, собаны (примитивный плуг с деревянным отвалом); они составляли в 1910 г. 68,6%. Железный плуг вытеснил устаревшие орудия лишь на 1/3; железные бороны составляли лишь 1% орудий рыхления. При уборке крестьяне чаще всего использовали серп и литовки; хлеб обмолачивали вручную, цепом, а веяли лопатой. В среднем по Сибири на одну волость приходилось две сеялки, а на одно сельское общество – пять сенокосилок, жаток и молотилок. Молотилки были конные, паровых насчитывалось только 0,5%. Основной двигательной силой в хозяйстве являлись лошади, господствовал ручной труд.

Развитие торгового земледелия и животноводства привело к оформлению целого ряда хозяйственных центров и специализации районов. Основными районами торгового сельскохозяйственного производства являлись лесостепная и степная зоны Алтая. Первая из них имела двойное направление: скотоводство и земледелие,

а в степной зоне на первом месте находилось земледелие, а затем уже скотоводство. Специализированное животноводство господствовало главным образом в лесостепной зоне Алтая, затем – в степной, но оно складывалось также в подтаежной, таежной и особенно в горно-таежной зоне (Бийский уезд).

Богатейшим хлебным районом являлся Барнаульский уезд. Из Барнаула накануне Первой мировой войны ежегодно отправлялось по 4 млн пудов хлеба. К барнаульской группе районов тяготело около 480 тыс. человек сельского населения с 500 тыс. десятин посева и 670 тыс. голов скота в переводе на крупный. Одним из важнейших пунктов вывоза хлеба в Барнаульском уезде стало до этого малоизвестное село Камень. К нему тяготел громадный район: хлеб вывозили из волостей, отстоявших более чем на 250 верст. Переселенческий поселок Секачи, переименованный затем в Славгород, стал центром транзита сельскохозяйственных продуктов, особенно после открытия железной дороги от ст. Татарская. Крупными поставщиками хлеба становятся с. Сорокино – 900 тыс. пудов в среднем за 1909–1911 гг., Шелаболиха – 500 тыс. пудов. По 600–700 тыс. пудов зерна ежегодно скупалось в с. Бердском. Важнейшей водной артерией для массовых перевозок продукции стала Обь с крупнейшим перевалочным пунктом в Новониколаевске. Главными пристанями были Бийск и Усть-Чарышская в Бийском уезде. Хлебные грузы поступали сюда из волостей, находившихся на расстоянии 150–200 верст. Бийский уезд являлся также крупнейшим поставщиком мяса.

Приведенные выше данные красноречиво свидетельствуют о значительном прогрессе в сельском хозяйстве Алтая в предвоенные годы. Было много недостатков и отсталости в хозяйствовании поколений крестьян того времени. Но на их долю выпали и невероятные трудности землепроходцев. Факты ярко и во всей конкретности показывают, сколь поистине героическим, настоящим подвигом был труд и вклад дореволюционного крестьянства по освоению алтайской земли.

11.2. Столыпинские переселения

Плодородные земли Алтайского округа издавна являлись объектом притяжения сотен тысяч малоземельных крестьян из европейской части Российской империи. Несмотря на многочисленные попытки властей ограничить миграции, с 1865 г. в округ почти непрерывно направлялся стихийный поток земледельцев, численность которых к 1905 г. достигла более 650 тыс. человек. По-настоящему небывалые масштабы движение крестьян получило с началом Столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.), поскольку ее составной частью явилась организация миграций за Урал. Применительно к истории Алтая условно датой завершения столыпинской переселенческой политики принято считать 1914 г., поскольку в связи с вступлением Российской империи в Первую мировую войну практически полностью прекратились работы по формированию колонизационного фонда и образованию переселенческих участков соответственно, а также многократно снизился поток мигрантов в Сибирь.

Особенность столыпинских переселений заключалась в том, что государство не только выступало организатором миграций крестьян, но и поощряло их, старалось поставить под свой контроль. На Алтае реализация столыпинской переселенческой политики была связана с опубликованием указа 19 сентября 1906 г.,

предоставившим свободные земли для нужд переселений. Разрешение обустриваться на незаселенных территориях округа, обеспечение мигрантов разнообразными ссудами и льготами, а также издание многотиражных рекламных информационно-справочных работ резко увеличили интенсивность крестьянского движения в регион. Мощная переселенческая волна, хлынувшая на Алтай, застигла врасплох местных чиновников, не успевших подготовить требуемое количество земельных участков. В частности, первое заселение на алтайские земли сопровождалось настоящими беспорядками. И в первый год действия указа многие поселки в округе возникли самочинно, в результате самовольного захвата участков крестьянами. Всего за годы реализации столыпинской переселенческой политики на земли Алтая переселилось более 700 тыс. человек обоего пола, т.е. около 30 % от общего числа столыпинских мигрантов Сибири и Дальнего Востока. В целом на Алтай в 1907–1914 гг. прибыло около 900 тыс. человек, из них чуть более 200 тыс. по различным причинам (не смогли приспособиться к сибирскому климату, не нашли подходящие земли и т.д.) вернулись на родину. При этом 70 % переселившихся крестьян прибыли на Алтай в первые три года после выхода указа 1906 г. Только с 1910 г. наметилось сокращение численности переселяющихся на территорию округа. Это было связано с неурожаем 1910–1911 гг. и уменьшением колонизационной емкости региона на фоне промышленного подъема и мероприятий по улучшению землепользования крестьян в центральных губерниях страны.

Наиболее активно на Алтай ехали выходцы из центрально-черноземных губерний, Украины, Новороссии и Поволжья, где крестьяне более всего ощущали земельную «тесноту». Также в начале XX в. в переселенческое движение оказались вовлеченными жители западных губерний империи (Могилевская, Витебская, Виленская, Гродненская, Смоленская и др.). Все это привело к существенному изменению национального состава населения Алтая, ведь за годы реформы сюда прибыли значительное число украинцев, немцев, белорусов и прибалтов. В округе даже сложились украинская и немецкая «колонии». При этом последняя была самой большой в Сибири.

Как правило, на переселение в Сибирь решались крупные семьи с большим количеством молодых работников. Именно «многоработным» были под силу распашка целины или раскорчевка тайги, строительство дома и другие трудоемкие работы. Эти же обстоятельства, а также тот факт, что на рубеже веков землю выделяли на так называемую мужскую душу, обуславливало преобладание мужчин в составе семей мигрантов. Переселенцы стремились использовать для проезда в Сибирь теплое время года, что облегчало сам переезд, первоначальное устройство, позволяло успеть ко времени сева. В путь, как правило, отправлялись не одиночными семьями, а группами семей, партиями родственников или односельчан. Коллективный переезд позволял поддерживать друг друга в дороге советом, деньгами, пищей. В результате на Алтае возникли целые населенные пункты, жители которых имели родственные или земляческие связи. Их названия отражали наименования мест жительства на прежней родине. Так, жители Валковского уезда Харьковской губернии заселили переселенческий участок Оргозгонь, из которого в дальнейшем вырос поселок Валки. Также на карте Алтайского округа появились Екатеринославский, Курский, Харьковский, Новокиевский, Новополтавский, Елизаветград, Мариуполь, Орловка и другие поселки.

Сама процедура переселения в Сибирь состояла из нескольких этапов. Сначала крестьяне должны были направить в регион ходока для поиска и осмотра, а также

зачисления земли. Зачислением называлось закрепление какого-либо земельного участка за отдельным крестьянским хозяйством. В годы реализации Столыпинской аграрной политики ходачество играло очень важную роль, поскольку оно страховало крестьян от поездки в неведомые земли наобум. Кроме того, в начале XX в. законным считалось только то переселение, которому предшествовало ходачество, поскольку наличие документального подтверждения зачисления земли в Сибири давало право на разнообразные ссуды и льготы от государства. В противном случае крестьяне считались «самовольцами» и лишались государственной поддержки. Ходоки могли представлять как отдельные семьи, так и несколько семей, имели право ехать в Сибирь по железной дороге по специальному льготному тарифу. Крестьяне старались выбирать на роль ходоков наиболее грамотных и предприимчивых однообщинников, не доверяли данную «миссию» бедным хозяевам: «...ему все одно, куда нинабудь приткнуться, потому семья дюже велика и жить тесно». Прибыв в регион и получив информацию у переселенческих чиновников о наличии свободных участков, ходоки приступали к осмотру земель. Они старались выбрать участки поблизости к железной дороге и лесу, учесть качество почвы и рельеф участков. Значительную роль играло и сходство природных условий местности с родиной. Разнообразие ландшафтов Алтая позволяла выходцам из степных губерний подыскать участки в степных районах, жителям лесостепной полосы обосноваться в знакомой природной среде и т.д. Ходачество являлось денежно-затратным предприятием. Так, для успешного ходачества в Томскую губернию в начале XX в. требовалось один-два месяца (без учета времени на проезд до губернии) и значительные по тем временам средства (не менее 30–60 руб.).

После зачисления с помощью ходоков участков крестьяне приступали к ликвидации хозяйства на родине, продавая или передавая в аренду свое имущество. Это стало возможным благодаря указу 9 ноября 1906 г., который разрешал каждому дворохозяину переводить причитающуюся ему общинную землю в частную собственность. Тем не менее вырученные деньги не могли покрыть все предстоящие расходы. Правительство пыталось облегчить их тяготы, выдавая специальные путевые ссуды. Однако размеры ссуд колебались по годам. Например, в 1907 г. ссуда в среднем составляла по 2 руб. на семью, в 1909 г. — 6 руб. 80 коп. Притом, что проезд от Курска до Барнаула на одного человека, включая расходы на провоз багажа и минимальное питание, обходился примерно в 25 руб. В целом, в ходе реализации реформы наблюдалась тенденция к сокращению государственных ассигнований на данную категорию выплат, поскольку правительство стремилось ограничить въезд экономически несостоятельных переселенцев, чтобы избежать движения крестьян в обратном направлении.

В Сибирь крестьяне приезжали преимущественно по железной дороге. Для руководства передвижением по железнодорожному пути были образованы два района: Западный, включающий пути следования в пределах европейской части России до станции Ново-Николаевск, и Восточный — от станции Ново-Николаевск далее на восток. Заведующий Западным районом передвижения проживал в Челябинске, Восточным — в Иркутске. Обязанности заведующих районами передвижения заключались в оказании в пути переселенцам всевозможной помощи (продовольственной, медицинской и административной). На узловой железнодорожной станции Челябинск был организован крупнейший переселенческий пункт, построены остановочный двор, больница, столовые, разнообразные хозяйственные постройки, функци-

онировали санпропускник с дезинфекционной камерой, церковь, приют для сирот переселенцев. Здесь крестьяне могли получить информацию о наличии свободного земельного фонда в различных местностях Сибири и способах проезда до них, организовывалась продажа справочно-информационной литературы. Переселенческие пункты создавались также на других станциях следования. Так, в пределах Томской губернии были открыты переселенческие пункты на станциях Татарская, Каргат, Обь, Болотная, Тайга, Томск, Мариинск, Боготол; на пристанях в Камне, Барнауле, Усть-Чарышской. На них крестьянам предоставлялась медицинская, а также по умеренным ценам продовольственная помощь (например, стоимость порции скромных щей или борща составляла 4 коп., постных — 2 коп., детям до 4-х лет бесплатно выдавали молоко и белый хлеб).

Переселенцы направлялись в Сибирь в вагонах-теплушках, получивших свое название из-за печей, располагавшихся в центре помещения. Конструкция подобного типа вагонов имела ряд недостатков: отсутствовали искусственная вентиляция и уборные, в вагонах не поддерживался постоянный температурный режим. Потому для нужд переселения были также введены в эксплуатацию специальные пассажирские вагоны, оборудованные туалетами, титанами, системами водяного отопления, с расчетом на дальнейшее их использование для транспортировки российских войск. Для упорядочения передвижения переселенцев с 1907 г. устанавливались пять очередей отправки составов продолжительностью две недели каждая и запасная шестая очередь для тех, кто не успел по каким-либо причинам воспользоваться более ранними очередями. Несмотря на предпринятые меры, сами крестьяне-переселенцы отмечали медлительность погрузок поездов, продолжительность остановок, задержки составов, неудобства пересадок, отсутствие необходимых сооружений на станциях ожидания и т.д. Только после 1910 г., когда масштабы переселенческого движения стали сокращаться, произошло качественное улучшение продовольственного и санитарно-медицинского обслуживания переселенцев, увеличилось количество вагонов новой конструкции, были построены новые и переоборудованы имеющиеся переселенческие пункты и т.д.

Решившиеся на переселение крестьяне могли обосноваться на Алтае как в старожильческих селениях, так и на специально отведенных переселенческих участках. Поселиться в деревнях старожилов переселенцы могли двумя путями. Первый путь — в результате поземельного устройства по реформе 1899 г. Так, закон 31 мая 1899 г. предусматривал наделение земель не только старожилов, но и переселенцев при условии, что на момент землеустройства они вели самостоятельное земледельческое хозяйство. Второй путь устройства к старожилам предусматривал получение приемного приговора за денежную плату от старожильческих обществ. Стоимость их колебалась в различных обществах от 40 до 60 руб. за душу мужского пола. Но уже в первый год массового движения столыпинских переселенцев на Алтай цена приемных приговоров выросла до 100–120 руб. Потому приписываться к старожильческим обществам могли наиболее состоятельные мигранты. Сибирские старожилы охотнее давали приемные приговоры в страду, когда особенно острой была потребность в рабочей силе. После же завершения полевых работ оттягивали приписку, повышали цены на приговоры.

Очевидно, что подселение к старожилам имело ряд преимуществ перед устройством на вновь образованных участках. В деревнях старожилов с их сложившейся инфраструктурой переселенцы всегда могли найти жилье, возможность

заработка, приобрести все необходимое для хозяйства и т.д. Более легкой была и обработка земель в дачах старожилов: мигрантам предстояло распахать залежь, а не целину, как на многих переселенческих участках округа. Кроме того, переселенцы полагали, что пашни старожилов отличает лучшее качество почвы. Несмотря на это, к началу XX в. взаимоотношения алтайских старожилов и переселенцев стали приобретать конфликтный характер. Дело в том, что существенное уплотнение населения сказалось на привычном укладе жизни старожилов, хозяйствовавших согласно изречению: «селись, где хочешь, живи, где знаешь, паши, где лучше, паси, где любче, коси, где густо, лесуй, где пушно». Старожилы оценивали переселенцев как врагов своего земельного приволья («стеснили лапотяне»), сторонились их в личном общении, отмечая культурно-бытовые и языковые различия («их (российских) бывало не поймешь, че говорят»). В старожильской среде переселенцев презрительно называли «самоходами», за бедность выходцев из внутренних губерний страны прозвали «вшивой рассеей». Южнорусских переселенцев, выделявшихся особым наречием и чертами культуры (например, ношение лаптей, понев) сибиряки называли «хохлами» или «лапотонами».

Переселенцы считали, что сибиряки «необразованные», называли их «чалдонами». Используя слово «чалдон» (первое значение — «бродяга, каторжник, беглый»), переселенцы исходили из обывательского представления, распространенного в Европейской России, что все сибиряки и есть бывшие каторжники. Представители двух «миров» редко вступали в брак, предпочитая подбирать невест по принципу землячества, обособленно отмечали праздники. Даже в молодежной среде существовало порицание за участие в играх «противоположной» стороны. Неписанными законами запрещалось появление юноши одного края деревни в другом, так как за подобное нарушение ему грозила физическая расправа. Нередко случались драки: «Ребята за девок дрались», «своих девок не раздавали». В населенных пунктах со смешанным населением более высокое социальное положение старожилов выразилось в первоочередности в пользовании землей (как первопоселенцев), признании новоселами прав старожилов на лучшие угодья. Нередко в границах одного селения формировались обособленные группы жителей, называемые «концами» или «краями», например, в с. Усть-Калманка выделялись Кержацкая улица и Курский край, в с. Тальменка существовали Сибирский край и Рязань и т.д.

Более медленное сближение переселенцев и старожилов в культурной сфере и образе жизни не препятствовали взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Прагматические цели двух групп населения совпадали: и те, и другие были заняты тяжелым крестьянским трудом, результативность которого в условиях «сложного» сибирского климата не подлежала прогнозированию. Переселенцы перенимали у старожилов приемы земледелия, сообразные условиям сибирского климата. Старожилы в свою очередь учились способам повышения эффективности крестьянского труда путем применения сельскохозяйственной техники, активно использовавшейся новоселами. В одной из алтайских газет даже писали: «... как ни консервативен старожил-сибиряк... все же смотришь, весной и он ходит за плугом новой конструкции, или осенью молотит хлеб не традиционным цепом, а эльвортовской молотилкой».

Несмотря на некоторые преимущества устройства в селах старожилов, в годы Столыпинской аграрной реформы на Алтае только около 35% мигрантов ежегодно приселялись к старожильческим обществам. А большинство крестьян-переселенцев стремилось устроиться на специальных участках, выделяемых для них государством.

Их формированием занималась местная переселенческая организация, создававшая специальный колонизационный фонд. В него включались свободные земли Алтайского округа, излишки, оставшиеся от землеустройства старожилов по закону 1899 г., и оброчные статьи по мере прекращения на них арендных договоров. Уникальность формирования колонизационного фонда в алтайском регионе заключалась в том, что в отличие от других районов Зауралья, земли переходили в распоряжение государства за деньги, выплачиваемые Кабинету. Государство должно было выплачивать Кабинету по 22 коп. с десятины удобной земли ежегодно в течение 49 лет. Всего под переселенческие участки во всех частях округа было выделено свыше трех миллионов десятин. Один из самых больших массивов переселенческих участков возник в Барнаульском уезде, в волостях Кулундинской и Барабинской степей. До реформы эти местности практически не заселялись, а Кулундинская степь даже была признана малопригодной для земледелия и передана под кочевья казахов. Выделение этих земель обуславливалось потребностью скорейшего устройства многотысячной переселенческой массы. Обустройство здесь крестьян оказалось сопряженным с целым рядом трудностей. Практически лишённые поверхностных вод, покрытые озерами преимущественно с соленой водой, территории алтайских степей потребовали от земледельцев вступить в постоянную борьбу с безводьем. Они рыли колодцы для добычи подземных вод, строили специальные сооружения: «карлыки» (использовались для хранения снега) и запруды (применялись для задержания талой воды), сеяли сорта пшеницы, лучше переносившие засуху (голоколоска, чернеуска и др.), практиковали для сохранения влаги в почве вспашку земли не только весной, но и осенью. Острота борьбы с маловодьем нашла отражение даже в названиях переселенческих участков Кулундинской степи: пос. Колодезный (пос. Городецкий), участок Черные колодцы (с. Златополь), участок Кельты Пресный (с. Лево-Озерское), участок Кельты Горькие (пос. Чесноковка) и др. Сложность обзаведения хозяйством в степных районах была также связана с острой нехваткой леса для строительства. Нередко в первые годы обустройства семьи переселенцев находили приют во временном жилье — землянках. Лишь по истечении некоторого времени приступали к строительству более удобного и надежного жилья. Довольно распространенным типом построек явились недолговечные, но дешевые пластянные избы, сооружавшиеся из дерна. Также переселенцы Кулунды возводили свои дома из самана — строительного материала, представляющего собой смесь глины с соломой. Дефицит леса восполнялся переселенцами использованием в строительстве веток кустарниковых растений (например, для плетения изгородей), а в качестве топлива — навоза, из которого также изготавливались кирпичи («кизяки»).

Крестьяне мужественно переносили трудности первых лет обустройства и всячески старались украсить свое жилье. Например, немецкие поселки отличали чистота и порядок, улицы подметали и в жаркое время года поливали, снаружи дома окрашивали яркими масляными красками, а фасады и заборы украшали орнаментом из цветов и птиц. По воспоминаниям одного из современников, даже темной ночью по наполняющему воздух аромату цветов (табак, петунья, гвоздика, левкой) угадывался немецкий поселок. Проживавшие в Кулундинской степи многие выходцы с Украины постарались сохранить традицию побелки хат, научившись добывать по берегам соленых озер белый мергель (осадочная горная порода), называемый в народе «белая глина».

Сложно складывались отношения переселенцев и казахов, проживавших в Кулундинской степи. Крестьяне-переселенцы обвиняли казахов в кражах скота, самовольных порубках леса, несмотря на то, что зачастую их вину доказать не удавалось. Негативное отношение крестьян к казахам приводило к тому, что последних подозревали во всех злодеяниях. Среди русского населения распространялись всевозможные легенды об их «коварстве». Например, жители с. Константиновка (Златополинская волость) верили, что соленым озеро Большое Шкло стало после того, как вытесненные переселенцами из степи казахи засыпали находящийся в озере родник мукой. В конце XIX — начале XX в. в прессе освещались отдельные случаи столкновения между казахскими жителями округа и пришлыми крестьянами. Наблюдаемая еще в период заселения крестьянами «легкость» перемещения казахов по степи сформировала представление о том, что «казах не вправе пользоваться удобной землей и покосами», так как «он не крещен» и «с японцем не дрался». Тем не менее к началу XX в. враждебность во взаимоотношениях постепенно сменилась хозяйственным сотрудничеством при осторожности в общении и обособленности в быту. Длительное совместное проживание в трудных природно-климатических условиях алтайских степей способствовало взаимообмену хозяйственным опытом. Например, способу сохранения воды в «карлыках» крестьяне-переселенцы научились у казахского населения степей. В свою очередь казахские земледельцы переняли у немецких колонистов приемы обмолота хлеба, позволявшие серьезно экономить время («выиграть целую осень»).

Наряду со степными районами колонизационное движение начала XX в. охватило и горно-лесные районы Алтайского округа. Обустройство переселенцев здесь было связано с так называемым врубанием в тайгу. Особенно трудно проходила в лесных местностях подготовка земли под пашню. Крестьяне практиковали такие способы: «палы» (сжигание леса на корню), «сырцевание» (применялся к молодым деревьям, которые сначала рубили, а затем сжигали), корчевание. Распространение получило также «черчение». Сущность его заключалась в том, что перед выкорчевыванием дерева «подсушивали» путем сдирания части коры в форме кольца. «Очерченные» деревья засыхали длительное время (особенно хвойные породы — лиственница, пихта), поэтому крестьяне с помощью веревок, закрепляемых на верхушках деревьев, вырывали деревья с корнем либо выкорчевывали оставшиеся крупные корни. Безусловно, что работы по расчистке лесных массивов под пашенные пространства были исключительно трудоемкими и требовали привлечения большого количества людских и материальных ресурсов.

Непростыми были отношения русских земледельцев с коренными жителями горных районов Алтая. Дело в том, что до начала реализации Столыпинской аграрной реформы эта территория хаотично заселялась крестьянами, вызывая недовольство аборигенного населения. Запутанность земельных отношений порождала взаимную напряженность и настороженность в отношениях. Постепенно в глазах алтайцев образ русского эволюционировал от «русский как некий “старший брат”» к оценке «русский — угнетатель, захватчик родной земли, презирующий алтайские культуру, традиции и обычаи». В свою очередь русские-переселенцы, не имевшие опыта повседневного общения с инородческим населением, видели в аборигенах своих земельных конкурентов. Выход из этой ситуации был найден к 1910 г., когда инородческое население Горного Алтая было наделено землей по норме 15 десятин на мужскую душу.

Организуя переселения за Урал, государство не оставляло крестьян без поддержки, оказывая им разнообразную помощь. Одним из ее видов являлась выдача денежных ссуд. Ссуды, призванные помочь переселенцам в обзаведении хозяйством, назывались «домообзаводственные». Их размеры не всегда были одинаковыми и колебались по годам. Так, по временным правилам от 25 июня 1903 г. крестьянам полагалось по 100 руб. на семью, а по Правилами о переселении 1908 г. по 165 руб. на семью. Но разрыв между высшим и низшим размером выдаваемой ссуды был весьма существенным: от 100 до 2 руб. Несмотря на то, что по официальным данным стоимость устройства одной переселенческой семьи за Уралом в годы Столыпинской аграрной реформы колебалась от 250 до 500 руб. (затраты на постройку избы, покупку скота, инвентаря и т.д.), в среднем переселенческие семьи получали на руки не более 50 руб. А в 1912 г. появился закон, вообще резко уменьшивший шансы переселенцев Алтая на получение домообзаводственных ссуд. Закон предусматривал выплаты в соответствии с трудностями хозяйственного устройства в той или иной местности. Корректировка этих сумм должна была осуществляться каждые три года. В результате в 1913–1915 гг. ссуды получали только крестьяне, устраивающиеся в степной части Барнаульского уезда (100 руб. на семью) и горно-таежном районе юго-восточной части округа (150 руб. на семью). Переселенцам других частей округа ссуды не выплачивались. Домообзаводственные ссуды выдавались крестьянам частями. Первую половину суммы семья получала по приезду в регион, оставшаяся — только после того, как будет зафиксировано целевое использования первой части. Принятием закона 1912 г. государство попыталось направить крестьян на менее заселенные и «популярные» территории Зауралья. В целом, в последующие годы в связи с существенным уплотнением населения округа ссудное финансирование переселенцев начало сокращаться.

Недостатки имела сама система организации выдачи ссуд. Канцелярии, где они выдавались, зачастую располагались на значительных расстояниях от переселенческих поселков, потому только на дорогу крестьяне часто тратили четверть выдаваемой им суммы. Запоздывание ассигнований, дробление или оттягивание выплат приводили к утрате «полезности» ссуды, и деньги попросту проедались. Крестьяне жаловались: «Когда скот дешев, необходим посев или вспахивается земля, нужен лес — нет ассигновок». Безусловно, что выданных денег было недостаточно для полного устройства новоселов. Тем не менее они были хорошим подспорьем новоселам, прибавлявшим привезенные средства, помогали крестьянам «дотянуть» до первого собственного урожая.

Наряду с домообзаводственными, государство выдавало беспроцентные ссуды на «общеполезные» нужды: обводнительные или осушительные мероприятия, строительство дорог, общественных зданий, сельскохозяйственных предприятий, а также земельное межевание. Так, благодаря государственным кредитам были построены собор в Славгороде, школа в с. Орлеан, мельница в с. Ново-Петровка, почтовые дома в Златополинской волости и т.д. Часто переселенцы старались направить государственные субсидии на строительство церквей. Ведь церковь не только обеспечивала религиозно-бытовые потребности крестьян (крещение, соборование, отпевание и т.д.), но и давала так необходимую им духовную поддержку. Именно вера помогала переселенцам выдержать тяготы жизни на новой родине, смягчала тоску по оставленным родственникам и родным местам.

Государственная политика в отношении переселенцев, помимо оказания адресной помощи (ссуды и льготы), предусматривала создание соответствующей инфраструктуры в местах вселения (дорожные и гидротехнические работы), развитие системы медицинского обслуживания, содействие в деле преодоления агрономической отсталости и распространения сельскохозяйственной техники.

Значительные усилия государства были направлены на формирование дорожной сети Алтая: строились новые и ремонтировались старые дороги, осуществлялись изыскания для прокладки новых линий. В правительственной классификации дорог даже появился особый тип дорог – «дороги, строившиеся с целью колонизации». В целом темпы дорожного строительства повсеместно отставали от процесса создания переселенческих участков. Нередки были случаи, особенно в лесных районах округа, когда крестьяне попросту не могли добраться до труднодоступного нового места жительства. Тем не менее с 1911 г. в связи с курсом правительства на экономическое укрепление новоселов наметился непрерывный рост бюджетных расходов на дорожное дело. В этом же году в Алтайском округе было налажено автомобильное движение между станцией железной дороги Татарская и с. Купиным в Кулундинской степи. Однако в распоряжении переселенческой организации находилось только два автомобиля, поэтому автомобильное сообщение не стало здесь регулярным. Наряду с колесными дорогами в период столыпинских переселений началось активное строительство железных дорог, связывающих отдельные районы округа с Транссибирской магистралью. В 1910–1912 гг. был разработан проект Алтайской железной дороги (Ново-Николаевск – Барнаул – Семипалатинск), от которой была построена ветка на Бийск. В Кулундинской степи железнодорожная линия соединила станцию Татарская Сибирской железной дороги с Славгород. Первый поезд пришел в Славгород 12 августа 1916 г., а с января 1917 г. началось регулярное пассажирское сообщение. Все это способствовало ориентации крестьянских хозяйств на работу не только «на себя», но и на производство товарного хлеба, поставлявшегося на рынки Российской империи.

Помимо дорожного строительства, государство развернуло гидротехнические и ирригационные работы в засушливых частях Алтайского округа. Они включали в себя сооружение колодцев и разнообразных наружных водохранилищ. Все эти мероприятия были непосильны переселенцам в силу своей дороговизны. Так, средняя стоимость колодца в 1907 г. в степной части Барнаульского уезда составляла 436 руб., поскольку для его сооружения требовалось не только проведение глубокого бурения, но и доставка леса, заготавливаемого на значительном от мест водворения расстоянии. А стоимость устройства водохранилища колебалась от 800 руб. до 15 тыс. руб. Несмотря на все усилия переселенческой организации, в полной мере в начале XX столетия проблема безводья в маловодной и засушливой части округа (Кулундинская степь) так и не была решена.

Отдельное внимание было уделено медицинскому обслуживанию мигрантов, отличавшихся большей подверженностью, по сравнению со старожилами, инфекционным заболеваниям (оспа, тиф брюшной, дизентерия, цинга, чесотка и др.). Это объяснялось более низким качеством жизни переселенцев, особенно в первые годы обустройства в Сибири. Проживание во временных жилых помещениях, скудный рацион питания, значительное количество детей в составе семей переселенцев, прибытие в переселенческие поселки новых партий мигрантов, нередко заболевавших в дороге и являвшихся разносчиками инфекций, и целый ряд других обсто-

ятельств приводили к развитию эпидемий. В частности, в 1908 г. переселенцами была занесена в Томскую губернию эпидемия азиатской холеры. В июле 1909 г. в д. Комаринской Барнаульского уезда была зафиксирована эпидемия тифа, также занесенная в деревню мигрантами. В пределах Алтайского округа (в Славгороде, Камне, пос. Тройновском) были построены больницы и приемные покои. Количество медицинских пунктов и численность их персонала по мере заселения мигрантами территории округа постепенно увеличивалась. В то же время рост количества лечебных учреждений не соответствовал степени заселенности региона.

Заинтересованное в прочном оседании мигрантов на новой родине государство всемерно способствовало повышению агрокультуры крестьян. Созданные в регионе агрономические организации проводили просветительскую работу (в формате курсов, бесед, демонстрационных показов), осуществляли научно-опытные мероприятия (например, по искусственному травосеянию), распространяли среди крестьян улучшенные сорта семян. В частности, в 1911 г. сотрудниками таких организации были проведены для крестьян демонстрации рядовых сеялок, зерноочистительных и льномяльных машин. Кроме того, на Алтае возникла сеть складов, на которых крестьяне могли приобрести так необходимую им сельскохозяйственную технику. Для сравнения: в 1909 г. в Томской губернии функционировали 20 складов, а к 1911 г. уже 82 склада. Наибольшим спросом среди крестьян-переселенцев пользовались орудия, ускоряющие обработку почвы, а также облегчающие уборку урожая (косилки, жатки, сноповязалки, молотилки, веялки и т.д.). До 1906 г. продажа подобных орудий являлась редким явлением, и именно переселенческое движение из центральной части России создало на них массовый спрос.

Немаловажное значение в истории миграционного движения начала XX в. имел и тот факт, что сами крестьяне-переселенцы нередко придерживались активной жизненной позиции. Они занимались акклиматизацией привычных для их рациона культур (выращивали арбузы и дыни, цветную капусту, бобовые культуры, пытались разводить яблони). Привезли в регион новые породы скота, твердые сорта пшеницы (белотурка, кубанка, черноколоска, синеуска), способствовали выращиванию на Алтае китайской ржи, черного овса, гречихи и проса. Жители немецких поселков научились варить кофе из доступных им заменителей: молотого цикория, жареных зерен ячменя или пшеницы. Переселенцы стремились различными способами «покорить» сибирскую природу. Например, они расширяли посевные площади за счет сокращения земель для выпаса скота, залежи или пара, прибегали к аренде пашенной земли. Они надеялись, что большая запашка защитит их от капризов погоды. Практически полностью отказались от использования примитивных орудий вспашки — сох, используя более производительные буккера, применяли орудия, ускоряющие сбор урожая (косилки, жатки, сноповязалки, молотилки и т.д.).

Хозяйства столыпинских переселенцев отличало и активное привлечение к полевым работам женщин, что объяснялось не только традиционными причинами (высокая мужская смертность, военные мобилизации), но и стремлением крестьян ускорить создание необходимой материальной базы на новом месте жительства путем напряжения всех семейных сил. Эти старания остались не напрасны, и основная масса столыпинских переселенцев значительно улучшила свое землепользование. Обеспеченность землей устроенных в округе крестьян-переселенцев выросла как минимум в 7–8 раз, поскольку в среднем им было отведено около 18 десятин пахотной земли на двор против имеющихся на родине четыре десятины. Тем не менее разме-

ры наделов являлись своеобразной компенсацией за худшее качество пахотных земель, выделяемых крестьянам в зонах рискованного земледелия (степи, предгорья). Сказывался и «жадный» характер землепользования переселенцев, надеявшимися в многоземельной Сибири улучшить свое благосостояние за счет больших посевов и собранного зерна соответственно.

Кроме того, совсем не получили земли «самовольцы», обосновавшиеся на Алтае в обход официальных правил. К 1917 г. численность таких безземельных крестьян-переселенцев (включая переселенцев достопыпинских времен) составляла свыше 200 тыс. человек. Не имевшие посевов и скота, они сдавали свою рабочую силу в наём. Образовывали такую категорию сельского населения, которую принято называть «сельскохозяйственный пролетариат». В целом, сравнительно с другими категориями крестьянского населения Алтайского округа (старожилы и переселенцы второй половины XIX в. – 1906 г.) среди хозяйств стольпинских мигрантов количество зажиточных было меньшим по вполне понятным причинам: требовалось немало времени и труда для того, чтобы крестьяне могли крепко встать на ноги.

Нельзя не отметить, что миграции начала XX столетия стимулировали движение Алтая по пути модернизации. Так, благодаря переселениям в начале XX в. несколько большее распространение получила не коллективная (общинная) форма пользования землей, а более современная для того времени индивидуальная (подворная). Уплотнение населения, приведшее к ограничению земельного простора, потребовало от старожилов корректировки экстенсивного характера использования земли. Теперь стало невозможным неограниченное введение в сельскохозяйственный оборот все новых и новых площадей. Крестьяне-старожилы стали сокращать сроки отдыха земли в залежи, говорили: «ковыля не ждем» (т.е. хорошей травы, что являлось признаком восстановления плодородия почвы), переходила на трехпольный севооборот (залежь – пар – пашня). Модернизации подвергся даже внешний вид жителей округа: многие сибиряки по примеру переселенцев стали носить одежду, напоминающую городскую, шить из покупных материалов, приобретать готовые изделия.

Стольпинские переселения оказали колоссальное влияние на историю Алтая, потому некоторые историки характеризуют их как «переселенческую революцию». Нет, наверное, ни одной стороны развития округа, которая была бы не затронута миграционными процессами начала XX в. Крестьянские переселения дали мощный импульс для роста хозяйственного и демографического потенциала алтайского региона, кардинальным образом изменили уклад жизни «коренного» населения (старожилы, казахи, автохтонное население Горного Алтая), способствовали экономическому и культурному объединению имперского центра с отдаленной окраиной.

11.3. Подати и повинности, общественное положение и социальная структура крестьянства

Одним из центральных и наиболее болезненных вопросов во взаимоотношениях между крестьянством Алтая и государством вместе с Кабинетом оставалась система податей и повинностей. Крупная ее реформа была проведена по закону 18 января 1899 г., когда существовавшие до этого архаичные подушные сборы были, наконец,

отменены. Но заменены они были государственной оброчной податью, которая сама была едва ли меньшим анахронизмом и пережитком феодальной эпохи, а в Европейской России оброчные подати к тому времени давно уже были отменены. Данная подать являлась формой реализации права собственности на крестьянские земли со стороны Кабинета и государства. Государственная оброчная подать была в три раза выше так называемой поземельной подати, взимавшейся с немногочисленной в Сибири категории частных владельцев земли. Реформа 1899 г. мало изменила положение крестьян Сибири, а на Алтае оброчная подать даже была увеличена на 18 %, причем в дальнейшем ее размер периодически повышался.

Помимо оброчной подати, алтайские крестьяне начиная с 1908 г. вносили выкупные платежи. К двум другим видам повинностей крестьян относились земские и мирские сборы, в которых в свою очередь большое место занимали различные натуральные повинности (исправление, ремонт, поддержание дорог и мостов, поставка подвод, опалка лесов, отвод квартир и пр.). В сибирских условиях обременительность натуральных повинностей была особенно велика, а к тому же отбывание их часто сопровождалось грубым вмешательством в крестьянскую жизнь, притеснениями и произволом властей и администрации округа. Система раскладки повинностей, опиравшаяся на общину, основывалась преимущественно, как и прежде, на подушном принципе (по годным работникам), несла в себе много несправедливости для низших, малообеспеченных слоев крестьянства.

В среднем к 1917 г. на каждый двор приходилось податей и повинностей около 23 руб. в год, т.е. меньше, чем в помещичьем центре страны. И в этом отношении сибирский крестьянин также находился в несколько более благоприятных условиях, был более свободным. Но для крестьян-бедняков указанная сумма повинностей часто была непосильна и вносилась за счет сокращения потребления.

Власти выколачивали подати и недоимки самыми безжалостными методами. Широкие размеры приобрела практика описи и продажи с торгов имущества недоимщиков. В Бийском уезде был случай, когда съезд крестьянских начальников обсуждал вопрос, могут ли быть проданы у крестьян-недоимщиков без разрешения их хозяев самовар и баня. И, принимая во внимание, с «одной стороны, значение для крестьянина в интересах питания самовара, а с другой — бани, необходимой в интересах здоровья рабочего человека», решили, что баня и самовар не могут быть проданы за долги. Можно было пустить с молотка все хозяйство крестьянина, оставив ему баню и самовар.

Крестьяне Алтая жили в условиях крайне ограниченных политических прав; над ними, как и во всей стране, стояла целая армия охранителей самодержавного режима — исправники, приставы, крестьянские начальники, чиновники, служащие Кабинета и т.д. А так как Сибирь была обойдена даже многими из ограниченных реформ, проводимых в Европейской России (земства, суд присяжных и т.д.), то политический произвол и притеснения, бесправие масс проявлялись особенно сильно.

В начале XX в. три четверти сельского населения оставались неграмотными, а женщины были неграмотны почти поголовно (90 %). Это во многом определяло духовный облик крестьянства, способствовало консервации его патриархальности и отсталости.

Наблюдалась очень высокая смертность, особенно в детском возрасте. По переписи 1917 г. среди детей до одного года умирало свыше 20 %, средняя продолжительность жизни населения с учетом детей составляла всего 15,5 лет, а у взрослых

старше 18 лет — около 55 лет. Низкая продолжительность жизни объяснялась инфекционными болезнями и отсутствием здравоохранения, недоеданием, антисанитарной обстановкой и пр. И неудивительно: в 1907 г. в Сибири вместе с городами на одного врача приходилось 12500 жителей.

Как отразились на уровне жизни крестьянства новые реалии начала XX в.? Средние данные показывают рост всех экономических показателей у переселенцев, хотя средние показатели скрывали бедность большей части переселенцев и обогащение меньшинства. Но переселенцы в целом не достигли уровня жизни сибирских старожилов, при том, что часть их успешно развивала свое хозяйство. Что касается алтайской деревни в целом, то землеустройство, политика Кабинета и переселения привели к нивелировке ее жизненных условий на более низком уровне.

Уже говорилось, что крестьяне в Сибири жили значительно лучше, чем в Европейской России. Они были более свободными, имели больше земли и средств к устройству устойчивого хозяйства, лучше питались. На Алтае сохранялось угнетение со стороны Кабинета, но все же это были не помещики.

Но никаким «обетованным» краем для крестьян Сибирь не была. Наряду с бурным ростом производства, освоением новых земель, расширением и умножением богатств господствовали и нищета значительной части населения, беспомощность в борьбе с суровой сибирской природой, беззащитность против стихийных бедствий. Обычным явлением в алтайской деревне, как и во всей стране, был периодически повторяющийся массовый голод. В 1908–1910 гг. неурожаем были поражены самые плодородные и густонаселенные уезды — Барнаульский и Змеиногорский. В 1911–1912 гг. в стране голодало около 20 млн человек, сильнейший голод поразил и весь Алтай. Во многих селениях в помощи нуждалось больше половины населения, а 40 % дворов совсем не имели средств для приобретения продовольствия. Люди пухли от голода. Голод вызывал цинготные и тифозные эпидемии, приводившие к массовой смертности, особенно детей. В некоторых переселенческих поселках Кулундинской степи в 1911 г. тиф и цинга унесли до 40 % населения. От недостатка кормов погибло до 30 % скота. Неурожаи вызывались не только тяжелыми природными условиями, но и агротехнической отсталостью сельского хозяйства. Они несли многим тысячам крестьян полное разорение, голод и вымирание.

Аграрный строй в Алтайском округе отличался противоречивостью: наряду с развитием фермерства и расширенным экономическим воспроизводством для многих слоев крестьянства была характерна экономика «выживания» и бедности.

Начало XX в. отличают новые явления не только в экономике, но и в социальной структуре крестьянства, как и во всем устройстве жизни села. Столыпинские реформы дали толчок развитию товарного производства, фермерских хозяйств и сельского предпринимательства. Фермерское предпринимательство присуще было в основном высшей зажиточной группе алтайского крестьянства, которая составляла около 20 % хозяйств. В Томской губернии в старожильческих селах сельская верхушка производила около 55–60 % товарного хлеба; в среднем один двор давал товарного хлеба в 40 раз больше, чем бедняцкий, и в 8 раз больше, чем середняцкий. А если брать всю товарную продукцию, а не только хлеб, то в Сибири один двор из группы сельской верхушки поставлял на рынок продукции столько же, сколько шесть бедняцких или четыре середняцких хозяйства. В зависимости от специализации хозяйства фермерское предпринимательство охватывало различные отрасли: производство зерна, мяса, молочное скотоводство, лесные промыслы, пчеловодство.

Но часть зажиточных крестьян (около 2%) занималась не производством, а ростовщицеством и торговлей. Торгово-ростовщический капитал получил широкое распространение: скупщики крестьянской продукции, владельцы торговых лавок, ростовщички, пересдатчики в аренду казенных и кабинетских земель. Их деятельность носила спекулятивный и грабительский характер и приводила к кабальной зависимости крестьян от таких богачей. Наиболее яркие типы скупщиков процветали в отдаленных и захолустных местностях, а также у коренных народов.

Алтай нельзя назвать районом крупного фермерского хозяйства; многие условия землепользования и сбыта сдерживали этот процесс. Неизвестны хозяйства со многими сотнями десятин посева и подобными размерами скотоводства, как на юге России. В Барнаульском уезде по переписи 1917г. у зажиточной группы крестьянства посевов в среднем на один двор приходилось всего-то 17,4 десятин. Наем рабочей силы не имел широкого распространения и носил в основном потребительский характер. Для большинства крестьян производство велось лишь для пропитания. Но в целом товарность зернового производства была высокой и составляла в 1913г. более 36%.

Имелись относительно крупные хозяйства. В Томской губернии 3251 двор имел от 21 до 50 рабочих лошадей, 80 дворов – от 51 до 100 лошадей и 10 дворов – свыше 100. Однако все эти хозяйства в совокупности составляли лишь 0,6% от общего количества хозяйств в губернии. Если относить к группе предпринимателей хозяйства, имевшие свыше 25 десятин посева или более 10 рабочих лошадей, то в Томской губернии они составляли от 1 до 1,4% дворов. При обследовании в 1911–1912гг. в районе Славгорода выделялась группа сверхкрупных хозяйств (их было 2,6%); они имели посева на один двор 33,4 га, 78,9 голов скота, в том числе рабочего – 9,3, коров – 11,6. В Барнаульской волости в 1905г. С.А. Третьяков (с. Савинский Станец) имел 50 коров, 13 десятин посева; П.А. Гледов (с. Бруснево) – 18 рабочих лошадей, 70 коров, 260 овец и 53 десятин посева; Ф.П. Рясков в том же селе – 15 лошадей, 85 коров, 330 овец и 48 десятин посева; Н.А. Зиновьев также из с. Бруснево – 15 рабочих лошадей, 21 корову, 36 десятин посева.

Крупным фермерам, зажиточным крестьянам принадлежала большая роль в развитии производства и освоении земель. Но в деревне шел процесс глубокого социального расслоения. Историками приводятся разные данные, по одним из них на Алтае в 1917г. богатая верхушка составляла 19–20%, середняки – 33–34%, а беднота – 47–48%. Согласно уже упоминавшемуся обследованию в 1911–1912гг. в районе Славгорода крупные хозяйства сосредоточивали в своих руках в 21 раз больше средств производства, чем бедняки, и в 7 раз больше, чем середняки; в частности, посевов у них было в 8 раз, скота – в 12 раз больше, чем в хозяйствах бедняков. Основная масса крестьян вела лишь мелкотоварное, полунатуральное хозяйство.

У коренных народов со скотоводческим направлением хозяйства также выделялась богатая байская прослойка населения со сверхвысоким уровнем содержания скота. В Горном Алтае хозяйства, имевшие 50–100 и выше голов крупного рогатого скота, составляли 3,8% дворов, 150 и выше голов мелкого скота – 4,5%, 200 и выше голов лошадей – 1,6%.

Многие трудящиеся крестьяне, разоряясь, превращались в батраков у зажиточных. Батрачить начинали иногда в возрасте 8–10 лет, а то и раньше: дети пасли скот, помогали по хозяйству. Подростки составляли около 1/5 участников промыслов. В материалах обследования Барнаульской волости за 1905г. говорится: «Возить коп-

ны травы берут ребятишек лет 6–7 и платят им за день (от зари до зари) 10 коп. За день такой работник может свезти 100 копен». Никакого трудового законодательства, регулирующего условия работы, не существовало. Труд женщин и детей оплачивался в 1,5–2 раза дешевле мужского. Наемные работники в сельском хозяйстве получали на 20–30% меньше, чем в промышленности.

11.4. Влияние Первой мировой войны на хозяйство и положение крестьян

Серьезные изменения в сельское хозяйство и положение крестьянства внесла Первая мировая война. Ее влияние было противоречивым: развертывание заготовок продовольствия для армии способствовало зерновому производству, но оно подрывалось упадком производительных сил, обеднением крестьян. Товарность хлеба резко снизилась. В конце 1916г. цены при заготовках стали невыгодными, и крестьяне симулировали продажи, несмотря на давление государственных органов. Загруженность Сибирской магистрали военными перевозками привела к сокращению вывоза зерна. В результате всего этого сложились даже значительные запасы хлеба. Происходила заметная переориентация хозяйства на скотоводство.

Война отвлекла от земледельческой труда и поставила под угрозу физического истребления тысячи крестьян. В Алтайской губернии (она была выделена из Томской в середине 1917г.) к 1917г. в войска было взято из сельского хозяйства 53,7% работников. Последствия этого особенно сильно сказывались среди бедняков. Основная тяжесть работ в годы войны пала на женщин и детей. В тяжелых работах по пахоте участвовало до 46% женщин, в посевной было занято около 36% подростков-мальчиков от 12 до 14 лет, в пахоте принимали участие и около 5% мальчиков 8–11-летнего возраста.

Мобилизации изъяли огромное количество лошадей. Некоторые села совсем «обезлошадилась». Завоз сельскохозяйственного инвентаря резко сократился, а имевшийся у крестьян инвентарь изнашивался и приходил в негодность. Запчасти в 1917г. продавались на 120% дороже, чем до войны. Нуждалось в ремонте около 1/3 машин и орудий.

Обстановку в селе еще больше осложнили стихийные бедствия: засуха 1915г. сменилась холодной весной 1916г. и снежной бурей в мае, а затем снова почти до августа стояла засуха. В 1915–1916гг. из-за недостатка кормов на Алтае и юге Сибири пало около одного миллиона голов скота. В 1915г. на Алтае собрали 85,5 млн пудов хлеба, что составляло лишь 32,8% от сбора 1914г. Произошло сокращение посевов, особенно по наиболее товарным отраслям сельского хозяйства, в первую очередь в хозяйствах, из которых мужчины были призваны в армию. В Бердской волости Барнаульского уезда эти хозяйства засеяли в 1914г. 1082 десятины, а в 1916г. — только 464. Однако процессы в сельском хозяйстве развивались противоречиво: сокращение посевов было неравномерным по культурам, в отдельных местностях они, наоборот, расширялись.

В условиях войны сокращалось производство масла. Произошло свертывание торговых отношений с западными странами. Повлияло и то, что власти производили реквизиции масла по твердым низким ценам. Но в то же время начинает

развиваться сыроварение: сыр был более транспортабелен, и его сбыт не монополизировался государством.

В жизни крестьянского населения значительно усилилась роль маслодельческой, кредитной и потребительской кооперации, происходит ее бурный рост. Если маслодельческие кооперативы отражали беспрецедентный подъем сибирского производства масла, то широкое распространение сельских потребительских обществ и кредитных кооперативов было реакцией на рост цен на потребительские товары у частных торговцев и потребностей крестьян в более дешевых ссудах на хозяйственные нужды, их стремления избавиться от разорительного засилия ростовщиков и спекулянтов. Потребительских обществ в Сибири было в 1913г. 368, в 1916г. — уже 2123, а в 1917г. — 5435.

Крестьян разоряли реквизиции хлеба, рабочего скота, овса, повозок и т.д. Возросли подати и повинности. От исполнения их не освобождались даже солдаты, на долю которых и без того выпали особенно большие жизненные лишения. В крупных городах начался голод. Продовольственный кризис разразился и в деревне. Питание основных слоев крестьян значительно ухудшилось, а многие семьи, особенно семьи солдаток, жили на ничтожное казенное пособие и голодали. Барнаульский исправник доносил в январе 1917г., что у многих крестьян уезда хлеба не осталось даже на семена. Тяжело отражалась на населении растущая дороговизна. Экономическое состояние многих хозяйств подошло к крайней критической черте.

О дальнейшем обнищании трудящихся крестьян ярко говорил рост во время войны числа безземельных, беспосевных и безынвентарных хозяйств. Многие крестьяне порывали с земледелием, в сохранившихся архивных карточках переписи 1916г. пестрят надписи: «хозяйства нет».

Углублялась социальная поляризация крестьянства. Верхушка деревни, используя продовольственный кризис и дороговизну, быстро обогащалась. Источники ее обогащения изменились: она наживалась теперь не столько путем увеличения посевов и поголовья скота, сколько спекуляцией, ростовщичеством. На губернском съезде кооперативов 1915г. говорилось: «...каждый год хлебники-спекулянты отнимают у мужика, и без того нищего, сотни миллионов рублей...». Многие из «кулаков» в своей «спекулянтской деятельности» сокращали или даже совсем забрасывали занятие земледелием.

Война резко усиливала факторы, революционизирующие крестьянские массы. Жизнь крестьянина нельзя понять без обращения к его духовной сфере, характерных в то время особенностей его мировосприятия. Массовое крестьянское сознание к 1917г. было разнонаправленным для различных слоев крестьянства, противоречивым и меняющимся со временем. Можно говорить лишь о господствовавшем мировоззрении.

Центральной сущностной установкой крестьянства была общинность, проявляющаяся во всем жизненном строе: в землепользовании, хозяйствовании, в личностных взаимоотношениях. Условия суровой сибирской жизни, опасности разорения еще больше развивали у людей чувства доброты, коллективности, готовности к помощи. Во многих местах было общепринятым пустить ночевать в дом проезжего. Часто несколько хозяйств объединяли инвентарь и рабочий скот, которого у них было мало, и совместно выполняли работу. Это называлось «супрягой». В Барнаульской волости к супряге прибегала 1/5 часть хозяйств.

Господствовали представления о «моральной экономике», присущей и российской деревне в целом, — о необходимости обеспечения физического выживания каждого члена крестьянского общества. Были широко распространены идеи об уравнительности в распределении земли и всех деревенских ресурсов, о социальных гарантиях и нормах взаимоподдержки, справедливости, обязанностях власти и представителей имущих верхов по отношению к крестьянам. Преобладающей формой землепользования была община. В Томской губернии она занимала 2/3 земель. Частная собственность на землю воспринималась крестьянской массой как неправомерная и несправедливая: «земля — ничья, земля — божья». Имелось общее с российским крестьянством противоречивое сочетание приверженности государственному началу и анархизм, редкая покорность и бунтарство, настроенность на всеобщее спасение и всеобщее благо, социальную справедливость.

В связи с модернизацией в начале XX в. стала быстро происходить сложная трансформация образа жизни крестьян и способов его осознания, менталитета. Традиции старожиллов нарушаются. Новым рыночным факторам соответствовали такие свойства, как развивавшийся индивидуализм, расчетливость, личный интерес, скупость. Острый кризис переживало «имперство» крестьян в виде веры в царя. Утверждается антимонархизм, усиливаются идеи прямого и непосредственного участия народа в управлении государственными и местными делами. Первую мировую войну первоначально часть крестьянства восприняла как неподвластное стихийное бедствие, как необходимость защиты от германской агрессии. Однако поскольку война противоречила всем основополагающим ценностям крестьянина, отрывала его от земли и работы, обеспечивавшей ему жизнь, то отношение к ней не могло быть положительным. Война обострила взаимоотношения крестьян с властями, недовольство их своим положением, породила ожидания разрешения социальных противоречий и чаяний. Происходит дальнейшее усиление антимонархических настроений. Царь обвинялся в плохой жизни крестьян, о нем отзываются как о ничтожной личности. Его называют «бабой», «дураком», «глотом» и т.п. Крестьянин с. Савино Бийского уезда Томской губернии С.С. Зырянов заявлял: «Вот если бы самих царей выгнать на войну, да побить бы их так, как наших детей бьют, тогда бы они узнали, как льется кровь наших детей». Распространенными были высказывания о ненужности царя вообще.

Война вызвала дальнейшую эскалацию социальной нетерпимости, радикализацию, склонность к крайним силовым действиям, выливающимся в продовольственные беспорядки солдаток, эксцессы, в «борьбу за хлеб и волю» расправными и захватными способами. Происходит активизация бунтарского архетипа ментальности крестьянства. Формируется образ внутреннего врага в стране, стали явно преобладать установки на революционное обновление. Жестокости войны разрушали нравственность и патриархальную семью, создавали конфликт поколений. Распространялось пьянство, преступность, увеличивались семейные разлады. Наблюдается девальвация человеческой жизни. В деревне вызревали глубокие психологические предпосылки радикального социального взрыва.

Глава 12

ТРАНСПОРТ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, РАБОЧИЕ. ТОРГОВЛЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНОПОЛИЙ В НАЧАЛЕ XX в.

12.1. Транспорт, промышленность, рабочие

В 90-х гг. XIX в. была проложена Великая Сибирская железная дорога (Транссиб). Ее западносибирский участок был завершен в 1896–1897 гг. По территории Алтайского округа прошел только небольшой отрезок дороги, но именно на кабинетских землях, где Транссиб пересек Обь, и начал расти Новониколаевск (Новосибирск), получивший статус города в 1903 г. Сибирская магистраль, безусловно, оказала большое влияние на социально-экономическое развитие Алтая, в том числе и на его промышленность.

Накануне и в годы Первой мировой войны на Алтае были выстроены частные железные дороги – Алтайская, Кулундинская, Кольчугинская. Строительство Алтайской и Кулундинской дорог было тесно связано со Столыпинской аграрной реформой, а Кольчугинской – с развитием угольной промышленности Кузнецкого бассейна. Вопрос о строительстве дорог от Транссиба в южном направлении поставило в 1911 г. Переселенческое управление. Алтайская железная дорога должна была связать Барнаул, Бийск, Семипалатинск с Новониколаевском, а Кулундинская дорога – Славгород с Татарском на Сибирской магистрали. Строительство этих дорог всячески поддерживали городские думы алтайских городов. Обе эти железные дороги должны были положительно повлиять на доставку алтайского зерна к Сибирской магистрали и облегчить передвижение переселенцев на Алтай.

Алтайская железная дорога строилась с 1913 по 1915 г., ее официальное открытие состоялось в Барнауле 3 ноября 1915 г., здесь же разместились управление дороги, Главные железнодорожные мастерские (в советское время Барнаульский вагоноремонтный завод) и одно из трех основных депо, два других депо находились на станциях Новониколаевск и Рубцовка, четыре оборотных депо разместились на станциях Черепаново, Алтайская, Бийск, Семипалатинск.

Строительство Кулундинской железной дороги началось весной 1914 г., завершилось в 1916 г. Коренное депо находилось на станции Татарская, а оборотное –

в Купино, управление дороги разместилось в Омске. Кольчугинская дорога состояла из основной ветки Юрга — Кольчугино и вспомогательных: Топки — Кемерово, Кольчугино — Кольчугинский рудник, планировалась ветка и на Барнаул, но она не была построена. Строительство этой дороги велось в 1913–1916 гг. Управление дороги размещалось в Томске. Самой протяженной из перечисленных дорог была Алтайская — 764 версты. Все перечисленные частные железные дороги были построены в годы Первой мировой войны, когда уже прекратилось переселенческое движение, рынок испытывал потрясения, а железные дороги выполняли иные задачи, чем в мирное время. Они были заняты перевозками грузов для фронта, мобилизованных, беженцев из западных регионов и военнопленных.

В начале XX в. росло значение водного транспорта. Главная водная артерия Западной Сибири Обь, как известно, течет с юга на север, и когда была проведена Сибирская железная дорога, то грузы с пристаней Алтая стали в основном доставляться к Новониколаевску для перегрузки на железнодорожный транспорт, поэтому объемы перевозок водным транспортом по сравнению с XIX в. значительно увеличились. Так, отправки грузов с пристаней Барнаула в 1904–1910 гг. колебались от 2 до 7 млн пудов (максимальный показатель за этот отрезок времени был в 1908 г. — 6,7 млн пудов), из Камня — от 600 тыс. до 3,4 млн пудов (максимальный показатель в 1910 г. — 3,4 млн пудов), из Бийска — от 500 тыс. пудов до 2,7 млн пудов в 1908 г. По отправлению на первом месте шли хлебные грузы. Барнаульская пристань была на Алтае крупнейшей. Показатели за 1908 г., по сведениям городской думы, выглядели так: отправлено 7 млн пудов, прибыло 2,6 млн пудов грузов, пассажиров прибыло и выехало по 25 тыс., переселенцев прибыло 26 тыс., выехало 6 тыс. человек. Перевозки осуществляли 13 пароходных компаний, у каждой из них на берегу Оби были свои причалы, в том числе местные — Е.И. Мельниковой, Е.В. Ельдештейна, Г.И. Фуксмана, И.К. Платонова, а также крупнейшей пароходной компании из Тюмени «Западно-Сибирского товарищества пароходства и торговли», томского купца В.А. Горохова, тобольских купцов Плотниковых и др.

В Барнауле самое мощное пароходство было у Е.И. Мельниковой, в 1908 г. оно состояло из 6 пароходов, 6 барж, общей вместимостью в 490 тыс. пудов, а в 1910 г. у нее было уже 10 пароходов, число барж не изменилось. Суммарная мощность пароходов составляла 2130 л.с., три парохода — «Богатырь», «Двигатель» и «Воткинский завод» — имели мощность свыше 500 л.с. каждый. Главным грузом для флотилии Е.И. Мельниковой был хлеб, его было перевезено в 1908 г. 1,6 млн пудов, в 1909 и 1910 гг. — по два миллиона пудов.

В начале XX в. на Алтае развивалась горная и обрабатывающая промышленность. Как и ранее, важной отраслью была добыча золота. Но многие старые месторождения россыпного золота были уже истощены, этим можно объяснить падение добычи у крупных во второй половине XIX в. компаний — «Алтайского золотопромышленного дела» и «Южно-Алтайского золотопромышленного дела». Но росла добыча рудного золота, в том числе на кабинетских рудниках, арендуемых частными компаниями. В целом добыча золота частными компаниями в начале XX в. была меньше, чем в последней четверти XIX в. Если в 1900 г. на 66 приисках и трех рудниках было добыто 113 пудов золота, то в 1908 г. — 20 пудов, в 1910–1913 гг. добывалось немногим более 40 пудов, в 1915–1917 гг. — от 32 до 37 пудов. Число занятых рабочих составляло в 1900 г. 3000 человек, накануне и в годы Первой мировой войны — от 1,5 до 2,5 тыс. человек.

В конце XIX — начале XX в. Кабинет стал сдавать месторождения полезных ископаемых частным компаниям в аренду. Наиболее крупным арендатором месторождений цветных металлов с 1903 по 1914 г. была австрийская компания «Турн-и-Таксис и доктор Жаннэ». По договорам 1903, 1905 и 1908 гг. эта компания получила концессию на добычу и выплавку цветных металлов в Алтайском округе. По договору 1 мая 1908 г. срок концессии определялся в 60 лет. В Змеиногорске компания построила золотоизвлекательную фабрику, планировалось строительство завода цветной металлургии в Зырянске. Главное внимание компания уделяла добыче золота. Действительно, накануне Первой мировой войны указанная компания добывала по 13–14 пудов золота ежегодно и занимала по данному показателю первое место на Алтае. Но ухудшение русско-австрийских отношений, а затем и начавшаяся Первая мировая привели к запрету деятельности этой компании на Алтае. Напомним, что Австро-Венгрия и Россия были противниками в войне.

В годы Первой мировой войны начался новый этап в развитии цветной металлургии Алтая. Арендатор кабинетских рудников Риддерское горнопромышленное акционерное общество на территории Змеиногорского уезда Томской губернии и в Семипалатинской области развернуло добычу руды и выплавку металлов. Один из заводов находился в Риддере, на котором обогащали руду, извлекали золото и серебро, на заводе в Экибастузе выплавлялись медь, свинец, цинк. В 1917 г. Риддерским обществом было получено на заводах Алтая и Казахстана 23 пуда золота, 142 пуда серебра, около 95 тыс. пудов цинка, 80 тыс. пудов свинца и 5 тыс. пудов меди.

В Кузнецком округе, который, напоминаем, в то время входил территориально в Алтайский округ, развивалась добыча каменного угля, которую осуществляла компания «Копикуз» (Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей), созданная в 1912 г. Крупнейшие угольные шахты названной компании размещались в Кемерове и Кольчугине. Если в 1913 г. данной компанией было добыто 618 тыс. пудов, то в 1914 г. — 3095 тыс. пудов, в 1917 г. — 18132 тыс. пудов. Копикуз не ограничивался только добычей угля, это общество строило Кольчугинскую железную дорогу, арендовало старый кабинетский Гурьевский завод, а в годы Первой мировой войны возводило в Кемерове коксохимический завод.

Обрабатывающая промышленность специализировалась главным образом на переработке продукции сельского хозяйства, а также производстве строительных материалов. Приблизительное представление о динамике обрабатывающей промышленности дают материалы губернской статистики, которые публиковались в «Обзорах Томской губернии». В «ведомости о фабриках и заводах» включалась информация о всех типах заведений — и мелких, и фабричного типа. На территории Алтайского округа в 1900–1912 гг. насчитывалось 6–7 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности, в среднем это были небольшие заведения с двумя-тремя работающими (без разделения рабочих и владельцев). В 1900–1904 гг. сумма производства предприятий составляла суммарно 3 млн руб., в 1905 г. превысила 5,6 млн руб., в 1910 г. — 17,8 млн руб., в 1912 г. — около 43 млн руб. Число занятых в обрабатывающей промышленности лиц составляло в 1900 г. около 10 тыс. человек, в 1912 г. — более 18 тыс. человек.

О соотношении разных групп производства можно судить по сведениям за 1912 г. Всего было учтено 7338 заведений, сумма производства составляла 42,8 млн руб., занято 18167 человек. Более всего было учтено мукомольных мельниц — 2841 (38,7% от учтенных предприятий), сумма их производства состав-

ляла 1323,5 тыс. руб. (3,1%), маслодельных заводов — 1323 (18%), с суммой производства 20,7 млн руб. (48,3%), кузниц — 924 (12,6%), стоимость продукции всего 144,1 тыс. руб. (3,3%), так называемых крупчатных мельниц учтено было всего 15 (0,2%), но стоимость продукции составляла 11,4 млн руб. (26,6%). Таким образом наибольшее количество продукции по стоимости давали маслодельные предприятия и крупчатные мельницы. Но если маслодельные заводы являлись мелкими, в основном крестьянскими заведениями, с одним-тремя работниками, часто это были члены одной семьи или артели, то крупчатные мельницы считались современными промышленными предприятиями.

Процесс строительства фабричных предприятий на Алтае наиболее заметно наблюдался после пуска Сибирской железной дороги. По данным Томского губернского управления, в 1910 г. в Алтайском округе в обрабатывающей промышленности было 111 предприятий с паровыми двигателями, в том числе в Барнаульском уезде — 63, Змеиногорском — 19, Бийском — 14, Новониколаевске — 13, Кузнецком уезде и городе Колывани — по одному. Из них только 20% возникло до 1905 г., а 80% — с 1905 по 1910 г.

Одной из наиболее динамичных групп производства было крупчатное производство, а крупнейшим в Сибири центром стал Новониколаевск, новые мукомольные паровые мельницы строились также в Камне, Бийске, Славгороде и ряде сел. Накануне Первой мировой войны (1912–1914 гг.) производство муки на шести мельницах превышало 1 млн руб., а суммарно — 10 млн руб. Это были предприятия с паровыми двигателями и современным оборудованием, которое чаще всего поставлял известный московский завод мельничного оборудования А. Эрлангера. Назовем эти шесть мельниц, фактически мукомольных фабрик: Ново-Николаевское крупчато-мукомольное товарищество (Т.С. Лобастов, В.С. Корольков и К°), Алтайская фабрично-промышленная компания, Южно-Алтайская мукомольная компания. Эти три предприятия размещались в Новониколаевске, мельница купца В.А. Горохова в с. Бердском (в то время — в Барнаульском уезде), мельница торгового дома «А.И. Винокуров с сыновьями» в Камне и старая, но модернизированная мельница в Повалихе Барнаульского уезда торгового дома «И.И. Федулов с сыновьями». Крупный сибирский предприниматель Иван Кулаев, один из основателей в 1905 г. мельницы Алтайской фабрично-промышленной компании, писал в воспоминаниях: «Мельница, построенная мною в Новониколаевске, являлась самой крупной в крае. Она могла перемолоть в крупчатку 8000 пудов в сутки». Большая паровая мельница также была у купцов Морозовых в Бийске.

Накануне Первой мировой войны активно начали строить паровые мельницы немцы-переселенцы в степных районах Алтая. В 1911–1912 гг. была построена трехэтажная мельница в селении Гальбштадт (владелец А. Цярст), ее суточная производительность составляла 2,5 тыс. пудов, в 1910 г. в Славгороде появилась трехэтажная мельница торгового дома «Фрей и Васловский», в 1914 г. Г. Ритт возводит четырехэтажную мельницу в Змеиногорском уезде.

Следует отметить, что мука многих мельниц экспонировалась на всевозможных выставках разного уровня и неоднократно отмечалась наградами за хорошее качество.

Винокурное производство в начале XX в. было представлено шестью предприятиями. Наиболее крупными являлись — самый старый на Алтае Иткульский винокурный завод в селе Соколово Бийского уезда И.К. Платонова и Е.И. Судовской (производительность составляла около 300 тыс. ведер спирта) и барнаульский завод

братьев Ворсиных и Олюниной (более 200 тыс. ведер), прочие заводы – купца Поскотинова в Баюновских Ключах под Барнаулом, купца Рыбакова в Бийске, семипалатинского купца Плещеева в Змеиногорске и барнаульского предпринимателя Олюнина в Кузнецком уезде были меньше по объему выпускаемой продукции. В 1908 г. названные заводы произвели 1126,7 тыс. ведер 40-градусного спирта. Но спирт после введения в 1902 г. монополии на производство и торговлю водкой должен был сдаваться частными заводчиками на казенные монопольные склады, фактически спиртоочистительные заводы. Они на Алтае были построены к 1902 г. Эти современные предприятия с паровыми двигателями и современным оборудованием были электрифицированы и размещались в специально построенных капитальных зданиях. Многие из бывших монопольных складов, например барнаульский и змеиногорский, в советское время были переоборудованы в ликеро-водочные заводы. На территории Алтайского округа было открыто пять складов, в 1908 г. стоимость произведенной ими продукции и число рабочих составляли (в скобках указана стоимость продукции в миллионах рублей и число рабочих): Барнаульский (2,5; 110), Новониколаевский (2,0; 82), Змеиногорский (1,6; 71), Бийский (1,5; 79), Кузнецкий (0,3; 18).

Дальнейшее развитие в начале XX в. получило пивоваренное производство, прежде всего в городах, но небольшие пивоваренные заводы имелись и в селах – Змеиногорском, Волчихе, Камне. Наиболее крупные заводы этой группы, с производительностью в денежном выражении свыше 100 тыс. руб. (сведения 1912–1913 гг.), размещались в Барнауле – заводы братьев Ворсиных и Андроновских и в Новониколаевске – Рейхзелигмана. Заводы производили не только пиво различных сортов, но и квас, фруктовые воды.

В группе предприятий по «обработке животных продуктов» наибольшее развитие получили овчинно-шубные, пимокатные, кожевенные. Как и ранее, в данных производствах преобладали заведения небольшие по размеру и с использованием ручного труда, но на некоторых предприятиях стали устанавливаться паровые машины и оборудование, например, на пимокатных фабриках И.И. Полякова и А.И. Полякова в Барнауле, кожевенных заводах П.Д. Сухова в Барнауле и Морозовых в Бийске. Наиболее полная информация о пимокатном производстве содержится в материалах ремесленной переписи 1910 г. Так, общее число пимокатных предприятий в Барнауле было 118 с 1257 рабочими и 124 учениками, 16 заведений имели от 16 до 25 рабочих, а 21 заведение – более 25 рабочих. Таким образом, в эту группу включены не только ремесленные заведения, но и предприятия мануфактурного и даже фабричного типа. Отметим, что продукция барнаульских предприятий закупалась интендантством для армии.

Лесопильное производство было представлено кабинетскими лесопильными заводами в Барнауле, Новониколаевске и Павловске, наиболее крупным был барнаульский, он размещался на территории бывшего сереброплавильного завода, в самом центре города, и частными. По сведениям Главного управления Алтайского округа, в 1914 г. всего в Алтайском округе насчитывалось 28 частных лесопильных заводов, их производительность составляла более 0,5 млн распиленных бревен, было занято более 400 рабочих. Самыми крупными предпринимателями в данной группе производства и торговли были барнаульские купцы братья Козловы. В 1915 г. обороты их торгового дома составили 1,5 млн руб., заводы располагались в самом Барнауле, а также селе Легостаеве. Заводы имели не только паровые двигатели, но и собственные электроустановки. В советское время на месте ле-

сопильного предприятия Козловых в Барнауле было организовано мукомольное предприятие и выстроен элеватор.

Крупнейшим предприятием обрабатывающей промышленности дореволюционного Алтая была бийская льноткацкая фабрика братьев Бородиных, построенная в 1909–1910 гг. Для нее были выстроены специальные кирпичные корпуса, не только производственные, но и казармы для рабочих, завезено импортное оборудование. Фабрика изготовляла грубое полотно, льняные мешки, брезент. Льняные мешки были востребованы для упаковки зерна и муки, а брезент стал необходим во время мировой войны. Именно в годы Первой мировой войны производство расширилось, число рабочих превысило 600 человек, а стоимость продукции – 800 тыс. руб.

Металлообрабатывающее производство получило заметное развитие только в годы Первой мировой войны, когда были получены значительные заказы на изготовление снарядов и прочей продукции. Наиболее крупным предприятием данной группы стал барнаульский завод торгового дома «Д.Я. Алейников и Н.Д. Аверин». Этот столичный торговый дом специализировался прежде всего на подрядах по строительству железных дорог, участвовал он и в строительных работах на Алтайской железной дороге. Барнаульский завод должен был изготавливать всевозможную арматуру для строительных работ. Кстати, этот торговый дом выстроил первый в городе четырехэтажный кирпичный дом («небоскреб»), сохранившийся до настоящего времени. Но после начала войны завод перешел на выпуск продукции для нужд армии – снарядов, подков, мин. Стоимость его продукции составляла 250 тыс. руб., число занятых рабочих – 200 человек.

В годы Первой мировой войны произошли изменения и в прочих группах производства. Одни группы переживали тяжелейший кризис, другие, получившие заказы, развивались. После введения «сухого закона» в 1914 г. были остановлены винокурное и пивоваренное производства, прекратили деятельность и монопольные спиртоочистительные склады. Барнаульский склад к тому же был разгромлен в дни мобилизации, а главный его корпус сгорел. Предприятия, которые не получали заказов, а следовательно, топлива и сырья, прекращали свою деятельность, в их числе, например, небольшие кожевенные, пимокатные, шубные заведения. Те заведения, которые получили заказы, напротив, расширялись. Особенно была востребована продукция сибирских кожевенных заводов. Для их успешной работы необходимы были заказы от интендантства (через военно-промышленные комитеты), соответственно, отпуск сырья. Особенно расширили производство бийский завод наследников Е.Г. Морозовой (90 тысяч кож, 140 рабочих) и барнаульский завод П.Д. Сухова (стоимость продукции – 200 тыс. руб., 45 рабочих). В Новониколаевске был открыт завод «1915 года», с производительностью 50–75 тысяч кож в год.

Итак, в начале XX в. в промышленности Алтая наблюдались существенные изменения в сравнении со второй половиной XIX в. После закрытия сереброплавильных заводов в 1893 г. изменилась политика кабинетских властей в отношении частного предпринимательства. Месторождения полезных ископаемых стали сдаваться в концессии частным компаниям, что привело к росту добычи рудного золота и каменного угля. В обрабатывающей промышленности был снят запрет на установку паровых двигателей и котлов, что повлияло на техническое оснащение предприятий. Можно констатировать факт перехода от дофабричных форм к фабрике, что особенно ярко проявилось в мукомольном производстве. Но мелкое и мануфактурное (кожевенное, шубное, пимокатное) производства все еще занимали значительную нишу. Возросла

роль городской промышленности, она развивалась в Барнауле, Новониколаевске, Бийске, Камне (город с 1915 г.). Разумеется, города Алтая не превратились в индустриальные центры, какими в начале XX в. являлись Петербург, Москва, Иваново и др. Но развитие транспорта и промышленности в начале XX в. определило рост численности рабочих и изменения в его составе.

Всего в Алтайском округе, включая Новониколаевск, в 1900 г. насчитывалось около 25 тыс. рабочих, в 1914 г. — 42 тыс., в 1917 г. — 56,2 тыс. человек. Наиболее значительные группы в 1917 г. составляли занятые в обрабатывающей промышленности — 18,2 тыс., в горной промышленности — 7,7 тыс., строительстве — 13,3 тыс., железнодорожном транспорте — 10 тыс. человек. В числе наиболее крупных предприятий были: Кемеровский рудник (2448 человек), Кольчугинский рудник (1689 человек), Гурьевский завод (619 человек), строительство Кемеровского коксохимического завода (852 человека). Всего на предприятиях Копикуза было занято в 1917 г. 5758 человек. Среди других предприятий отметим Бийскую льноткацкую фабрику (600–700 рабочих), Главные железнодорожные мастерские Алтайской железной дороги в Барнауле (400 рабочих) и депо (250 рабочих). Всего на Алтайской железной дороге работало более 4000 человек, а в период строительства цифра доходила до 19 тыс. человек. В числе относительно крупных предприятий следует также отметить металлообрабатывающий завод Д. Я. Алейникова и Н. Д. Аверина в Барнауле (200 рабочих), предприятия в Риддере (более 2000 рабочих).

Новые предприятия требовали притока кадров, в том числе квалифицированных, которых местный рынок труда не мог обеспечить. Поэтому на многих предприятиях было велико количество пришлых рабочих. Это в целом ускорило процесс формирования рабочих на Алтае. Пришлые рабочие преобладали среди строителей и эксплуатационников железных дорог. Водники — плавостав и грузчики — занимались в начале навигации в Тюмени, а в этот город они обычно пребывали с Урала и Поволжья. Владельцы Бийской льноткацкой фабрики Бородины первых ткачей пригласили из Владимирской и Костромской губерний. На строительстве Кемеровского коксохимического завода была группа (30 человек) квалифицированных строителей из Сормова (под Нижним Новгородом), они приехали вместе с мастерами В. Е. Коробовым и Ф. М. Житковым.

Но на старых предприятиях часто контингент рабочих был постоянным. Весьма показательные результаты дало изучение состава рабочих Иткульского винокуренного (в советское время спиртового) завода под Бийском. Источники показали, что многие семьи в селе Соколове живут около двух столетий и связаны профессионально именно с данным предприятием. Многие фамилии жителей деревни перечислены в общественном приговоре 1867 г. о разрешении купцу Г. Т. Бадьину строить винокуренный завод. В нем упомянуты 15 фамилий Воробьевых, по 7 Быковых, Камышевых, Фоминских. Материалы Всероссийской переписи 1917 г. свидетельствуют, что все перечисленные семьи по-прежнему проживали в селе. Показательно, что и в советский период, и в настоящее время на Иткульском спиртзаводе работает много представителей семей, которые здесь жили еще в 1917 г. и даже в XIX в. Это Быковы, Бушины, Слажневы, Уткины и др.

Если во второй половине XIX в. на Алтае почти не применялся женский труд и слабо детский, то в начале XX в. возросло применение женского и детского труда. Сказанное относится к монопольным складам, Бийской текстильной фабрике и другим предприятиям. Так, на текстильной фабрике в 1916 г. из 610 рабочих по 42 %

составляли женщины и дети. Особенно показательны результаты обследования рабочих Барнаула в 1925 г. По их данным, начали работать в возрасте до 18 лет 82,6% рабочих города, в том числе до 14 лет – 40% рабочих. В целом, главным источником формирования и пополнения кадров рабочих были крестьяне, как местные, так и пришлые из Европейской России.

Существенные изменения в составе рабочих произошли в годы Первой мировой войны. Многие мужчины были мобилизованы в армию, их места занимали женщины, подростки, беженцы, военнопленные, а также реквизируемые «инородцы». На строительстве Кулундинской железной дороги из 2010 человек 1027 человек (51%) были иностранными рабочими с Дальнего Востока, 722 человек (36%) – «реквизированными инородцами». Труд военнопленных широко применялся на строительстве, в горной и обрабатывающей промышленности.

Экономическое положение рабочих существенно не изменилось в сравнении с второй половиной XIX в., т.е. оставался продолжительным рабочий день, не решался или слабо решался жилищный вопрос, зарплата не обеспечивала достойной жизни, в большинстве случаев неудовлетворительны были условия труда, особенно на предприятиях горной промышленности. И все же вплоть до 1914 г. наблюдалась тенденция роста зарплат и сокращения рабочего дня. В значительной мере повлияло на это рабочее движение, борьба трудящихся за свои права, хотя сразу же надо оговориться, что на Алтае это движение было слабым в сравнении с другими районами Сибири и тем более Центральной России.

Так, в горной промышленности Алтайского округа месячная зарплата в рублях на протяжении так называемого операционного сезона составляла в 1895–1899 гг. – 22, в 1900–1904 гг. – 25,5, в 1905–1909 гг. – 31,4, в 1910–1914 гг. – 33,3. В фабрично-заводской обрабатывающей промышленности месячная зарплата в рублях составляла в 1897 г. – 15,1, 1902 г. – 18,6, 1908 г. – 20,9, 1916 г. – 25,1. На предприятиях обрабатывающей промышленности рабочий день составлял 11–13 часов, на мелких – иногда значительно больше. Условия труда зависели от размеров и технической оснащенности предприятий. Как правило, на крупных они были несколько лучше – в железнодорожных мастерских и депо, Бийской текстильной фабрике, паровых мукомольных мельницах, но значительно хуже в кожевенных, овчинно-шубных, пимокатных заведениях, где такие заболевания, как ревматизм, экзема, сибирская язва и даже туберкулез, были частым явлением.

В целом же формирование и рост прослойки рабочих не могли не оказывать влияния на общественно-политическую жизнь в регионе.

12.2. Развитие торговли. Деятельность монополий

На развитие торговли и уровень предпринимательства в целом влияли следующие обстоятельства: рост населения, последствия проведения Сибирской железной дороги, развитие банковской системы.

Сибирская железная дорога способствовала расширению связей региона с Центральной Россией, Уралом и одновременно – между Западной и Восточной Сибирью. В межрегиональном разделении труда Западная Сибирь и Алтай как ее важнейший сельскохозяйственный район поставляли не только в Европейскую Россию, на Урал,

но и в Восточную Сибирь продукты сельского хозяйства, ввозились же главным образом промышленные изделия. Только с 1897 по 1899 г. доставка грузов из Европейской России по железной дороге возросла (в тыс. пудов): изделий из металла с 824 до 2365, мануфактурных товаров с 210,3 до 538,8. Одновременно в Сибири падали цены на промышленные изделия по сравнению со второй половиной XIX в. Увеличился вывоз из Западной Сибири зерна, сливочного масла и другой сельскохозяйственной продукции.

Если в ряде мест вдоль Сибирской железной дороги падала роль ярмарок, то этого нельзя сказать об Алтае, здесь их количество росло. Но с ярмарок, по наблюдениям Т.К. Щегловой, известного исследователя ярмарочной торговли Сибири, «ушел» хлеб. На ярмарках скупали скот, мясо, масло, кожи, изделия промыслов. Если в 1899 г. в Алтайском округе насчитывалось 108 ярмарок, то в 1912 г. — 509. Но средние обороты ярмарок падали. Если в 1895 г. средние показатели сумм привоза товаров составляли 71 тыс. руб., то в 1910 г. по ярмаркам Барнаульского уезда — 19,7; Бийского — 16,3; Змеиногорского — 15,0. Но даже в сельской местности росла роль стационарных торговых заведений. Так, в селе Алтайском Бийского уезда в 1912 г. насчитывалось 27 торговых заведений с оборотами в 243,5 тыс. руб. При этом обороты только мануфактурно-галантерейного магазина бийского купца А.П. Фирсова составляли 85 тыс. руб., т.е. одну треть от всего объема торговли в селе. Впечатляет размах торговли в селе Камень. По сведениям за 1911 г., там насчитывалось 10 торговых магазинов, 160 мелочных лавок, 10 складов сельскохозяйственных орудий, 8 контор скупки сливочного масла, три транспортные конторы, два пивных склада, две казенные винные лавки. Некоторые крупные села превратились в торговые центры общесибирского масштаба, прежде всего это Камень в Барнаульском уезде и Усть-Чарышская Пристань в Бийском уезде.

Еще быстрее формировалась торговая инфраструктура городов — Барнаула, Бийска и Новониколаевска. По сведениям за 1912 г., торговых предприятий I–III разрядов, обложенных промысловым налогом, было учтено: в Барнауле 502 с оборотами в 19,8 млн руб., в Новониколаевске — 469 с оборотами в 14,8 млн руб., в селе Камень — 89 с оборотами в 7,3 млн руб., в Бийске — 285 с оборотами в 5 млн руб., Усть-Чарышской Пристаней — 77 с оборотами в 2 млн руб., а всего на территории Алтайского округа (без Кузнецкого уезда) — 3980 предприятий с оборотами в 68,1 млн руб. В эти показатели не вошли казенные заведения (склады и лавки) по продаже водки, так как в 1902 г. в Западной Сибири была введена монополия государства на этот вид торговли.

В Барнауле по оборотам торговли накануне Первой мировой войны первое место занимали предприятия по скупке экспортного сливочного масла и продаже сельскохозяйственной техники, на втором месте шли заведения по торговле мануфактурными и галантерейными товарами. В Бийске на первом месте находились мануфактурно-галантерейные торговые заведения, на втором — специализирующиеся на торговле с Монголией.

Если во второй половине XIX в. наиболее распространенным типом торговых заведений в городах были лавки, то в начале XX в. растет количество магазинов, отвечающих лучшим стандартам того времени, т.е. с просторными залами, большими стеклянными витринами, электрическим освещением, главное — с большим ассортиментом товаров. К таким магазинам можно отнести магазины Второвых в Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Камне, пассаж И.Ф. Смирнова в Барнауле

(построен в 1909 г.), магазины А. Г. Морозова и П. Д. Сухова в Барнауле, магазин Винокуровых в Камне, Осиповых в Бийске и др. Владельцы стали придавать большое значение рекламе, которую размещали в газетах, на страницах «Сибирского торгово-промышленного календаря», отдельно изданных листовках. Один из современников, писатель А. Топоров, писал о барнаульских магазинах: «Универмаги Второва, Морозовых, Смирнова, предназначенные для чистой публики, могли бы стоять на любой центральной улице Москвы или Петербурга».

Обороты отдельных компаний достигали миллионных показателей. Так, за 1913 г. обороты торгового дома «А. Г. Морозов с сыновьями» в Барнауле составили около 4 млн руб. (универсальная торговля), пассажа И. Ф. Смирнова, там же – около 2 млн руб., магазина А. В. Осипова в Бийске – одного миллиона рублей. Но первое место на Алтае занимал торговый дом «А. И. Винокуров с сыновьями», обороты его торговли составляли 5 млн руб., а по некоторым данным, даже 7 млн руб. Правление торгового дома размещалось в Камне, но торговля велась по всей северо-западной части Барнаульского уезда, главные же операции приходились на хлебную торговлю, при этом зерно и муку вывозили в Новониколаевск, Томск и даже Иркутск.

Хлебная торговля, как и раньше, играла важную роль в экономической жизни региона. Сначала хлеб скупали в крупных селах, например, по сведениям за 1907–1910 гг., его приобретали (в тыс. пудов) в селах: Сорокино – 600; Анисимово – 450; Волчиха – 440; Славгород – 400 и т. д. Из сел зерно свозили на пристани в Бийск, Усть-Чарышскую, Барнаул, Камень и некоторые более мелкие, далее зерно водным путем следовало в Новониколаевск (до 40 % алтайского хлеба) или Тюмень (более 30 %). Перевозками зерна занимались частные пароходные компании – и местные, и тюменские, томские и пр. Только из Барнаула отправки зерна водным путем составляли 3–4 млн пудов. В Новониколаевске часть алтайского зерна перерабатывали на местных мельницах, часть зерна отправляли в западном, часть – в восточном направлении. Вывозу зерна из Западной Сибири в западном направлении препятствовал Челябинский тарифный перелом. Он был введен в 1896 г. и отменен в 1913 г. Челябинский перелом устанавливал повышенный тарифный сбор на вывозимый в западном направлении сибирский хлеб, при этом на другие грузы он не распространялся. Введен он был с целью избавить производителей хлеба в европейской части страны, прежде всего помещиков, от конкуренции более дешевого сибирского зерна.

Большое развитие на рубеже XIX–XX вв. на Алтае получили скупка сливочного масла на экспорт и торговля «принадлежностями молочного хозяйства», а также сельскохозяйственной техникой. Эта сфера предпринимательства была преимущественно в руках иностранных компаний. Масло скупали в основном датские, в меньшей мере английские, немецкие, голландские предприниматели, они же продавали сепараторы и «принадлежности молочного хозяйства». В торговле сельскохозяйственной техникой лидировала американская Международная компания жатвенных машин, но присутствовали в данном секторе рынка и российские производители, например, «Работник», «Столь В. Г. и К°».

В 1906–1910 гг. отправка сливочного масла с обских пристаней составляла (в тыс. пудов): из Барнаула от 367 в 1907 г. до 456 в 1908 г., из Бийска – от 212 в 1906 г. до 312 в 1910 г., из Камня – от 100 до 200. В отчете Томского губернского статистического комитета отмечалось, что в губернии имеется 16 значительных

рынков сбыта масла, в том числе (в тыс. пудов): Барнаул — 550; Камень и Бийск — по 250; Усть-Чарышская Пристань — 50 и т.д.

А по сведениям Барнаульской городской управы, в 1913 г. экспортеры в городе скупили 193011 бочонков масла, т.е. 675,5 тыс. пудов (объем одного стандартного бочонка составлял 3,5 пуда). В продаже сельскохозяйственной техники и на Алтае, и в Сибири в целом лидировала Международная компания жатвенных машин из США. На Алтае свои отделения у нее были в Барнауле, Бийске, Камне, Змеиногорске. Так, в 1912 г. обороты только бийского склада составляли 200 тыс. руб.

Росла в начале XX в. и внешняя торговля с Монголией и Китаем через Бийск, чему способствовало устройство в 1902 г. колесной дороги по Чуйскому пути. Объем экспорта через Бийск в денежном выражении варьировался от 300 до 800 тыс. руб., в экспорте преобладали текстильные товары, в импорте — шерсть, не потерял своего значения и ввоз сурковых шкур. Сумма импорта превышала экспорт и доходила до 4 млн руб. (в 1910 г.). Ряд компаний стали скупать монгольское сырье за деньги и серебро. Как и раньше, русско-монгольская торговля находилась преимущественно в руках бийских купцов. Но крупную торговлю с Монголией (от 400 тыс. до одного миллиона рублей) вел также купец А.В. Колмаков, который одновременно выбирал билеты тюменского 1-й гильдии, ялуторовского 1-й гильдии и бийского купца 2-й гильдии.

В годы Первой мировой войны в сфере торговли происходили негативные явления, которые определялись переводом экономики на «военные рельсы», кризисом железнодорожного транспорта, административными, чаще всего неумелыми, методами руководства экономикой. Продукты питания (зерно, мука, мясо, сливочное масло) заготавливались для нужд армии, но не всегда удавалось их вывезти. Так, были случаи, что заготовленное зимой мясо вывезти не успевали, оно гнивало на станциях Алтайской железной дороги. Был запрещен вывоз зерна из Западной Сибири в Восточную. Прервались традиционные торговые связи с Европой, в частности, поставки туда сливочного масла. Падение покупательского спроса и одновременно рост цен негативно сказывались на состоянии торговли. Так, цены к началу 1917 г. в сравнении с 1914 г. составили на зерно, муку, мясо около 200 %, на обувь — около 300 %, а на текстиль — 700 %. Наблюдался дефицит ряда товаров, в том числе сахара, текстиля. «Сухой закон», введенный во время мобилизации 1914 г., привел к сокращению объемов торговли и сокращению оборотов торговли ряда компаний, которые ранее занимались этим видом предпринимательства, некоторые специализированные фирмы вовсе прекратили свою деятельность. Крупнейший в Барнауле торговый дом «А.Г. Морозов с сыновьями» в конце 1916 г. продал свои магазины за 550 тыс. руб. Алтайскому союзу кооперативов, объясняя этот шаг нежеланием торговать в условиях дороговизны и дефицита.

Развитие частной промышленности, парохозяйства и особенно торговли в начале XX в. определяло и рост прослойки предпринимателей. В 1898 г. был принят закон о промысловом налоге, в соответствии с которым для занятия торговлей и промышленностью требовалось приобретать промысловые свидетельства, а гильдейские купеческие свидетельства не обязательно. Это привело по стране в целом к сокращению численности гильдейского купечества. Хотя многие, особенно старые купеческие семьи, т.е. состоящие из нескольких поколений, предпочитали оставаться в купеческом сословии. Существовали некая купеческая корпоративность, традиционные не только семейные, но и сословные связи. Показательно, что даже в новых

экономических центрах формировалась прослойка гильдейского купечества, в частности, в Новониколаевске, Камне, Усть-Чарышской Пристанни.

Так, например, в Новониколаевск перебрались купцы из ряда городов и сел Томской губернии, в том числе с Алтая, в их числе были Жернаковы из города Колывани, Суриковы, Маштаковы из Барнаула, А.С. Зорин и его зять К.Ф. Ленкшевич из села Крутихи Барнаульского уезда. Слой предпринимателей Новониколаевска пополнили в прошлом крестьяне из алтайских деревень Корольковы и Т.С. Лобастов, ставшие в молодом городе владельцами паровых мельниц и крупными хлеботорговцами. Одновременно Новониколаевск привлек немало крупных предпринимателей, в том числе гильдейских купцов, из Европейской России, в их числе были царицынские купцы 1-й гильдии Туркины, двинский купец 1-й гильдии А.И. Каган (Коган) и др. Приезжие предприниматели пополняли ряды буржуазии и старых алтайских городов. Например, братья Бородины из г. Котельнича Вятской губернии основали в Бийске льноткацкую фабрику.

В Барнауле и Бийске численность гильдейского купечества в начале XXв. почти не изменилась. В Барнауле в 1897г. насчитывалось лиц купеческого сословия 281, в 1908г. — 196, в Бийске соответственно — 127 и 165. Но резко увеличилась численность гильдейского купечества в Барнаульском уезде, т.е. в сельской местности, с 121 человека в 1897г. до 463 человек в 1908г., такого роста в прочих уездах Алтая не наблюдалось. Связано это было с особенно значительным ростом сельского населения Барнаульского уезда и развитием торговли в сельской местности.

По форме организации капитала на Алтае, как и во второй половине XIXв., преобладали семейные торговые дома — «А.Г. Морозов с сыновьями», «А.И. Винокуров с сыновьями», «Братья Бородины» и т.д. Более совершенные и современные формы организации капитала — акционерные общества — были здесь в основном представлены предпринимательскими кругами Центральной России, чаще всего Петербурга и Москвы. Позиции местных предпринимателей в разных сферах экономики были ослаблены конкуренцией крупного российского и зарубежного капитала, по ряду направлений у местной буржуазии вообще не было шансов конкурировать с более сильным капиталом из Центральной России, прежде всего — Петербурга и Москвы (в банковском деле, железнодорожном строительстве, горнодобывающей отрасли).

Монополистические тенденции в экономике на рубеже XIX–XXв. стали проявляться и в Сибири. Монополии могли создаваться, во-первых, местными предпринимателями либо, во-вторых, внедряться предпринимателями других регионов и зарубежных стран. Но преобладал второй вариант.

Если не считать барнаульского городского общественного банка им. В.Г. Бодунова с весьма небольшим капиталом, то следует отметить, что банковская сеть на Алтае была представлена отделениями петербургских частных коммерческих банков и Государственного банка. Первое отделение частного коммерческого банка было открыто в Барнауле в 1894г. (Сибирского торгового банка), позже отделения этого же банка были открыты в Бийске и Камне. Русско-Китайский (с 1910г. — Русско-Азиатский) банк имел свои отделения Бийске, Барнауле и Усть-Чарышской Пристанни. В Барнауле же было в 1909г. открыто отделение Русского для внешней торговли банка. Отделение Государственного банка в Барнауле открылось только в 1911г. В Бийске также имелось отделение Петроградского Международного банка. Показательно, что банковские отделения были открыты в двух селах — Камне и Усть-Чарышской Пристанни, в то время как в ряде малых городов Сибири их не было во-

все. Этот факт еще раз подчеркивает значимость названных сел как экономических центров того времени. Банки выполняли важную функцию в кредитовании частной промышленности и торговли. В числе клиентов банков, в частности, Государственного, были не только крупные предприниматели, но и крестьяне, которые брали кредиты на устройство маслозаводов, покупку сепараторов и сельскохозяйственной техники. Кредиты крупных предпринимателей исчислялись десятками и сотнями тысяч рублей. Так, кредиты торгового дома «А.И. Винокуров с сыновьями» составляли 100 тыс. руб. в 1910 г. в Барнаульском отделении Сибирского торгового банка, 250 тыс. руб. в 1916 г. в Новониколаевском отделении Госбанка, торгового дома «А.Г. Морозов с сыновьями» – в Барнаульском отделении Сибирского торгового банка в 1910 г. – 125 тыс. руб., в Барнаульском отделении Госбанка в 1912–1916 гг. – от 100 до 150 тыс. руб.

В руках крупного столичного капитала находилось строительство частных железных дорог – Алтайской, Кулундинской, Кольчугинской. Учредителями Акционерного общества Алтайской железной дороги были действительный статский советник С.С. Хрулев, тайный советник Я.И. Утин, отставной статский советник А.К. фон Дрейер, дворянин В.П. Зуров. Акционерный капитал составлял 7,2 млн руб. Я.И. Утин был представителем столичной банковской элиты и входил в разное время в правления ведущих банков и акционерных обществ. Учредителями Акционерного общества Алтайской железной дороги являлись петербургские банки – Учетно-ссудный, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Торгово-промышленный.

Кулундинская железная дорога строилась на деньги Азовско-Донского банка, Кольчугинская – на средства Копикуза. Акционерное общество Кольчугинской железной дороги было структурным подразделением Копикуза, в обоих обществах председателем правления был В.Ф. Трепов. Акционерный капитал Кольчугинской железной дороги составлял 1128 тыс. руб.

Монополии сложились и на водном транспорте Обь-Иртышского бассейна. Объединению пароходств, как правило, предшествовала острая конкурентная борьба. В 1898 г. было создано, а на следующий год начало функционировать Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли (Товарпар), правление которого находилось в Тюмени. Оно образовалось путем слияния тюменских пароходств «Курбатов и Игнатов», «А. Трапезников и К^о», «Ф.С. Колмогорова наследники», пароходства бийских купцов Морозовых. Основной капитал составлял первоначально 3 млн руб., позже был увеличен до 4,1 млн руб. После того, как в 1917 г. в данное объединение влилось барнаульское пароходство Е.И. Мельниковой (10 пароходов), капитал Товарпара вырос до 6 млн руб. Ранее пароходство Е.И. Мельниковой – самое крупное в верховьях Оби – конкурировало с Товарпаром. Это вызвало появление в 1913–1915 гг. картеля в пароходстве – «Соединенной компании», которая объединила пароходства барнаульских и новониколаевских владельцев. В числе учредителей были Е.И. Мельникова, Е.В. Ельдештейн, Г.И. Фуксман, Федуловы, Т.С. Лобастов. Это объединение действовало в период строительства Алтайской железной дороги, а грузы для ее строительства занимали значительный сегмент перевозок.

Монополизация весьма наглядно проявлялась в горнодобывающих отраслях – добыче цветных металлов и угля.

Одна из монополий в золотопромышленности – «Золоторосс» (председатель правления Л.Ф. Грауман) – арендовала в Алтайском округе в 1911–1912 гг. Егорьевские и Салаирские прииски. В 1912 г., в частности, ею на Алтае было добыто более

13 пудов золота. Месторождения Рудного Алтая арендовались либо иностранными, либо смешанными по составу компаниями, т.е. с российским и иностранным капиталом. Как уже отмечалось, с 1903 по 1914г. фактически монопольное положение в добыче золота на Алтае заняла австрийская компания «Турн-и-Таксис и доктор Жаннэ». Ее место в 1914г. заняла Русская горнопромышленная корпорация, тесно связанная с Русско-Азиатской корпорацией – англо-американской монополией в горном деле Сибири. В состав Русско-Азиатской корпорации входили Герберт Гувер, в будущем (1929–1933 гг.) – президент США, а также Русско-Азиатский и Петербургский коммерческий банки.

Детищем Русско-Азиатской корпорации было и Риддерское акционерное общество, созданное в 1914г., с основным капиталом в 20 млн руб. Формально это было российское общество, но большая часть акций находилась в руках английского капитала.

Монополистом в сфере добычи угля Кузнецкого бассейна стало общество «Копикуз» (Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей, учредители В.Ф. Трепов и председатель правления Петербургского коммерческого банка С.С. Хрулев). Основной капитал Копикуза – 6 млн руб. В создании данного акционерного общества принял участие не только крупный русский, но и французский капитал.

Рост влияния монополий проявлялся и в торговле (скупка сливочного масла, торговля сельскохозяйственной техникой, нефтепродуктами, текстилем, металлом и др.). Крупнейшей компанией в сфере текстильной торговли было «Товарищество А.Ф. Второв с сыновьями». До 1900г. правление находилось в Иркутске, а с указанного года в Москве, основной капитал составлял 10 млн руб. На первом этапе деятельности компания заняла монопольное положение на рынке Восточной Сибири, а в начале XXв. в сфере ее влияния оказалась Западная Сибирь. Отделения Товарищества А.Ф. Второв с сыновьями (склады и магазины) были открыты в Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске, Камне. Второвы, разумеется, не могли вытеснить с рынка всех конкурентов из числа местных предпринимателей, например, таких крупных торговцев на местном рынке текстиля, как Морозовы в Барнауле и Бийске, Винокуровы, И.Ф. Смирнов в Барнауле, но способствовали краху солидного товарищества «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков», у которого были большие магазины в Барнауле и Новониколаевске.

В скупке сливочного масла к монополиям можно отнести датскую Сибирскую компанию, она по размаху деятельности заметно опережала другие иностранные и российские компании в данном виде торговли. На Алтае ее отделения были открыты не только в Барнауле, но и в Бийске, Камне и Змеиногорске. В 1913г., по данным Барнаульской городской управы, из общего количества скупленного экспортёрами сливочного масла (193 тыс. бочонков), 35,1 тыс. бочонков приходилось на Сибирскую компанию. В раскладке промыслового налога на 1914г. обороты Сибирской компании в Барнауле были определены так: скупка сливочного масла – 1562,7 тыс. руб., продажа «принадлежностей молочного хозяйства» – 219,7 тыс. руб.

В некоторых видах торговли монополизация была абсолютной. Сказанное относится к известной международной монополии «Зингер», которая монополизировала производство и продажу швейных машин по всему миру, в том числе и в России. Одно из центральных отделений находилось в Барнауле, а в Бийске был магазин компании.

Таким образом, в начале XX в. монополии Центральной России, прежде всего Петербурга и Москвы, а также зарубежных государств — Англии, США, Дании — быстро расширяли сферы своего влияния в разных отраслях народного хозяйства — банковском деле, железнодорожном строительстве, добывающей отрасли, торговле. Объективно подобная деятельность способствовала втягиванию региона в российский и международный, но ограничивала возможности местных предпринимательских кругов.

Глава 13

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

13.1. Общественно-политическая жизнь накануне и в годы Первой русской революции (1895 г. — июнь 1907 г.)

Десять предреволюционных лет (1895–1904) ознаменовались не просто оживлением, а коренными изменениями в общественно-политической жизни страны. Соединение рабочего движения с социалистической теорией свидетельствовало о начале пролетарского этапа освободительного движения (1895 г.). Наибольшее влияние на рабочее движение оказывала Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), созданная в 1903 г., но широкое распространение марксистских идей началось раньше, еще в 80–90-х гг. XIX в. К оппозиционным и революционным партиям относились также эсеры, их партия (социалистов-революционеров) была создана в 1901–1902 гг. и наследовала во многом народнические идеи и тактику.

Изменения в общественно-политической жизни Сибири определялись не только общими закономерностями, характерными для всей страны, но и последствиями проведения Сибирской железной дороги, что вело к росту городского населения, численности рабочих и интеллигенции, особенно в губернских центрах — Томске, Иркутске, Омске, Красноярске. Рубеж XIX–XX в. стал временем распространения социал-демократических идей в Сибири и нарастанием рабочего движения. Все большую роль в рабочем движении играли железнодорожники. По данным томского историка В. П. Зиновьева, за 1895–1904 гг. в Сибири всего произошло 323 стачки, число стачечников известно в 208 из них (44,7 тыс. человек), создано было 37 политических организаций, 29 экономических организаций, выявлено 211 социал-демократических нелегальных изданий, 8 анархических, 6 эсеровских. Всего учтено более 72 тыс. участников движения.

В Томской губернии центром общественно-политической жизни был губернский центр, где большую активность проявляли не только рабочие, но и студенты двух вузов — университета и технологического института. Здесь же появились в 1893–1894 гг. первые в губернии социал-демократические кружки.

Специфика социально-экономического развития Алтайского округа определяла характер общественно-политического движения. Удаленность от губернского центра, от железной дороги, малочисленность городских рабочих и особенно интеллигенции не способствовали политической активности населения. В отличие от ряда губернских центров Сибири в Барнауле в рассматриваемый период еще не была создана социал-демократическая организация. Судя по листовке за ноябрь 1903 г. в городе имелся социал-демократический кружок, который издал листовку с призывом бороться с самодержавием и капитализмом. Можно предположить, что создание такого кружка было следствием деятельности ссыльных социал-демократов, которые появились здесь в 90-х гг. XIX в., это Д. Странден, П. Шатько, А. Ярославцев, В. Солдатов, А. Никольская. Последняя из названных, дочка священника, была членом Союза борьбы за освобождение рабочего класса и выслана в Барнаул – по месту жительства родителей. Распространение революционных идей шло не только через социал-демократические, но и народнические кружки.

В предреволюционный период в Барнауле прошли только две экономические стачки. В 1903 г. рабочие на строительстве дома И.К. Платонова требовали введения 11-часового рабочего дня, стачкой руководил служащий из числа политических ссыльных А.А. Силин. 14 мая 1904 г. 110 рабочих монопольного винного склада требовали отдыха. Все прочие стачки проходили на предприятиях горной промышленности, и кабинетских, и частных. Всего на территории Алтайского округа с 1895 по 1904 г. прошло 18 стачек, число участников известно в 15 случаях – 1550 человек. Отметим стачку 13–15 ноября 1895 г., когда 346 шахтеров (из 808) Зыряновского рудника требовали восстановить прежнюю зарплату, но успеха не добились. Рабочие этого же рудника (78 человек) бастовали с аналогичными требованиями 5–7 марта 1898 г. Неоднократно бастовали рабочие приисков компании «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» в 1900 и 1901 г. Чаще всего выдвигались требования снизить цены на продукты питания, предоставить отдых. Иногда инициаторами стачек становились одни и те же рабочие. Так, рабочий А. Севостьянов был организатором стачек на Нижне-Харлампиевском прииске 17 апреля и 14 мая 1901 г., после второй стачки он был арестован.

17–18 мая 1901 г. на прииске Чаныш Лебединской системы Южно-Алтайского золотопромышленного дела бастовали 240 рабочих, требуя расчета из-за высоких цен на продукты питания. Инициаторами протеста были рабочие Н.Т. Опенышев и А.С. Ковырев, они были арестованы, 46 рабочих ушли с прииска, но требование бастующих в итоге было выполнено. Все стачки данного периода на Алтае носили экономический характер и редко оканчивались успешно для рабочих: инициаторов, как правило, наказывали. Но все же были случаи, когда требования рабочих удовлетворялись. Так произошло на приисках Южно-Алтайского золотопромышленного дела 8 марта, 4 апреля, 17 апреля, 1 и 9 мая 1901 г. Стачка на Иннокентьевском прииске 1 мая совпала с датой пролетарского праздника. В этот день 45 рабочих потребовали отдыха, их требование было удовлетворено. Но не следует данную стачку относить к политическим выступлениям.

Одной из форм самоорганизации рабочих стало создание экономических обществ. В рассматриваемый период экономические организации получили распространение и на Алтае. В 90-х гг. XIX в. были созданы потребительские общества на кабинетских предприятиях – на Зыряновском руднике (1897 г., 150 рабочих и служащих), Гурьевском заводе (1898 г., 27 служащих). В 1901 г. приказчики Барнаула

организовали Общество взаимопомощи личного труда, в год основания в нем было только 29 членов, но на следующий год уже 150. Данное общество находилось под влиянием ссыльных народников. В 1904 г. оно было преобразовано в Общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников.

Всевозможные общества возникали и среди горожан, что было свидетельством оживления общественной жизни. В Барнауле в 1901 г. были созданы вольно-пожарное общество, общества охотников конского бега и скачек, покровительства животных, в 1903 г. — Алтайское сельскохозяйственное общество, драматическое, Общество вспомоществования нуждающихся в средних учебных заведениях; в Бийске в 1903 г. было сформировано городское потребительское общество (72 члена), в 1904 г. — Общество поощрения рысистого коннозаводства. Большим событием в общественной жизни Барнаула стало открытие в 1900 г. Народного дома. Инициировало и собирало средства на его строительство Общество попечения о начальном образовании. Здание, выстроенное по проекту известного столичного архитектора И. П. Ропета, с большим зрительным залом, стало центром общественной и культурной жизни города.

Революция 1905–1907 гг. являлась самым масштабным явлением общественно-политического развития страны начала XX в. Как известно, по характеру она была буржуазно-демократической, а по движущим силам — пролетарской. Революция стала первым открытым столкновением в начале XX в. всех политических сил российского общества, которое распалось на три политических лагеря: правительственный, либерально-буржуазный и революционно-демократический. Правительственный стоял на охране интересов самодержавной власти и дворян-землевладельцев; либерально-буржуазный был нацелен на реформы, революционно-демократический — ориентирован на достижение своих целей через революцию. Наиболее радикальной в достижении своих целей была большевистская партия, которая после III съезда РСДРП, прошедшего весной 1905 г., взяла курс на вооруженное восстание.

На Алтае уже в начальный период революции (январь — сентябрь 1905 г.) заметно активизировались все слои общества. В начале года социал-демократы на гектографе издали ряд листовок: «Злодейство царя Николая II», «Воззвание к барнаульским рабочим и всем гражданам Барнаула» и др., в которых рассказывалось о событиях Кровавого воскресенья в Петербурге, содержались призывы к революционной борьбе. В июле 1905 г. была создана Барнаульская группа РСДРП, ее состав был утвержден Томским комитетом РСДРП. В состав группы входили Н. А. Михайлов, присланный в Барнаул Томским комитетом, П. Е. Семьянов, А. Ф. Веронский, М. Ф. Новиков, А. Л. Вашева, В. И. Хмелевцев и др. Социал-демократы устанавливали связи с рабочими и приказчиками города, пытались активизировать протестное движение.

Наиболее крупными стачками данного периода являлись следующие. 14–16 апреля прошла стачка 400 каменщиков, выдвинутое требование — сократить рабочий день с 13 до 11 часов — было удовлетворено. 17–20 июня в Барнауле была проведена общегородская стачка приказчиков, которые явочным путем сократили рабочий день, стали закрывать магазины в 6 часов вечера. Стачкой руководило Общество взаимопомощи приказчиков. В Бийске в августе прошла стачка строителей пассажа Вторых.

Преимущественно на либеральных позициях стояла городская буржуазия Алтая и часть интеллигенции. Импульс деятельности либеральной оппозиции дал рескрипт Николая II иркутскому генерал-губернатору П. И. Кутайсову от 3 апреля 1905 г.

о необходимости введения земства на восточных окраинах империи. В Сибири это вызвало кампанию по подготовке проектов введения земства. Ряд определений и постановлений Барнаульской городской думы свидетельствовал о либеральной позиции ее гласных в тот период. На заседании городской думы 5–8 апреля 1905 г. было принято определение «Об избрании комиссии по выработке положения о желательном изменении в Городовом положении». В нем, в частности, говорилось: «Необходимо высказаться за полную самостоятельность городских самоуправлений во всех областях их деятельности с ответственностью только по суду за противозаконные действия, как их отдельных должностных лиц, так и целых городских коллегий».

В постановлении думы от 29 апреля 1905 г. отмечалось: «Впредь же до созыва народных представителей в интересах справедливого, разумного и сознательного избрания этих представителей необходимо даровать стране свободу печати, слова и собраний». Также Барнаульская дума присоединилась к кампании по разработке проектов введения земства в Сибири. На заседании думы 27 сентября 1905 г. был принят проект земских учреждений в Сибири. Его разработала комиссия гласных под руководством городского головы П. В. Орнатского.

Высший подъем революции пришелся на осень 1905 г. Всеобщая Октябрьская стачка к 17 октября распространилась на все города и станции вдоль Сибирской железной дороги. В октябре протестное движение охватило и Алтай. С 11 по 15 октября прошла всеобщая стачка приказчиков Барнаула, в ней приняли участие не менее 300 человек. Она носила организованный характер, был избран стачком в составе 25 человек. Среди требований бастующих — 8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, бесплатная медицинская помощь и др.

После получения известия о Манифесте 17 октября, который провозгласил созыв законодательной Государственной думы, свободы слова, печати, неприкосновенность личности, возможность создания политических партий и знаменовал собой начало перехода от абсолютной монархии к конституционной, Барнаул, как и многие прочие города страны, захлестнула волна митингов, демонстраций, забастовок.

В Барнауле с 20 по 22 октября проходили митинги, демонстрации, сопровождающиеся стачками. Центром собраний и митингов стал Народный дом. В его зрительном зале три дня шли митинги, где выступали, с одной стороны, либералы, восторженно встретившие манифест, а с другой — социал-демократы, критикующие его. Митинги сопровождалась демонстрациями по улицам города, с числом участников до восьми тысяч человек. Участниками митингов и демонстраций были рабочие, учащиеся, интеллигенция. Во время демонстраций несли лозунги: «Царь — изверг! Долой его!», «Долой кучую конституцию!», «Да здравствует российский пролетариат и социал-демократическая рабочая партия!». Отношение к манифесту выразила и городская дума, в своем постановлении от 29 октября она высказала «верноподданнические чувства Его Императорскому Величеству... за милости, дарованные 17 октября».

23–24 октября 1905 г. Барнаул, как и многие другие города страны, охватили черносотенные погромы. Они отражали консолидацию правых сил, настроенных монархически («патриотически»). Среди погромщиков преобладали мещане. Погромщики разграбили Народный дом, переломав мебель, сожгли портреты русских писателей, книги, ряд жилых домов, в том числе дома В. К. Штильке и купцов Вершининых. Среди избитых были и учащиеся реального училища. Впрочем, поводом для этого

избиения стало то, что 23 октября во время исполнения государственного гимна часть реалистов не сняли головных уборов.

После Манифеста 17 октября в стране началось формирование политических партий. Отделения буржуазных партий были созданы и на Алтае: уездные комитеты Томского отделения партии октябристов (в Барнауле, Бийске, Кузнецке, селах Камень и Змеиногорском), группы кадетской партии (в Барнауле и Бийске).

За весь 1905 г. выявлено на территории Алтайского округа 76 стачек, основная часть прошла в Барнауле (50) и Новониколаевске (18), несколько стачек прошли в Бийске. В отличие от второй половины XIX в. рабочее движение переместилось в города, напротив, не было отмечено стачек на предприятиях горной промышленности. Отчасти это можно объяснить сокращением горного производства в регионе, особенно кабинетской промышленности. Но на территории всей Сибири в 1905 г. прошло более 1600 стачек с числом бастующих более 110 тыс. человек, а это свидетельствует, что доля Алтая в стачечном движении была очень незначительна, он оставался в этом отношении относительно спокойным районом.

Декабрьские вооруженные восстания на Алтай не распространились. Особенности революционного движения на Алтае проявлялась в том, что в период отступления революции в стране (1906 – июнь 1907 г.) оно оказалось здесь сильнее, чем в 1905 г.

На организованность рабочего движения в Барнауле повлияло укрепление местной социал-демократической организации. Ее с ноября 1905 по май 1906 г. возглавлял Алексей Матвеевич Маслов, большевик, присланный из Томска Сибирским союзным комитетом РСДРП. В Барнауле действовало до 13 рабочих кружков, делались попытки вести агитацию и в Бийске. В конце мая – начале июня Барнаульская группа была преобразована в комитет РСДРП. Она вела активную издательскую деятельность, используя собственную подпольную типографию. Тиражи листовок были достаточно велики, достигая количества в несколько тысяч экземпляров. В начале 1906 г. было издано два номера газеты «Барнаульский рабочий». Известны факты распространения центральных социал-демократических газет «Волна» и «Вперед».

В 1906 г. – первой половине 1907 г. не прекращалось стачечное движение. В Алтайском округе за отмеченный период произошла 41 стачка. Как и в 1905 г., бастовали преимущественно городские рабочие, и почти не было стачек на предприятиях горной промышленности. Активно боролись за свои интересы рабочие-речники Барнаула. 9 января 1906 г., в годовщину Кровавого воскресенья, три дня бастовали 200 рабочих в Гоньбинском Затоне (владелец ремонтных мастерских Ельдештейн). В июне и июле 1906 г. бастовали пристанские грузчики, выдвигая экономические требования. В апреле 1907 г. прошла крупная стачка речников Барнаула и Бийска. Наряду с экономическими требованиями барнаульские речники пытались легализовать профсоюз, который уже существовал нелегально и организовал эту стачку. Среди руководителей профсоюза – М.А. Ярков, Д.В. Байгулов, Т.С. Соснин, Т.К. Шубин. Стачка была подавлена, в Бобровский Затон введены войска, 16 организаторов стачки арестовали, а профсоюз запретили. Но некоторые экономические требования все же были удовлетворены. Нелегально в Барнауле в этот период существовали и другие профсоюзы, с 1906 г. – строителей, печатников, с 1907 г. – пимокатов и шубников. В Бийске действовал профсоюз служащих торгово-промышленных предприятий, который имел свою библиотеку и кассу взаимопомощи.

В ряде случаев в протестном движении участвовали представители «средних» городских слоев, что наглядно проявилось в начале 1906 г. в Бийске и в январе 1907 г. в Барнауле. Поводом для бийских событий стал проезд из Барнаула жандармского подполковника Завьялова, по его приказу были арестованы революционеры-интеллигенты В.М. Петров, В.М. Яхонтов, Я.П. Ешин. В знак протеста забастовали рабочие типографии Реброва, стачка переросла в крупные беспорядки, так как к ней присоединились многие горожане, участвующие в митинге (до 200 человек) и демонстрации (одна тысяча человек). Демонстрантам удалось освободить арестованных, далее они сорвали с Завьялова погоны, усадили его в повозку, привязав к ней метлу, и отправили в сторону Барнаула.

Через год арест в Барнауле участника революционного движения анархиста И. Симанина вызвал аналогичные беспорядки. В митинге и демонстрации 24 января участвовало не менее 5 тыс. чел., бастовали пимокатные предприятия и магазины. Но демонстрация была разогнана, а Симанина перевезли в томскую тюрьму.

Крестьянское движение заметно оживляется уже в конце XIX – начале XX в. Преобладали отказы от уплаты податей и порубки кабинетского леса. В 1901–1902 гг. происходили экзотические «молочные бунты». Это были голодные годы для края, и суеверные люди связывали засуху с только что появившимися во многих деревнях сепараторами. Летом 1901 г. крестьяне ряда деревень Мунгатской волости Кузнецкого уезда потребовали закрыть маслозавод Регистрского, «чтобы не было засухи». А в с. Чистюньском Барнаульского уезда и вовсе утопили сепаратор в омуте.

В годы революции 1905–1907 гг. происходит резкий взрыв крестьянских выступлений. Алтай по активности и массовости крестьянского движения стал одним из основных в Сибири районом. Особый размах и специфика крестьянского движения в Алтайском округе, при характерном распространении наиболее агрессивных его форм, объяснялись существованием здесь феодальных пережитков, которые проявлялись на кабинетских землях особенно сильно. Развитию крестьянского движения способствовали и революционные события в стране, в городах.

Крестьянское движение стало наиболее массовым в конце 1905 г. и в 1906 г. В 1907 г. борьба крестьян стала сворачиваться, но по числу выступлений и этот год превзошел 1905 г. За все время первое место по числу выступлений занимал Барнаульский уезд (149 зарегистрированных выступлений), немногим ему уступал Бийский (139), затем следовали Змеиногорский и Кузнецкий уезды (соответственно 59 и 17). Но по территориальному охвату выделялся Бийский уезд, где движением были охвачены более 40% сельских населенных пунктов.

Наиболее энергичный и упорный характер носила борьба крупных селений, где крестьяне имели больше возможностей объединиться. Выделялось активностью движение крестьян таких селений, как Волчиха, Гилев Лог, Камень, Ново-Покровское, Завьялово, Быстрый Исток, Шиловское, Павловское и др.

Крестьянское движение носило в основном экономический характер. Политические требования к власти в массовом виде не выдвигались. Но часто движение получало и политическую окраску. Начальник округа в рапорте управляющему Кабинетом в марте 1906 г. писал: «Движение в Бийском уезде носит характер революционного восстания против властей вообще, тогда как в остальных частях округа волнение можно назвать беспорядками аграрного свойства». Были широко распространены отказы от уплаты податей и повинностей, нападения на представителей власти, вооруженные столкновения с ними, а также с лесной стражей и даже воинскими

частями, что говорило о негативных политических настроениях крестьян. Имели место коллективные жалобы в высшие органы власти с требованиями аграрного или политического характера, собрания и демонстрации. Но митинги, политически окрашенные собрания на Алтае были распространены меньше, чем в Восточной Сибири, где сказывалось влияние ссыльных.

На главном месте стояла борьба крестьянства против кабинетского земельного и лесного хозяйства, администрации округа. Одной из наиболее распространенных на Алтае форм выступлений крестьян были коллективные порубки кабинетского леса – движение, близкое по характеру борьбе крестьянства европейской части страны против помещичьего землевладения. Порубки приобрели исключительный размах, особенно в начале 1906 г. По приговорам мирских сходов, нередко созываемых набатным звоном и происходящих ночью, при свете факелов, крестьяне на сотнях, а то и тысячах подвод отправлялись в лес в сопровождении вооруженной охраны из солдат – запасных и охотников, вырубали лучшие участка строевого леса, жгли кордоны, избивали и убивали кабинетских объездчиков, вызывавших у них большую ненависть, разгоняли охрану на 80–100 верст в окрестности и становились полновластными хозяевами леса. Нередко они вступали в схватку с «летучими» отрядами кабинетских охранников, казаков и войск, подчас не только отражали нападение, но и преследовали отступавшего противника. По зимним дорогам от приобских лесных деревень на многие километры тянулась сплошная лента крестьянских подвод с лесом. Во многих случаях местные власти были парализованы. На дорогах устраивались лесные завалы и выставлялись крестьянские дозоры на случай появления охранников.

Лесные волнения происходили почти повсеместно, но наибольший их размах наблюдался в Павловском, Барнаульском и Бийском имениях. Часто выступления проходили одновременно в нескольких населенных пунктах. Имеется много документов, подтверждающих массовые порубки леса в селениях Сарайском, Фунтиково, Нечунаевском, Сыропятском, Зеркальном, Боровском, Костином Логе, Серебряковой, Воронице, Зиминой, Тюменцевой, Шарчиной, Усть-Мосихе и др.

Кровавые столкновения с полицией и войсками происходили при попытках секвестра (отбирания) леса в десятках селений округа. Только в течение зимы 1905–1906 г., т.е. во время первой волны порубок, в 8 имениях на площади 1,2 млн десятин было вырублено 741 тыс. деревьев стоимостью 153 тыс. руб., тем самым лесам был нанесен значительный ущерб. Это была одна из форм борьбы, которую следует назвать неразвитой, она была связана с многочисленными эксцессами и насилием, разжигала ненависть. При этом хищнически истреблялись ценные лесные угодья, в том числе в ленточных борах. Администрация округа пыталась противостоять этому. Но крестьяне, при нерешенной для населения лесной проблеме Кабинетом, не находили в ту пору других эффективных средств борьбы за лес, жизненно им необходимый.

Крупнейшие волнения произошли в марте 1906 г. в с. Гилев Лог. 6 марта пристав с урядниками и вооруженным отрядом пытались вывезти секвестрованный лес, но не смогли сделать этого, так как никто из крестьян не соглашался вывозить его. На следующий день были мобилизованы подводы из соседних сел, но и это не привело к успеху, так как гилевцы оказали вооруженное сопротивление. Они объединились в более чем двухтысячную толпу, были вооружены кольями, вилами, топорами, пешнями и, очевидно, огнестрельным оружием, так как с их стороны слышались

довольно многочисленные выстрелы. В результате урядник с вооруженным отрядом были вынуждены спастись от толпы бегством.

Важнейшим центром активного крестьянского движения являлось Бийское имение. Управляющий этим имением докладывал в январе 1906 г.: «...взбунтовалась масса деревень», а в рапорте от 13 февраля 1906 г. говорилось: «...не порубщикам приходится бегать и скрываться от объездчиков, а объездчикам от порубщиков, и ограничиваться лишь записыванием издали лиц, им известных».

У крестьян проявилось и организационное начало, коллективные акции всего сельского мира. В середине января 1906 г. в порубках участвовало население 15 деревень Белярской, Шадринской и Шаховской волостей Бийского уезда; в январе-феврале того же года рубили лес крестьяне трех волостей Бийского и шести волостей Барнаульского уездов. Ситуация повторяется в начале марта 1906 г. в десяти волостях Бийского уезда.

Крупные волнения вспыхнули 20 декабря 1905 г. в с. Змеиногорском. В день ярмарки крестьяне разгромили квартиры исправника, крестьянского начальника и управляющего лесным имением, контору имения, винную лавку и три купеческих магазина. Местная дружина, сформированная из «местных благонадежных обывателей», открыла стрельбу. Четверо крестьян были убиты, многие ранены. К суду было привлечено 55 человек. Эти события послужили толчком к усилению движения в уезде. 19 января 1906 г. управляющий имением доносил, что «всякие денежные поступления остановились, а также почти никто не берет лесорубочных билетов».

В марте 1906 г. волнения охватили весь Змеиногорский уезд, они проходили в Михайловской, Покровской, Локтевской, Александровской, Алейской, Владимирской, Навошкульбинской и других волостях. Особенно упорным сопротивлением сбору царских податей было в селе Екатерининском, с крестьянами не могли ничего поделать ни полицейские, ни команда стрелков. Как бы в насмешку крестьяне внесли в счет недоимки всего три рубля.

Ненависть вызывали у многих в деревне те, кто арендовали у Кабинета земли, в которых остро нуждались остальные крестьяне. «Многие из арендаторов, — сообщалось в донесении, — приходят с заявлениями, что крестьяне толпами являются к ним с требованиями, чтобы они сейчас же убирались со своим имуществом и заимками с участков под угрозой быть разгромленными и избитыми». В Сибирячихе Солонешенской волости в июне 1906 г. 40 крестьян, вооруженных ружьями, топорами и дубинами, напали на заимки местных «кулаков» — арендаторов кабинетской земли. Они сожгли подвалы и овины, изрубили ограду поскотины и даже расстреляли ненавистного из-за постоянных притеснений арендатора.

Борьба против полиции и местных властей нередко принимала форму ожесточенных вооруженных столкновений. Чаще всего крестьяне брались за оружие в ответ на действия лесной стражи, полиции и воинских отрядов. По некоторым данным, вооруженные столкновения имели место в 22 селениях округа (Гилев Лог, Камень, Белово, Ново-Покровка, Улала и др.).

Особенно сильным было вооруженное восстание крестьян в Завьялове Паутовской волости Бийского уезда. Поводом послужило вступление в село 17 января 1907 г. в связи с массовыми порубками воинской команды в составе 56 солдат и 60 казаков. Они открыли огонь по толпе в 300–400 человек, в результате чего один крестьянин был убит. Уже вечером в тот же день была разогнана большая и сильно возбужденная толпа крестьян у сборни. На всю ночь каратели, как на войне, выста-

вили разъезды, патрули и дозоры — так они боялись крестьян. Утром следующего дня при попытке разогнать собравшуюся толпу, более многочисленную, чем накануне, возникла перестрелка, в которой несколько человек были убиты и ранены. Тяжелые ранения получил и сам командир военного отряда. Силы были неравные. Волнения были подавлены, однако, с большим трудом только к полудню 18 января. В волнениях принимали участие крестьяне 12 окрестных селений: Быстрого Истока, Паутова и др. Спротивление было сломлено после прибытия в деревню роты из Бийска, в Быстрый Исток направлено две стрелковые роты с артиллерией. В общей сложности аресту подверглись 104 крестьянина.

В Быстром Истоке имелаась нелегальная революционная организация, во главе которой стояли братья Казарцевы. В ночь на 18 января 1907 г. они набатом церковного колокола собрали около пяти тысяч крестьян. Вооружившись чем можно, крестьяне разгромили дом лесного смотрителя, забрали хранившееся там оружие, уничтожили протоколы о самовольных порубках леса, а затем огромной толпой двинулись в Завьялово, находившееся в 10 км, чтобы дать отпор солдатам и казакам, напавшим на село. Там крестьяне дали залп по отряду солдат из ружей и винтовок. Был убит один солдат, ранены четверо. Но все же солдаты и казаки заставили крестьян повернуть назад. «Крестьяне массами окрестных волостей съезжаются в Завьялово для участия в вооруженных нападениях на войска», — сообщал бийский исправник 19 января, а 21 января в селе вновь собралось около пяти тысяч вооруженных крестьян из окрестных селений.

Восстание приняло столь угрожающий характер, что вопросом о его подавлении занимался даже П. А. Столыпин, который распорядился «...действовать самым решительным образом и подавить движение силой оружия». 23 января в район восстания была выслана еще одна рота войск с двумя орудиями. Только после этого восстание было подавлено. Власти арестовали 92 человека. Руководители восстания (48 человек) были сурово осуждены и приговорены к каторге и тюремному заключению.

На Алтае произошли особенно многочисленные выступления крестьян — бывших солдат, запасных. Участники волнений были недовольны злоупотреблениями властей при выдаче пособий их семьям, но фактически за этими требованиями стояли мотивы, общие для крестьянской борьбы. Запасные возглавляли многие выступления. 4 января 1906 г. более 100 бывших солдат с. Волчиха Покровской волости Барнаульского уезда заставили управляющего именем Кабинета выдать им бесплатные билеты на заготовку леса. 16 января в с. Ордынском того же уезда бывшие солдаты, требовавшие выдачи пособий, собрались в волостном правлении и разогнали полицейских, собравшихся со всей волости. В тот же день в д. Беспалово Пристанской волости Бийского уезда староста составил акт «о произведении буйства и разрушении царского портрета семью бывшими солдатами». 26 января того же года в Куячинской волости Бийского уезда солдаты «целыми толпами» требовали от местных властей выдачи пособий, «в дерзкой, нахальной форме» и заявили, что в противном случае они «разгромят волость (волостное правление) и побьют волостных и сельских начальников, а потом будут бить всех чиновников, которых не нужно».

Общая революционная обстановка в стране, подъем движения рабочих и крестьян Алтая повлияли и на коренное население — алтайцев. В основе их национально-освободительного движения находились лозунги национального самоуправления, просвещения на родном языке, защиты земельных интересов от посягательств цар-

ских землеустроителей и переселенческих чиновников. Алтайцы принимали непосредственное участие в борьбе. Например, жители селений Орские и Красноярские Юрты Малокоряковской инородной управы в 1907 г. составили приговор о своем праве собственности на Орский бор и начали порубку леса. Борьба алтайцев облекалась и в религиозную форму.

В годы революции в Барнаульском и Бийском уездах властями введено Положение о чрезвычайной охране, сотни восставших были арестованы, сосланы на север, заключены в тюрьмы, на крестьян обрушились непомерные штрафы. Начались бесчисленные судебные процессы, часть из которых тянулась в течение многих лет. В 1907 г. в судебных учреждениях Алтая состояло в производстве более 855 465 судебных дел о порубках. Еще в 1912 г. состоялись два судебных процесса над крестьянами за порубки леса в 1905–1906 гг. К суду были привлечены 69 крестьян с Шиловского и 150 крестьян с Черемновского.

Революция оставила глубокий след в сознании алтайского крестьянства, которое приобрело важный опыт, сохранившийся и трансформировавшийся в последующих еще более грозных революционных событиях.

13.2. Общественно-политическая жизнь между двумя буржуазно-демократическими революциями. Июнь 1907 г. — февраль 1917 г.

В период между двумя буржуазно-демократическими революциями, с 1907 г. по февраль 1917 г., общественно-политическое движение можно разделить на следующие этапы: период реакции (3 июня 1907 г. — лето 1910 г.); новый революционный подъем (лето 1910 г. — июль 1914 г.); Первая мировая война.

3 июня 1907 г. была распущена Государственная дума, издан новый избирательный закон, который ограничивал представительство в Думе рабочих и крестьян, а также окраин страны, в том числе Сибири. В Томской губернии при выборах в III и IV Государственные думы успех сопутствовал либералам, в частности кадетам. Так, в числе депутатов III Государственной думы оказался представитель Барнаула В.К. Штильке, крестьянин-трудолик с Алтая А.Г. Мягкий. Среди депутатов IV Государственной думы были учитель бийской гимназии В.Н. Пепеляев, редактор барнаульской газеты «Жизнь Алтая», кадет В.М. Вершинин, крестьянин из Кузнецкого уезда А.А. Дуров.

Третьеиюньский переворот знаменовал окончание революции и переход к открытой реакции. В этих условиях обещанные Манифестом 17 октября 1905 г. свободы не гарантировались и не выполнялись. Репрессии обрушились и на участников протестного движения на Алтае. Особенно целенаправленно жандармерия преследовала социал-демократов и эсеров, впрочем, слежка (негласный надзор полиции) велась и за многими либералами. В конце 1908 г. была разгромлена Барнаульская организация РСДРП. В рапорте барнаульского уездного исправника томскому губернатору от 24 декабря указаны 20 фамилий членов организации и отмечено, что восемь из них арестованы, в том числе пимокат Ф. Субботин, рабочий электростанции А. Лапко, фармацевт С. Сычев, репетитор В. Хмелевцев, за прочими велось наблю-

дение. Но полностью уничтожить организацию не удалось. Усилия социал-демократов, оставшихся на свободе, были в этот период направлены в первую очередь на издательскую деятельность. Во второй половине 1907 г. и в 1908 г. было издано 12 листовок, в 1908 г. — пять номеров газеты «Комитетский вестник», в 1909 г. — четыре номера газеты «Голос из подполья». Пятый номер был напечатан, но его тираж во время обыска был изъят жандармерией. В условиях наступившей реакции открыто действовали монархические партии. 7 августа 1907 г. в Барнауле прошло учредительное собрание отдела Союза русского народа (СРН), создан комитет партии, который возглавил чиновник Е. П. Клевакин, в июне следующего года его сменил на этом посту штабс-капитан Д. П. Чередов. В августе 1908 г. комитет СРН открыл читальню-чайную. Позже, в 1913 г., в Барнауле было учреждено отделение Всероссийского Дубровинского союза русского народа.

В условиях реакции на Алтае, как и по всей стране, наблюдался спад рабочего и крестьянского движения. С 3 июня 1907 г. по 31 мая 1910 г. здесь произошло 17 стачек, из них 7 в Барнауле. Большинство стачек носило оборонительный и экономический характер. Среди наиболее значительных выступлений можно отметить забастовки: 11 июня 1907 г. — 150 женщин-грузчиц в Усть-Чарышской Пристани, которые требовали увеличения оплаты труда; 16 июня того же года — 200 рабочих и приказчиков предприятий и магазинов Винокуровых в Камне и в мае 1909 г. — стачки 200 рабочих на асбестовых копиях «Уралита». Рабочие требовали выдать задержанную на три месяца зарплату, при этом особую активность проявили 40 рабочих, прибывших с Урала, которые даже избili управляющего. Зачинщики беспорядков были арестованы, многие из рабочих уволены. В 1909–1910 гг. в Барнауле прошли первомайские политические стачки в нескольких пимокатных и других мастерских.

На Алтае действовало несколько профсоюзов. 22 июля 1907 г. в Барнауле на сходке был принят устав Союза рабочих объединенных профессий, он находился под влиянием Партии социалистов-революционеров (ПСР). В 1909–1912 гг. в Барнауле существовало легальное Общество торгово-промышленных служащих, находящееся под влиянием социал-демократов. В Бийске и Камне в 1910 г. также возникли общества торговых служащих. Кроме того, в Барнауле в 1910 — 1916 гг. существовал нелегальный профсоюз пищевиков (рабочих колбасных мастерских). Таким образом, рабочие отстаивали свои права даже в условиях реакции.

Летом 1910 г. протестное движение в России вступило в этап нового революционного подъема, который продолжался до начала Первой мировой войны. Опыт, приобретенный революционно-демократическими и либеральными слоями общества в годы Первой русской революции, дал свои плоды в период нового революционного подъема.

Из всех политических партий на территории Алтайского округа наибольшую активность проявляли социал-демократы. К концу 1911 г. была восстановлена Барнаульская организация РСДРП, чему способствовала деятельность большевиков М. А. Яркова, А. А. Селезнева, И. П. Стукова, сестер Третьяковых и др. После Пражской конференции (январь 1912 г.) социал-демократы города активизировали свою работу на промышленных предприятиях, в кооперативах. В августе 1912 г. организацию возглавил бежавший из нарымской ссылки большевик Иван Присягин. Но в сентябре того же года он был арестован в числе 25 членов Барнаульского комитета РСДРП. Была разгромлена и типография комитета, однако полностью ликвидировать эту организацию в Барнауле жандармерии не удалось, она работала и в 1913 г.

Одной из форм самоорганизации рабочих и других слоев городского населения стали производственные и потребительские кооперативы. В ряде случаев кооперативы действительно способствовали улучшению материального положения рабочих. Большой размах кооперативное движение получило в Барнауле. Отчасти это связано со спецификой труда пимокатов и шубников. Эти производства можно было наладить без сложного оборудования, а среди местных членов кооперативов преобладали именно пимокаты и шубники. Назовем такие кооперативы, как «Свечка» (1 июня 1907 г. – весна 1910 г., в него входили шубники, пимокаты и пр.), «Труд» (30 марта 1910 г. – 1914 г., строители), «Деятель» (9 февраля 1911 г. – 1916 г., артель рабочих иконописных мастерских). Самым значительным было производственно-потребительское общество «Труженики», созданное в апреле 1909 г., оно действовало до 7 января 1913 г. В него входили пимокаты, шубники и рабочие других профессий. Число членов возросло с 211 человек в 1909 г. до 1300 человек в 1913 г. Общество имело пять лавок с оборотом в 200 тыс. руб., открыло чайную с библиотекой-читальней, реально помогало членам кооператива. Причиной запрета деятельности данного общества стала его связь с комитетом РСДРП. В частности, у члена правления общества К. Вилькена скрывался И. Присягин, именно после его ареста было запрещено и общество «Труженики».

Но кооперативы были прежде всего экономическими организациями, и большинство их членов стояло в стороне «от политики», а деятельность была направлена на самообеспечение и взаимопомощь.

По сравнению с предшествующим периодом возросло значение забастовочного движения, особенно в 1912 г., что было связано с реакцией рабочих на Ленский расстрел. (В апреле 1912 г. были расстреляны бастующие рабочие на приисках компании «Лензото»). В Алтайском округе за период нового революционного подъема прошло 55 стачек. Дважды бастовали 400 рабочих бийской текстильной фабрики Бородиных. 21–22 сентября 1910 г. под руководством стачкома они потребовали выплатить подъемные деньги (на фабрику рабочие прибыли из Центральной России); 29–30 ноября 1911 г., требуя не уменьшать оплату труда, добились успеха. Политический характер имели стачки 1 мая: в 1912 г. они прошли в Барнауле и Новониколаевске, в 1913 и 1914 гг. – в Новониколаевске.

Активизировалось протестное движение рабочих горной промышленности, что было связано и с ростом горнозаводского производства накануне Первой мировой войны. Так, в феврале дважды бастовали, выдвинув экономические требования, рабочие Уксунайского прииска компании Везирова и Дельсаль в Кузнецком уезде, 11–13 февраля – 179 человек, 29 февраля – 250 человек. Крупная забастовка строителей Алтайской железной дороги (1100 человек) состоялась 25–26 февраля 1914 г. Рабочие требовали соблюдать условия контракта, протестовали против безобразных условий труда и быта, но их требования не были выполнены.

Разумеется, общественное движение проявлялось не только в протестных формах, но и в создании культурно-просветительских, досуговых, патерналистских организаций. Они появились не только в городах – Барнауле, Новониколаевске, Бийске, но и в селах – Камне, Змеиногорском, Усть-Чарышской Пристани. Музыкальные, драматические и литературные общества были созданы в Кузнецке, Камне, Змеиногорском, Усть-Чарышской Пристани. В Бийске в 1908 г. было открыто отделение Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, в Барнауле – отделения Всероссийского общества правильной охоты, гимнастического, Общества

попечения о подкинутых детях, покровительства лицам, освободившимся из мест заключения. В Барнауле, как и ранее, центром общественной и культурной жизни оставался Народный дом.

После 1907 г. на несколько лет на фоне общего отступления революции в стране крестьянское движение резко сократилось, низшая точка этого процесса относится к 1909 г. С 1910 г. начинается его оживление, а пик движения пришелся на 1913 г. По-прежнему Алтайский округ по количеству крестьянских выступлений находился на первом месте в Сибири. В годы «затишья» традиционно на первом месте среди протестов отмечались лесные порубки, хотя и с меньшим размахом. Наблюдались отказы от уплаты податей и недоимок, исполнения натуральных повинностей. Подавляющее большинство выступлений ограничивалось одной деревней, значительно уменьшилась их средняя продолжительность, да и формы борьбы стали менее разнообразными. Однако в борьбу втягивались жители мелких сел.

В предвоенные годы наблюдалось некоторое проявление политизации в настроениях крестьян. В отдельных случаях создавались даже социал-демократические крестьянские организации. Одна из них действовала в 1910–1912 гг. в селе Гоньба под Барнаулом. Организация поддерживала связь с Барнаульской организацией РСДРП, проводила собрания. В 1912 г. в газете «Звезда» было опубликовано письмо 22 крестьян сел Гоньбы, Туриной Горы и сельскохозяйственных рабочих казенных заимок под Барнаулом по поводу суда над социал-демократической фракцией II Думы. В нем осужденные социал-демократы назывались «действительными защитниками народа».

Постепенно центр тяжести борьбы смещается к земельным проблемам. Это было связано с тем, что начиная с 1908 г. поземельно-устроительная реформа стала проводиться в наиболее заселенных районах и вызвала здесь острое сопротивление населения его методам, ограничениями землепользования. Земельный вопрос обострило также массовое переселение крестьян. Сказывались и ментальные особенности крестьянского сознания, при котором земли Кабинета рассматривались как находившиеся в несправедливом владении, а земля общая, «божья».

В 1910–1913 гг. землеустроители столкнулись с такой активной и широкой борьбой крестьян, какой они не встречали ранее. В южной части Барнаульского уезда, в районе ленточных боров, почти все проекты наделов были обжалованы крестьянами в Сенат. Огромное число жалоб на землеустроителей было направлено П. А. Столыпину и А. В. Кривошеину во время их поездки по Сибири в 1910 г. Массовыми были отказы селений подписывать землеотводные акты. Так, например, в 1910 г. 40 селений Барнаульского уезда отказались принять наделы от землеустроителей. Особенным упорством отличалась борьба в селениях Боровой Форпост, Бастынь, Ракиты, Соляное, Усть-Волчиха и др.

Самым крупным событием предвоенных лет являлись павловские волнения. В с. Павловском, расположенном в 60 км от Барнаула, и до этого находившегося в числе наиболее «беспокойных» на Алтае, было много «самовольцев» – переселенцев, которые разорились, не имели своего надела и были лишены его при землеустройстве. Из пользования крестьян была изъята часть земли, и павловцам был запрещен выпас скота на участке «Барнаульская степь». Отобранные у крестьян земли Кабинет объявил своей собственностью и стал сдавать крупными участками в аренду «кулакам», которые пересдавали ее крестьянам по вздутым ценам. Например, арендатору Майорникову было сдано 1200 десятин земли.

31 мая 1911г., в день праздника, в селе был назначен сход для обсуждения вопроса о сдаче в аренду имением округа барнаульскому скотопромышленнику Карамышеву участка все в той же «Барнаульской степи». Как раз в это время к волостному правлению подошла толпа крестьян, возмущенная тем, что объездчики избили двух крестьян и истязали крестьянский скот. Крестьяне разгромили контору имения, квартиры управляющего, служащих, объездчиков, полицейского урядника и некоторых «кулаков», уничтожили переписку, книги, бланки, акты и исполнительные листы на взыскание штрафов в пользу Кабинета на огромную сумму свыше 200 тыс. руб., в том числе около 50 тыс. протоколов о лесных порубках, старые межевые документы и др. В волнениях участвовала примерно тысяча человек. Во время разгрома, как об этом говорилось на суде, все, что содержалось в домах, не расхищали, а лишь ломали на мелкие части и выбрасывали на улицу. Земля казалась покрытой снегом от разорванных и выброшенных конторских книг и бумаг.

Движение приняло политический, антиправительственный характер: крестьяне рвали в клочья, уничтожали и закапывали в землю портреты царя, наследника и других «высочайших особ». Крестьяне из бывших рабочих несколько раз запевали революционную песню «Вставай, поднимайся, рабочий народ». На следующий день волнения возобновились. Крестьяне заставили торговцев отпускать товары бесплатно.

Прибывшая из Барнаула команда конных полицейских приступила к арестам крестьян. Около пяти часов вечера, когда в одном оцепленном квартале было арестовано 17 человек, раздался набатный звон колокола церкви, и крестьяне, вооруженные кольями, ружьями и револьверами, стали сбегаться отовсюду к площади. Толпа численностью до четырехсот человек направилась к центру села. Были слышны выстрелы. Но в это время в Павловск прибыла рота солдат из Барнаула. Волнения были подавлены, хотя они вспыхивали еще и на следующий день. Один крестьянин был убит, 17 — ранены, 150 — арестованы. Администрация губернии была перепугана, в Павловск срочно выехали начальник Алтайского округа, прокурор окружного суда, судебный следователь, помощник начальника губернского жандармского управления, уездный исправник и другие полицейские чины. Только тех, кого губернатор предлагал выселить как «зачинщиков», насчитывалось примерно 1200 человек.

Через год, в 1912г., царские власти устроили суд над 53 участниками павловских волнений. В качестве вещественных доказательств была навалена куча кольев, топоров, стягов и т.д. Помимо привлеченных к суду, понесли наказание еще 55 человек, заключенных в тюрьму в административном порядке на три месяца, а несколько человек были высланы за пределы губернии. Павловские события ярко вскрыли всю тяжесть притеснений крестьянства и вызвали широкий отклик российской общественности. Это было самое крупное событие крестьянского движения в Сибири перед войной. Даже буржуазные газеты вынуждены были написать о нем, а в Государственной думе в связи с ним группой депутатов был внесен правительственный запрос.

По словам начальника губернского жандармского управления, «...если бывший в с. Павловском разгром не перебросился на другие местности, то только благодаря тому, что село Павловское отстоит от Барнаула в 50 верстах, что дало возможность быстро передвинуть туда роту солдат и прекратить беспорядки в самом начале».

Наиболее яркий пример борьбы против поземельного устройства продемонстрировали крестьяне с. Мормыши Касмалинской волости, Барнаульского уезда. Двухлетняя борьба жителей села доставила много неприятностей самому

министру внутренних дел и даже лично царю и явилась наряду с павловскими волнениями крупнейшим событием в крестьянском движении Алтая и Сибири в предвоенные годы.

Селу Мормыши летом 1910г. было запроектировано в надел на 1288 душ мужского пола 12523 десятин удобной земли. Земельный надел в селе оказался значительно меньше среднего по Алтайскому округу, всего лишь по 9,7 десятины на мужскую душу. По проекту надела у крестьян Мормышей было отрезано около 6000 десятин земли в урочище Маяки, которой они пользовались, как считали, 50 или даже 100 лет. Это лишило население своей пашни и покосов. Жителям села предложили брать урочище в аренду. Крестьяне отказались от этого и решили пользоваться отрезанной землей самовольно. В 1911г. крестьяне выехали в урочище Маяки и запахали более 300 десятин. Крестьяне во главе с П.И. Воеводиным (впоследствии большевик, погибший от рук колчаковцев) ночью пробрались на участки, куда приехали землеустроители, напали на них, выдернули из земли все вехи. Едва спасшийся землемер уехал из села. Приехало «высокое» начальство, которого раньше никогда здесь не видели. Уездный исправник вместе с приставом и крестьянским начальником безуспешно пыталось прекратить земельные захваты и арестовать «виновных». Но толпа, состоявшая из 93-х человек, подчиниться отказалась. Вмешательство исправника произвело на крестьян воздействие, обратное ожидаемому. Рассердившиеся крестьяне выехали на Маяки с семьями, взяв с собой имущество и скот. На урочище расположились уже не только те, кто здесь раньше сеял, а все население села. 23 апреля здесь работали уже около тысячи жителей Мормышей.

Полиция запросила солдат, но власти не решились применить военную силу и ограничились передачей дела в суд. По доносу 18 участников нападения на землеустроителей были арестованы и заключены в тюрьму.

Томский губернатор П.К. Гран в начале мая 1912г. совершил поездку по наиболее беспокойным местностям Барнаульского уезда (села Селиверстовское, Буканское, Гуселетовское, Мормыши, Усть-Мосиха, Куликово, Шарчино, Макарово, Павловское), где проходили поземельно-устроительные работы. В течение двух недель он отправил председателю Совета министров и министру внутренних дел шесть телеграмм. Составленные вполне в официальном духе, его телеграммы непременно начинались с указания на то, что губернатора встречали хлебом-солью, при этом «возносились горячие молитвы о здравии государя императора», а крестьяне в приговорах «просили повергнуть к стопам его императорского величества чувства безупречной любви и беспредельной преданности». Но вместе с тем, как сообщал губернатор, повсеместно крестьяне «дерзали» просить царя о наделении их землей и о возвращении им отрезанных землеустроителями участков. Наконец, шифрованной телеграммой от 18 мая 1912г. П.К. Гран предупреждал, что «не может поручиться, даже на ближайшее будущее, за сохранение порядка и спокойствия в среде сельского населения, в пределах владения Кабинета его величества, так как все население Алтайского округа крайне враждебно настроено не только к низшим агентам, но и к высшим местным представителям Кабинета».

Мормышанцы, подав жалобу в Сенат, на двух сходах (21 января и в марте 1912г.), несмотря на давление властей, снова отказались принять проект надела. Весной они вновь запахали Маяки, выехав туда группой около тысячи человек вместе с семьями, имуществом и скотом. Вначале спорной была лишь часть урочища, 2330 десятин, но постепенно крестьяне захватили все 6000 десятин. Крестьяне до-

говорились оставить на участке, в случае выдворения их силой, все взятое с собою имущество, а затем предъявить иск администрации. Борьба крестьян была хорошо организованной: рассеянные на пространстве в 4–5 тыс. десятин, крестьяне несколько раз по требованию урядников собирались в одном месте для переписи и исполняли все требования полиции за исключением одного – отказывались идти под арест и не прекращали работы: «Нельзя, семейства без хлеба останутся».

Приближалась весна 1913 г. Мормышанцы собирались поступить так же, как и раньше. Мормышанские волнения возбуждали и крестьян других селений. Они стали предметом двух экстренных заседаний Совета министров, обсуждений в министерствах внутренних дел и императорского двора, Переселенческом управлении, управлении Кабинета. Был поднят и вопрос об общих изменениях в законодательстве о поземельном устройстве. Заключение по делу было представлено лично царю, находившемуся в это время в Крыму, в Ливадии.

Николай II назвал волнения в Мормышах и других селениях «прискорбным явлением», но предложил председателю Совета министров найти способы к их урегулированию путем административных мер, но «определенно проявляющих населению непоколебимую волю правительства охранять интересы государства и народонаселения не в ущерб владениям его императорского величества». Одновременно Николай II ответил отказом на предложения о выделении земель «непричисленным» переселенцам и населению арендаторских поселков и заявил, что «дальнейшие уступки земли под устройство арендаторов и переселенцев привели бы к полной ликвидации владений Кабинета на Алтае». Царь продолжал держаться за земельную собственность императорского двора в Алтайском округе.

Для «успокоения» мормышанцев по решению царя от 16 марта 1913 г. была сделана уступка: крестьянам передавалась часть урочища Маяки площадью 2330 десятин. Остальная часть отводилась под переселенческий поселок. 28 марта 1913 г. томский губернатор лично в присутствии солдат и казаков объявил мормышанцам о «милости» царя. Министр внутренних дел приказал предварительно сосредоточить в Мормышах «...возможно большее число классовых полицейских чинов». Местных полицейских сил оказалось недостаточно, и в губернию на два месяца были подтянуты полицейские из Пермской, Оренбургской и Вятской губерний.

Официально власти выражали полное удовлетворение завершением волнений. Петербургская газета «Новое время» описывала объявление «царской милости» в Мормышах, не скупясь на обычную в то время пышную верноподданническую фразеологию, словно и не было при этом солдатских штыков: «Единодушное нескончаемое «ура» благодарного народа покрыло провозглашенную здравицу государю императору». Между тем солдаты не только присутствовали в момент объявления «милости», но и были расквартированы в этом маленьком селении на три месяца. Таково было «нескончаемое «ура» благодарного народа!» С их помощью за это время было произведено насильственное заселение переселенцами той земли в 3670 десятин, которая была отобрана у крестьян с. Мормышы. Этому поселку было определено название по имени губернатора Грана как Грановка. Он и сейчас существует в Романовском районе Алтайского края.

В предвоенные годы усилились порубки и поджоги крестьянами кабинетского и казенного леса. В брошюре, выпущенной управлением Алтайского округа Кабинета в 1912 г., говорилось: «Число дел о порубках по округу достигало 100 000, а общая сумма начисленных по округу взысканий превышала 800 000 руб...».

Родственной лесным порубкам формой крестьянских выступлений были самовольные захваты земли. В 1913 г. по сильно преуменьшенным официальным данным в «бесплатном» пользовании населения находилось свыше 50 тыс. десятин кабинетских земель. В связи с массовыми переселениями обострились, в первую очередь из-за земли, отношения между старожилами и новоселами. В январе 1911 г. сельское общество с. Гоньба Шаховской волости Барнаульского уезда постановило не продавать новоселам дрова и не давать им рубить лес в наделе. Часто конфликты переходили в насильственные действия. Например, 14 октября 1909 г. переселенцы подожгли три дома в д. Кузминка Барнаульского уезда из-за отказа в приписке их в состав общества.

Это отражалось и при землеустройстве, так как изъятие и сокращение старожильческих земель при поземельном устройстве осуществлялось не только путем отрезков, но и посредством насильственного причисления в сельские общества переселенцев. Власти при сопротивлении старожилов не скупались на репрессии: поголовные штрафы, аресты и ссылки. За короткое время было арестовано и заключено в тюрьму на три месяца около 60 человек только в селениях Усть-Мосихе, Шарчинском, Рогозихе, Среднекраюшихинском, Клочковском и Павловском. 22 крестьянина сел Павловского и Серебренниковского, из «особенно вредных», губернатор выслал в административном порядке за пределы губернии.

Характерны были и социальные столкновения внутри крестьянства, между бедной и зажиточной его частью. «Вторая социальная война» в сибирских условиях развертывалась главным образом вокруг вопросов устройства переселенцев. Переселенцы захватывали земли Кабинета и Казны, вырубали леса. Одновременно они изгоняли крупных арендаторов, уничтожая их постройки, самовольно распахивали земли, занятые богатыми старожилами. Журнал «Сибирские вопросы» писал о том, что старожилы и переселенцы в Барнаульском уезде беспрестанно судились друг с другом из-за бесчисленных потрав. В мае 1912 г. в с. Кургаихе Бийского уезда группа «бродячего населения, не получившего наделов на местах своего проживания», потребовала от трех арендаторов земель Кабинета не косить своих покосов, убрать свой скот и съехать с арендуемых земель. Непричисленные выкосили покосы двух арендаторов, произвели порубку кабинетского леса и затем приступили к постройке жилых помещений на захваченных ими землях.

Губернатор доносил, что «означенная группа крестьян самовольно занятых мест не очищает, продолжает рубить лес, увозить сено и дрова, заготовленные арендаторами, препятствует рубить лес по установленным лесорубочным билетам и угрожает с оружием в руках местной администрации». Сообщалось, что округ «переполнен бродячими переселенцами в такой мере, что крестьяне (т.е. старожилы, главным образом «кулаки») выставляли охрану, чтобы не допустить самовольного захвата ими земель». Острейший конфликт возник в 1910 г. в Змеиногорском уезде, на границе наделов селений Новотроицкого и Новошипуновского Покровской волости. Одно из указанных селений разрешило «кулаку» устроить на спорном участке хутор, и тот стал распахивать землю и строить мельницу. Узнав об этом, 400 крестьян другого села – Новошипуновского – на сходе приняли приговор против этого, явились на хутор, разрушили дом, отобрали у его владельца две телеги с упряжью, а у плотников, строивших мельницу, – все инструменты, уничтожили строительный материал.

Первая мировая война, начавшаяся в июле 1914г., отрицательно сказалась на экономике страны, резко ухудшила положение народных масс. Социально-экономическое развитие Алтая, как и всей Сибири, имело определенную специфику по сравнению с Европейской Россией. Сибирь была тыловым районом, здесь в 1914–1916гг. еще наблюдалось поступательное развитие отдельных отраслей народного хозяйства, продовольственный вопрос не стоял столь остро, как в промышленных регионах и городах Европейской России.

Но положение основных масс сельского и городского населения ухудшалось и на Алтае, падал уровень жизни. В годы войны ухудшалось не только материальное положение народа, но и росло его бесправие. В стране было введено Положение о чрезвычайной охране. Участие в стачках грозило рабочим не только увольнением, но и отправкой на фронт. Изменения в составе рабочих также влияли на уровень рабочего движения. Мобилизация старых кадров рабочих и замена их женщинами, подростками, беженцами, военнопленными негативно влияла на активность рабочих.

Деятельность РСДРП была особенно затруднена, так как партия выступала с пораженческими лозунгами. В годы войны социал-демократические группы действовали на территории округа в Барнауле (до 80 человек), Новониколаевске, Кузбассе (на предприятиях Копикуза), Бийске. Однако даже в условиях войны не прекращалось забастовочное движение. За период войны в Барнауле прошло 9 стачек, в прочих местах Алтайского округа – 7. Известно число стачечников в 12 случаях – около трех тысяч человек. Основными требованиями бастующих были повышение заработной платы, улучшение материального положения. Крупные волнения произошли в конце 1915г. и в 1916г. в Змеиногорском уезде, на предприятиях Риддерского акционерного общества, где широко использовался труд мобилизованных казахов. 1 сентября 1915г. бастовали строители Риддерской железной дороги, а в июне 1916г. 1,5 тыс. рабочих самовольно ушли с рудника и строительства. Эти факты протеста отражали недовольство казахов и происходили накануне национально-освободительного восстания в Средней Азии и Казахстане (июль 1916г.). В конце 1916г. прошла стачка 500 рабочих Бийской текстильной фабрики Бородиных, которые требовали повысить зарплату. Требование не было выполнено, а три члена стачкома были арестованы. Стачки проходили также на предприятиях Копикуза – угольных шахтах и строительстве Кемеровского коксохимического завода.

Рабочие пытались улучшить свое положение не только через стачки, но и профсоюзы, кооперативы. Нелегальные профсоюзы существовали в Барнауле (пищевиков, строителей), в Кольчугине (шахтеров) и др. Крупнейшее по численности городское потребительское общество «Сотрудник» возникло в Барнауле, в него входили рабочие и приказчики, действовало оно в 1915–1917гг. В декабре 1915г. число членов общества достигало 1600 человек, а в 1916г. – 4000 человек. В конце 1914г. в Бийске было создано всесословное потребительское общество «Общая польза». В ноябре 1915г. на Кемеровском руднике Копикуза возникло потребительское общество рабочих и служащих. Ряд легальных ссудо-сберегательных касс функционировал в нескольких торговых фирмах Барнаула (А.Г. Морозова, Локоткова и др.). Как справедливо отметила Г.М. Запорожченко, кооперативы превратились в наиболее массовую и организованную часть городского социума.

Мировая война повлияла на общественно-политическую активность буржуазии. Отчасти это было связано с завершением строительства Алтайской железной дороги и перспективами разделения Томской губернии и образования Алтайской.

Особенно в начальный период войны местная буржуазия была настроена патриотически. Барнаульская городская дума на заседании 29 июля 1914г. составила текст телеграммы императору, в которой пожелала «...победы русскому оружию в борьбе с врагами славянства на славу обожаемого Монарха и возвеличения силы и мощи нашей дорогой Родины». Барнаульская дума быстро откликнулась на ведение «сухого закона», 5 сентября 1914г. приняла ходатайство о «закрытии в г. Барнауле продажи вина и пива, а также водочных изделий навсегда». Улицу Немецкую переименовали в Бельгийскую. 17 августа 1916г. Барнаульская дума ходатайствовала о скорейшем разделении Томской губернии, с выделением Алтайской с центром в Барнауле. Обсуждались вопросы введения земства в Сибири. С энтузиазмом гласные городской думы приступили к созданию местного комитета Союза городов (СОГОР).

Барнаульский комитет Всероссийского Союза городов был учрежден 22 апреля 1915г., в него было избрано 22 человека, в их числе городской голова А.А. Лесневский, гласные думы П.И. Федулов, В.М. Вершинин и др. В.М. Вершинин вошел в состав областного СОГОРа. Местные предприниматели с интересом отнеслись в созданию военно-промышленных комитетов (ВПК), которые возникли как экономические организации (май 1915г.) и являлись фактически представительными организациями буржуазии. В Алтайском округе ВПК были созданы в Барнауле, Новониколаевске, Бийске, Кузнецке. Барнаульским ВПК руководил банковский служащий А.Р. Михайловский. ВПК распределяли заказы на промышленную продукцию для военных нужд (через Центральный ВПК), помогали местным предпринимателям получать кредиты и сырье.

Страна вступала в Первую мировую войну в условиях, когда в среде крестьянства накопилась острейшая социальная напряженность и протестные настроения. В связи с объявлением Первой мировой войны и первой всеобщей мобилизацией запасных в округе в июле 1914г. произошли волнения запасных и крестьян, которые по массовости были самыми крупными за всю предыдущую историю Алтая и всей Сибири. Это движение охватило в то время 49 из 101 губернии и области страны. Но вне пределов Европейской России самые крупные крестьянские выступления отмечены на Алтае. В чем причина этого? В рамках Сибири именно здесь сложились наиболее острые социальные противоречия.

Власти, а теперь и некоторые историки, называли волнения 1914г. «пьяными бунтами». Доля правды в этом была. Действительно, в эти дни по губернии было разгромлено около 600 винных лавок. По всей стране был отмечен «нешуточный перепой». Но перепились больше всего Белоруссия, Украина и Алтайский округ. С чего бы это? Просто нарастающая много лет ненависть крестьян за притеснения прорвалась наружу. Движение носило сложный характер, в нем было проявление не только немотивированного бунта, в том числе и пьяного, но и определенных социально-экономических и политических требований.

В волнениях июля 1914г. проявился протест крестьян против кабинетских земельных и лесных владений, притеснений местных властей, а также недовольство войной. Нельзя упрощенно толковать происшедшие волнения как определенно антивоенные. Часть крестьянства в начале войны находилась под воздействием патриотических настроений. Другие относились к войне и политике пассивно, но многие крестьяне выступали против нее. Мобилизация лишала хозяйства рабочих рук, война сибирскому крестьянину с его тогдашней особой территориальной оторванностью представлялась особенно бессмысленной и создающей для него неоправданные ос-

ложнения, а ему приходилось оставить семью и хозяйство, рисковать жизнью. Многочисленные крестьянские выступления являлись одной из форм и политической борьбы против существовавшего самодержавного строя, хотя мало организованной и совершенно стихийной.

Волнения запасных, по признанию губернатора, проходили почти повсеместно, но главным их районом являлись южная и восточная части Барнаульского уезда, т.е. местности и до войны наиболее «беспокойные». Сюда относились села Павловское, Ребриха, Мормыши, Ключевское и др. Волнения начались сразу после объявления мобилизации. Протест против войны был еще малоосознанным и проявлялся в скрытой форме. Запасные принуждали власти к выдаче кормовых и других пособий, требовали с угрозами улучшения условий транспортировки и вежливого обращения к себе, отказываясь ехать на сборные пункты. Революционное брожение среди запасных быстро нарастало по мере соединения их на пути к сборным пунктам.

В с. Павловском 20 июля, согласно полицейским донесениям, «...громадное число запасных... накинулось на воинских начальников, предъявляя им с угрозами различные требования», без исполнения которых запасные отказывались выступать. Власти разбежались. Когда на следующий день пристав арестовал семерых «главарей», запасные избили пристава, многотысячной толпой окружили волостное правление, разломали каталажную камеру, освободив арестованных товарищей, а затем разгромили и волостное правление. При этом крестьяне разбили шкафы с канцелярскими делами и уничтожили все бумаги, книги и делопроизводство, сорвали со стен и изорвали в клочья три портрета царя и четыре флага. Вместе с павловскими крестьянами запасные подожгли камеру мирового судьи. Волнения в с. Павловском продолжались две недели. Аналогичные волнения произошли в селах Шахи, Ребриха, Юдиха, Тюменцево, Мормыши, Бутырки, Камень, Маслянинское, Окуловское и многих других.

С новой силой развернулась борьба алтайских крестьян против Кабинета, причем «разгромные» формы борьбы ярко преобладали над «мирными», и июль 1914 г. по остроте движения можно сравнить с революцией 1905–907 гг. В ряде мест движение вылилось в разгром лесничеств округа (Павловское, Ребриха, Мормыши), были сожжены десятки кордонов. Массовый характер приобрели порубка леса и его поджог (Черемновское, Ребриха, Овечкино, Куликовское, Покровское, Чернокурьянское, Гуселетово, Селиверстово, Клочки, Бутырки, Ключи и др.). На юге Барнаульского уезда трудно было найти такое село, которое не участвовало бы в порубках лесов. Порубки носили, в отличие от предыдущих «мирных» лет, крупные размеры. Так, в Ключевском лесничестве убытки исчислялись Кабинетом в 20 тыс. руб., в Мормышанском – в 8 тыс. руб. В ряде мест вспыхивали вооруженные столкновения со стражей.

Преследовалась и сельская буржуазия. В с. Павловском «благоразумные крестьяне», как их именовали в официальных источниках, безуспешно пытались потушить пылавшее здание волостного правления, подожженное запасными и крестьянами, и спасти от разгрома местное лесничество. Губернатор доносил о «вымогательствах» и «угрозах» по отношению к «самостоятельным» крестьянам. Торговцы с. Павловского телеграфно просили министра торговли «о немедленном содействии воинской защиты от насилия, разгромов, поджогов торговых помещений, складов, жилых домов».

Начавшись в уездах, волнения, по мере прибытия запасных и провожавших их крестьян в города, перекинулись туда, вспыхнув с еще большей силой. Самые

крупные «городские» волнения произошли 21–25 июля в Барнауле. Здесь 22 июля собралось около 20 тысяч мобилизованных, они проводили дни и ночи на улицах и площадях. Волнения с первых дней получили политическую окраску. Огромные толпы запасных собрались в центре города, намереваясь, по словам исправника, разгромить полицейское управление и целый ряд других казенных учреждений. Полицейские не смели появляться на улицах, крестьяне ловили и избивали их. К 7 часам вечера 22 июля город фактически находился в руках запасных, а власти были полностью дезорганизованы. Поздно вечером запасные начали громить конторы маслодельных кооперативов и складов сельскохозяйственных машин и орудий, в том числе датских, американских и других иностранных фирм. Многие из запасных состояли в постоянных должниках этих фирм и кооперативов.

Исправник Григорьев, известный своей жестокостью, спешно сформировал из «здравомыслящих запасных» и местной буржуазии несколько команд и организовал усмирение. В свою очередь запасные разбили оружейные магазины и вооружились. На Луговых улицах, где горели склады и конторы, завязалось настоящее сражение, продолжавшееся всю ночь. Волнения в городе были подавлены только 25 июля с помощью вооруженных сил, направленных губернатором. Из числа запасных были убиты 112 человек, а несколько сотен ранены. Барнаульские волнения стояли в ряду крупнейших в стране «городских» выступлений крестьян-запасных в июле 1914г. Подобные волнения запасных произошли также в Новониколаевске, Бийске и Кузнецке. Министр внутренних дел Маклаков 24 июня в телеграмме томскому и минскому губернаторам категорически требовал расстрелов: «Надо стрелять при усмирении беспорядков. Эти погромы недопустимы, они развращают запасных и подрывают власть, их усмирять надо беспощадно».

Волнения крестьян были окончательно подавлены только в 20-х числах августа 1914г. В южную часть Барнаульского уезда по просьбе начальника Алтайского округа была направлена карательная экспедиция пристава Лопатина, которая должна была пройти свыше 622 верст. Крестьяне оказывали упорное сопротивление, прятали нарубленный в кабинетских дачах лес, отказывались выдать зачинщиков волнений. Но это была уже только оборона. Крестьянское движение медленно угасало.

С 19 июля по 1 августа 1914г. в 28 губерниях страны, по неполным данным, было убито 247 и ранено 258 участников волнений. Ответными действиями запасных и крестьян было ранено и убито 106 должностных лиц. Из этого числа в Томской губернии во время волнений было убито 136 и ранено 33 участника волнений, а из должностных лиц 31 человек ранен. Цифры эти намного преуменьшены: известно, что только в Барнауле за один день (22 июля) были ранены 102 запасных. По силе и размаху волнений Томская губерния стояла на одном из первых мест в стране.

Вслед за подавлением волнений началась судебная расправа. Тюрьмы были переполнены в первые же дни наиболее «важными преступниками», а с остальных была взята подписка о невыезде. Всего в губернии было привлечено к суду до 1400 человек, среди которых, кроме запасных, было большое число не подлежавших мобилизации крестьян. Все дела об участии в волнениях были изъяты из общей подсудности и переданы в военный суд. Многие крестьяне были расстреляны, сотни человек были приговорены к каторге и тюремному заключению.

Мировая война поставила крестьянское движение в совершенно новые условия, так как из деревни вынужденно выбыла самая активная часть мужского на-

селения. Тем не менее социальная напряженность, во многом скрытая, сохранялась и выразилась в целом ряде форм протестов, приобретающих и новые черты.

Крестьянское движение вступило в полосу упадка, который особенно проявился во второй половине 1914 г. — в это время были лишь редкие одиночные выступления. Но уже в 1915 г. движение несколько усиливается, еще более заметно это стало в конце 1915 г. и в 1916 г. Постепенно меняется и характер движения, оно приобретает новые, еще более неблагоприятные для правящего режима черты. Они были связаны с постепенным, но очень быстрым рассеиванием среди населения «патриотических» настроений и ростом политического сознания крестьянства, а также с вовлечением в борьбу новых, до этого пассивных слоев крестьян, особенно женщин, в первую очередь солдаток, на которых война обрушила огромные бедствия. Меняются и формы борьбы, на первое место снова выступают «разгромные».

Начальник Алтайского округа писал в 1915 г., что безземельные крестьяне «до сих пор не перестают добиваться наделения землей». Отказываясь признать условия землеустройства, крестьяне многих селений, особенно в таких лесничествах, как Нижне-Кулундинское, Озерское, Павловское, Бухтарминское, Кольванское, Салаирское, Нижне-Томское, Петровское и Бахматовское, явочным порядком продолжали пользоваться отошедшими к Кабинету землями. В 1916 г. усилились захваты земель.

Сильные волнения произошли 25 и 26 ноября 1916 г. в с. Топольном Змеиногорского уезда. Солдатки, собравшись в большую толпу, достигшую 200 человек, под руководством пяти крестьянок окружили контору лесничества и стали требовать отмены старого порядка снабжения лесом и введения бесплатного отпуска его солдаткам. Они угрожали разгромить канцелярию, убить служащих и самого лесничего.

Особую роль в протестных движениях играли солдаты. Огромное впечатление оказывали на сельское население солдатские письма. Они несли протестные идеи в самые отдаленные уголки страны. Солдаты составляли наиболее просвещенную часть крестьян и часто выступали как агитаторы и организаторы крестьянских протестов. В с. Зеркальном Барнаульского уезда в январе 1917 г. около 300 крестьян и солдаток под руководством солдат-отпускников, окружив канцелярию Коробейниковского лесничества, угрозами заставили лесничего выдать им разрешение на порубку леса, а затем приступили к вырубке. Порубка была прекращена только с помощью полицейского отряда под командой станового пристава.

В 1915 г. усилились поджоги крестьянами кабинетского и казенного леса. Лето выдалось очень сухим. Лесные пожары в Сибири охватили крупнейшую территорию в 1 600 000 кв. км. Эти пожары многим вселяли суеверный страх. Резкое увеличение пожаров начальник округа объяснял наряду с жарким летом также и поджогами, — поджигателями чаще всего были солдатки, движимые желанием иметь к зиме пригодный на дрова сухой горелый лес.

Все эти стихийные выступления крестьян против кабинетских владений и властей проходили на фоне растущего недовольства и протеста крестьянства против войны. В донесениях появляются указания на «развивающуюся притупленность чувств» у крестьянского населения, на сочувственное отношение крестьян к идее мира. Во время призыва призываемые часто говорили вслух на сходе: «Воевать не будем, сбежим или сдадимся в плен, затеял войну царь, а не мы, — пусть царь свою голову и подставляет». Администрация возбуждала сотни и тысячи судебных дел по обвинению крестьян в оскорблении царя.

Во всех донесениях в 1916г. говорилось о массовых и повсеместных отказах крестьян, особенно солдаток, от уплаты податей и сборов. Крестьяне сопротивлялись реквизиции продовольствия и фуража для армии, упорно отказывались сдавать свой хлеб, прятали его, затягивали сознательно обмолот его осенью. В январе-феврале 1917г. на этой почве произошли крупные волнения в ряде селений, и дело дошло до вооруженной борьбы с полицией. В с. Хайрюзовском Бийского уезда крестьяне «добровольно» вывезли хлеб на сдаточный пункт лишь после того, как в село был введен взвод казаков и значительный наряд полиции. Такие же выступления крестьян произошли в Усть-Гавриловке, а также в селах Ложкинском, Верх-Шубенском Бийского уезда. В селе Марушенском крестьяне, вооружившись, оказали серьезное сопротивление отряду полицейских, среди которых несколько человек было ранено (четверо крестьян также получили ранения). Только в названных выше селениях властями было арестовано 32 человека.

Широчайшие слои крестьянского населения отказывались дальше приносить жертвы во имя тех целей, ради которых велась война, поддерживать военную политику правительства, — при этом в таком движении участвовала не только беднота, но и зажиточные крестьяне.

Начиная с осени 1915г. одним из наиболее больших вопросов деревни становится дороговизна предметов потребления и голодание части населения. Это усиливало недовольство против военной политики правительства. В донесениях передавались обычные для крестьян высказывания: «С войной для нас, крестьян, жизнь стала дорога и тяжела... Зачем нам война, это нужно высшему начальству».

Томская губерния стала одним из районов «продовольственных беспорядков». Самыми крупными волнениями 1916г. в губернии были ноябрьские волнения в Новониколаевске. 9 ноября местные солдатки, поддержанные призванными в армию крестьянами и солдатками из деревень, находившимися в это время в городе, разбили несколько магазинов и мясных лавок. В разгроме участвовало несколько тысяч человек. По толпе был открыт залповый огонь, убито несколько человек и много ранено. Раненые были и со стороны усмирителей, в том числе сам полицмейстер и пристав. Было арестовано 87 человек.

Подобные события произошли в мае 1916г. в Бийске, куда по случаю призыва собралось около 8–10 тыс. крестьян и солдаток. Солдатки заявляли, что «казенный паек мал и они с детьми голодают, цены на все товары поднялись настолько высоко, что нет возможности купить для себя и для детей необходимую одежду и обувь». Они заходили группами в мелкие лавки и пекарни, насильственно забирали товары и продукты. Были выставлены полицейские наряды и воинские патрули, которые разгоняли собиравшихся в группы солдаток. Среди 18 арестованных в связи с беспорядками около половины были крестьянами.

В 1916г. был отмечен ряд волнений в крупных селениях губернии. В с. Локтевском Змеиногорского уезда 25 ноября, во время ярмарки, солдатки, собравшись в толпу до 200 человек, заставили местных торговцев понизить цены на 10%, а затем — отпускать товары бесплатно. На следующий день около 700 человек добились у торговцев выдать подписку, чтобы и в будущем те продавали товары по сниженным ценам, а в местном волостном правлении — снять и засвидетельствовать копию подписки, а затем разбили несколько ларьков. Полиция арестовала 61 человека. В Мякотихе того же уезда 13 декабря солдатки явились к лавке местного «кулака» Трапезникова и потребовали бесплатного отпуска товаров. На следующий день толпа

мужчин и женщин, стреляя из ружей, снова напала на дом Трапезникова, выбила окна, разломала крышу; весь товар на сумму около 6 тыс. руб. был забран солдатами. Полиция арестовала 26 человек.

Такие же волнения крестьянок имели место в селах Солтон, Жерновское, Усть-Чарышская Пристань, Красноярское, Покровское и др. Многие торговцы прекращали торговлю из-за боязни грабежа со стороны «черни». Волнения солдаток уже наблюдались в самых различных районах губернии и все чаще – вне традиционного района крестьянского движения на юге губернии.

Протесты солдаток вовлекали в активную борьбу все новые слои сельского населения, до этого ничем политически не проявившие себя. Углублялась классовая рознь между деревенской беднотой и богатыми крестьянами, так как многие из последних использовали продовольственный и товарный кризисы для спекуляции, наживы и эксплуатации других крестьян. Барнаульский исправник делал вывод: «... нарождается новый вид междоусобного неудовольствия крестьян неимущих по отношению к имущим». В деревне все больше вызревал глубокий социальный и политический кризис, в настроениях крестьянства имелось много социального недовольства и «горючего материала», определившего его активные позиции в последующей революции 1917 г. и Гражданской войне.

Нельзя объяснять революционные события исключительно сдвигами в психологической сфере обществ. В течение многих десятилетий вызревали глубокие социально-экономические и политические предпосылки революционного взрыва. Происходили накопление и эскалация социального протеста. Крестьяне, не находя других эффективных путей их решения, поддержали революцию. Точно такими по форме, как в Алтайском округе, были способы борьбы крестьянства и в стране в целом.

Глава 14

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА В НАЧАЛЕ XX в.

14.1. Народное образование

Бурное развитие капиталистических отношений в народном хозяйстве на рубеже XIX–XX вв. вызвало фундаментальные изменения в общественной жизни как страны в целом, так и Алтайского региона в частности. Переселенческое движение способствовало быстрому росту населения, что в свою очередь влияло на расширение сети учебных заведений. Рост сети начальных школ требовал большего числа преподавательских кадров, удовлетворить данную потребность можно было за счет выпускников гимназий и прогимназий. Между тем до начала XX в. в Алтайском округе не было ни одной гимназии, а прогимназии работали лишь в Бийске и Барнауле, к средним учебным заведениям того времени относилось также Барнаульское реальное училище императора Николая II.

В августе 1900 г. в результате преобразования пятиклассной женской прогимназии начала свою работу первая в Барнауле женская гимназия. При открытии в неё были зачислены 179 учениц. В 1909 г. их численность составила 419 воспитанниц. В 1901–1902 учебном году при гимназии был открыт 7-й класс, а уже в следующем 1902–1903 г. – 8-й дополнительный педагогический класс с 32 воспитанницами. Также путём преобразования из женской прогимназии в 1905 г. начала свою деятельность Бийская Николаевская гимназия. Первая мужская гимназия была открыта в Бийске в 1910 г. в результате реорганизации частного учебного заведения второго разряда Б.Н. Ковачёва. К 1 января 1916 г. в ней обучались 238 человек. В дальнейшем в Барнауле были открыты: мужская гимназия (17 сентября 1912 г.), женская гимназия М.Ф. Будкевич (основана как частное учебное заведение в 1905 г., преобразована в гимназию 11 марта 1907 г.), женская прогимназия Н.Н. Красулиной (преобразована в 1914 г. из училища второго разряда).

Каменская частная гимназия для детей обоего пола с правами учащихся мужских гимназий, ранее существовавшая как частное учебное заведение, официально получила наименование гимназии в 1915 г. Частная гимназия располагала собственным двухэтажным деревянным домом и содержалась от взносов и средств Общества содействия среднему образованию в г. Камень.

Гимназии давали классическое образование и были нацелены на то, чтобы их выпускники могли продолжить обучение в университетах. В них обучались преимущественно дети дворян, чиновников, духовенства, служащих, купцов, зажиточных мещан и предпринимателей. Не все жители городов могли себе позволить обучение детей в платных гимназиях, не хватало и самих гимназий, количество желающих поступить в гимназии всегда превышало отведённое штатом число учеников. По учебному плану гимназий 1914 г. на изучение гуманитарных дисциплин отводилось 138 часов в неделю, что в два раза превышало время на изучение предметов естественно-научного цикла. Женские гимназии предоставляли возможность получения профессии учительницы элементарной школы. Преподаватели добивались от учащихся выработки красивого почерка, грамотного правописания, выразительного чтения, хорошего знания иностранных языков и логики, в результате чего нередко происходил разрыв получаемого образования с требованиями реальной жизни.

Несмотря на строгую регламентацию жизни учебных заведений со стороны училищных властей и местной администрации, в период общественного подъёма конца XIX – начала XX в., а особенно во время Первой русской революции 1905–1907 гг., социал-демократические идеи проникали в среду учащихся, зачастую этому способствовали прогрессивно настроенные преподаватели.

Часть учащихся Барнаульского реального училища и первой женской гимназии были связаны с подпольным комитетом РСДРП. В 1905–1906 гг. группы учащихся участвовали в забастовках политического характера. При обысках на их квартирах обнаруживали нелегальную литературу и листовки. Власти опасались влияния революционных настроений рабочих на среду учащихся. Проводились аресты, обыски, задержания.

Из-за того, что не хватало выпускников гимназий для замещения всех учительских должностей начальных школ в условиях их количественного роста, было принято решение об открытии учительских семинарий. Первая учительская семинария была открыта в октябре 1906 г. в селе Павловском Барнаульского уезда. В начале семинария не имела собственного помещения и вплоть до постройки в 1908 г. специального каменного здания размещалась в арендованных домах. При семинарии работало начальное училище. Зачислению подлежали юноши не моложе 16 лет, выдержавшие вступительные испытания в объеме двухклассных начальных училищ Министерства народного просвещения. Курс обучения составлял три года. В учебную программу входили: Закон Божий, русский язык, словесность, арифметика, геометрия, история, география, естествоведение, физика, педагогика, рисование, пение и ручной труд, а также читался курс маслоделия и лесоводства. К сентябрю 1911 г. в семинарии числилось 68 воспитанников. Осенью того же года семинария была переведена в Новониколаевск. Формальной причиной перевода семинарии было нарушение санитарно-гигиенических норм при строительстве общежития, реальной же стала обеспокоенность Министерства народного просвещения участием семинаристов в крестьянских беспорядках, происшедших в Павловском.

15 сентября 1915 г. была открыта Барнаульская мужская учительская семинария. К 1 января 1916 г. она насчитывала 50 учащихся. 19 ноября 1917 г. открылась Бийская учительская семинария. Несмотря на то, что материальная и учебно-методическая база обеих семинарий была бедна, квалифицированный педагогический коллектив обеспечивал довольно высокий уровень профессионально-педагогической подготовки выпускников.

Вплоть до революционных событий 1917 г. на Алтае продолжали существовать начальные школы различных ведомств. Церковно-приходские школы, находившиеся в ведении местных духовных властей, подчинялись Синоду; начальные сельско-волостные и городские школы были в ведении Министерства народного просвещения; казацки — в распоряжении войскового начальства; часть школ управлялась структурами Министерства внутренних дел. В 1903 г. окончательно ушли в прошлое горнозаводские школы. Наиболее многочисленными начальными являлись церковно-приходские и начальные сельские школы. Количественное увеличение их численности в Западной Сибири в начале века превышало показатели Европейской части России. Переселенческий фактор играл не последнюю роль, именно переселенцы, привыкшие к наличию школ у себя на родине, желали завести их и на новом месте. Знаковым является и то, что в рамках проводившегося землеустройства крестьянских селений Алтайского округа в 1899–1914 гг. в самих проектах земельного устройства населённых пунктов предполагалось выделение школьного и церковного наделов, самостоятельное решение об отведении которых могло принимать каждое из сельских обществ.

Важным событием в истории российского просвещения стало издание закона 3 мая 1908 г. «Об отпуске средств на мероприятия земств и городов по введению всеобщего начального образования». В соответствии с этим законом обязанности по содержанию начальных училищ возлагались на местные органы власти. В России должно было вводиться всеобщее начальное образование. Создавались новые типы школ. Курс обучения в них соответствовал четырём возрастным группам от 8 до 11 лет и должен был составлять 4 года. Норма учеников на одного учителя не должна была превышать 50 человек. Такая школа называлась одноклассной, а при наличии более 100 учеников — двухклассной и т.д. Министерство народного просвещения установило новые критерии размеров ежегодного финансирования школ.

В Алтайском округе работы местного самоуправления по введению всеобщего начального обучения начались в 1909 г. В январе этого года Барнаульская городская дума провела перепись детей школьного возраста. Был составлен план устройства школ и подано ходатайство в Министерство народного просвещения о введении в городе всеобщего начального образования в течение 10 лет. В 1913 г. дума приняла решение о начале реализации плана по введению всеобщего начального обучения. В марте 1914 г. план, утверждённый местным городским училищным советом, был принят в Министерстве народного просвещения. Введение всеобщего начального образования в Барнауле должно было быть осуществлено в период с 1912 по 1922 г. Новые комплекты приходских школ должны были открываться в предварительно согласованной последовательности. В соответствии с этим планом в 1912/13 учебном году в городе было открыто шесть, а в 1913/14 — пять новых школ.

Планы по устройству школьных сетей были составлены Бийской городской думой и Змеиногорским уездным училищным советом. К сожалению, об их утверждении и начале реализации ничего не известно. Всеобщее начальное обучение так и не было введено в Российской империи.

В 1913/14 учебном году на территории Алтайского округа действовало 808 начальных школ. Работали пять семилетних и шесть средних общеобразовательных учебных заведений. В них преподавали 1212 учителей и обучались 52069 учеников.

В 1912 г. была проведена реформа городских училищ, в результате чего они были преобразованы в высшие начальные мужские, женские и смешанные учили-

ща. С 1 января 1914г. реорганизации подверглись бийские и барнаульские училища. В 1915/1916 учебном году осуществляли свою деятельность барнаульские: Первое и Второе мужские высшие начальные, Первое (открыто 1 июля 1914г.) и Второе (1 августа 1915г.) женские высшие начальные училища; бийские: Пушкинское высшее мужское начальное и женское (открыто 23 августа 1913г.) высшее начальное училища. На 1 января 1916г. количество учеников во всех барнаульских высших начальных училищах составило 797 человек; бийских – 270 человек.

Кроме того, в 1916г. в Барнауле работали 20 городских приходских училищ с 2759 учащимися, из которых 1479 были мальчиками и 1280 девочками. В 1916/17 учебном году в Бийске функционировали одно мужское и одно женское и два смешанных высших начальных училища, 21 приходское и одно частное начальные училища.

В 1917г. произошла реорганизация главного Чарышского казачьего училища. Из двухклассного оно было преобразовано в Высшее начальное училище с шестилетним сроком обучения. Лучшие выпускники училища для подготовки к званиям учителей казачьих школ продолжали обучение в Омской учительской семинарии, где способнейшие из них имели право на получение войсковой стипендии.

Стремительное хозяйственное развитие региона требовало организации профессионально-технического образования. К большому сожалению, темпы создания профессиональной школы были недостаточны. Правительство и местная администрация не воспользовались успешным опытом горнозаводских школ. Сменив хозяйственный вектор округа с горнозаводского на лесопользование и получение доходов от земельно-арендных отношений, они так и не предприняли попытки реформирования старой образовательной системы в соответствии с новыми экономическими условиями. Освободившись от собственной образовательной сети в начале XXв., руководство округа практически полностью передало сферу профессиональной подготовки рабочих в частные руки.

Закон о промышленных училищах 1888г. устанавливал три типа профессионально-технических учебных заведений: средние технические, низшие технические и ремесленные училища. По дополнительным законодательным актам 1893 и 1894гг. были созданы ещё два типа упрощённых школ: школы ремесленных учеников и низшие ремесленные школы, призванные предоставлять исключительно ремесленные навыки без опоры на прочную теоретическую базу. В 1897г. был учрежден ещё один вид низшей профессиональной школы – ремесленные учебные мастерские, являвшиеся наиболее дешёвым и примитивным типом учебных заведений. Назначение ремесленных учебных мастерских состояло в обучении ремонту сельскохозяйственного инвентаря и орудий кустарной промышленности. Данные учебные заведения, не подразумевавшие предоставления учащимся теоретических знаний, не могли подготовить достаточно квалифицированных рабочих для транспортных и промышленных предприятий.

Инициатива по созданию того или иного типа профессиональных учебных заведений исходила от местных обществ, промышленников и купечества и была вызвана не сколько просветительскими началами, сколько частными, капиталистическими потребностями и необходимостью. В 1913г. были открыты красильно-ткацкая школа в с. Белом, учебно-показательная ткацкая мастерская в Усть-Чарыше и кожевенная школа в с. Алтайском Бийского уезда.

Летом 1913г. Барнаульская городская дума обратилась с ходатайством к попечителю учебного округа об открытии низшего технического училища с ремесленной школой, необходимого для подготовки техников и мастеров, удовлетворявших нужды местной промышленности. В училище предполагалось учредить слесарно-кузнечное, столярно-токарное, литейно-формовочное отделения. Дума обязывалась предоставить земельный участок для училища и выделить часть необходимой для строительства здания суммы в размере 20 тыс. руб. Ходатайство было одобрено, и в 1914г. училище начало свою деятельность. В 1916г. в Барнауле было открыто среднее механико-техническое училище имени И.И. Ползунова с четырёхлетним сроком обучения и низшей ремесленной школой. В том же году была учреждена Бийская низшая ремесленная школа. В 1916–1917гг. были созданы Локтевское, Повалихинское и Тюменцевское показательные мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин.

Осенью 1911г. в результате инициативного обращения Общества торговых служащих в учебный отдел Министерства торговли и промышленности, в Барнауле была открыта торговая школа. Школа являлась средним коммерческим всесловным учебным заведением. В неё принимались подростки, окончившие начальные училища. Срок обучения составлял пять лет и делился на два подготовительных и три основных класса. В учебную программу входили общеобразовательные предметы, а также широкий набор специальных дисциплин: товароведение, основы бухгалтерии, коммерческая география и др. Обучение было платным и составляло от 40 до 60 руб. в год. Торговая школа не располагала своим зданием, а 9 из 10 преподавателей в ней были вольнонаёмными.

В 1912г. Барнаульское счетоводное общество открыло годовые торговые классы, целью которых являлось обучение начальному коммерческому делу работников торгово-промышленной отрасли. В классы принимались все желающие лица обоёго пола не моложе 12 лет, имевшие хотя бы начальное образование. В классах преподавался широкий спектр специальных дисциплин. В 1913г. председателем Барнаульского кредитного товарищества С.Г. Дёминым был открыт курс кооперативного счетоводства. Обучение, как и в торговых классах, было платным.

Характеризуя уровень народного просвещения дореволюционного Алтая, следует признать его неудовлетворительным. Государство не уделяло достаточного внимания образованию, проводилась сдерживающая охранительная политика, а уровень финансирования был явно недостаточным. При положительной динамике увеличения численности начальных училищ профессионально-техническое образование практически не получило своего развития в регионе. В Алтайском округе не было высшего учебного заведения. В 1917г. грамотность населения в Томской губернии составила лишь 15,3%. В городах грамотными были 28%, а в сельской местности 14,6% жителей. Существовали отдельные территории, где не было ни одного грамотного человека. С революционными событиями и окончательным установлением советской власти началась новая эра в области народного образования, были полностью пересмотрены принципы и подходы к просвещению.

14.2. Архитектура и искусство

В 1902 и 1912 гг. были составлены планы Барнаула, в которых развивалась заложенная в 1826 г. планировочная структура в формах классицизма. Генеральный план 1912 г. демонстрирует размещение новых промышленных предприятий, складских помещений в береговой полосе Оби, занятой также грузовыми причалами и пристанью. Жилые кварталы, улицы изолированы от реки, город не имел благоустроенного выхода к береговой полосе.

В этот период на архитектуру городов Алтая, помимо других факторов, большое влияние оказывала крестьянская культура: зачастую переселенцами из сел в городе воспроизводились деревенские усадьбы. Основным строительным материалом являлось дерево. Широкую популярность приобрел русский стиль, а также домовая резьба. Ярким образцом является дворянская усадьба А. А. Лесневского (ул. И. И. Ползунова), купеческие деревянные особняки на улицах Интернациональная, Никитинская, Анатолия, Пушкинская. Визитной карточкой дома крестьянина было крыльцо как приглашение войти в дом. Наличники, ставни окон украшались накладной, пропиловочной, реже – глухой резьбой: в узоре и драконы, и кони, и личные мотивы, древо жизни, птицы, шишки, виноградная лоза. Ритмы бревенчатых срубов, подкарнизных узоров, архетипические мотивы домовой резьбы – все это есть в деревянном городском доме. Наиболее плодотворным этапом в развитии барнаульского деревянного зодчества было начало XX в., когда помимо приезжих артелей и строителей в Барнауле и других городах работали местные мастера (мастерские А. Борзенкова, А. Пяткова), широко применявшие типовые проекты из альбомов «Дешевые деревянные постройки». Характерным памятником городского деревянного зодчества в Барнауле является дом, который на плане 1907 г. указан как «Аптека Э. Ф. Крюгер» (ул. Пушкина, 64). В интерьере аптеки сохранился резной деревянный потолок и карнизы. Аптека Э. Ф. Крюгер сочетала функции жилого дома и аптечного магазина.

В Барнауле памятником жилой деревянной архитектуры с элементами модерна является дом-усадьба купцов Шадриных (пр. Красноармейский, 8). Композиция уличного фасада асимметричная, парадный вход, смещённый к южному флангу, отмечен выносным фронтоном, переходящим во втором этаже в балкон. По оси парадного входа крыша завершается сквозным четвериком, увенчанным башенкой с фонариком и декоративным трилистником. Вторая акцентированная ось проходит по фигурному фронтому и лоджии второго этажа. В оформлении и линиях балкона, лоджии, входов прослеживаются черты модерна.

Деревянные жилые дома, типичные для начала XX в., расположены на улице Анатолия. В них сохраняются предметы столетней давности: пропильная резьба, металлические консоли, кронштейны парадных входов, ажурные металлические дымники).

В начале XX в. знаком приобщения к цивилизации в Барнауле становятся деревянные общественные здания – синаматографы в русском национальном стиле. Первый синаматограф открыла купчиха Лебзина на Пушкинской улице, с 1910 г. к нему присоединились синаматографы «Иллюзион», «Триумф», «Каскад». В это время в Барнауле строятся из кедра и сосны гостиницы «Модерн», «Империял». Гостиница «Империял» (ул. М. Олонская, 18; не сохранилась) являлась примером деревянной постройки с коридорной планировкой, парадный вход был акцентирован эркером,

фронтами, шатровой башней, фриз и карниз были обработаны ажурной резьбой. В этом здании в 1926 г. останавливался Н.К. Рерих.

В конце XIX – начале XX столетия в Барнауле были построены из дерева первые народные школы – Нагорная (ул. Аванесова, 30) и Зайчанская (ул. Анатолия, 241). В этих школах в начальных классах училась треть барнаульских школьников – дети бедняков, их не только бесплатно учили, но и обеспечивали нуждающихся одеждой, учебниками, всех – горячими завтраками; в школах были открыты народные библиотеки. Учебные заведения в Барнауле находились под крылом благотворительности со стороны власти и имущих людей. Памятником барнаульского деревянного зодчества с элементами модерна является здание бывшей частной гимназии М.Н. Будкевич (пр. Красноармейский, 14).

Сеть прямоугольных кварталов с «прудскими» улицами, обрамляющая исторический центр города (Демидовскую площадь, завод, улицу Ползунова, Старый базар), до сих пор заполнена деревянной застройкой, в которой встречаются полукрестьянские усадьбы. В деревянной архитектуре Барнаула нашли выражение формы крестьянской избы и отголоски городской эклектики рубежа XIX–XX столетий в купеческих постройках.

Деревянное зодчество Барнаула имеет много общего с деревянной архитектурой сибирских городов, но историческая ткань города так своеобразна, что она преобразует общие черты жилых и общественных строений, делая их уникальными.

В начале XX в. городах Алтая развернулось строительство жилых и общественных зданий из кирпича в формах эклектики. Разнообразием фасадов и богатством кирпичного декора выделяется среди городской застройки дом А.П. Бухалова, построенный в 1916 г. (ул. Интернациональная, 82). Образец особняка в стиле модерн представляет собой кирпичное двухэтажное здание по ул. Никитинской, 90: выделен западный блок парадного входа с ризалитом и полукруглым в плане выступом на боковом фасаде. Особой насыщенностью отличается пластика парадного входа, где над дверным проемом помещено круглое расчлененное вертикальными полосами на три части окно. Убранство фасадов дополняют виртуозно выполненные в кирпиче пологие подвышения карнизов и аттиков, завершенные волнообразными трубами. В начале XX в. в этом доме находилась городская библиотека.

Важным событием для Алтая явилось строительство Алтайской железной дороги. В Барнауле в 1914–1915 гг. по типовому проекту было построено кирпичное здание железнодорожного вокзала в формах эклектики, оформилась привокзальная площадь. Проект вокзала разработал томский архитектор К.К. Лыгин. Уже к концу июня каменная кладка была закончена, а 8 октября 1915 г. в Барнаул прибыл первый пассажирский поезд.

В конце XIX в. во всей России наблюдалось строительство Народных домов, объединявших в себе театр, библиотеку, концертные и выставочные залы. Народные дома возводились не только в городах Европейской России, но и в провинции. До 1890 г. в Барнауле не было специального здания для театра. Барнаульское Общество попечения о начальном образовании добилось у Кабинета разрешения на строительство Народного дома на улице Петропавловской (ныне ул. И.И. Ползунова). Проект здания был заказан столичному архитектору И.П. Ропету (Петрову, 1845–1908). Строительство велось на средства, собранные горожанами. В 1900 г. здание было реконструировано с «некоторыми изменениями в проекте Ропета». Здание Народного дома выполнено в формах эклектики с преобладанием элементов клас-

сицизма и русского стиля. В 1921–1973 гг. здесь размещался драматический театр, в настоящее время – Алтайская краевая филармония.

В 1914 г. было построено здание городской управы (пр. Ленина, 6). Его объем венчает купол конусообразной формы – деталь, применяемая при строительстве административных зданий во многих городах России. Архитектура управы эклектична. В начале XX в. в Барнауле построено здание полицейского управления (пр. Ленина, 21). В его образе присутствуют элементы классицизма – гладь стен, обработка окон нижнего этажа замковым камнем. В линии карниза, в решении парапета прослеживаются элементы древнерусской архитектуры. К элементам модерна относятся объем сложной конфигурации, асимметрия, разномасштабность окон, формы купольных завершений.

На территории купеческих усадеб Барнаула часто размещались промышленные и подсобные постройки: электростанции, столярные мастерские, кузницы и складские помещения.

В 1910-х гг. в городах Алтая активно велись работы по благоустройству улиц и площадей: барнаульский дворянин И. Платонов и купец П. Сухов «содержали» электрические уличные фонари; к концу 1908 г. их в Барнауле было более 50. С 1908 г. по решению Барнаульской городской думы все торговые и промышленные заведения должны были иметь «хотя бы керосиновые фонари», которые устанавливали на кронштейнах или столбах высотой три с половиной аршина.

Крупнейшим торговым домом в Бийске стал пассаж Фирсова (ул. Л. Толстого, 144). Это пример крупного торгового здания в формах эклектики: поэтажная система ордерных элементов превращена в систему знаков, выявляющих внутреннюю структуру здания. Пышный барочный декор вместе с куполом подчеркивает угловое решение композиций пассажа.

Богатством пластического декора характеризуются торговые дома Иванова (1910 г.), дом Осипова (1889 г.), жилой дом с лавками купца Кашина (1895 г.). Эти здания поражают разнообразием эклектических форм: мотивы бегунца, лопатки, сандрики, аркатурные фризы, ниши и нишки, фигурные аттики и фронтоны, руст. В 1914 г. в Бийске по проекту архитектора К. Лыгина по заказу купца Н. И. Асанова была возведена усадьба в стиле модерн.

В начале XX в. на Алтае строятся новые храмы. Весной 1904 г. на Московском проспекте в Барнауле была заложена Никольская церковь. Церковь возводилась по инициативе руководства 24-го Сибирского полка. В феврале 1903 г. командующий войсками Сибирского военного округа Я. Люндсквит обратился в Томскую духовную консисторию с просьбой выдать «храмозданную грамоту» и получил ответ епископа томского Макария от 3 марта 1903 г.: «Выдать Храмозданную грамоту... лично генерал-майору К. Холостову». Участок под строительство полковой церкви был определен решением Барнаульской городской думы в марте 1902 г. Специальная комиссия, членом которой был гражданский инженер И. Ф. Носович, постановила, что наиболее подходящим является участок, находящийся в аренде купца Волкова, напротив хлебопекарни военного ведомства. Площадь земли, выделенной под строительство церкви, составляла около 290 саженей. Храм был рассчитан на 400–600 человек. Никольская церковь построена на основании проекта в русско-византийском стиле. Здание принадлежит к типу однефных базиликальных храмов. В декоре фасада – аркатурные пояски, кокошники; белые пластические детали красиво выделяются

на красно-кирпичном фоне стен. У стен Никольской церкви происходило празднование столетия победы России в Отечественной войне 1812 г.

На Алтае сохранились культовые здания, возведенные в формах русско-византийского стиля на рубеже XIX–XX столетий. Среди них Покровский собор, Никольская церковь в Барнауле, церковь Богоявления в Камне и др. В 1900–1904 гг. в селе Коробейникове была возведена кирпичная, в русском стиле церковь Иконы Казанской Божьей матери, в Бийске – Успенский собор – памятник культового каменного зодчества русского стиля. Он доминирует в окружающей застройке, имеет градостроительное значение, формируя силуэт города. Здание собора облагораживает и насыщает особой духовностью весь городской ландшафт.

В целом архитектура Алтая в начале XX в. развивалась в традиционных формах эклектики, это относится и к малым городам Алтая. В апреле 1917 г. собрание уполномоченных каменского городского и общественного управления одобрило план благоустройства города Камня, который составил каменский архитектор-технолог В. Парамонов. Решающая роль в архитектуре Камня принадлежит купеческим усадьбам, а также жилым домам с торговыми лавками при них. В городской инфраструктуре появляется новый тип – усадьба купеческая, включающая жилые, торговые, хозяйственные и складские постройки. Это не только деревянные строения, но и кирпичные двухэтажные жилые дома, среди которых владения А.И. Винокурова, А.С. Хомутова, П.Я. Пудовкина, Зорина, Петкевича и др.

Архитектура является выражением внутренних и внешних пространственных связей, культурно-исторических ассоциаций, преемственности и духовных смыслов своей территории, т.е. пространственной памятью села, города, региона.

Зарождение художественных традиций на Алтае в начале XX в. связано с именем Григория Ивановича Гуркина (1870–1937). Алтаец из рода чорос, первые уроки изобразительной грамоты он получил в иконописных мастерских – сначала в Улале (ныне Горно-Алтайск), а затем в Бийске. В 1897–1898 гг. Г.И. Гуркин – ученик И.И. Шишкина в Петербурге, с 1899 по 1905 г. – вольнослушатель пейзажного класса профессора А.А. Киселёва в Петербургской Академии художеств. С 1905 г. художник жил и работал в с. Анос на берегу Катуня. В декабре 1907 г. – январе 1908 г. в Томске состоялась персональная выставка произведений Г.И. Гуркина, ставшая ярким событием в художественной жизни Сибири. На ней экспонировалось 308 работ. Основная тема творчества художника – природа Горного Алтая, а также жизнь и быт алтайского народа. В 1900–1910 гг. Г.И. Гуркиным были созданы произведения «Катунь весной» (1903), «Хан-Алтай» (1907), «Каракол» (1909), «Корона Катуня» (1910), «Озеро горных духов» (1910). Тема горного озера проходит через все творчество художника, со второй половины 1910-х гг. возрастает значение жанровых мотивов, мифов и преданий Алтая, этнографических зарисовок, памятников древней культуры своего народа.

Мастер-реалист Г.И. Гуркин в своих картинах выразил особенности национального художественного мышления, народное понимание величия и красоты природы. Выставочная и просветительская деятельность живописца составляла важную часть художественной жизни Сибири в начале XX в. Г.И. Гуркин был членом Томского общества любителей художеств, много путешествовал по Алтаю, собирал этнографический материал, участвовал в сборе и издании произведений алтайского эпоса. Интерес художника к эпосу и декоративно-прикладному искусству алтайцев сви-

детельствовал о его поисках национальных основ своего творчества, включенного в живую традицию русской пейзажной школы.

Тесно связано с Алтаем творчество Андрея Осиповича Никулина (1878–1945). Первые уроки рисования он получил в Барнаульском горном училище, затем писал с натуры первые этюды под руководством художника М.С. Волинского, участвовал в создании декораций к спектаклям в Народном доме Барнаула. Учился в Петербурге, Италии и Франции. С 1907 г. поселился в Саратове, но часто бывал на Алтае. В 1908 г. в Народном доме состоялась первая персональная выставка А.О. Никулина, ставшая первой художественной выставкой в городе. Никулин – автор пейзажей Горного Алтая, наиболее значительные из них работы 1910-х гг.: «Река Кумир. Бучило», «Арасанский водопад», «Камни на реке Белокурихе», «Кедровый лес», «Горы Алтай», «Голубой Алтай». Никулин развивал традиции русской пленерной живописи начала XX в., живопись его мажорна, им часто использовались приемы декоративного письма. Наряду с Г.И. Гуркиным А.О. Никулин стоит у истоков пейзажной живописи Алтая.

Работал на Алтае пейзажист Д.И. Кузнецов, развивая традиции своего учителя Г.И. Гуркина. С 1908 г. Кузнецов участвовал в художественных выставках в Бийске. Такие работы, как «Алтай хмурится», «Телецкое озеро», «Рождение Оби» и ряд других определили его место как одного из ведущих пейзажистов края.

В становлении алтайского искусства большую роль сыграл художник-примитивист Н.И. Чевалков, уроженец с. Улала. Крупный самобытный талант художника выразительнее всего проявился в произведениях, посвященных природе и людям Горного Алтая.

В начале XX в. работал на Алтае художник Михаил Иванович Курзин (1888–1957), автор пейзажей и композиций «Кержак», «Степан Разин», известны его «Портрет матери», «Девушка в белом». В 1910-х гг. Курзин написал портрет ученого-краеведа, заведующего Барнаульским архивным бюро Н.С. Гуляева. М.И. Курзин, как и А.О. Никулин, развивал традиции пленерной живописи.

Барнаул, Бийск и особенно мастерская Г.И. Гуркина в с. Аносе были центрами культурной жизни Алтая на рубеже XIX–XX вв. Кроме названных художников, на Алтае провели детство и раннюю юность В.В. Карев (1886–1970), И.Д. Чашников (1888–1971). Отсюда поехали они учиться профессиональной живописи, с Алтаем связали свою дальнейшую судьбу. Этих художников объединяла любовь к Алтаю, он стал для них источником вдохновения, а для некоторых из них – лейтмотивом творчества. Вокруг Г.И. Гуркина группировались не только местные живописцы. В Аносе часто бывали ученые Томска, Петербурга, сибирские писатели В.Я. Зазубрин, И.А. Мухачев, Г.Д. Гребенщиков, И.И. Тачалов, В.Я. Шишков, композитор А.В. Анохин и другие представители сибирской интеллигенции.

В конце XIX – начале XX столетия живопись, как и вообще в России, была ведущим видом в изобразительном искусстве Алтая. Она развивалась в русле реализма, представляя различные направления и течения, преимущественно в жанре пейзажа.

Скульптура в дореволюционный период не получила значительного развития и представлена немногими именами, для большинства которых Алтай явился эпизодом в их творческой деятельности, среди них С.Р. Надольский, В.А. Сенгалевич-Копылова, работавшая в Бийске. В начале XX в. в Славгороде был установлен памятник-обелиск реформатору П.А. Столыпину в честь его приезда на Алтай.

В 1902 г. вышло юбилейное издание «Кольванская шлифовальная фабрика на Алтае», написанное архивариусом Н.С. Гуляевым и управляющим фабрикой

П. Ивачёвым в честь столетия фабрики. За столь долгий период развития в Горной Колывани сложился фольклор Горной Колывани – легенды, сказы, песни. В начале XX столетия Колыванская шлифовальная фабрика вследствие социальных потрясений переживала упадок, выполняя лишь единичные казенные заказы, в том числе руководства Алтайского округа.

В середине XIX в. в Барнауле существовали частные антрепризы, ставились любительские спектакли, приезжали гастролирующие труппы. В 1870-х гг. представления гастролирующих трупп в Барнауле, Бийске становятся регулярными. В Барнауле деятельностью любителей театрального искусства руководил межевой инженер А.Р. Лесневский; любительские спектакли ставились с 1900 г. на сцене Народного дома. Спектакли по пьесам А. Островского, А. Чехова, М. Горького, Ж. Мольера чаще всего носили благотворительный характер. В Народном доме Барнаула проходили концерты, художественные выставки, читались публичные лекции. В 1887 г. ссыльный народоволец Л.П. Ершин организовал в Бийске Общество любителей драматического искусства, спектакли проходили в зале общественного городского собрания – в здании, построенном в 1882 г. на средства купца Рождественского. В начале XX в. Бийск посетили братья Адельгейм – трагики, труппы Б. Бартминского, Л. Метцгера, театр Комиссаржевской; в 1913 г. в Бийске выступает виолончелист Богуслав Сикора.

В 1914 г. на средства П.А. Копылова был построен по проекту гражданского инженера И.Ф. Носовича Народный дом, ставший средоточием культурной жизни города. Здесь состоялись гастроли многих знаменитостей, в том числе исполнительницы русских народных песен Н. Плевицкой, артиста П. Орленева.

Культурное пространство Алтайского округа во многом определялось присутствием в нем архивов, библиотек, музеев, минеральных кабинетов, горных школ и училищ, которые создавались по инициативе выдающихся специалистов горного дела и административных органов Кабинета, что не могло не влиять на развитие региональной среды и ее интеллектуального потенциала.

14.3. Литературная жизнь Алтая в начале XX в.

Профессиональное становление и развитие газетного дела на Алтае началось с выхода в свет ежедневной газеты «Жизнь Алтая». На фоне других недолговечных газет, выходявших в Барнауле («Голос Алтая», «Алтайская газета», «Алтайская жизнь»), «Жизнь Алтая» издавалась до 1918 г. Именно на страницах «Жизни Алтая» нашла своё пристанище литература в далёком от культурных столиц России Алтайском округе.

Издатель газеты – Василий Михайлович Вершинин (1874–1946), окончив городское четырёхклассное училище, начал заниматься торговлей вместе с отцом, Михаилом Васильевичем Вершининым, активно участвовал в общественной жизни Барнаула, в октябре 1912 г. был избран депутатом IV Государственной думы от Томской губернии. Одной из самых успешных культурных инициатив В.М. Вершинина стала «Жизнь Алтая».

Первый номер газеты вышел 22 февраля 1911 г. в типографии «Алтайское печатное дело», принадлежащей семье Вершининых. Статус газеты был обозначен как «внепартийное, общественное, политическое и литературное» издание. В газете присутствовали рубрики, традиционные для провинциальных газет того времени:

«Телеграммы Петербургского агентства», «Последние известия», «По России», «По Сибири» (от наших корреспондентов), «Журнальное обозрение» и др. Значительное место занимали в газете новости городской жизни, обсуждение насущных проблем железнодорожного сообщения с крупными центрами России и Сибири, споры о месте строительства вокзала.

События литературной и театральной жизни города в 1911 г. на страницах газеты были представлены публикациями стихотворений сибирских авторов: поэта П. Л. Драверта, жившего после якутской ссылки в Томске, бийчанина В. П. Белькова. Регулярно появлялись заметки о юбилейных датах русских писателей и поэтов: «Памяти И. С. Никитина», «Поэт из Воронежа (Памяти Алексея Кольцова)», сообщения о выходе в свет новых произведений известных русских писателей, перепечатки рассказов и стихов из сибирских и центральных газет, рецензии на гастрольные спектакли заезжих трупп в Народном доме.

В двух номерах «Жизни Алтая» вышла большая статья «Современные сибирские писатели», принадлежащая Евлалии Георгиевне Ватман (1891–?), литератору, критику, сотруднику сибирских газет. В первой части статьи (декабрь 1911 г.) автор оценивала творчество известного в Сибири и столице поэта Георгия Вяткина (1885–1941). Во второй части статьи (начало января 1912 г.), была опубликована её рецензия о поэтическом творчестве Ивана Тачалова (1879–1929). Регулярно появлялось в газете «Журнальное обозрение» петербургских «толстых журналов»: «Вестник Европы», «Новый журнал для всех», «Современный мир» — за подписью А. Б. Среди постоянных сотрудников газеты, освещающих провинциальную жизнь и культуру провинции, выделялся «И. Сталь-Англичанин», автор едких сатирических заметок в рубрике «Маленький фельетон» о бытовых причудах сибирской глуши.

Успешный старт «Жизни Алтая» состоялся, однако её «лицо» на первых порах немногим отличалось от других сибирских газет по содержанию и наполнению информацией.

«Жизни Алтая» требовался новый руководитель с опытом работы в сибирской журналистике и литературе. Именно такого редактора обрела газета в лице Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1883–1964). Интеллигент в первом поколении, он обладал недюжинной энергией и бесспорным организаторским талантом. Ко времени выхода в свет первых номеров «Жизни Алтая» Гребенщиков прошёл «ученический» период сотрудничества в газетах Семипалатинска и Омска, был секретарём редакций студенческих журналов Томска «Молодая Сибирь» (февраль–декабрь 1909 г.) и «Сибирская новь» (январь 1910 г.). Без сомнения, именно Гребенщикову удалось в течение нескольких лет повысить профессиональный уровень новой газеты.

Сибирский период биографии Г. Д. Гребенщикова до сих пор даже у нас, на Алтае, почти не известен. К сожалению, его значительный вклад в создание и развитие качественной сибирской журналистики в 1910-х гг., продвижение молодой литературы Алтая в «высший литературный свет» Петербурга до сих пор не оценён в должной степени. Став редактором газеты «Жизнь Алтая», Гребенщиков налаживал постоянные контакты с известными писателями, книгоиздателями, редакторами солидных литературных газет и журналов Москвы и Петербурга. Благодаря его усилиям, далёкий провинциальный Алтай получил своё «представительство» в столичных литературных журналах.

Дед Гребенщикова по отцу, Лука Спиридонович, служил чиновником «по конторской части» в местных рудниках. Смышлёному внуку он присылал драгоценные

подарки: большую конторскую книгу с чистыми листами и диковинный красно-синий карандаш. Мать, Елена Петровна, урождённая Столярова, из семьи потомственных донских казаков, умела читать и поддерживала в сыне желание учиться и «выйти в люди». По её настоянию подросток с большим усердием прошёл три года обучения в сельско-волостной школе села Николаевский рудник, где жила многодетная семья Гребенщиковых.

В двенадцатилетнем возрасте Гребенщиков перебрался в Семипалатинск. Здесь при поддержке приезжих интеллигентов: владельца аптеки, городского врача, мирового судьи, нотариуса — он упорно занимался самообразованием, овладевал навыками бытовой культуры, прилежно трудился в аптеке, служил помощником фельдшера в городской больнице, письмоводителем у мирового судьи П.Е. Цвиллинского и нотариуса Н.П. Щербакова, выписывал и усердно читал толстые литературные журналы, стремился и сам стать писателем. Корреспонденции и рассказы под псевдонимом «Крестьянин Г-щ» в июне 1906 г. появились на страницах «Семипалатинского листка». На средства просвещённого купца Прокопия Фёдоровича Плещеева в том же году вышел в свет первый скромный сборник рассказов и корреспонденций Гребенщикова «Отголоски сибирских окраин». Впоследствии Гребенщиков именно от этой даты отсчитывал начало своей творческой деятельности.

С помощью А.К. Голимонта, выпускника Санкт-Петербургского лесного института, статского советника, служившего в Усть-Каменогорском и Семипалатинском лесничествах, Гребенщиков отправляется в Омск. В декабре 1908 г. здесь состоялся его театральный дебют. Сюжет пьесы «Сын народа» основан на реальных событиях жизни самого автора: главный герой, крестьянин Фёдор Правдин, не признанный городскими интеллигентами, стремится стать журналистом и писателем. Три вечера подряд спектакль шёл в городском театре и с энтузиазмом был принят публикой. Омский критик положительно отзывался о лежащей в основе пьесы авторской идее: «Автор пытается разрешить больной и ответственный вопрос: как и чем должны быть лучшие из народа. Для этого он берёт ряд довольно реалистичных картин и проводит по ним цельный нетронутый самородок из народа и в разных красках и освещениях показывает его на фоне препон и неудач деревенской жизни и на фоне той городской бессодержательной жизни, которая не может дать ему ничего. Герой стремится к труду на земле». Театральный успех новоиспечённого драматурга способствовал его знакомству с издателем газеты «Омское слово», кавалергардом А.Г. Сунгуровым. Издатель приглашает Гребенщикова стать редактором газеты, и с 8 января 1909 г. газету подписывает новый редактор.

Вокруг Гребенщикова, имеющего опыт в работе в провинциальной печати, собираются молодые поэты Илья Модзалевский, Иван Тачалов, начинающий прозаик Арсений Жилияков. Гребенщиков пишет рецензии на спектакли гастролирующих театральных трупп и приезжих музыкантов, на новый стихотворный сборник томского поэта Георгия Вяткина «Грёзы Севера». Ему принадлежат в газете и сатирические статьи о захолустной жизни омских обывателей. Так, в номере от 20 марта 1909 г. (№ 74) газета отмечает столетний юбилей Н.В. Гоголя. В этом номере помещена сатирическая статья редактора газеты «Плодовитость гоголевских типов», автор находит среди омских обывателей вечных Хлестаковых, Плюшкиных, Чичиковых, Ноздрёвых и иже с ними.

Позднее в воспоминаниях о Г.Н. Потанине «На склоне дней его» (1927), опубликованных в сборнике «Вольная Сибирь» (Прага), Гребенщиков признавал, что «Омское

слово», «по совести говоря, это была маленькая любительская газетка, руководимая людьми неопытными и не по разуму усердными». Однако опыт редакторской работы в «любительской газетке» вскоре пригодился будущему редактору «Жизни Алтая».

Спектакли по пьесе «Сын народа» в 1908–1910 гг. были с энтузиазмом приняты зрителями разных городов: Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Барнаула и Томска. Так, «Алтайская газета» сообщала, что пьеса сибирского автора, поставленная 7 февраля 1910 г. в театре Народного дома, «прошла сравнительно гладко. Публики в театре было много. Очевидно, автором-сибиряком интересуются». Так, ещё до приглашения стать редактором «Жизни Алтая», с Гребенщиковым познакомилась барнаульские любители театра.

Наиболее плодотворный и насыщенный событиями период жизни Гребенщикова связан с его переездом в Томск в сентябре 1909 г. Здесь он знакомится с «большим сибирским дедушкой» Григорием Николаевичем Потаниным, активно включается в литературную жизнь университетского города, сотрудничает в томских газетах, изредка посещает экстерном лекции на юридическом факультете университета. Студенческая молодёжь выбирает его секретарём редакции недолговечных студенческих журналов «Молодая Сибирь» (февраль–декабрь 1909 г.) и «Сибирская новь» (январь 1910 г.).

Преданный ученик Г.Н. Потанина, Гребенщиков по совету своего учителя совершает две длительные этнографические экспедиции на Южный Алтай. Весной и летом 1910 г. он знакомится с «вождями старообрядчества», изучает историю заселения долины реки Убы по документам конца XVIII в. — начала XIX в. в архиве села Лосиха. Статья «Река Уба и убинские люди» была опубликована в научном «Алтайском сборнике» (вып. XI, 1912. С. 1–80).

В апреле 1912 г. Гребенщиков отправился на юг Алтая, в укромные места поселения бухтарминских старообрядцев. Собрав во время экспедиции уникальные материалы о древлеправославной вере бухтарминцев, об особом, отличном от православных христиан, укладе жизни, он начинает работу над статьёй «Алтайская Русь», отдельные законченные фрагменты его работы публикует в двух ноябрьских номерах 1914 г. томская «Сибирская жизнь» под заголовком «Старина русского Алтая». Изучение истории, интерес к быту и нравам старообрядцев, спрятавшихся в XVIII в. в горах Алтая от преследователей своей древлеправославной веры, вдохновили Гребенщикова на подлинный творческий подвиг. История создания многотомного романа растянулась на долгие годы. Первый том романа-эпопеи «Чураевы» был закончен в 1916 г., последний седьмой том (из задуманных автором двенадцати) вышел в свет в Америке в 1952 г.

В то время, когда Гребенщиков «зимовал на Бухтарме у китайской границы», Г.Н. Потанин, по просьбе издателя В.М. Вершинина, рекомендовал своего верного ученика «группе барнаульской интеллигенции в качестве редактора газеты «Жизнь Алтая». Сотрудничество в газете началось 12 февраля 1912 г. с очерка «На протяжной (Путевые думы и впечатления)» с описанием опасного 700-вёрстного пути из Бухтармы до Барнаула «на одной лошадке» по крепкому льду Иртыша и Оби. «Жизнь Алтая» сообщала 11 мая 1912 г.: «С завтрашнего числа газета выходит под редакцией Г.Д. Гребенщикова».

Первой заботой нового редактора стали поиски молодых энергичных сотрудников. В письме от 12 апреля 1912 г., приглашая в редакцию газеты выпускника Томского университета Порфирия Алексеевича Казанского (1885–1938), Гребенщиков писал: «Скажу откровенно, на Вас у меня большие надежды. Нам нужен надежный,

близкий и самостоятельный сотрудник. Мой выбор пал на Вас, и предложение моё прошло. Положение дела таково: «Жизнь Алтая» – газетка маленькая. Издатели её, Вершинины, несут ежемесячные убытки до 500 руб. Это одно показывает, что газета находится в добрых руках. Мои впечатления от Вершининых самые выгодные. Это на редкость хорошие, честные и корректные люди. И нам с Вами предстоит возможность с пользой приложить свои силы и знания. <...> Скажу Вам откровенно: на Вас у меня большие надежды. Полагаю в Вашем лице приобрести не только сведущего друга газеты, но и будущего её руководителя. Мне лично работа совместно с Вами улыбается, и мы двое можем значительно оживить её, а главное – редкий случай, что газета находится в таких отличных материальных условиях. Подумайте. Работа – не то, что канцелярская, а живая, и должна отвечать Вашему призванию. Иногда будет, может быть, и туговато, – разделим горе пополам. <...> Полагаю в Вашем лице приобрести не только сведущего друга газеты, но и будущего её руководителя. Мы двое можем значительно оживить её».

П.А. Казанский стал широко известен в Сибири во время революции 1905–1907 гг. как поэт-сатирик. В «Жизни Алтая» он был един во многих лицах: под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий» вёл стихотворный «Маленький фельетон», под псевдонимом К. Порфирьев печатал лирические стихи, выступал как литературный критик и обозреватель местной культурной жизни, во время частых поездок Гребенщикова исполнял обязанности редактора, с начала Первой мировой войны писал еженедельные отчёты о положении на фронтах. Прозаик Степан Ильич Исаков (1884–1921), крестьянский сын, уроженец села Волчиха, начал печататься в «Жизни Алтая» с 1913 г. под псевдонимами Алтаец и Гай Чумиза. В 1919 г. он редактировал журнал «Алтайский крестьянин», позднее на его основе был создан ежемесячный литературный журнал «Сибирский рассвет» (1919–1921). Уроженец Белоруссии, поэт Илья Андреевич Модзалевский (1888–1970), публиковал стихи и отрывки из незаконченных поэм, писал рецензии на театральные спектакли странствующих гастролёров, с весёлой иронией описывал житейские ситуации, разбиравшиеся в камере мирового судьи. В «Жизни Алтая» принимал участие и Владимир Андреевич Бахметьев (1885–1963), сосланный из Воронежской губернии в Западную Сибирь за участие в революционной работе. Близкий друг Гребенщикова Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945), руководитель изыскательской экспедиции в Горный Алтай по продлению Чуйского тракта, высылал в редакцию томской газеты «Сибирская жизнь» свои путевые заметки. Часть из них публиковалась в «газете Гребенщикова», как называли её ревнивые томичи.

«Жизнь Алтая», бесспорно, лучшее барнаульское издание последнего предреволюционного десятилетия. Она выдержала конкуренцию местных газет и не потерялась на фоне разнообразной газетной периодики Томской губернии. Неустанная пропаганда местных литературных талантов, объединение усилий небольшой группы интеллигентов для подъёма культурного развития сибирской окраины определяли её особенное лицо. Под руководством Гребенщикова тираж «Жизни Алтая» увеличился до 3000 экземпляров, достойный губернского масштаба. Острые на язык сотрудники профессорской «Сибирской жизни» не без зависти стали называть барнаульское издание «литературным пантеоном».

Редакция «Жизни Алтая» сообщала жителям Барнаула о своём постоянном стремлении «к возможно полному ознакомлению читателей с явлениями русской и иностранной жизни, однако главной своей задачей считает разработку и освеще-

ние местных алтайских и общесибирских вопросов и нужд. Газета уделяет значительное внимание литературно-художественному отделу, давая в нём стихотворения, очерки и рассказы из жизни Сибири, и в особенности из жизни Алтая».

Дважды в неделю, в четверг и воскресенье, в газете появлялся литературный отдел: подборки стихотворений и прозы местных авторов, перепечатки произведений известных российских писателей, рецензии и статьи о современной сибирской литературе, обзоры литературных новинок в петербургских журналах. Современная русская литература была представлена и в воскресных номерах газеты. С приходом Гребенщикова в редакцию газеты значительно расширились публикации прозы и поэзии местных авторов, перепечатывались литературные новости из томской «Сибирской жизни» и столичных журналов. Приведём примеры таких публикаций в первый год редакторской деятельности Гребенщикова.

С марта по август 1912 г. в «Жизни Алтая» были опубликованы следующие произведения: рассказ А.Н. Толстого «Казацкий штосс» (№ 63), рассказ А.И. Куприна «Путешественник» (№ 89), корреспонденция В.Г. Короленко «Из голодного года» (№ 17), рассказ Аркадия Аверченко «Участок» (№ 147), комические истории Надежды Тэффи «Палагея» (№ 132), «Письма» (№ 154), «Инкогнито» (№ 193) и др.

В воскресенье 26 августа 1912 г. (№ 191) «Жизнь Алтая» отметила столетнюю годовщину Бородинской битвы, главного сражения Отечественной войны 1912 г. Гребенщиков подготовил к этому грандиозному событию редакционную статью «Два русских витязя» (о старце Фёдоре Кузьмиче и Л.Н. Толстом). Главная идея статьи — сближение России и Сибири в историческом процессе. «Сойдя в могилы оба на девятом десятилетии жизни, они воздвигли над собою нерукотворные, но колоссальные мавзолеи, видимые со всех концов мира: один — в европейской Москве, в Ясной Поляне, другой — в Сибири, в глухой тайге на заимке. <...> «Яснополянский [мавзолей] воздвигнут на ниве великого творчества и духа, а сибиряк — таёжный — только из одной народной легенды...». В этом же номере публиковались материалы, перепечатанные из журнала «Русское богатство»: фрагмент из «Посмертных записок старца Фёдора Кузьмича» Л.Н. Толстого, а также начало статьи В.Г. Короленко — о легендарном старце Фёдоре Кузьмиче, о котором народная молва твердила как об императоре Александре Первом.

Май 1912 г. стал для Гребенщикова наиболее насыщенным публикациями в «Жизни Алтая»: рассказы, литературные и театральные рецензии, краткие заметки и обращения редактора к читателям — около шестидесяти наименований. Такой же напряжённый ритм работы в «Жизни Алтая» сохранялся до отъезда в Томск в ноябре 1914 г.

Однако наиболее важной задачей Гребенщикова как редактора провинциальной газеты являлось создание устойчивых контактов с издателями столичных литературных журналов, писателями и поэтами, продвижение талантливых провинциалов в столицы.

В начале октября 1912 г. редактор «Жизни Алтая», отправившись в длительную командировку в Петербург, создавал своеобразный путевой дневник под названием «Письма к друзьям». В первом очерке «Под диктовку интимности» он с энтузиазмом писал: «... я заранее радуюсь не тому, что еду в столицы, эти кипучие котлы, наполненные благами человеческого разума, а тому, что буду возвращаться оттуда, натосковавшись о родной глуши и этой простой, но более цельной и неиспорченной жизни».

Поездка в Петербург была необходима как для его дальнейшего творческого роста, так и развития культурной среды на Алтае. Контакты со столичными «мастерами культуры» Гребенщиков стремился завязать в самом начале пути в литературу. Никому ещё не известный молодой автор из далёкой провинции представил на суд главному режиссёру Александринского театра Евтихию Павловичу Карпову, ожидая его письма с советами для улучшения пьесы «Сын народа», основанной на биографии автора. По протекции Е. П. Карпова пьеса была издана литографским способом, а в журнале «Театр и сцена» несколько недель подряд рекламировали пьесу Гребенщикова. В июне 1911 г. Гребенщиков обратился с письмом к А. М. Горькому, жившему тогда на Капри, с просьбой поддержать его первые шаги в литературе: «...по правде сказать, боялся я того, как бы Вы не подумали, что я прошу протекции у Вас. Теперь же я, здесь, в совершенно диких местах Алтая, в горах и лесах, где не давят меня городские этикетки, решил быть смелее... Я знаю одно, и это главное, Вы – человек и я иду к Вам как к человеку человек. Вы крепкий и большой, я слабый и малый. Если можете, и если стоит – поддержите. Нет? Не надо!.. По этой причине и письмо своё я решил не переписывать. Пусть будет так, как вышло. Не хочу приходить к Вам прилизанным!» А. М. Горький в письме Е. А. Ляцкому, своему заместителю в литературном отделе журнала «Современник», рекомендовал поместить повесть Гребенщикова «В полях» в ноябрьском номере журнала за 1911 г. Так состоялось первое «выступление» сибиряка в столичной печати. Об этом неординарном событии сообщила читателям Томска «Сибирская жизнь» 17 февраля 1912 г. (№38). Ранние контакты сибирского провинциала с профессиональными деятелями культуры были крайне необходимы для его дальнейшей литературной и журналистской работы.

В письме Г. Н. Потанину от 21 июня 1912 г. Гребенщиков сообщил: «...мне многое удалось сделать, и газета наша хорошо идёт. Печатается около 3000 экземпляров, иногда и больше. Главное – я стараюсь сделать газету «алтайской», но зато я похоронил себя в газетных делах и у меня совершенно нет минуты заниматься беллетристикой. Думаю бросить, когда дело лучше поставлю».

В письме П. А. Казанскому от 10 октября 1912 г. из Томска Гребенщиков не без гордости писал: «Жизнь Алтая» здесь пользуется широкой славой. Всеволод Крутовский (1864–1945), секретарь редакции газеты «Сибирская жизнь») даже хвалит и называет её моим именем: газета Гребенщикова – литературный пантеон».

Ранний опыт общения с известными деятелями культуры и литературы столицы впоследствии пригодился Гребенщикову, редактору «Жизни Алтая» наладить контакты с литературным миром Петербурга.

Его длительная поездка в столицу в начале октября 1912 г. должна была реальным и ответственным поступком закрепить избранную им стратегию развития провинциального издания. Гребенщиков справедливо считал, что для профессионального роста провинциальной газеты необходимы регулярные контакты со столичным культурным пространством. Не перепечатка материалов из центральных изданий, а повышение профессионального уровня, расширение кругозора сотрудников, продвижение нового образа Сибири на страницы столичных газет и журналов, публикация книг молодых сибирских авторов в петербургских издательствах. В Петербурге, заплатив паевой взнос, Гребенщиков вступил в издательское товарищество писателей, что позволило ему выпустить в столице первый том сборника «В просторах Сибири» тиражом в 1300 экземпляров, и тем самым проложить дорогу в столицу сибирским поэтам и прозаикам.

В первых числах ноября он выступает в Сибирском собрании с докладом «Алтайская Русь», демонстрирует на экране фотографии колоритных бухтарминских старообрядцев. За свой сибирский патриотизм он получает шутливое прозвище «Малый сибиряк».

Исполняя просьбу Г.Н. Потанина, Гребенщиков посещает художника И.Е. Репина в его усадьбе Пенаты в Финляндии, передаёт ему «поклон из Сибири» и письмо от «большого сибирского дедушки», исполняет «приятную и ответственную роль рассказчика о Сибири, об Алтае, о сибирской литературе» (цитата из очерка «В Финляндии у И.Е. Репина»).

При такой невероятной занятости, обилии новых впечатлений Гребенщиков регулярно отсылал в редакцию «Жизни Алтая» двенадцать путевых очерков — «Письма к друзьям», они публиковались в «Жизни Алтая» с 11 октября (№226) до 20 января 1913 г. (№17).

Перед отъездом из столицы неутомимый редактор встречается с В.М. Вершининым, депутатом IV Государственной думы от Томской губернии, издателем «Жизни Алтая», знакомится с Виктором Сергеевичем Миролубовым, издателем журналов, рассчитанных на широкого демократического читателя, с книгоиздателем Михаилом Васильевичем Аверьяновым, с литературным сотрудником журнала «Современник», высокообразованным столичный интеллигентом Евгением Александровичем Ляцким. В письме М. Горькому на Капри от 22 октября 1912 г. Е.А. Ляцкий положительно отзываясь о Гребенщикове: «Был у меня Гребенщиков и чрезвычайно мне понравился. Не сомневаюсь, что из него выйдет крупная литературная величина. Как человек, он умён, застенчив и положительен в одно и то же время»

Статус редактора газеты позволил Гребенщикову наладить постоянные контакты со столичными издателями, редакторами журналов, с культурным миром столицы. В самом начале 1913 г. в Петербурге, в издательском товариществе писателей, вышел первый сборник Гребенщикова — «В просторах Сибири». «Всё-таки надо будет подтянуться: осенью думаю поехать в Питер», — пишет он Е.А. Ляцкому 14 июня 1913 г., готовя к изданию второй сборник с таким же названием.

«Жизнь Алтая» 30 сентября 1913 г. сообщает читателям: «Под редакцией Георгия Гребенщикова В.М. Вершининым предпринимается издание особого литературно-художественного сборника под названием «Алтайский альманах». В обращении к читателям «От редактора» говорится: «Приступая, при содействии В.М. Вершинина, к первому опыту издания местного художественно-литературного сборника, мы желали дать российским читателям живое представление о малоизвестном Алтайском крае и объединить местные литературные и художественные силы в форме книги, являющейся наиболее прочным и ответственным выражением нашей внутренней связи».

Альманах открывался историко-этнографическим очерком «Алтайская Русь» Гребенщикова по материалам его экспедиции в Бухтарминский край.

Суровый уклад жизни алтайских старообрядцев представляет далёкое прошлое Алтая. Следующий материал альманаха — повесть Алексея Семёнова «Белый Бурхан», в которой представлен уникальный быт, обычаи и верования алтайцев, в основе сюжета — трагическая история национального героя Чета Челпанова и его верной жены Тутанхэ. В прозе и поэзии постоянных сотрудников «Жизни Алтая» создаётся новый образ далёкого сибирского края. В рассказе В.М. Бахметьева «Машина» сюжет строится на покупке диковинной машины — сноповязалки, которой радуется

подросток Петрунька, а его дед горюет о прежней простой жизни, без диковинных заморских машин.

Мастерство редактора «Жизни Алтая» выразилось в удачном композиционном построении материалов. Жанр литературного альманаха сложился в России ещё в пушкинскую эпоху, в альманахе сочетались проза и поэзия, литературная критика, статьи на исторические темы, рецензии и т.п. Гребенщиков выстроил композицию «Алтайского альманаха» как сочетание повестей и рассказов, стихотворений сотрудников газеты: повесть А.С. Семёнова «Белый Бурхан», стихотворение Андрея Бурмакина «На Ял-Менку», фантастическая повесть С.И. Исакова «Горный дух», рассказ В.М. Шишкова «На Бии», полный комическими происшествиями и опасными приключениями в ночном путешествии по тайге, перемежаются стихотворениями И.И. Тачалова, А.С. Пиотровского, П.А. Казанского. Перебравшись в 1936 г. из Европы в Америку, Гребенщиков цитирует в статье «Поклон родной земле» стихотворение «На чужбине» И.И. Тачалова: «Я изгнанник издалёка, / Я оторван от друзей, / И тоскую одиноко / Здесь о родине моей...».

Оформление первого алтайского сборника принадлежит известному художнику Г.И. Гуркину (при участии Ивана Вандакурова, уроженца Алтайского округа). Издатель «Жизни Алтая» В.М. Вершинин не пожалел средств на полноценное графическое оформление обложки, заставки и концовки текстов, исполненное в технике штриховых (цинкографских) клише с рисунков пером.

Издание «Алтайского альманаха» стало беспрецедентным событием в литературной жизни не только Барнаула, но и Западной Сибири, если учесть, что предназначавшийся для петербургского издательства «Знание» в 1912–1913 гг. «Сибирский сборник» так и не вышел в свет из-за разногласий между его участниками.

Об «Алтайском альманахе» положительно отозвались и в Сибири, и в Петербурге. «Сибирская жизнь» 18 января 1914 г. (№ 14) поместила рецензию Ал. Лаптева с подробным доброжелательным разбором всех материалов сборника. Автор рецензии отмечает два лучших рассказа — «На Бии» Вячеслава Шишкова и «Машина» Владимира Бахметьева. «Вячеслав Шишков хорошо справляется с пейзажем, свободно располагает в нём действующих лиц и легко ведёт повествование. Незамысловатая тема рассказа развита им с лёгким юмором внимательного наблюдателя». Рассказ В. Бахметьева написан хорошо, изобразительным языком и невольно подкупает той атмосферой неподдельного драматизма, который не навязывается автором, но тем не менее находит ответный отклик в душе читателя». В целом «общее впечатление от сборника получается хорошее, светлое. Хочется пожелать, чтобы дело не ограничилось одним сборником». Рецензент утверждает, что в Сибири назрела необходимость издания собственного журнала, так как успешный опыт «Алтайского альманаха» <...> может быть использован как подготовительный этап для создания сибирского журнала. Эту идею поддержал и редактор «Алтайского альманаха». В ответной статье «Бесприютная литература» в «Сибирской жизни» он пишет о давно назревшей необходимости издания в Сибири «большого и серьёзного общественно-литературного журнала».

Вторая рецензия на альманах вышла в петербургском журнале «Современный мир» (1914. № 10). Автор рецензии В.В. Бруснянин отметил очерк Георгия Гребенщикова «Алтайская Русь»: «Это не сухое и кабинетное изложение истории и этнографии края, какое можно написать по чужим трудам и сидя в петербургском кабинете, это — живая повесть края с особенностями его мифологии, этнографии и истории.

Автор писал под живым впечатлением природы Алтая и не по манекенам этнографического музея изучал людей страны. Запечатлел он в своей работе и абрис истории народа, незнакомого нам, а потому и интересного». С похвалой отозвался рецензент о поэзии сборника: «Печать неподдельной поэзии гор и лесов, светлых озер и быстрых рек запечатлена и в стихотворениях поэтов А. Пиотровского, А. Бурмакина, Ив. Тачалова, К. Порфирьева и И. Модзалевского». Отметил он «интересную и красочную беллетристику сборника»: «Все авторы как бы сговорились и дали одно ценное, литературное с внешней стороны и глубоко содержательное». <...> Приветствуя появление «Алтайского альманаха», пожелаем редактору и участникам его дальнейших успехов в выпуске новых, таких же интересных сборников. Мы, европейские россияне, плохо знаем обширную Сибирь, а пора бы узнать и эту таинственную житницу новых народных сил».

Ещё одно яркое свидетельство активной литературной жизни в провинции — пристальное наблюдение за публикациями в столичных изданиях. Так, в 1912 г. материалы литературно-художественного отдела появились на страницах газеты около ста раз, что свидетельствует об интенсивности литературной жизни Барнаула с первых лет издания газеты. Публикации прозы и поэзии местных авторов, перепечатки новинок столичных литераторов создавали благоприятный культурный климат для городской и сельской интеллигенции. Сотрудники газеты писали рецензии на публикации столичных авторов.

Рецензии на художественную прозу и поэзию, выход в свет новых литературных журналов и новых пьес драматургов, рецензии на гастрольные спектакли труппы антрепренёра Батманова, музыкальные вечера приезжих исполнителей, концерты хоровой капеллы Маргариты Дмитриевны Агреновой-Славянской с особым репертуаром: «народная всеславянская историческая песня», «произведения и аранжировки композиторов Чайковского, Римского-Корсакова, Глинки и др. авторов», — все аспекты культурной жизни Барнаула были представлены на страницах «Жизни Алтая».

Регулярно появлялись «Журнальные обозрения» литературной продукции так называемых толстых столичных журналов: «Вестник Европы», «Ежемесячный журнал» В.С. Миролюбова, «Современный мир» и др. Их вёл на страницах газеты Леонид Иванович Шумиловский (1876–1920). Закончив в 1900 г. историко-филологический факультет Московского университета, Л.И. Шумиловский семь лет преподавал историю и русский язык в Барнаульском реальном училище и женской гимназии, являлся членом Государственной Думы 4-го созыва. Его обширная статья «Утопия ли?», посвящённая деятельности сибирских областников, была отмечена рецензией Г.Н. Потанина в «Сибирской жизни».

Рецензии на литературные публикации сибирских поэтов и столичных авторов писал Г. Гребенщиков, однако довольно часто в его отзывах преобладали субъективные и даже заносчивые оценки. После выхода в свет первых трёх номеров нового журнала «Заветы» (апрель–июнь 1912 г.) редактор газеты критически отозвался о повести И.А. Бунина «Весёлый двор», на автобиографическую «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злключениях» И.Е. Вольнова (1885–1931). Положительная рецензия под названием «Поэт буйных сил» — на сборники стихотворений петербургского поэта А.С. Рославлева (1883–1920) — также написана редактором «Жизни Алтая».

В начале 1910-х гг. в России стало модным поветрием устройство так называемых литературных судов над персонажами художественных произведений. Один

из таких «судов» состоялся в апреле 1913 г. в Народном доме. «Судили» – с назначением адвоката и прокурора – Екатерину Ивановну, заглавную героиню пьесы Леонида Андреева. Сведения об этом непривычном для Барнаула событии сохранились на страницах «Жизни Алтая». 7 апреля 1913 г. (№ 78) в публикации «Суд над Екатериной Ивановной» подробно излагалось содержание пьесы, главная героиня которой, заподозренная мужем в измене, но ни в чем не виновная, будучи не в силах пережить незаслуженную обиду, действительно изменяет ему. Громкие прения сторон, вспыхнувший в зале спор среди зрителей, голосование сторон: «за» или «против» героини. За обвинение Екатерины Ивановны подали голосов: мужчины – 100, женщины – 52; за оправдание героини: мужских голосов – 100, женских – 99. Суд признал Екатерину Ивановну оправданной. У этого «литературного» процесса появилось неожиданное завершение. Г. Гребенщиков, находившийся в зале, не сдержался и громко крикнул во время длинного и запутанного выступления защитника: «Довольно!». В соперничающей с «Жизнью Алтая» газете «Голос Алтая» этот поступок был назван «хулиганским», и Г. Гребенщиков посчитал «своим нравственным долгом немедленно же снять свою редакторскую подпись с прогрессивной газеты «Жизнь Алтая» и отойти в сторону впредь до выяснения третьей стороной или судом своих товарищей по перу вопроса о том, действительно ли возглас мой был “хулиганским”?». В нескольких последующих номерах «Жизни Алтая» продолжалось обсуждение этой щекотливой проблемы, вместо редактора Гребенщикова номера газеты подписывал П. А. Казанский. Только 14 апреля (№ 82) Гребенщиков, «вполне удовлетворенный судом своих товарищей и их сочувствием», вновь «с чистой совестью» принял на себя обязанности редактора.

Помимо публичных форм, литературная жизнь Барнаула существовала в иных, более камерных проявлениях.

В Российском государственном архиве литературы и искусства чудом сохранился обширный архив П. А. Казанского, расстрелянного в Барнауле в 1938 г. как враг народа. Среди 30 писем Г. Гребенщикова (1910–1916), написанных от руки, есть два необычных документа. Они свидетельствуют о литературных вечерах в доме Людмилы Николаевны и Георгия Дмитриевича Гребенщиковых в январе и марте 1914 г. Возможно, таких литературно-кулинарных вечеров было больше, но и те, о которых сохранились свидетельства, говорят о том, что Гребенщиков неумоимо создавал вокруг себя литературную атмосферу, одобренную юмором и традиционным сибирским гостеприимством.

Приводим здесь оба раритетных приглашения.

1. Напечатано на пишущей машинке под ярко-синюю копирку, обращение к адресату написано рукой Гребенщикова. В левом верхнем углу чернилами красного цвета, возможно, Казанским проставлена дата: 1914 г.

Уважаемые Платонида Яковлевна и Порфирий Алексеевич!

Людмила Николаевна и Георгий Дмитриевич Гребенщиконы в среду 22 января ровно в восемь часов вечера на Томской улице в доме № 115 ожидают Вас к себе на тарелку сибирских пельменей; в приправу к ним, кроме соли, уксуса и перца, распоряжение которыми предоставляется доброй воле гостей в прямом и отвлеченном смысле, будут поданы:

а) рассуждения о сибирской литературе вообще и о необходимости издания сибирского ежемесячника в частности;

б) новые стихи Г. Вяткина, И. Модзалевского, К. Порфирьева и Н. Якимова;

и в) «Лесные короли» Георгия Гребенщикова.

Замысел издания «литературного ежемесячника» отчасти осуществился в Томске в 1914–1916 гг. в журнале «Сибирский студент», в разделе VII, «Беллетристика», регулярно печатались В. Бахметьев, Г. Гребенщиков, В. Шишков, Г. Вяткин, П. Казанский и др.

2. Напечатано на пишущей машинке под копирку, имя адресата и подпись вписаны рукой Г.Д. Гребенщикова.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков покорнейше просит милого Порфирия Алексеевича Казанского (он же П.К. и К. Порфирьев) пожаловать 24 марта, не позже 8 часов, в квартиру его: угол ул. Бийской и Конюшенного пер., д. Лаврентьева, низ, — на чашку «литературного» чая.

К чаю, кроме французской булки, русской ветчины и сибирской шаньги, будет подано:

А) «От Омuleвского до наших дней» — краткий реферат о сибирских поэтах К. Порфирьева (псевдоним П.А. Казанского).

Б) «Витязь» — поэма И. Модзалевского.

В) «Волчья жизнь» — рассказ Георгия Гребенщикова.

и Г) Собственная взаимная литературная беседа гостей — до 1 часу ночи.

Любящий Г. Гребенщиков.

Подлинник этого шуточного документа также хранится в Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства.

В начале 1914 г. Гребенщиков активно участвует в деятельности Народного дома Барнаула. На первом вечере он прочёл своё стихотворение «К сибирякам», вызвавшее «сильный взрыв рукоплесканий», как сообщала «Жизнь Алтая» (2 февраля. №27), на втором вечере (28 февраля) он читал свой рассказ «Колдунья», на третьем чтении (2 марта) — первую главу повести «Ханство Батырбека», имевшую, как писала «Жизнь Алтая», «наибольший успех у публики».

После традиционных летних поездок по Алтаю семья Гребенщиковых переезжает в Томск, однако контакты с «Жизнью Алтая» не прекращаются. Так, в конце марта 1915 г. в газете (№65) начинается публикация большого цикла очерков «По горам Алтая», она продлится до 10 ноября (№248). 12 ноября 1915 г. Гребенщиков уезжает в Петроград, надеясь на продолжение работы над начатым романом о старообрядцах Алтая, будущей серией книг под общим заглавием «Чураевы». Однако сидеть за столом в посёлке Лесном под Петербургом и в тишине писать свой роман Гребенщиков не смог. Когда в марте 1909 г. Гребенщиков отправился в Ясную Поляну для встречи Л.Н. Толстым, Лев Николаевич пронизательно назвал своего посетителя из крестьянского происхождения «таким энергическим», предугадав его дальнейшую судьбу.

Роль Гребенщикова в литературе и журналистике Сибири 1910-х гг., судя по его незаурядным организационным способностям, а также по эпистолярному наследию, состояла в налаживании полноценного диалога провинции с культурным центром. Своими личностными контактами с петербургскими деятелями культуры он значительно расширил «представительство» сибирской литературы в общероссийском культурном пространстве. В письме от 20 декабря 1912 г. В.С. Миролюбову, редактору-издателю «Журнала для всех» (1896–1906), а затем «Ежемесячного журнала» (1914–1916), Гребенщиков пишет: «...мне пришла немного смелая, но осуществимая мысль. Сибирь, величайшая страна, не имеет своего журнала... Мне думается, если

бы Ваш новый популярный журнал уделил Сибири часть места, в нём могли бы найти приют и многие сибирские вопросы. Идея Гребенщикова о включении сибирской проблематики в программу «Ежемесячного журнала» воплотилась в 1915 г. (№ 9–10) с участием в нём сибирских авторов. Этот номер журнала был посвящён 80-летию Г.Н. Потанина.

Из Петербурга-Петрограда Гребенщиков уехал в Москву, стал специальным корреспондентом одной из лучших газет того времени «Русские ведомости», так называемой «профессорской». В феврале 1916 г. он добровольно вступает старшим санинструктором в отряд, формировавшийся в Томске. Уже в марте 1916 г. Гребенщиков стал заведующим 28-м санитарно-транспортным отрядом имени служащих Томской железной дороги, в июне 1917 г. он сменил В.Н. Пепеляева, члена Государственной Думы, отбывшего в распоряжение Временного правительства, на посту Уполномоченного Всероссийского союза городов по 3-му Сибирскому Ново-николаевскому передовому врачебно-питательному отряду, а в августе 1917 г. был назначен Уполномоченным Союза городов при XI армии Юго-Западного фронта. Под грохот снарядов и треск вражеских аэропланов Гребенщиков продолжал работу над романом «Чураевы», успевал писать «литературные отчеты» о работе передовых санитарных отрядов, создал около пятидесяти очерков для газет «Русские ведомости» и «Киевская мысль» (февраль 1916 – октябрь 1917). Опыт санитарной службы, впечатления от встреч с множеством людей разных национальностей, профессий и званий обогатили Гребенщикова-писателя, и в перспективе дальнейшей творческой жизни, в особенности в работе над «военными» томами «Чураевых», его неожиданный отъезд на фронт в начале 1916 г. оказался глубоко оправданным и необходимым. После трагических событий 1917–1918 гг. Гребенщиков уезжает в Крым, а оттуда в Константинополь, в январе 1921 г. отбывает во Францию. В апреле 1924 г. вместе с женой Т.Д. Гребенщиковой отправляется в Америку на пароходе «Левиафан», где проводит вторую половину своей жизни.

Библиографический список

ИСТОЧНИКИ

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков : в 5 т. / сост. В.А. Скубневский и др. – Барнаул : Алт. краев. универс. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2017. – Т. 1. – 420 с.; Т. 2. – 496 с.; Т. 3. – 560 с.; Т. 4. – 544 с.; Т. 5. – 624 с.
2. Алтайские горные офицеры. XVIII–XIX вв. : сб. документов / ред. Л.И. Ермакова и др. – Барнаул : Азбука, 2006. – 496 с.
3. Барнаульская городская дума, 1877–1996 : сб. документов / Управление архивного дела администрации Алтайского края. – Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. – 305 с.
4. Бийская крепость – город Бийск: к 300-летию образования : сб. документов / Управление архивного дела администрации Алтайского края. – Барнаул : Азбука, 2009. – 529 с.
5. Блюммер Л.П. На Алтае : роман. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1993. – 206 с.
6. Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. Документы и материалы / Гос. архив Новосиб. обл. – Новосибирск : Новосибирск. кн. изд-во, 1958. – 587 с.
7. Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. – М. : История заводов, 1937. – 656 с.
8. Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, собранные надворным советником и академиком Иваном Германом. – СПб. : Типография при Имп. Акад. наук, 1797. – Ч. 1. – 294 с.
9. Гребенщиков Г. Д. В просторах Алтая. Статьи и очерки (1911–1915) / сост. Т.Г. Черняева. – Бийск : Бия, 2006. – 251 с.
10. Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь: автобиографическая повесть / предисл., примеч. Т. Г. Черняева. – Барнаул : [б. и.], 2004. – 320 с.
11. Гребенщиков Г.Д. Письма в Сибирь и Петербург (1907–1917) : в 2 кн. / сост., авт. предисл., примеч. Т.Г. Черняева. – Бийск : Бия, 2008–2010. – Кн. 1. – 2008. – 170 с.; Кн. 2. – 2010. – 197 с.
12. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняева. – Барнаул : Барнаул, 2013. – Т. 1. – 608 с.; Т. 2. – 528 с.; Т. 3. – 552 с.; Т. 4. – 552 с.; Т. 5. – 456 с.; Т. 6. – 512 с.
13. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века / Алт. крайисполком. Арх. отд., Гос. арх. Алт. края. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1991. – 352 с.
14. Камень-на-Оби: прошлое и настоящее / редкол.: В.А. Скубневский и др. – Барнаул : А.Р.Т., 2005. – 551 с.
15. Колокольников К.А. Развитие винной монополии в Томской губернии и Семипалатинской области. – Томск, 1914. – 227 с.
16. Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой Реке. Записки сибирского приказчика. – Новосибирск : Сова, 2006. – 388 с.
17. Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905–1907 гг. : сб. документов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1951. – 156 с.
18. Кулаев И.В. Под счастливой звездой : воспоминания. – М. : Русский путь, 1999. – 296 с.

19. Куцевский И.А. Избранное. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 565 с.
20. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. с нем. В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков. – Новосибирск : Наука, 1993. – 415 с.
21. Литературное наследство Сибири / редкол.: Н.Н. Яновский и др. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – Т. 5. – 404 с.
22. Литературное наследство Сибири / редкол.: Н.Н. Яновский и др. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – Т. 6. – 332 с.
23. Образ Алтая в русской литературе : антология : в 5 т. / под общ. ред. А.И. Куляпина. – Барнаул : Барнаул, 2012. – Т. 1: 1850–1900. – 479 с.
24. Образование в Алтайском горном округе (конец XIX – начало XX вв.) : сб. документов / сост. О.Н. Гордиенко, Т.А. Кижяева. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. – 74 с.
25. Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – Т. 6. – 332 с.
26. Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии: Отчет по командированию представителем от Военного министерства в экспедицию для изыскания Западно-Сибирской ж.д. – Самара : Типо-лит. Н.А. Жданова, 1892. – 135 с.
27. Россия: полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. – СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1907. – Т. 16. – 591 с.
28. Хрестоматия по истории Алтая: с древнейших времен до 1917 г. / сост. Ю.С. Булыгин и др. – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2003. – 303 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ

29. Актуальные проблемы истории Алтая : сб. науч. ст. / под ред. В.А. Скубневского, Е.В. Демчик. – Барнаул : Пять плюс, 2017. – 278 с.
30. Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. – Томск : Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. – 436 с.
31. Алтай в эпоху капитализма : учеб. пособие / А.П. Бородавкин и др. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1986. – 271 с.
32. Афанасьев П. А. Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. – Барнаул : АлтГПА, 2014. – 290 с.
33. Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию Барнаула / редкол.: Ю. Ф. Кирюшин и др. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 344 с.
34. Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3/2 (87). – С. 34–41.
35. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1972. – 284 с.
36. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края : картогр. материалы по истории Верх. Приобья и Прииртышья (от античности до нач. XXI в.). – 2-е изд., испр. и доп. – Барнаул : Азбука, 2007. – 214 с.
37. Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула : учеб. пособие. – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 335 с.

38. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. – Барнаул : Азбука, 2015. – 415 с.
39. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – 142 с.
40. Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке : в 2 ч. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Ч. 1. – 141 с.; Ч. 2. – 154 с.
41. Ваганов Н. Учебная часть на Алтае // Отчет о поездке комиссии в Алтайский округ. – СПб. : [б.и.], 1883. – С. 1–39.
42. Ведерников В.В. Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. – Барнаул : Графикс, 2005. – 157 с.
43. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 186 с.
44. Гончаров Ю.М. Городская семья второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 384 с.
45. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX в.). – Барнаул : Азбука, 2009. – 275 с.
46. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск : Сова, 2004. – 357 с.
47. Города Алтая: эпоха феодализма и капитализма : межвуз. сб. / ред. А.П. Бородавкин, В.А. Скубневский, Ю.С. Булыгин. – Барнаул : изд. Алт. ун-та, 1986. – 178 с.
48. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: конец XIX – начало XX вв. – Новосибирск : Наука, 1968. – 413 с.
49. Градостроительство Сибири / под общ. ред. В.И. Царёва. – СПб. : Коло, 2011. – 784 с.
50. Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры. – Барнаул : День, 1999. – 256 с.
51. Гришаев В.Ф. Тропую памяти: записки краеведа. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 270 с.
52. Гуляев С.И. Заметки об учебных заведениях в Алтайском округе // Журнал для воспитания. – 1858. – Т. 5, кн. 4 (отд. II). – С. 173–190.
53. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917). – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2002. – 287 с.
54. Деловая элита старой Сибири : исторические очерки / А.В. Старцев и др. – Новосибирск : Сова, 2005. – 258 с.
55. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – 277 с.
56. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 322 с.
57. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). – Новосибирск : Наука, 1973. – 264 с.
58. Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в.: поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. – Новосибирск : Сибпринт, 2015. – 539 с.
59. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ) : учеб. пособие. – Новосибирск : изд. НГПИ, 1991. – 148 с.
60. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. – Новосибирск : НГПУ, 2013. – 237 с.

61. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – 258 с.
62. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2009. – 334 с.
63. Зобнин Н. Мастерские Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. – СПб., 1892. – Кн. 2. – С. 1–48.
64. Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. – Новосибирск : Наука, 1969. – 334 с.
65. История Алтайского края, XVIII–XX вв. : науч. и док. материалы / отв. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – 428 с.
66. История Алтая. Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 года / отв. ред. А.П. Анашкин, В.А. Скубневский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. – 480 с.
67. История Иткульского спиртового завода, 1868–2003 годы / А.В. Белонучкина и др. – Красноярск : Ситалл, 2004. – 335 с.
68. История Кузбасса / отв. ред. А.П. Окладников, З.Г. Карпенко. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1967. – Ч. 1. – 378 с.
69. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников. – Л. : Наука, 1968. – Т. 2. : Сибирь в составе феодальной России. – 1968. – 538 с.; Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. – 1968. – 501 с.
70. Исупов С.Ю. Крепость Бийская есть главная... – Барнаул : Азбука, 2009. – 304 с.
71. Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в. : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Н. Соболева. – Барнаул : Азбука, 2011. – 202 с.
72. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. – Омск : ИП Долгов Р.Н., 2005. – 338 с.
73. Кольвань: история, культура и искусство сибирской провинции России, 1728–1998 / Управление архивного дела администрации Алтайского края. – Барнаул : Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 1998. – 308 с.
74. Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. 1. – 156 с.
75. Копикуз, 1912–2012 / редкол.: Н. А. Шелепова и др. – Кемерово : [б. и.], 2012. – 126 с.
76. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1968. – 166 с.
77. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. – Новосибирск : Наука, 1974. – 251 с.
78. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1983. – 396 с.
79. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А.П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1982. – 504 с.
80. Кричевцев М.В. Императорский Кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха, 1741–1801. – Новосибирск : НГУ, 2007. – 247 с.
81. Кулибин А.Н. Описание Кольвано-Воскресенских заводов до 1833 г. // Горный журнал. – 1836. – Т. 1. – С. 158–180; Т. 2. – С. 326–361.
82. Куприянов А.Н. Арабески ботаники. – Кемерово : Вертоград, 2008. – 224 с.
83. Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М. : Наука, 1987. – 224 с.

84. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX в. – М. : Наука, 1996. – 270 с.
85. Малеев Л. Алтайский горный округ. – СПб. : Тип. Т-ва п.ф. Электро-типогр. Н.Я. Стойковой, 1909. – 28 с.
86. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 158 с.
87. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1990. – 116 с.
88. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 175 с.
89. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: строительство сибирских укрепленных линий. – Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007. – 174 с.
90. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. – 382 с.
91. Никулина И.Н. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // Диаспоры. – 2005. – № 4. – С. 83–98.
92. Очерки истории Алтайского края / отв. ред. А.П. Бородавкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 446 с.
93. Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири, 1917–1980 гг. / гл. ред. П.П. Костенков и др. – М. : Высшая школа, 1985. – 245 с.
94. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР / отв. ред. С.Я. Батышев. – М. : Педагогика, 1981. – 351 с.
95. Памятники истории и культуры Барнаула / редкол.: А.П. Бородавкин и др. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. – 141 с.
96. Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 264 с.
97. Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XVIII–XXI вв.) : сб. ст. / под ред. И.Н. Никулиной, Н.Г. Павловой. – Барнаул : Алт. дом печати, 2013. – 172 с.
98. Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.) : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. – 206 с.
99. Предприниматели и предпринимательство в Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Скубневский, А.А. Храмков. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Вып. 2. – 232 с.
100. Предприниматели и предпринимательство в Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – Вып. 3. – 266 с.
101. Предпринимательство на Алтае, XVIII в. – 1920-е годы / отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул : День, 1993. – 192 с.
102. Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул : изд. АГУ, 1990. – 175 с.
103. Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. : сб. науч. ст. / отв. ред. Н.А. Яковлева. – Барнаул : изд. АГУ, 1992. – 154 с.
104. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. – 357 с.
105. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. Н.В. Блинов. – Новосибирск : Наука, 1982. – 459 с.

106. Развитие литературно-критической мысли в Сибири / под ред. Л.П. Якимовой. – Новосибирск : Наука, 1986. – 221 с.
107. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 278 с.
108. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. – Барнаул : Азбука, 2013. – 348 с.
109. Рассказы по истории Алтайского края : учеб. пособие / В.Б. Бородаев, М.А. Демин, А.В. Контев. – Барнаул : Пикет, 1997. – Ч. 1 : 1672–1735 гг. – 223 с.
110. Розен М.Ф. Кольвань и гора Змеиная. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. – 95 с.
111. Рылова Е.П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году // Алтайский сборник. – Барнаул : Типо-Литогр. при Гл. Упр. Алт. окр., 1898. – Т. 3. – С. 1–74.
112. Савельев Н.Я. Алтайские камнерезы. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1956. – 70 с.
113. Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. – Ч. 1. – 374 с.
114. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин. Последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. – Томск : Изд-во НТЛ, 2004. – 208 с.
115. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах : в 2 т. – СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1898. – Т. 1. – 574 с.; Т. 2. – 914 с.
116. Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1975. – 78 с.
117. Серебряный венец России : очерки истории Змеиногорска / редкол.: В.А. Моисеев и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2003. – 528 с.
118. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. – 3-е изд., доп. – Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2014. – 252 с.
119. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240 с.
120. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1991. – 271 с.
121. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 258 с.
122. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 308 с.
123. Старцев А.В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2016. – 445 с.
124. Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII–XX века. – Барнаул : АРТ, 2006. – 300 с.
125. Степанская Т.М. Культурное зодчество Алтая (XVIII – начало XX в.). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 46 с.
126. Степанская Т.М. Служили Отечеству на Алтае. – Барнаул : АлтГУ : НИИГИ, 1998. – 136 с.
127. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. – 277 с.
128. Тьжнов И. Из истории горнозаводского населения на Алтае // Алтайский сборник. – Барнаул, 1907. – № 6 (2). – С. 1–151.
129. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1980. – 296 с.

130. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX в.: идеология и политика. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. – 226 с.
131. Храмов А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 328 с.
132. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае (Статистико-экономический очерк). – Иркутск : Типогр. газеты Восточное обозрение, 1889. – 154 с.
133. Шайдуров В. Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX – начало XX в. – Барнаул : Полиграф-сервис, 2003. – 142 с.
134. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1957. – 271 с.
135. Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. – Барнаул : типо-лит. при Гл. упр. Алт. окр., 1898. – 96 с.
136. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин : биографический очерк. – Новосибирск : Сова, 2004. – 241 с.
137. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 320 с.
138. Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX в.: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 501 с.
139. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 527 с.
140. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.) / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко и др. – Барнаул : Азбука, 2012. – 260 с.
141. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск : Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. – Вып. 1. – 252 с.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

142. Барнаул : летопись города : хронология, события, факты / В.Ф. Гришаев, А.Р. Ивонин, В.П. Кладова и др. – Барнаул : А.Р.Т., 2007. – 622 с.
143. Барнаул : энциклопедия / гл. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 407 с.
144. Бийск : энциклопедия / гл. ред. К.Г. Колтаков, В.П. Никишаева. – Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2009. – 415 с.
145. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири, 1907–1914 гг. : хроника и историография. – Новосибирск : Наука, 1986. – 318 с.
146. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири, 1914–1917 гг. : хроника и историография. – Новосибирск : Наука, 1987. – 239 с.
147. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. – Т. 1 : А–И. – 715 с.; Т. 2 : К–Р. – 807 с.; Т. 3 : С–Я. – 783 с.
148. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг. Хроника и историография / сост.: Л.М. Горюшкин, В.В. Кучер, Г.А. Ноздрин др. – Новосибирск : Наука, 1985. – 331 с.
149. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – 402 с.

150. Пережогин А.А. Чиновничество Алтая (1747–1871 гг.) : справочник личного состава. – Барнаул : Азбука, 2012. – 152 с.
151. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. / под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988–1991. – Т. 1 : XVII в. – 1904 г. – 1988. – 372 с.; Т. 2 : 1905 г. – июнь 1907 г. – 1990. – 375 с.; Т. 3 : Июнь 1907 – февраль 1917 г. – 1991. – 345 с.
152. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая, 1861–1917 : энциклопедия предпринимательства. – Барнаул : Демидовский фонд, 1996. – 112 с.
153. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. – М. : РОССПЭН, 2008–2009. – Т. 1 : А–М. – 2008. – 1470 с.; Т. 2 : Н–Я. – 2009. – 1288 с.
154. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск : Гео, 2012. – Т. 1.– 450 с.; Т. 2.– 464 с.
155. Энциклопедия Алтайского края : в 2т. / гл. ред. В.Т. Мищенко. – Барнаул : Пикет, 1995. – Т. 1. – 368 с.; Т. 2. – 488 с.
156. Энциклопедия образования в Западной Сибири : в 3 т. / гл. ред. В.Н. Гончаров, П.П. Костенков. – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2003. – Т. 1. – 316 с. ; Т. 2. – 384 с. ; Т. 3. – 364 с.

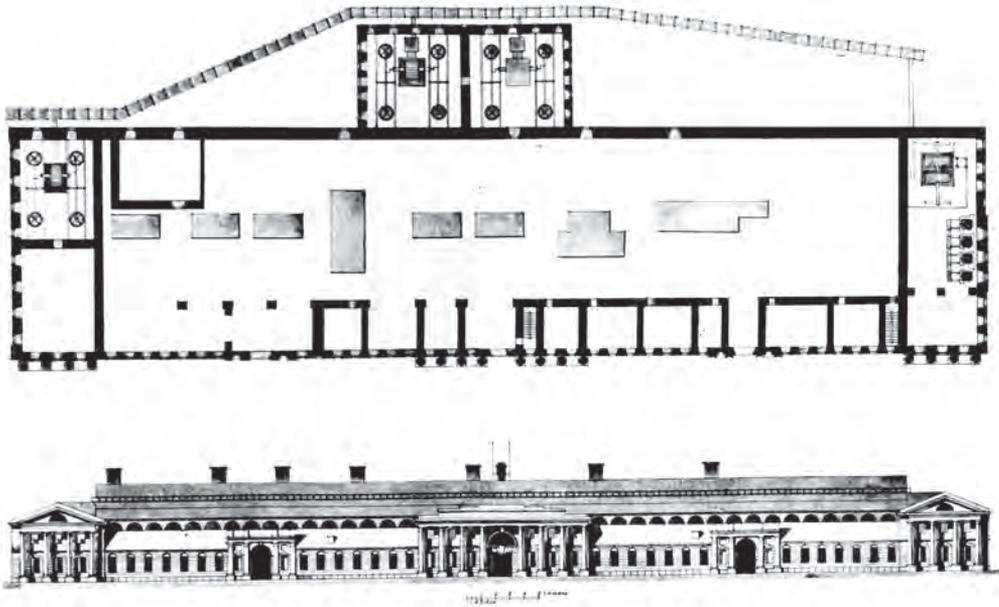
ПРИЛОЖЕНИЯ

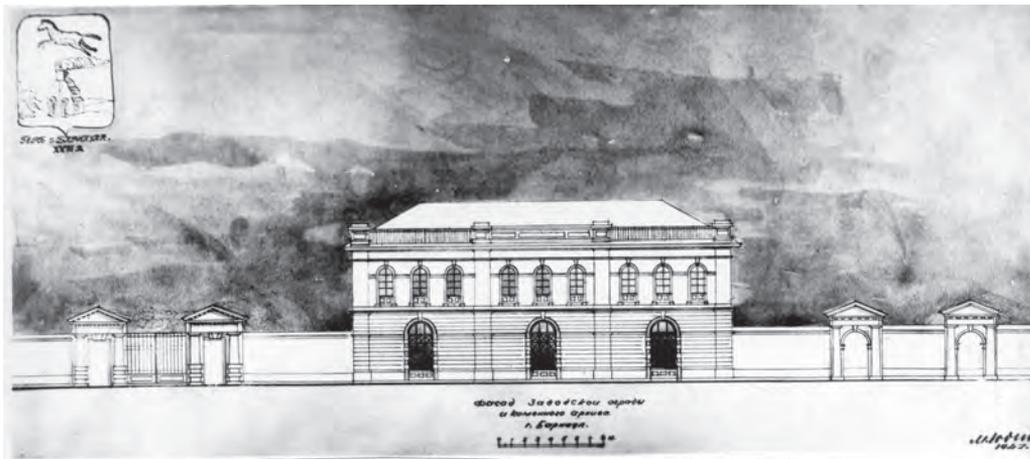
Барельеф Демидова Акинфия Никитича – основателя горнозаводской промышленности на Алтае. Из фондов Алтайского государственного краеведческого музея (далее – АГКМ)

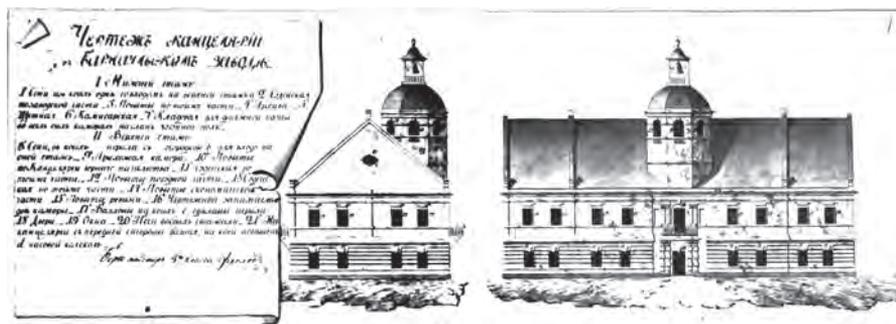
Барнаульский завод-крепость А. Демидова. 1747 г. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р-1658. Оп. 1-н. Д. 1. Л. 25

План и фасад первой плавильной фабрик Барнаульского завода. 1827 г.
Архитектор Л. Иванов. ГААК. Ф. Р-1658. Оп. 1-н. Д. 7. Л. 13

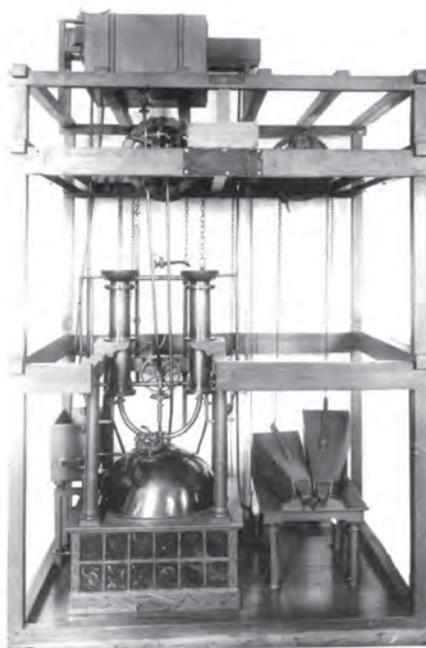
Фасад архива, каменной ограды с портиками Барнаульского завода. 1836–1838 гг.
Архитектор Я. Попов. ГААК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 5. Л. 45

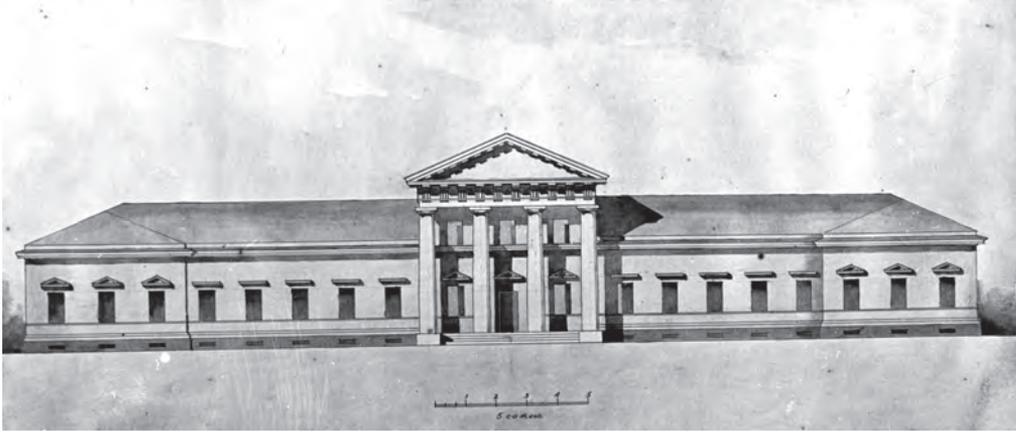
Фасады и планы канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов. 1790-е гг.
Архитектор А. Молчанов. ГААК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 5. Л. 62

Мемориальная доска на здании бывшей канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов, Барнаул, ул. Ползунова, 41.
ГААК. Ф. Р-1667. Оп. 1. Д. 82. Л. 1

Модель пароатмосферного двигателя И.И. Ползунова по проекту 1763 г.
1825 г. АГКМ

Фасад горного училища Барнаульского завода. 1833–1840 гг.
Архитектор Я. Попов. ГААК. Ф. Р-1658. Оп. 1-н. Д. 32. Л. 54

Барнаул. Демидовская площадь. С открытки начала XX в.

Барнаул. Здание горного госпиталя (позже — мужской гимназии). Фото начала XX в.
ГААК. Ф. Р-1771. Оп. 1. Д. 10. Л. 3

Барнаул. Здание Алтайского государственного краеведческого музея
(бывшая химическая лаборатория Алтайских заводов).
ГААК. Фотодокументы. Оп. 1. Д. 1. Л. 16

Вид Барнаульского сереброплавильного завода. 60-е гг. XIX в.
ГААК. Ф. Р-1771. Оп. 1. Д. 10. Л. 48

Петр Козьмич Фролов,
начальник Колывано-Воскресенских заводов
(1817–1830). АГКМ

Ваза. Красный коргонский порфир. 1795 г.
Колыванская шлифовальная фабрика.
ГААК. Фотодокументы. Оп. 4. Д. 7810.

Группа переселенцев Уймонской долины. Начало XX в. АГКМ

Группа крестьян Бийского уезда на заготовке дров. Начало XX в. Из фондов АГКМ

Барнаул, ул. Л. Толстого. Фото начала XX в.

Барнаул. Пассаж купца И.Ф. Смирнова. Не ранее 1909 г. ГААК. Ф. Р-1771. Оп. 1. Д. 10. Л. 17

Барнаул. Московский проспект. 1910-е гг. АГКМ

Барнаул. Интерьер магазина П. Сухова. Начало XX в. АГКМ

Барнаул. Торговый корпус И.И. Полякова. Фото 1990-х гг.

Бийск. Пассаж Фирсова и Второва. Начало XX в.
Из фондов Бийского краеведческого музея

Бийск. Особняк купца Н.И. Ассанова. Современное фото

Дом барнаульских купцов Шадриных — образец деревянного зодчества начала XX в.
Фото 1990-х гг.

Барнаульский купец 1-й гильдии
Василий Дмитриевич Сухов, меценат,
городской голова в 1894–1898 гг.,
почетный гражданин Барнаула

Барнаульский купец Александр
Федорович Ворсин. АГКМ

Иван Константинович Платонов –
предприниматель, меценат, барнаульский
городской голова в 1898–1901, 1911–1912 гг.

Реклама торгового дома И.К. Платонова

Строительство железнодорожного моста через Обь. 1914–1915 гг. Из фондов АГКМ

Село Алтайское. Магазин купца Фирсова. Фото Т.К. Щегловой 1990-х гг.

Работницы Бийской льнопрядильной и ткацкой фабрики Бородиных.
1910-е гг. АГКМ

Группа рабочих и служащих главных мастерских Алтайской железной дороги
в Барнауле. 1916 г. Из фондов АГКМ

Первый поезд на Алтайской железной дороге. 1915 г. Из фондов АГКМ

Василий Константинович Штильке – общественный деятель конца XIX – начала XX в. ГААК. Фотодокументы.
Оп. 1. Д. 1719

Писатель Георгий Дмитриевич Гребенчиков

Иван Вонифатьевич Присягин –
профессиональный революционер.
ГААК. Фотодокументы. Оп. 1. Д. 243

Михаил Александрович Ярков –
рабочий-водник, революционер.
Из фондов АГКМ

Алексей Матвеевич Маслов –
член Барнаульской организации РСДРП в 1906–1907 гг.
1930 г. АГКМ

Бийск. Троицкий собор. С открытки начала XX в.

Бийск. Народный дом 1914–1916 гг., ныне драматический театр.
Архитектор И. Ф. Носович. Современное фото

М.И. Мягков. Геблер Фридрих-Август (1781–1850). 1-я половина XIX в.

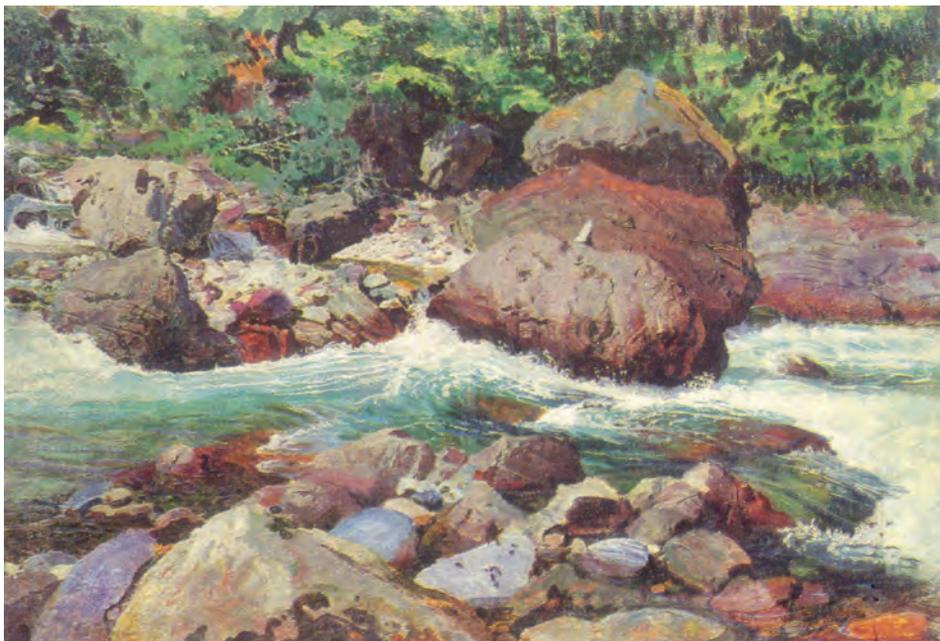
А. О. Никулин. Последние лучи. Барнаул, 1910-е гг.
Репродукция картины.
Государственный художественный музей Алтайского края (далее – ГХМАК)

Чаша аптечная. Кольванская шлифовальная фабрика. 1815г. Порфир

А.О. Никулин. Голубой Алтай. 1910-е гг. Репродукция картины. ГХМАК

А.О. Никулин. Камни на реке Коргон. 1910-е гг. Репродукция картины. ГХМАК

Г.И. Гуркин. Озеро горных духов. 1910 г. Репродукция картины. ГХМАК

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

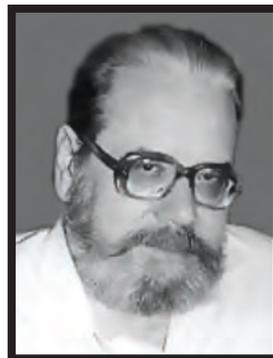
Абрамова Юлия Алексеевна
кандидат исторических наук,
заместитель директора Алтайского
государственного краеведческого музея

Бобров Денис Сергеевич
кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры отечественной истории
Алтайского государственного университета

Бабарыкин Борис Васильевич,
кандидат исторических наук,
краевед, генеалог

Булыгин Юрий Сергеевич (1931–2000)
кандидат исторических наук

Ведерников Виталий Валерьевич
доктор исторических наук, заведующий кафедрой
теории и истории государства и права Алтайского
института экономики

Контев Аркадий Васильевич
кандидат исторических наук, проректор
по учебной работе Алтайского государственного
педагогического университета

Кухаренко Алексей Евгеньевич
кандидат исторических наук,
директор ООО «Куко Компани»

Левашова Ольга Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор

Никulina Ирина Николаевна
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова

Носова Елена Александровна
кандидат исторических наук, учитель истории
МБОУ «Гимназия №86» г. Барнаула

Пережогин Алексей Анатольевич
кандидат исторических наук

Пожарская Ксения Александровна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории Алтайского
государственного университета

Скубневский Валерий Анатольевич
доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры отечественной истории
исторического факультета
Алтайского государственного университета

Соболева Татьяна Николаевна
кандидат исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории Алтайского
государственного университета

Степанская Тамара Михайловна
доктор искусствоведения, заведующий
кафедрой истории отечественного
и зарубежного искусства Алтайского
государственного университета

Черняева Татьяна Георгиевна
кандидат филологических наук

Храмков Александр Андреевич
кандидат исторических наук

Научно-популярное издание
под общей редакцией В.А. Скубневского

Абрамова Юлия Алексеевна, Бобров Денис Сергеевич,
Бабарькин Борис Васильевич, Булыгин Юрий Сергеевич,
Ведерников Виталий Валерьевич, Контев Аркадий Васильевич,
Кухаренко Алексей Евгеньевич, Левашова Ольга Геннадьевна,
Никулина Ирина Николаевна, Носова Елена Александровна,
Пережогин Алексей Анатольевич, Пожарская Ксения Александровна,
Скубневский Валерий Анатольевич, Соболева Татьяна Николаевна,
Степанская Тамара Михайловна, Черняева Татьяна Георгиевна,
Храмков Александр Андреевич

История Алтая : в 3-х т.
Т. 2: Алтай в конце XVII — начале XX в.

Технический редактор Л.И. Базина
Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки Л.М. Купиева

Подписано в печать 13.05.2019. Формат 70x108/16. Объем 18,75 п. л.
Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м²+вклейка мелованная 115 г/м².
Тираж 1950 экз. Заказ № 69443

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

